

Том 15, Номер 3, 2022
Vol 15, No 3, 2022

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Отношения центр — периферия
в современном мире*

*Center–periphery relations
in the contemporary world*

ТОМ 15 • НОМЕР 3 • 2022

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 15 • NUMBER 3 • 2022

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.00

Содержание

Особенности современного экономического развития

- ДЕЖИНА И.Г., ЕГЕРЕВ С.В.** Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики 6–23
- ДРУЖИНИН А.Г., ВОЛЬХИН Д.А., ГОНТАРЬ Н.В., МИХАЙЛОВА А.А.** Центрo-периферийное структурирование в морской трансграничной регионализации (на примере Балтики, Каспия и Причерноморья) 24–46

Политические процессы в меняющемся мире

- БОГДАНОВ А.Н.** Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций 47–68
- МАЙОРОВА М.А.** Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции . . 69–83

Российский опыт

- НАСЫРОВ И.Р.** Сотрудничество российских регионов с международными организациями: форматы и возможности на примере Республики Татарстан 84–101
- ЯДОВА М.А.** Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект 102–116

Китайский глобальный проект для Евразии

- КУЗНЕЦОВ А.В., СОКОЛОВ С.В.** Продвижение Китайской национальной инфраструктуры знаний и интересы России в мировом научно-информационном пространстве 117–133

Азия: вызовы и перспективы

- МИХАЛЁВ А.В.** Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения 134–147
- МАРТЫНОВА Е.С.** Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН 148–165

Проблемы Старого Света

- ТОЛКАЧЕВ В.В., АШМАРИНА А.А.** К вопросу о типологизации субрегиональных форм сотрудничества в Европейском союзе и их роли в международных процессах в регионе 166–182
- ШАТИЛО Д.П.** Социальная дифференциация в «новых» центрах иммиграции (на примере расселения иммигрантов) 183–215

Панорама Африки и Ближнего Востока

- КРЫЛОВ Д.С.** Влияние формирующегося глобального мирового порядка на безопасность на Ближнем Востоке 216–230
- ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В.** Клан Деби и роль армии в политической жизни Республики Чад 231–249

DOI: 10.31249/kg/2022.03.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.00

Contents

Specifics of Modern Economic Development

DEZHINA I.G., EGEREV S.V. Technological Leapfrogging:
Theory and International ICT Practices 6–23

DRUZHININ A.G., VOLKHIN D.A., GONTAR N.V., MIKHAYLOVA A.A.
Central-peripheral Structuring in Maritime Transborder Regionalization
(on the Example of the Baltic, the Caspian and the Black Sea Region) 24–46

Political Processes in the Changing World

BOGDANOV A.N. The United States' Hegemony and the Problem of Legitimizing
Dominance in International Politics: Reframing the Western Theories 47–68

MAYOROVA M.A. The Dichotomy of Regional and Global leadership
in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey 69–83

Russian Experience

NASYROV I.R. Cooperation of Russian Regions with International Organizations:
Formats and Opportunities on the Example of the Republic of Tatarstan 84–101

YADOVA M.A. Growing Up Trends of Modern Russian Youth:
A Regional Aspect. 102–116

The Chinese Global Project for Eurasia

KUZNETSOV A.V., SOKOLOV S.V. Promotion of Chinese National Knowledge
Infrastructure and Russia's Interests in the Global Scientific Information Space ... 117–133

Asia: Challenges and Perspectives

MIKHAEV A.V. Inner Asia as the Periphery of Two Empires,
or the Paradoxes of the Political Imagination 134–147

MARTYNOVA E.S. QUAD and AUKUS and the Balance of Power
in the Asia-Pacific Region: Prospects for Russia, China and ASEAN 148–165

Problems of the Old World

TOLKACHEV V.V., ASHMARINA A.A. On the Typologization
of Sub-regional Forms of Cooperation in the European Union and the Role
in International Processes in the Region 166–182

SHATILO D.P. Social Differentiation in the “New” Immigration Centers
(on the Immigrants Settlement Pattern Example) 183–215

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

KRYLOV D.S. Impact of Emerging International Order on Security
in Middle East 216–230

DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V. The Deby Clan and the Role
of the Army in Chadian Politics 231–249

Особенности современного экономического развития

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.01

Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики

Ирина Геннадиевна ДЕЖИНА

доктор экономических наук, руководитель департамента анализа научно-технологического развития, Сколковский институт науки и технологий, Территория Инновационного центра «Сколково»
Большой бульвар, д. 30, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121205
E-mail: i.dezhina@skoltech.ru
ORCID: 0000-0002-3402-3433

Сергей Викторович ЕГЕРЕВ

доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: segerev@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6998-1060

ЦИТИРОВАНИЕ: Дежина И.Г., Егеров С.В. Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 6–23.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.01

Статья поступила в редакцию 16.06.2022.
Исправленный текст представлен 05.08.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование теоретических аспектов технологического скачка и анализ российского контекста проведены Дежиной И.Г. в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-011-00187. Исследование мирового опыта в сфере ИКТ выполнено Егеровым С.В. по госзаданию ИНИОН РАН.

АННОТАЦИЯ. Технологический скачок – дискретный этап развития страны или отрасли, представляющий замену предшествующей технологии на принципиально новую. Понятие технологического скачка стало развиваться с середины 1980-х годов, однако общепринятого определения на сегодняшний день нет. Интерес к условиям и структуре технологических скачков усилился, когда выяснилось, что дого-

няющие страны и отрасли могут ускоренно развиваться путем непрерывного подражания и инноваций, минуя при этом адаптацию устаревших технологий и избегая инвестиций в предыдущие технологические системы.

В статье на теоретическом материале и международном опыте развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) анализируются условия, необходимые для технологи-

ческого скачка. Выбор именно ИКТ обусловлен тем, что они являются признанными драйверами экономического роста и социального развития. Сегодня благодаря скачку в странах третьего мира формируются амбициозные планы развития сетей фиксированной связи нового поколения, перехода к стандарту 5G, сервисам электронной торговли и электронного правительства.

Исходя из мирового опыта, выделены факторы, необходимые для успешного технологического скачка, и анализируется потенциал его реализации в России. В условиях санкционного давления актуализируется не просто реверс-инжиниринг, а именно скачок, способный обеспечить технологическую самостоятельность. Показано, что в России частично созданы условия для технологического скачка в области 5G, а именно накоплен адаптационный потенциал в части технологий и подготовки кадров, кооперации науки и промышленности, есть возможности использования разработок и оборудования, а также условия для формирования благоприятного социотехнологического климата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: догоняющее развитие, технологический скачок, наука, подрывные инновации, научно-производственная кооперация, информационно-коммуникационные технологии, мировой опыт, точки обмена интернет-трафиком, дата-центры, Россия.

Технологический скачок – понятие, чаще всего рассматриваемое в контексте догоняющего развития на разных уровнях (как стран, так и компаний). Выполнив скачок, догоняющий может опередить лидеров, сделав что-то новое, и тем самым перегнав их в технологическом развитии [Goldemberg, 2011; Drezner, 2019]. Возможность

осуществления скачка непосредственно связана с развитием науки, так как определяется уровнем необходимых знаний [Chen, Li-Hua, 2011; Kimble, Wang, 2012].

Технологический скачок актуален не только для догоняющих стран, но и стран под санкциями, у которых ограничен доступ к технологиям. Россия столкнулась с беспрецедентной ситуацией масштабных санкций, поэтому актуализируется не просто реверс-инжиниринг, а именно скачок, способный обеспечить технологическую самостоятельность. В отличие от реверс-инжиниринга при технологическом скачке страна развивает собственные технологии, не находясь в постоянной зависимости от зарубежных разработок.

В России есть определенный потенциал для скачка, например, об этом свидетельствуют позитивные тренды патентования в ряде технологических областей. Кроме того, потенциал сосредоточен в академических институтах и НИИ при вузах, имеющих опыт производства образцов и малых серий изделий [Чувильдеев, 2022]. Однако слабой остается кооперация компаний с научными институтами и вузами, что отчасти связано с тем, что в последние 10 лет сфера науки была сосредоточена на повышении публикационной активности. В 2020 г. почти три четверти компаний не сотрудничали с вузами, 80% – с научными организациями [Индикаторы науки..., 2022, с. 291].

Полезен анализ стран, имеющих опыт такого скачка. В данной статье на теоретическом материале и международном опыте развития информационно-коммуникационных технологий анализируются условия, необходимые для технологического скачка, и делаются выводы для России. Выбор именно ИКТ обусловлен тем, что они являются признанными драйверами экономического роста и социального развития.

Теоретические основания, формы и условия технологического скачка

Типология технологических скачков

В научной литературе технологический скачок рассматривается как в парадигме догоняющего развития, так и в качестве самостоятельного явления. Понятие технологического скачка стало развиваться и уточняться с середины 1980-х годов, однако общепринятого определения на сегодняшний день нет [Saghafi, Mohaghar, Kashiha, 2021], и технологический скачок остается противоречивой концепцией [Afawubo, Noglo, 2022]. Следует подчеркнуть, что понятие скачка отличается от концепций технологических укладов или технологических волн, когда происходит масштабный переход к новой технологической базе. В российском научном дискурсе преобладают исследования изменений, связанных с укладами и технологическими волнами, без акцентирования задач догоняющего развития.

В отличие от смены укладов, технологический скачок обычно происходит в контексте догоняющего развития. Под догоняющим развитием в форме скачка обычно подразумевается, что новичок на определенном рынке технологий способен следовать за лидерами ускоренными темпами и «догнать» их [Fagerberg, Godinho, 2005; Intellectual Property Rights..., 2010]. В работах начала-середины 2000-х годов было распространено мнение, что понятия «догоняющий» и «прыгающий» представляют собой синонимы [Kim, 1997; Lee, Lim, 2001; Sudharshan, Liu, Ratchford, 2006].

В более поздних исследованиях Малерба и Нельсон [Malerba, Nelson, 2011], Ли [Lee, 2012], Ли и Малерба [Lee, Malerba, 2017; Malerba, Lee, 2021] определяют, что скачок может означать создание иной технологической траектории, в том числе ввиду возможно-

сти быстрого распространения информации в странах догоняющего развития [James, 2013]. Совершить скачок становится возможным потому, что со временем технологические лидеры всегда меняются, так как не могут постоянно поддерживать высокие темпы инноваций. Это обосновал Мокир [Mokyr, 1990, Р. 207], показав, что ни одна нация не была (технологически) очень креативной дольше «исторически короткого периода».

Термин «технологический скачок» (leapfrogging) ввел Сосьете [Socete, 1985], предположив, что отстающие могут ускоренно развиваться путем непрерывного подражания и инноваций. Таким образом, тогда же появилась первая развилка – догоняющее развитие путем попыток повторения пути лидеров (имитация) и догоняющее развитие, предполагающее собственные инновации. При этом путь инноваций может привести к тому, что запаздывающие «перепрыгнут» через более старые технологии, избежав существенных инвестиций в предыдущие технологические системы [Athreye, Goley, 2009]. Есть и варианты классификации, добавляющие к догоняющему развитию и скачку третий компонент – опережающее развитие [Giovannetti, 2013]. Вместе с тем опережающее развитие – это, на наш взгляд, скорее, следствие технологического скачка.

Ли и Лим [Lee, Lim, 2001] выделили два типа скачков: межпоколенческий, когда догоняющий переходит на новый технологический трек, и стадийный, когда скачок происходит на одной и той же технологической кривой. Кимбл и Ванг [Kimble, Wang, 2012] развили данный подход, выделив уже три разновидности скачков: (1) прыжок через этап; (2) создание пути; (3) изменение парадигмы. По сути, первый и третий вариант соответствуют формам скачков, определенным Ли и Лим. Пры-

жок через этап (или «стадийный» скачок) представляет собой перепрыгивание через этап нормального развития и переход сразу к более продвинутой стадии. Для того чтобы проскочить этап, нужен свободный доступ к знаниям и наличие необходимой социальной и технологической инфраструктуры.

Скачки, создающие путь, подразумевают поиск альтернативного пути от одной ступени к другой. Выбирая направление развития, которое другие не оценили, отстающий может обойти конкурентов. Такой скачок возможен только при наличии достаточно развитого научного и технологического потенциала и при сотрудничестве государственного и частного секторов [Lee, Lim, Song, 2005].

Наконец, скачок, меняющий парадигму, аналогичен межпоколенческому скачку. В этом случае догоняющий настолько опережает конкурентов, что начинает новую технологическую парадигму. Этот вид скачка тесно связан с понятием «подрывных» (разрушающих) инноваций. Идея разрушающих технологий была подробно исследована в работе Боуэра и Кристенсена [Bower, Christensen, 1995]. Такую технологию заранее сложно идентифицировать, поскольку у нее еще нет рынка. Поэтому подрывные инновации чаще всего развиваются в стартапах и, следовательно, необходимым условием становится наличие венчурного финансирования [Lerner, Nanda, 2020].

Единого рецепта для успешного скачка не существует из-за разности политических, культурных, институциональных, технологических и экономических факторов [Fagerberg, Srholec, 2008]. Однако есть меняющиеся условия, способствующие его реализации [Singh, 2021]. Так, Ли и Малерба [Lee, Malerba, 2017] выделили три «окна возможностей», связанные с изменениями в знаниях и технологиях, в спро-

се, а также в институтах и государственной политике.

В связи с этим Ли [Lee, 2019] предложил три «обходных пути» – по сути, три условия, которые надо выполнить, чтобы скачок состоялся. Первый состоит в том, чтобы двигаться путем небольших изобретений и патентовать их. Второй путь связан с увеличением доли внутренней добавленной стоимости в экспорте вместо опоры на глобальные цепочки создания стоимости. Третий путь предполагает специализацию на технологиях короткого цикла, имеющих более низкие входные барьеры на рынок (например, ИКТ-технологиях), и только на более поздней стадии переходить к инновациям в отраслях с длинным циклом (например, в фармацевтике).

Факторы и этапы обеспечения технологического скачка

Скачкообразный переход базируется на использовании новых знаний, для получения которых важно объединение усилий научных институтов и вузов. Помимо этого, необходимо создание собственных центров исследований и разработок в компаниях, поскольку иностранные фирмы неохотно выдают технологические лицензии растущим фирмам [Lee, 2021]. Таким образом, скачок в определяющей мере зависит от научного потенциала, работы ученых и инженеров, способных разбираться в современных технологиях [Goldemberg, 2011]. Следовательно, первым и важнейшим фактором осуществления скачка являются инвестиции в научные исследования и разработки.

В этой связи особую значимость имеет финансовая поддержка правительства [Chen, Li-Hua, 2011], поскольку скачок – это дорогостоящая для страны политика [Chen, Farinelli, Johansson, 2004]. Основные функции государства заключаются в поддержке науки,

в том числе исследований и разработок в компаниях, создании эффективной институциональной структуры, улучшении рыночной среды. В исследованиях отмечается также высокая значимость зарубежной экспертизы и опыта репатриантов [Giovannetti, 2013; Cherif, Hasanov, 2019; How Asia..., 2020].

Наконец, для совершения скачка необходимо непрерывное обучение [Steinmueller, 2001], особенно в области предпринимательства [Díaz-Chao, Sainz-González, Torrent-Sellens, 2015]. Должны развиваться соответствующие навыки персонала, включая обучение специалистов, которые будут использовать (и обучать других тому, как использовать) технологии [Technology Leapfrogging..., 2000].

Характерные этапы скачка сформулированы в работе [Ng, Tan, 2018] на примере развития ИКТ в Азербайджане. Это (1) формирование стратегии, (2) определение пробелов в знаниях и потенциала их устранения, в том числе за счет привлечения зарубежных экспертов, (3) собственно разработка технологии и (4) поддержание траектории развития технологии, в том числе путем популяризации результатов. Успешное прохождение этапов закрепляет инновации.

Отталкиваясь от теоретических постановок, важно оценить, каким образом они преломляются в реальной практике осуществления технологических скачков. На примере информационно-коммуникационных технологий мы рассматриваем динамику их развития в догоняющих странах, а затем оцениваем позиции и потенциал России в этой технологической области. Сравнение практик развивающихся стран и России представляется корректным.

Развивающиеся страны сделали рывок (особенно в период пандемии) и теперь решают сходные с нами задачи. При этом рассматриваемые страны так же, как и Россия, преодолевают ограничения, только другого рода.

Технологические скачки на примере ИКТ в развивающихся странах

Особенности информационно-телекоммуникационной отрасли

Освоение развивающимися странами различных видов ИКТ может происходить в форме технологических скачков. При этом скачкообразное развитие возможно во всех основных областях информационных технологий, к которым относятся аппаратное обеспечение, программное обеспечение и коннективность, а также в части освоения новых технологий потребителями.

В области мобильных ИКТ возможны скачки и без пропуска этапов – просто в силу дискретности перехода от предыдущего поколения связи к последующему. Так, переход от стандарта 2G к следующему стандарту 3G был революционным событием – качественным скачком. Скорость беспроводной передачи данных в сети 3G достигла 40 Мбит/с, и абоненты впервые получили возможность смотреть кинофильмы по телефону. Было подсчитано, что увеличение охвата сетью 3G на 10% давало 0,15% прироста валового внутреннего продукта на душу населения¹.

А вот переход от 3G к 4G привел, скорее, к улучшению количественных показателей: скорость передачи данных возросла до 110 Мбит/с. Таким образом, страны, которые перешли

1 What is the impact of mobile telephony on economic growth? // GSM Association. – 2012. – November. – URL: <https://www.gsma.com/publicpolicy/wp-content/uploads/2012/11/gsma-deloitte-impact-mobile-telephony-economic-growth.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

от 2G к 3G, и те, которые сразу перешли к 4G, совершили скачки в равной мере. Камбоджа, перейдя от стандарта 2G к стандарту 4G, сегодня имеет один из самых конкурентных рынков мобильной широкополосной связи в мире. Страна смогла предложить инвесторам привлекательные условия, а именно легальную 100%-ную собственность для иностранцев и ограниченные регулирующие сборы. Соответственно, цены на мобильную широкополосную связь здесь одни из самых низких². Широкополосная связь является одним из главных приоритетов в Руанде, Вануату и Сенегале³. В Руанде в партнерстве с частными инвесторами создана единая беспроводная широкополосная сеть 4G, которая охватывает 95% населения. Соответствующие программы ООН стимулируют привлечение частного бизнеса, в том числе транснациональных корпораций, однако национальные правительства за последние десятилетия научились соблюдать баланс интересов с точки зрения сохранения технологического суверенитета.

Успешный ИКТ-скачок: подготовка и условия

Развивающимся странам сложно совершить технологический скачок, и чаще они выбирают путь «трансфера технологий» или имитации. При этом одной из самых сложных задач становится выбор приоритетной технологии, изменяющей правила игры. В области ИКТ страны делали выбор между широкополосным мобильным и фиксированным доступом. В наименее развитых странах третьего мира мобильный доступ в приоритете. В 2020 г. там

насчитывался 351 миллион абонентов мобильной широкополосной связи, что в 26 раз больше, чем число пользователей фиксированной связи. Однако пандемия показала, что мобильная широкополосная связь не является идеальной заменой связи стационарной, и заставила вносить коррективы в планы развития ИКТ. Перелому ситуации в пользу фиксированной связи, в частности, способствовало развитие системы видеоконференций в период самоизоляции. Оно повлекло за собой массовое приобретение компьютеров, дополнительных мониторов и другого оборудования.

Исходя из накопленного опыта, можно сформулировать четыре условия того, чтобы скачок на передовой край технологий стал возможным. Эти практические условия в целом соответствуют рассмотренным теоретическим моделям. Условия имеют общий характер и относятся также и к странам под «санкционными» ограничениями.

Первым необходимым условием успешного скачка является наличие адаптационного потенциала. В технологическом отношении адаптационный потенциал представляет возможность привлечения инвестиций, необходимых для создания прототипов новых устройств или нового программного обеспечения. Вторым важным компонентом адаптационного потенциала являются подготовленные человеческие ресурсы, общая научная и технологическая культура. Человеческие ресурсы обеспечиваются подготовкой собственных кадров, «импортом» иностранных специалистов, помощью научно-технологической диаспоры.

2 Connectivity in the Least Developed Countries. Status report // ITU. – 2021. – URL: https://www.un.org/ohrlls/sites/www.un.org.ohrlls/files/21-00606_1e_ldc-digital_connectivity-rpt_e.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

3 Broadband for National Development in Four LDCs: Cambodia, Rwanda, Senegal, Vanuatu // United Nations Office of the High Representative for the Least Developed Countries, Landlocked Developing Countries and Small Island Developing States. – 2018. – URL: <https://www.un.org/ohrlls/news/broadband-national-development-four-ldcs-cambodia-rwanda-senegal-vanuatu-2018> (дата обращения: 10.06.2022).

Вторым условием успешного скачка является наличие доступа к передовому оборудованию, инфраструктуре и технологиям как гарантия того, что «откат» к технологиям предыдущего поколения не понадобится. В это же условие входит и требование к наличию национальной инфраструктуры передачи данных. В свою очередь, в инфраструктуре выделяются две критические составляющие. Во-первых, это IXP-точки обмена интернет-трафиком – сетевые инфраструктуры, предназначенные для оперативной организации соединений и межоператорского обмена. В девятнадцати наименее развитых странах мира по состоянию на 2021 г. IXP-точки вообще отсутствовали. Из 47 наименее развитых стран полностью современная сеть IXP-точек есть только в Мьянме, Руанде и Уганде⁴. Вторая необходимая инфраструктурная составляющая – это система дата-центров, то есть комплексы серверов, обслуживающие хостинг-провайдеров. В отстающих странах дата-центров насчитывается менее 100 из общемирового числа 4000. Поэтому при наиболее благоприятном сценарии лишь 5–7 наименее развитых стран могут совершить значимый скачок и догнать современный уровень развития. Обращаясь к российской ситуации, можно обнаружить регионы (в основном сибирские), в которых дефицит дата-центров близок к упомянутым странам.

Третье необходимое условие для осуществления скачка – наличие взаимодополняющих технологических возможностей и развитая кооперация. Часть продуктов высоких технологий можно охарактеризовать как «автономные» системы. Однако часто требуется значительная системная интеграция с другими сервисами. Таким образом,

на стратегию скачков влияет и состояние рынков дополнительных технологий. Известный пример: производство электронных систем требует вклада машиностроительных отраслей для производства корпусов изделий. Соответственно, необходим мониторинг зарубежного прогресса по всем компонентам вспомогательных технологий.

Известно также, что для успешного освоения принципиально новых технологий необходимо «горизонтальное» сотрудничество с другими развивающимися, но более продвинутыми странами. Иногда оно оказывается полезнее потенциально неравноправной прямой кооперации с развитыми странами. В 2015 г. страны Центральной Азии, не имеющие выхода к морю, были вовлечены в консорциум по проекту Трансъевразийской высокоскоростной информационной магистрали *TASIM*, предполагавшему создание принципиально новой волоконно-оптической линии связи от Гонконга до Франкфурта. Сотрудничество в течение нескольких лет с лидерами проекта – Азербайджаном и Китаем – оказалось полезным, и страны-участницы получили решения для надежной локальной connectivity [Ng, Tan, 2018].

Четвертое условие – наличие благоприятного социотехнологического климата для локализации и дальнейшего развития вновь обретенной технологии, а также интеграции с другими сервисами. До недавнего времени необходимой была институциональная поддержка процесса для решения проблем, связанных с меньшим размером ИКТ-рынка в стране-реципиенте, а также трудностями логистики и маркетинга. Страны-лидеры развивающегося мира показывают хороший пример институциональной поддержки

4 Internet Exchange Points // Packet Clearing House. – 2018. – URL: https://www.pch.net/services/internet_exchange_points (дата обращения: 01.06.2022).

ИКТ-развитию. В Саудовской Аравии действует программа «Видение-2030» [Рогожин, 2021], были созданы Национальный комитет по цифровой трансформации для разработки политики, стратегий и программ цифровизации и другие институты. Азербайджанская национальная стратегия развития информационного общества, принятая в 2016 г., также реализуется сетью институтов [Ng, Tan, 2018].

В последние несколько лет появилась перспектива замены институтов

цифровыми платформами, то есть информационными системами, связывающими клиентов, партнеров, разработчиков приложений и поставщиков услуг. Цифровые платформы часто формируются там, где институты работают недостаточно эффективно. Пример в этом случае показывают страны – лидеры второго мира. Так, в Саудовской Аравии это платформы *Noor* (образование), *MindSphere* («Интернет вещей»), *Mawid* (здравоохранение) и др. [Рогожин, 2021]. Азербайджан, а за ним

Рисунок 1. Распространенность автономных станций мобильной связи 5G по состоянию на 22 апреля 2022 г.

Figure 1. The prevalence of 5G SA stations as of April 22, 2022

Источник: Ericsson Mobility Report // Ericsson. – 2022. – URL: <https://www.ericsson.com/49d3a0/assets/local/reports-papers/mobility-report/documents/2022/ericsson-mobility-report-june-2022.pdf> (дата обращения: 29.07.2022).

и некоторые другие страны внедрили платформу межгосударственного документооборота *X-Road*⁵.

Если эти четыре условия выполнены, то прогноз благоприятный. Сегодня основные направления скачкообразного развития ИКТ в странах третьего мира связаны (а) с переходом к стандарту 5G, (б) с развитием сетей фиксированной связи нового поколения, (в) с освоением сервисов электронной торговли и электронного правительства.

Ушли в прошлое восторги первых лет ИКТ-строительства, когда главной новостью было открытие системы SMS-оповещения фермеров Бангладеш об эпидемиях на птицефабриках. Сегодня развивающиеся страны решают крупные современные задачи, и Россия начинает конкурировать именно с ними.

На рисунке 1 светлыми пятнами отмечена распространенность автономных станций 5G. Карта наглядно

5 Азербайджан первым внедрил платформу X-Road в системе электронного правительства // Digital report. – 2018. – URL: <https://digital.report/azerbaydzhan-pervyim-vnedril-platformu-x-road-v-sisteme-elektronnogo-pravitelstva/> (дата обращения: 10.06.2022).

демонстрирует рост охвата упомянутых выше стран, относящихся к перечню наименее развитых. Очевидно и то, что Россия стоит перед большим вызовом.

Россия и условия для успешного скачка

Несомненно, крупным технологическим скачком будет признано освоение Россией стандарта связи 5G. В какой степени социотехнологический и научно-организационный климат в России отвечает рассмотренным выше четырем условиям успешного скачка?

Первым условием, как уже указано, является наличие адаптационного потенциала в части технологий и подготовки кадров. Уровень подготовленности научно-инженерных кадров в области ИКТ косвенно оценивается, например, по изменению числа объектов интеллектуальной собственности (ИС). Несмотря на введенные в 2014 г. санкции, динамика регистрации прав на ИС в период до 2020 г. (последние

доступные данные) была положительной для программ для ЭВМ, а число зарегистрированных баз данных стало резко расти с 2017 г. (рисунок 2).

Таким образом, адаптационный потенциал в российской сфере ИКТ достаточно высок. Следует отметить, что страна находится в общемировом тренде, поскольку рынок ИКТ постоянно растет. По оценкам *Gartner*, в 2021 г. прирост мирового рынка ИКТ составил 9,5%, причем наиболее высокими темпами развивались программное обеспечение и устройства.

Второе условие – наличие доступа к передовому оборудованию, инфраструктуре и технологиям – для России частично выполняется. Серьезным вызовом являются санкционные ограничения. Поэтому первым шагом к технологическому скачку может быть реверс-инжиниринг и параллельный импорт компонентов, что уже происходит в ряде областей. Если в прошлые годы реверс-инжиниринг главным образом относился к механическим устройствам, то в наши дни главным его объектом стало программное обеспечение.

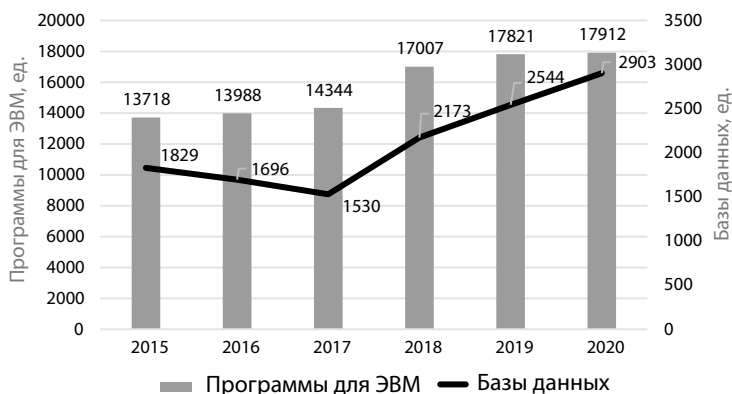

Рисунок 2. Динамика регистрации российских объектов интеллектуальной собственности: программы для ЭВМ и базы данных

Figure 2. Registration of the Russian intellectual property rights objects: computer programs and data bases

Источник: [Индикаторы науки..., 2022, с. 278].

Культура реверс-инжиниринга и параллельного импорта в СССР была высокой. Так, во времена холодной войны СССР искусно поддерживал параллельный импорт в области высоких технологий для обхода санкций, наложенных Координационным комитетом по экспортному контролю (КОКОМ). В наше время Правительство Российской Федерации постановлением от 29 марта 2022 г. № 506 легализовало параллельный импорт для удовлетворения спроса на востребованные зарубежные приборы и технологии.

С точки зрения насыщенности ИКТ-инфраструктурой ситуация в Европейской России и в Уральском регионе относительно благополучная. За Уралом преобладает очаговый характер расположения дата-центров и IXP-точек. Новые мощности вводятся в строй преимущественно в Москве: большинство ведущих провайдеров пока не очень интересуются регионами. Соответственно, новые облачные сервисы, поддерживаемые дата-центрами последнего поколения, сосредотачиваются именно в столице. Ситуация с неравномерным ИКТ-развитием регионов напоминает цифровые разрывы в практике менее развитых стран.

Взаимодополняющие технологические возможности и развитая кооперация (третье условие) могут быть достигнуты при определенных усилиях. Причем важна как кооперация науки и промышленности, так и возможность создания новых компаний на базе НИИ и вузов. Некоторые условия для этого есть, но важны дополнительные инициативы государства по стимулированию развития научно-производственных связей.

Зарубежная экспертиза является необходимым условием технологического скачка, и здесь в настоящее время есть существенные проблемы. В условиях растущей изоляции [Дежина, Егереv, 2022] и разрыва связей с ключевыми западными партнерами частичным решением проблемы будет расширение взаимодействий с рядом стран Азии, такими как Китай, Индия, Бразилия и Турция.

И, наконец, рассмотрим возможность достижения благоприятного социотехнологического климата для локализации и дальнейшего развития вновь обретенной технологии, а также интеграции с другими сервисами (четвертое условие). У организаций различных типов шансы на успех неравные. Наибольшим потенциалом для технологического скачка обладают «компании-газели»⁶, которые активно сотрудничают в сфере исследований и разработок с научными институтами и вузами. С начала пандемии обсуждались меры государственной помощи таким компаниям, однако сегодня фокус сместился на создание благоприятных условий для работы компаний ИКТ-сектора. Для них вводится освобождение на три года от уплаты налога на прибыль, отмена на тот же срок проверок, кредиты по ставке не более 3%, упрощение процедуры трудоустройства иностранцев и получения ими вида на жительство⁷. В отношении крупных госкомпаний имеются установленные государством приоритетные направления технологического развития. В 2019–2021 гг. сформирован список так называемых отдельных высокотехнологичных направлений, за каждое из которых отвечают госкорпорации и компании с государственным участием. Их перечень показывает, что

6 Быстрорастущие компании с ежегодным ростом выручки не менее 20% на протяжении трех лет.

7 Меры поддержки для IT-компаний // КонсультантПлюс. – 2022. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411198/d47d63c1bd09b4f09b07d6278860e9673ca0f14f/ (дата обращения: 10.06.2022).

выбор сделан в пользу самых быстро-развивающихся в мире областей, причем многие направления требуют совершенствования знаний и навыков в области ИКТ. Позиции России по этим направлениям не очень сильные. Доля научных публикаций по большинству направлений составляет 1–2% от мирового числа публикаций в этих областях, тогда как общее число российских научных публикаций составляет 3,3% от общемирового. Поэтому можно предположить, что здесь есть потенциал для скачка, связанного с пропуском этапов, но не с созданием нового пути [Kimble, Wang, 2012] и не с появлением подрывных инноваций [Bower, Christensen, 1995]. Тем не менее точки роста имеются, и в повестку дня встает определение целей технологических скачков и поэтапное их достижение.

Неправильно считать, что 5G – это всего лишь очередное увеличение скорости мобильной связи. Например, одним из главнейших драйверов этого скачка являются потребности роботизации. Пока еще роботы выполняют несложные задачи на стационарных постах сортировщиков на складах гигантских интернет-ритейлеров. Однако в ближайшем будущем все физические перемещения товаров и людей будут осуществляться с помощью роботов. Действующий стандарт 4G-LTE с поддержкой этого сервиса не справится – нужна новая сеть, где в услуги будет включена не только еще большая скорость передачи данных, но и поддержка искусственного интеллекта.

Однако речь идет не только о развитии, но и сохранении интернет-связи в России. Структуры 5G призваны снять большую часть нагрузки с оптоволоконных систем фиксированной связи. Возраст уложенного оптоволокна бли-

зится к 30 годам, оно подвержено старению и потере прозрачности.

Выход России на передовые рубежи связи 5G имел бы большой резонанс. Развитие связи 5G – одно из приоритетных направлений деятельности государства в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика РФ». На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 18 июля 2022 г. В.В. Путин подчеркнул важность этого направления и призвал к широкому вовлечению частного бизнеса. Во исполнение назревшего скачка в качестве первоочередной президент сформулировал задачу повышения качества подготовки инженерных и IT-кадров⁸.

Для реализации проекта нужно приобрести, разработать и смонтировать большое число единиц уникального оборудования. После введения санкций возникла серьезная нехватка полупроводниковых схем, электрического и компьютерного оборудования, необходимых для создания дата-центров нового поколения. Помимо санкций, к форсированному производству собственного оборудования страну подталкивают и другие обстоятельства. Большинство стран для систем 5G используют частоты 3,4–3,8 ГГц. В России этот диапазон занят силовыми структурами. Пока под пилотные сети 5G в России выделяют частоты под стандарт mmWave – в диапазоне 24,65–29,5 ГГц. Такая частота обеспечивает рекордную скорость передачи данных, но дальность действия соты не превышает сотен метров. И тут возникают те же проблемы, что и у Wi-Fi: плохое покрытие в сложном рельефе и необходимость в огромном количестве ретрансляторов. Для передачи в этот

8 Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России. – 2022. – 18 июля. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 04.08.2022).

проект оптимальных частот требуется сильное политическое решение.

Дешевого решения рассматриваемой проблемы в сложившихся условиях не существует. Однако политическая воля позволит обеспечить все четыре условия успешного 5G-скачка даже в условиях целого ряда ограничений.

Список литературы

Дежина И.Г., Егеров С.В. Движение к автаркии в российской науке сквозь призму международной кооперации // ЭКО. – 2022. – № 1. – С. 35–53. – DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2022-1-35-53.

Индикаторы науки: 2022 : статистический сборник / Гохберг Л.М. [и др.]. – Москва : НИУ ВШЭ, 2022. – 401 с.

Рогожин А. ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 122–141. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8.

Чувильдеев В. Как сделать науку полезной. Неспящие в вузах // Эксперт. – 2022. – № 15. – URL: <https://expert.ru/expert/2022/15/kak-sdelat-nauku-poleznoy-nespyaschiye-v-vuzakh/> (дата обращения: 06.06.2022).

Afawubo K., Noglo YA. ICT and Entrepreneurship: A Comparative Analysis of Developing, Emerging and Developed Countries // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – Vol. 175, February. – P. 159–182. – DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121312.

Athreye S., Godley A. Internationalization and Technological Leapfrogging in the Pharmaceutical Industry // *Industrial and Corporate Change*. – 2009. – Vol. 18, N 2. – P. 295–323. – DOI: 10.1093/icc/dtp002.

Bower J.L., Christensen C.M. Disruptive Technologies: Catching the Wave // Harvard Business Review. – 1995. – Vol. 73,

N 1. – P. 43–53. – DOI: 10.1016/0024-6301(95)91075-1.

Chen D., Li-Hua R. Modes of Technological Leapfrogging: Five Case Studies from China // Journal of Engineering and Technology Management. – 2011. – Vol. 28, N 1–2. – P. 93–108. – DOI: 10.1016/j.jengtecman.2010.12.006.

Chen Y., Farinelli U., Johansson T.B. Technological Leapfrogging – a Strategic Pathway to Modernisation of the Chinese Iron and Steel Industry? // Energy for Sustainable Development. – 2004. – Vol. 8, N 2. – P. 30–38. – DOI: 10.1016/S0973-0826(08)60457-3.

Cherif R., Hasanov F. The Leap of the Tiger: Escaping the Middle-income Trap to the Technological Frontier // Global Policy. – 2019. – Vol. 10, N 4. – P. 497–511. – DOI: 10.1111/1758-5899.12695.

Díaz-Chao A., Sainz-González J., Torrent-Sellens J. ICT, Innovation, and Firm Productivity: New Evidence from Small Local Firms // Journal of Business Research. – 2015. – Vol. 68, N 7. – P. 1439–1444. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.01.030.

Drezner D.W. Technological Change and International Relations // International Relations. – 2019. – Vol. 33, N 2. – P. 286–303. – DOI: 10.1177/0047117819834629.

Fagerberg J., Godinho M.M. Innovation and Catching-up // The Oxford Handbook of Innovation. – 2005. – P. 514–543.

Fagerberg J., Srholec M. National Innovation Systems, Capabilities and Economic Development // Research Policy. – 2008. – Vol. 37, N 9. – P. 1417–1435. – DOI: 10.1016/j.respol.2008.06.003.

Giovannetti E. Catching Up, Leapfrogging, or Forging Ahead? Exploring the Effects of Integration and History on Spatial Technological Adoptions // Environment and Planning A: Economy and Space. – 2013. – Vol. 45, N 4. – P. 930–946. – DOI: 10.1068/a4572.

Goldemberg J. Technological Leapfrogging in the Developing World // George-

town Journal of International Affairs. – 2011. – Vol. 12, N 1. – P. 135–141.

How Asia can boost growth through technological leapfrogging / Tonby O., Swaminathan A., Woetzel J., Seong J., Ma L., Kaka N., Choi W., Carson B. – McKinsey and Company, 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/asia-pacific/how-asia-can-boost-growth-through-technological-leapfrogging> (дата обращения: 09.09.2022).

Intellectual Property Rights, Development, and Catch up: An International Comparative Study / Ed. by H. Odagiri, A. Goto, A. Sunami, R.R. Nelson. – London : Oxford University Press, 2010. – 464 p.

James J. The Diffusion of IT in the Historical Context of Innovations from Developed Countries // Social Indicators Research. – 2013. – Vol. 111, N 1. – P. 175–184. – DOI: 10.1007/s11205-011-9989-0.

Kim L. Imitation to Innovation: The Dynamics of Korea's Technological Learning. – Cambridge : Harvard Business Review Press, 1997. – 301 p.

Kimble C., Wang H. Transistors, Electric Vehicles and Leapfrogging in China and Japan // Journal of Business Strategy. – 2012. – Vol. 33, N 3. – P. 22–29. – DOI: 10.1108/02756661211224979.

Lee K. Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up: Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 298 p.

Lee K. The Art of Economic Catch-up: Barriers, Detours and Leapfrogging in Innovation Systems. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 300 p.

Lee K. Economics of Technological Leapfrogging // The Challenges of Technology and Economic Catch-up in Emerging Economies / Ed. by J.-D. Lee, K. Lee, D. Meissner, S. Radošević, N.S. Vonortas. – London : Oxford University Press, 2021. – P. 123–159.

Lee K., Lim C.S. Technological Regimes, Catching-up and Leapfrogging:

Findings from the Korean Industries // Research Policy. – 2001. – Vol. 30, N 3. – P. 459–483. – DOI: 10.1016/S0048-7333(00)00088-3.

Lee K., Lim C.S., Song W. Emerging Digital Technology as a Window of Opportunity and Technological Leapfrogging: Catch-up in Digital TV by the Korean Firms // International Journal of Technology Management. – 2005. – Vol. 29, N 1–2. – P. 40–63.

Lee K., Malerba F. Catch-up Cycles and Changes in Industrial Leadership: Windows of Opportunity and Responses by Firms and Countries in the Evolution of Sectoral Systems // Research Policy. – 2017. – Vol. 46, N 2. – P. 338–351. – DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006.

Lerner J., Nanda R. Venture Capital's Role in Financing Innovation: What We Know and How Much We Still Need to Learn // Journal of Economic Perspectives. – 2020. – Vol. 34, N 3. – P. 237–261. – DOI: 10.1257/jep.34.3.237.

Malerba F., Lee K. An Evolutionary Perspective on Economic Catch-up by Latecomers // Industrial and Corporate Change. – 2021. – Vol. 30, N 4. – P. 986–1010. – DOI: 10.1093/icc/dtab008.

Malerba F., Nelson R.R. Learning and Catching-up in Different Sectoral Systems: Evidence from Six Industries // Industrial and Corporate Change. – 2011. – Vol. 20, N 6. – P. 1645–1675. – DOI: 10.1093/icc/dtr062.

Mokyr J. The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. – New York : Oxford University Press, 1990. – 368 p.

Ng E., Tan B. Achieving State-of-the-Art ICT Connectivity in Developing Countries: The Azerbaijan Model of Technology Leapfrogging // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. – 2018. – Vol. 84, N 3. – DOI: 10.1002/isd2.12027.

Saghafi F., Mohaghar A., Kashiha M. Developing a Catch-up Model of Tech-

nology: A Grounded Theory Approach // Journal of Science and Technology Policy Management. – 2021. – Vol. 12, N 4. – P. 627–650. – DOI: 10.1108/JST-PM-07-2019-0068.

Singh L. From Developing to Developed Nations // Economic and Political Weekly. – 2021. – URL: <https://www.epw.in/journal/2021/2/book-reviews/developing-developed-nations.html> (дата обращения: 06.06.2022).

Socete L. International Diffusion of Technology, Industrial Development and Technological Leapfrogging // World Development. – 1985. – Vol. 13, N 3. – P. 409–522.

Steinmueller W.E. ICTs and the Possibilities of Leapfrogging by Developing Countries // International Labour Review. – 2001. – N 140. – P. 193–210.

Sudharshan D., Liu B., Ratchford D. Optimal Response to a Next Generation New Product Introduction: To Imitate or to Leapfrog? // Managerial and Decision Economics. – 2006. – Vol. 27, N 1. – P. 41–62.

Technology Leapfrogging in Developing Countries – an Inevitable Luxury? / Davison R. Vogel D., Harris R. Jones N. // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. – 2000. – Vol. 1, N 1. – P. 1–10. – DOI: 10.1002/j.1681-4835.2000.tb00005.x.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.01

Technological Leapfrogging: Theory and International ICT Practices

Irina G. DEZHINA

Doctor of Sciences in Economics, Head of Department on Analysis of Science & Technology Development, Skolkovo Institute of Science and Technology Bolshoy Bulvar, 30, str. 1, Innovation Center “Skolkovo”, Moscow, Russian Federation, 121205

E-mail: i.dezhina@skoltech.ru

ORCID: 0000-0002-3402-3433

Sergey V. EGEREV

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Chief Researcher, Center for Research Planning Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: segerev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6998-1060

CITATION: Dezhina I.G., Egerev S.V. (2022). Technological Leapfrogging: Theory and International ICT Practices. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 6–23 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.01

Received: 16.06.2022.

Revised: 05.08.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study of the theoretical aspects of technological leapfrogging and the analysis of the Russian context conducted by Irina Dezhina were supported by the grant from the Russian Foundation for Basic Research no. 20-011-00187. The funding from INION RAN supported the study of the world practices in ICT field conducted by Sergey Egerev.

ABSTRACT. A technological leapfrogging is a discrete stage in the development of a country or industry, representing the replacement of the previous technology with a fundamentally new one. The concept of technological leapfrogging has been developing since the mid 1980s, but still there is no generally accepted definition. The interest in the conditions and structure of technological leaps grew when it became clear

that lagging countries and industries could develop rapidly by continuous imitation and innovation, jumping over obsolete technologies and avoiding investment in previous technological generations.

The article relies on theoretical studies of leapfrogging and international experience in the development of information and communication technologies (ICT) for analysis of the conditions necessary for technological

leaps. The ICT play a recognized role in economic growth and social development. Today, the catching-up countries have ambitious plans for ICT development, including next-generation fixed communications networks, 5G standard, e-commerce services and e-government.

Based on the analysis of global experience, we define conditions for a successful technological leapfrogging in Russia and discuss the potential for its implementation. In the conditions of sanctions, it is important not just to reverse-engineer, but to make a technological leap in order to ensure technological self-sufficiency. Russia has partially created conditions for 5G technological leapfrogging by accumulating adaptation potential in terms of technology, equipment and personnel; developing science-industry cooperation; and creating conditions for favorable socio-technological climate.

KEYWORDS: catching-up development, technological leapfrogging, science, disruptive innovations, scientific-industrial cooperation, information and communication technologies, global experience, IXP points, data centers, Russia.

References

- Afawubo K., Noglo Y.A. (2022). ICT and Entrepreneurship: A Comparative Analysis of Developing, Emerging and Developed Countries. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 175, February, pp. 159–182. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121312.
- Athreye S., Godley A. (2009). Internationalization and Technological Leapfrogging in the Pharmaceutical Industry. *Industrial and Corporate Change*, vol. 18, no. 2, pp. 295–323. DOI: 10.1093/icc/dtp002.
- Bower J.L., Christensen C.M. (1995). Disruptive Technologies: Catching the Wave. *Harvard Business Review*, vol. 73, no. 1, pp. 43–53. DOI: 10.1016/0024-6301(95)91075-1.
- Chen D., Li-Hua R. (2011). Modes of Technological Leapfrogging: Five Case Studies from China. *Journal of Engineering and Technology Management*, vol. 28, no. 1–2, pp. 93–108. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2010.12.006.
- Chen Y., Farinelli U., Johansson T.B. (2004). Technological Leapfrogging – a Strategic Pathway to Modernisation of the Chinese Iron and Steel Industry? *Energy for Sustainable Development*, vol. 8, no. 2, pp. 30–38. DOI: 10.1016/S0973-0826(08)60457-3.
- Cherif R., Hasanov, F. (2019). The Leap of the Tiger: Escaping the Middle-income Trap to the Technological Frontier. *Global Policy*, vol. 10, no. 4, pp. 497–511. DOI: 10.1111/1758-5899.12695.
- Chuvildeev V. (2022). How to Make Science Useful. Non-Sleepers in Higher Education. *Expert*, no. 15 (in Russian). Available at: <https://expert.ru/expert/2022/15/kak-sdelat-nauku-polezny-nespyaschiye-v-vuzakh/> accessed 06.06.2022.
- Dezhina I.G., Egerev S.V. (2022). Movement towards Autarchy in Russian Science through the Prism of International Cooperation. *ECO*, no. 1, pp. 35–53 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-35-53.
- Díaz-Chao A. (2015). ICT, Innovation, and Firm Productivity: New Evidence from Small Local Firms. *Journal of Business Research*, vol. 68, no. 7, pp. 1439–1444. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.01.030.
- Drezner D.W. (2019). Technological Change and International Relations. *International Relations*, vol. 33, no. 2, pp. 286–303. DOI: 10.1177/0047117819834629.
- Fagerberg J., Godinho M.M. (2005). Innovation and Catching-up. *The Oxford Handbook of Innovation*, pp. 514–543.
- Fagerberg J., Srholec M. (2008). National Innovation Systems, Capabilities

and Economic Development. *Research Policy*, vol. 37, no. 9, pp. 1417–1435. DOI: 10.1016/j.respol.2008.06.003.

Giovannetti E. (2013). Catching Up, Leapfrogging, or Forging Ahead? Exploring the Effects of Integration and History on Spatial Technological Adoptions. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 45, no. 4, pp. 930–946. DOI: 10.1068/a4572.

Goldemberg J. (2011). Technological Leapfrogging in the Developing World. *Georgetown Journal of International Affairs*, vol. 12, no. 1, pp. 135–141.

How Asia can boost growth through technological leapfrogging (2020). Tonyby O., Swaminathan A., Woetzel J., Seong J., Ma L., Kaka N., Choi W., Carson B. McKinsey and Company, 2020. Available at: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/asia-pacific/how-asia-can-boost-growth-through-technological-leapfrogging>, accessed 09.09.2022.

Indikatory nauki... (2022). Gokhberg L.M. [et al.] (2022). *Science Indicators: 2022. Statistical*. Moscow : HSE, 401 pp. (in Russian).

Intellectual Property Rights, Development, and Catch up: An International Comparative Study (2010). Ed. by Odagiri H., Goto A., Sunami A., Nelson R.R. London : Oxford University Press, 464 pp.

James J. (2013). The Diffusion of IT in the Historical Context of Innovations from Developed Countries. *Social Indicators Research*, vol. 111, no. 1, pp. 175–184. DOI: 10.1007/s11205-011-9989-0.

Kim L. (1997). *Imitation to Innovation: The Dynamics of Korea's Technological Learning*. Cambridge : Harvard Business Review Press, 301 pp.

Kimble C., Wang H. (2012). Transistors, Electric Vehicles and Leapfrogging in China and Japan. *Journal of Business Strategy*, vol. 33, no. 3, pp. 22–29. DOI: 10.1108/02756661211224979.

Lee K. (2013). *Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up: Knowledge, Path-*

Creation, and the Middle-Income Trap. Cambridge : Cambridge University Press, 298 pp.

Lee K. (2019). *The Art of Economic Catch-up: Barriers, Detours and Leapfrogging in Innovation Systems*. Cambridge : Cambridge University Press, 300 pp.

Lee K. (2021). Economics of Technological Leapfrogging. In: Lee J.-D., Lee K., Meissner D., Radosevic S., Vonortas N.S. (eds.). *The Challenges of Technology and Economic Catch-up in Emerging Economies*. London : Oxford University Press, pp. 123–159.

Lee K., Lim C.S. (2001). Technological Regimes, Catching-up and Leapfrogging: Findings from the Korean Industries. *Research Policy*, vol. 30, no. 3, pp. 459–483. DOI: 10.1016/S0048-7333(00)00088-3.

Lee K., Lim C.S., Song W. (2005). Emerging Digital Technology as a Window of Opportunity and Technological Leapfrogging: Catch-up in Digital TV by the Korean Firms. *International Journal of Technology Management*, vol. 29, no. 1–2, pp. 40–63.

Lee K., Malerba F. (2017). Catch-up Cycles and Changes in Industrial Leadership: Windows of Opportunity and Responses by Firms and Countries in the Evolution of Sectoral Systems. *Research Policy*, vol. 46, no. 2, pp. 338–351. DOI: 10.1016/j.respol.2016.09.006.

Lerner J., Nanda R. (2020). Venture Capital's Role in Financing Innovation: What We Know and How Much We Still Need to Learn. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 34, no. 3, pp. 237–261. DOI: 10.1257/jep.34.3.237.

Malerba F., Lee K. (2021). An Evolutionary Perspective on Economic Catch-up by Latecomers. *Industrial and Corporate Change*, vol. 30, no. 4, pp. 986–1010. DOI: 10.1093/icc/dtab008.

Malerba F., Nelson R.R. (2011). Learning and Catching-up in Different Sectoral Systems: Evidence from Six Industries. *Industrial and Corporate Change*, vol. 20,

no. 6, pp. 1645–1675. DOI: 10.1093/icc/dtr062.

Mokyr J. (1990). *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*, New York : Oxford University Press, 368 pp.

Ng E., Tan B. (2018). Achieving State-of-the-Art ICT Connectivity in Developing Countries: The Azerbaijan Model of Technology Leapfrogging. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 84, no. 3. DOI: 10.1002/isd2.12027.

Rogozhin A. (2021). ICT as a Direction for Diversifying the Economy of Saudi Arabia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 4, pp. 122–141 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8.

Saghafi F., Mohaghar A., Kashiha M. (2021). Developing a Catch-up Model of Technology: A Grounded Theory Approach. *Journal of Science and Technology Policy Management*, vol. 12, no. 4, pp. 627–650. DOI: 10.1108/JSTPM-07-2019-0068.

Singh L. (2021) From Developing to Developed Nations. *Economic and Poli-*

tical Weekly. Available at: <https://www.epw.in/journal/2021/2/book-reviews/developing-developed-nations.html>, accessed 06.06.2022.

Socete L. (1985). International Diffusion of Technology, Industrial Development and Technological Leapfrogging. *World Development*, vol. 13, no. 3, pp. 409–522.

Steinmueller W.E. (2001). ICTs and the Possibilities of Leapfrogging by Developing Countries. *International Labour Review*, no. 140. Available at: <https://www.dhi.ac.uk/san/waysofbeing/data/economy-crone-steinmueller-2001.pdf>, accessed 06.06.2022.

Sudharshan D., Liu B., Ratchford D. (2006). Optimal Response to a Next Generation New Product Introduction: To Imitate or to Leapfrog? *Managerial and Decision Economics*, vol. 27, no. 1, pp. 41–62.

Technology Leapfrogging in Developing Countries—an Inevitable Luxury? (2000). Davison R., Vogel D., Harris R., Jones N. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, vol. 1, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.1002/j.1681-4835.2000.tb00005.x.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.02

Центро-периферийное структурирование в морской трансграничной регионализации (на примере Балтики, Каспия и Причерноморья)

Александр Георгиевич ДРУЖИНИН

доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского
НИИ экономических и социальных проблем

Южный федеральный университет

ул. Б. Садовая, д. 105, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344006

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Денис Антонович ВОЛЬХИН

кандидат географических наук, старший преподаватель

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

пр. Академика Вернадского, д. 4, г. Симферополь, Российская Федерация, 295007

E-mail: lomden@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6975-559X

Николай Владимирович ГОНТАРЬ

кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем

Южный федеральный университет

ул. Б. Садовая, д. 105, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 344006

E-mail: passat01@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-1828

Анна Алексеевна МИХАЙЛОВА

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, Российская Федерация, 236041

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

ЦИТИРОВАНИЕ: Дружинин А.Г., Вольхин Д.А., Гонтарь Н.В., Михайлова А.А.
Центро-периферийное структурирование в морской трансграничной
регионализации (на примере Балтики, Каспия и Причерноморья) // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 24–46.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.02

Статья поступила в редакцию 06.03.2022.
Исправленный текст представлен 02.04.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: исследование выполнено за счет гранта РФ 22-28-00022 «Геоэкономические и геополитические детерминанты трансформации центрo-периферийных структур в трансграничных «морских» регионах: концептуализация, мониторинг и моделирование в интересах государственного управления (на материалах Балтики, Каспия и Причерноморья)» в Южном федеральном университете.

АННОТАЦИЯ. Процессы трансграничной регионализации (в том числе в пределах отдельных морских акваторий) сопровождаются дальнейшим усложнением структуры социально-экономического пространства, разнo-скоростной динамикой его компонент, а также эффектами поляризации и концентрации. Данный контекст существенно повышает теоретическое и прикладное значение центрo-периферийного анализа, иницилируя перманентную «донастройку» его инструментария, в том числе с учетом специфики формирования и функционирования структур «центр – периферия» в оконтуривающих российское порубежье «морских» трансграничных регионах. Статья сфокусирована на идентификации «морской составляющей» центрo-периферийной стратификации пространственной социально-экономической динамики, а также обосновании специфических факторов, проявлений и эффектов центрo-периферийной дихотомии в «морских» трансграничных регионах России. Приоритетное внимание уделено выявлению общего и особенного в центрo-периферийном структурировании Балтийского региона, Каспийского региона, а также Причерноморья. Установлена существенная зависимость центрo-периферийной архитектуры (и места в ней российских приморских территорий) от «зрелости» трансграничного региона, степени разнородности его морфо-

структуры, а также параметров морехозяйственной активности. Дана оценка влияния на центрo-периферийное позиционирование инновационной динамики (включая развитие сектора инновационной экономики, диффузию передовых производственных технологий, цифровизацию экономики и общества, генерацию научных знаний и др.), а также геополитических, этнокультурных и геоисторических детерминант. Показано, что инкорпорированность конкретной приморской территории в трансграничные связи объективно повышает ее статус в общенациональной центрo-периферийной иерархии, не избавляя от проблемных ситуаций и рисков, связанных с потенциально возможной (и многоаспектно проявляющейся в условиях российского морского порубежья) периферизацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морские регионы, трансграничная регионализация, центрo-периферийная стратификация, инновации, Россия, Балтийский регион, Черноморский регион, Каспийский регион.

Введение

В современном мире (в условиях эскалации общепланетарных угроз и вызовов, дополняемых всё возрастающими геополитической турбулентностью и геоэкономической конкурен-

цией¹, рельефнее высвечивающими, мультиплицирующими проявления и эффекты имманентной Человечеству неравномерности пространственно-го развития [Грицай и др., 1991]), вопрос полноформатного, эффективного освоения ресурсов Мирового океана, «присутствия» и, тем более, различного рода доминирования в его акваториях настойчиво выдвигается на авансцену как национальной, так и международной повестки [Druzhinin, Lachininskii, 2021], обретает первостепенную значимость для государств, их группировок, ведущих корпораций.

Наблюдавшийся еще с 60-х годов XX в. [Small, Nicholls, 2003] «сдвиг» к морским побережьям населения и хозяйства оказался не только пролонгированным [Mee, 2012], практически повсеместным (фиксируемым в том числе и в нашей стране [Слевич, 1988]), но и созвучным глобализации, ее логике, трендам, включая и трансграничную регионализацию, во многих ситуациях обретающую морские, акваториальные черты [Бакланов, 2015; Трансграничное кластерообразование..., 2017], наиболее рельефно проявляющиеся в пространственной контуре оконтуриваемых массивами суши относительно замкнутых морей [Дружинин, 2021]. Дополнительными существенными факторами «морского» трансграничного региогенеза уже непосредственно на евразийском пространстве явились распад Организации Варшавского договора и СССР [Waever, 1993; Добранско, 2013], последовавшая за этим рыночная трансформация (и интернационализация) хозяйственных комплексов, равно как и экспансия на постсоветское простран-

ство (экономическое, гуманитарное, геополитическое) экзогенных к нему «центров силы».

В настоящее время опоясывающие Россию аквальные (морские) трансграничные регионы (Балтика, Баренц-регион, Причерноморье, Каспий, Япономорский регион и другие [Алхименко, 2002; Подходы к определению..., 2017; Дружинин, 2020]) являются не только ключевыми элементами ее обширнейшего (и весьма разнородного [Колосов, 2008]) порубежья, но и важнейшими транспортно-логистическими коридорами, концентрирующими, в частности, более 90% грузооборота всех российских морских портов. Их эволюция, структурные особенности (включая центр-периферийные отношения и отношения взаимозависимости), место и функционал в них собственно российских (приморских) регионов существенны для нашей страны, ее геостратегии, системы региональной политики. Цель статьи – фокусировка внимания на специфических факторах, трендах и эффектах центр-периферийной стратификации в форматах «морской» трансграничной регионализации на Балтике, в Причерноморье, а также Каспии.

Сопряженность центр-периферийной стратификации и пространственной инновационной активности (на примере Балтийского региона)

Балтийский макрорегион (будучи ареалом пересечения широкого спектра экологических, инфраструктурных, геополитических, экономических и иных интересов 14 государств, относящихся

1 Жизнь в осыпающемся мире / Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2018. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 08.02.2022).

к его водосборному бассейну [Подходы к определению..., 2017]), в настоящее время выступает одним из наиболее «зрелых», сформировавшихся [Фёдоров, Кузнецова, 2019], характеризующихся предельно интенсивными трансграничными, транснациональными, трансграничными взаимодействиями. Значимое место в центрo-пeрифeрийнoй стрaтификaции нa Балтике зaнимaeт инновaтикa, сопряжeнные с нeй oтнoшeния и прoцeссy (в тoм числe в мoрeхoзaйствeннoй сфeрe).

Исследования, посвященные оценке географии знания и инноваций в Балтийском регионе, свидетельствуют о существенной поляризации в распределении научно-технологического и инновационного потенциала как в межстрановом [Фёдоров, 2013], так и межрегиональном [Пилисов, Клименко, 2011], межгородском [Mikhaylov, Gorochnaya, 2021] измерении. Первенство в создании инноваций принадлежит Северным странам (Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии), а также Германии, которые стабильно на протяжении длительного периода занимают ведущие позиции в мировых и европейских рейтингах инновационности и конкурентоспособности (например, *Global Innovation Index*², *World Competitiveness Ranking* [IMD World Competitiveness Center, 2021], *Knowledge Economy Index*³, *European innovation scoreboard* [European Commission, 2021]). Россия по целому ряду показателей отстает от лидеров (приближаясь при этом к Польше и странам Прибалтики); так, к 2020 г. ею не был преодолен трехкратный разрыв по уровню затрат на научные исследования и разработки и двукратный – по доле высокотехно-

логичной продукции в промышленном экспорте (см. рисунки 1, 2). При этом у России сильные позиции по уровню накопленного человеческого капитала, выступающего необходимым условием развития инновационной экономики [European Commission, 2021].

На региональном уровне концентрация научно-технологической и инновационной активности на Балтике характерна для территорий трех типов (рисунок 3):

- крупных столичных областей Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии, Германии, сосредоточивших значительные интеллектуальные, финансовые, инфраструктурные, институциональные и иные ресурсы (сюда же может быть отнесен Санкт-Петербург, выступающий вторым после Москвы инновационным центром РФ, что подтверждается результатами более ранних исследований [Третьякова, Носков, 2021]);

- экономически развитых промышленных регионов (например, земли Баден-Вюртемберг в Германии, концентрирующей штаб-квартиры и исследовательские подразделения крупнейших немецких компаний в сферах автомобилестроения, программного обеспечения и т. д.; регион Западной Швеции, включая округ Вестра-Гёталанд, занимающий ведущие позиции в этой стране по занятости и интенсивности научных исследований и разработок в морской экономике);

- крупных центров науки и образования (регионы Восточной Средней Швеции с лёном Уппсала и Юг Швеции с лёном Сcone и др.).

Итогом последнего десятилетия (2009–2019 гг.) явились зримые

2 Global Innovation Index 2021 // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

3 Knowledge Economy Index (KEI) // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. – URL: <https://digital.gov.ru/en/activity/statistic/rating/indexs-ekonomiki-znaniy/#tabs|Compare:Place> (дата обращения: 20.02.2022).

Рисунок 1. Динамика затрат на исследования и разработки, % от валового внутреннего продукта стран Балтийского региона, 1996–2020 гг.

Figure 1. Dynamics of R&D expenditures, % of gross domestic product (GDP) of the Baltic region countries, 1996–2020

Источник: Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank. – 2022. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart> (дата обращения: 22.02.2022).

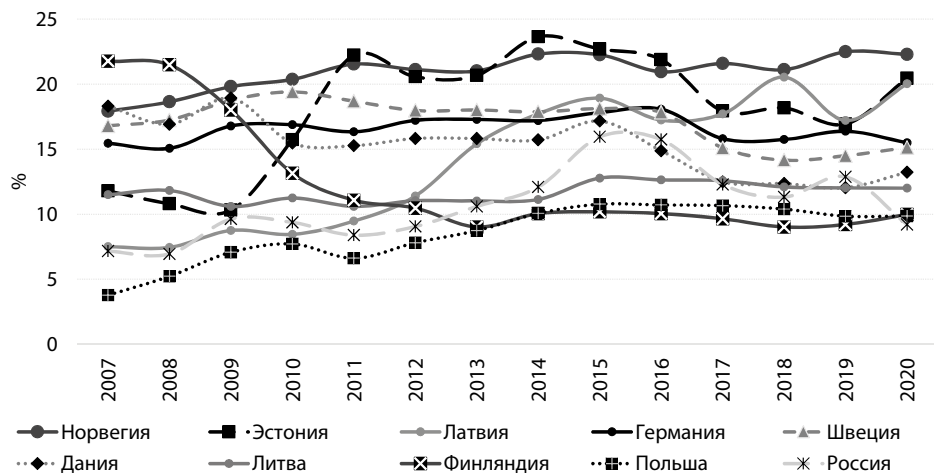

Рисунок 2. Экспорт высокотехнологичной продукции, % от экспорта промышленной продукции стран Балтийского региона, 2007–2020 гг.

Figure 2. Export of high-tech products, % of exports of industrial products of the Baltic region countries, 2007–2020

Источник: High-technology exports (% of manufactured exports) // World Bank. – 2020. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?view=chart> (дата обращения: 22.02.2022).

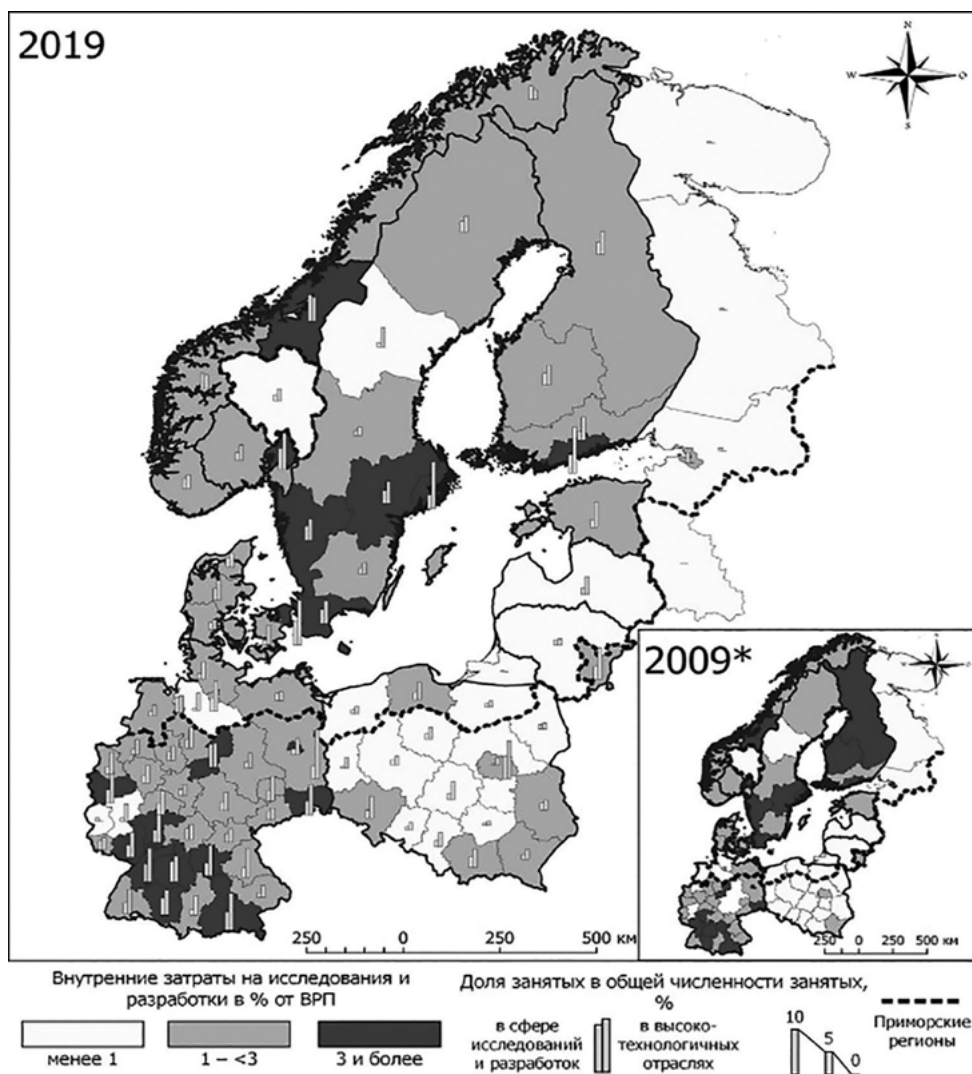

Рисунок 3. Некоторые показатели инновационного развития регионов стран Балтийского региона (2009–2019 гг.) и ряда субъектов СЗФО РФ (2010–2020 гг.)

Figure 3. Individual indicators of innovative development of the Baltic region counties (2009–2019) and the North-Western Federal District of the Russian Federation (2010–2020) at the regional level

Примечание: для субъектов РФ сопоставимые данные о доле занятых в высокотехнологических видах деятельности недоступны.

Источник: Gross domestic expenditure on R&D (GERD) at national and regional level // Eurostat. – 2022. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/science?lang=en&display=list&sort=category&extractionId=TGS00038> (дата обращения: 22.02.2022); Целевые индикаторы реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // Росстат. – 2020. – URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril1\(1\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pril1(1).xls) (дата обращения: 22.02.2022).

изменения в территориальной структуре распределения инвестиций и занятости в сфере исследований и разработок, а также высоких технологий (рисунк 3). Большинство регионов Германии, ряд воеводств Польши нарастили свой инновационный потенциал. В то же время субъекты СЗФО РФ (включая Санкт-Петербург), регионы Финляндии (кроме Аландских островов), Швеции (кроме Западной Швеции) и некоторые другие, напротив, в рассматриваемый период показали тенденцию к его сокращению.

Поляризация инновационного пространства Балтийского региона с прилегающими к нему территориями (рисунк 4) обрела в итоге еще более четко выраженные контуры. Крупнейшими инновационными центрами в 2020–2021 гг. выступали при этом Франкфурт, Копенгаген, Хельсинки, Берлин, Стокгольм, Дюссельдорф, Мюнхен, Варшава, Гамбург, Осло, Санкт-Петербург, Таллин. В 50-километровой приморской зоне также следует выделить столицу Латвии Ригу, шведские Гётеборг, Мальмё, Лунд, немецкий Киль, датские Орхус и Оденсе, польский Гданьск, российский Калининград и финский Эспоо.

Сопряженность инновационной активности и центрo-периферийной стратификации Балтийского региона в итоге не только рельефно выражена, но и предопределяется сочетанием целого ряда как повсеместно действующих факторов (урбанизации, агломерации и др.), так и собственно эффектами «притяжения к морю» (талассоаттрактивности), в том числе благодаря трансакваториальным (трансграничным) взаимосвязям. При этом основными полюсами генерации и накопления интеллектуального капитала выступают наиболее крупные по численности населения приморские города, в которых формируется благоприят-

ная среда для размещения и кластеризации различных типов научных организаций с широкой исследовательской повесткой. В этом случае влияние близости моря мультиплицируется другими факторами пространственного, институционального и социально-экономического характера. В то же время для небольших городов с более скромным вкладом в совокупный для стран Балтийского региона объем научной продукции приморское положение заключает в себе значимые преимущества, в первую очередь связанные с формированием уникальной «морской» специализации научно-технологической и инновационной деятельности.

Связность приморского положения и отраслевой специфики генерируемых знаний и инноваций находит подтверждение в целом ряде исследований (например, см. [Пекер, 2019]). Для стран Балтийского региона это во многом объясняется тем, что «морской фактор» неизменно оказывает ощутимое влияние на развитие торгово-экономических отношений между странами макрорегиона, занимая значимую долю в структуре международных морских перевозок [Каторгин, Тархов, 2021]. В последние годы драйвером данного процесса выступает и китайская инициатива «Один пояс, один путь», обеспечивающая включение балтийских портов в новые динамично формируемые международные транспортные коридоры и стимулирующая их технологическую модернизацию [Larcon, Barré, 2017].

Балтийское море всё в большей мере становится также планетарно значимой инновационной площадкой для развития морских технологий, включая разработку, прототипирование и тестирование новых решений для «синей экономики» (в области экологически чистого и безопасного судоходства; удаленной навигации и автономного управления; автоматизации,

Рисунок 4. Представленность городов стран Балтийского региона в рейтингах инновационного развития (2020–2021 гг.)

Figure 4. Representation of the cities of the Baltic region countries in the innovative development rankings (2020–2021)

Источники: Innovation Cities Index 2021: Top 100 World's Most Innovative Cities // Innovation Cities Program. – 2021. – URL: <https://www.innovation-cities.com/worlds-most-innovative-cities-2021-top-100/25477/> (дата обращения: 19.02.2022); Global Cities Index 2021 // Mori Memorial Foundation. – 2021. – URL: https://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2021_summary.pdf (дата обращения: 19.02.2022); Global Power City Index 2021 // Economist Intelligence. – 2021. – URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/global-liveability-index-2021/> (дата обращения: 19.02.2022); GII 2021 results // Global Innovation Index 2021. – 2021. – URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2021/GII_2021_results.pdf (дата обращения: 19.02.2022); Cities Global Ranking of Startup Ecosystem 2021 // <https://www.startupblink.com/> (дата обращения: 19.02.2022); European Cities and Regions of the Future 2020/21 // fDi Supplement. – 2021. – URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/download/76859/2553325/file/fDi%20European%20Cities%20and%20Regions%20of%20the%20Future%202020-21.pdf> (дата обращения: 19.02.2022); The Intelligent Community Forum Rankings: Sustain 2020 // https://www.intelligentcommunity.org/icf_rankings_by_sustainability (дата обращения: 19.02.2022).

интернатилизации и цифровизации портовой деятельности) [Meskauskienė et al., 2019]. Закономерным следствием интенсификации в странах макрорегиона комплементарных по специализации научно-технологических и инновационных процессов и высокой степени их локализации в прибрежной зоне стало формирование уникальных пространственно-сетевых форм инновационной активности, таких как морской кластер [Meyer et al., 2021b] и морской кластер знаний, экосистемы «умное море» [Meskauskienė et al., 2019] и «умный порт» [Meyer et al., 2021a], обеспечивающих социально-экономическую, технологическую, институциональную связность города и моря. Примеры таких инициатив – морские кластеры в Западной Швеции [Gifford et al., 2021], Ленинградской и Калининградской областях России [Дружинин, 2019], полигон для испытания автономных кораблей в норвежском Тронхейм-фьорд и финская морская экосистема «Единое море» [Meskauskienė et al., 2019], ряд других.

Сфокусированность стран Балтийского региона на развитии широкого спектра морехозяйственных видов деятельности и наращивании потенциала своих портовых систем с созданием благоприятных условий для формирования трансграничных и транснациональных связей объективно повышает роль приморских территорий как генераторов и ретрансляторов технико-экономических инноваций. Наличие же в структуре Балтики ее весомого «русского сегмента» не только обеспечивает присутствие нашей страны в этом приоритетном (с точки зрения не только экономики, инноваций, но и геополитики) морском макрорегионе, но и создает дополнительные возможности для дальнейшего развития Санкт-Петербургской и Калининградской агломераций как ведущих узловых

компонент инновационного пространства Российской Федерации. Повышенная инкорпорированность той или иной приморской территории в трансграничные связи и зависимости (даже на правах полупериферии и периферии, что в существенной мере характерно для Калининграда) объективно повышает статус в «национальной» приморской урбанистической иерархии, не являясь, тем не менее, от комплекса связанных с феноменом периферизации проблемных ситуаций и рисков.

Геополитические и геоэкономические детерминанты центро-периферийного структурирования (на примере Причерноморья)

Структурирование ключевых европейских аквальных макрорегионов подчас протекает по специфической дивергентной модели, примером чему является Причерноморье, где потенциально возможные трансакторные взаимосвязи напрямую лимитированы всё возрастающим по своей амплитуде противостоянием основных геополитических акторов, связанным с прохождением (и наложением) в пределах морского бассейна восточной границы Европейского союза и военно-стратегического влияния НАТО, северных рубежей исламской Уммы, юго-западного сектора России и ее союзников по ОДКБ, а также ареала усиливающейся доминанты Турции [Швец, 2018; Manoli, 2013]. Данные рубежи (как свидетельствуют события последних трех десятилетий) нестатичны, равно как и не всеми внешнеполитическими игроками в равной мере признаны, что продуцирует ситуацию перманентного (в том числе и военно-силового) противостояния. В итоге в настоящее время

Причерноморье являет собой значимое коммуникационное пространство и наряду с этим выступает геокультурным, геополитическим барьером, что существенно трансформирует (в том числе фрагментирует) складывающуюся акваториальную центрально-периферийную структуру.

Асимметричность пространства Причерноморья предопределяется прежде всего демографическим, экономическим и морехозяйственным потенциалом стран данного макрорегиона. Из 74 причерноморских городов (с общей численностью населения более 24 млн человек) в российском и турецком секторах расположены 36, причем проживает в них 84% населения урбанизированных приморских зон (из них 70% – городское приморское население Турции с безусловной доминантой Стамбула).

В морехозяйственной деятельности межстрановые диспропорции проявляются в объемах грузовой работы портов, добычи морских биологических ресурсов и судостроении [Вольхин, 2020]. Последнее пятилетие, в частности, около 50% (более 250 млн т) суммарной грузоперевалки всех черноморско-азовских портов приходилось на Россию (рисунок 5), до 25% – на Украину (с тенденцией на снижение объемов работы из-за спада в экономике). Портовые хозяйства остальных стран обрабатывают в данном бассейне не более 50 млн т грузов в год каждая. Примечательно, что собственно черноморские порты Турции занимают периферийное положение и отличаются малыми масштабами деятельности, так как крупнейшие терминалы этой страны сконцентрированы в акваториях Мраморного, Эгейского и Средиземного морей и ориентированы на иные хинтерланды и форланды.

Проявления поляризации имеют место и в добыче биологических ре-

сурсов. Более 60% общего объема улова рыбы в бассейне концентрирует Турция; удельный вес российских и украинских компаний в 4 раза меньше. Лидерами судостроительной индустрии являются Турция и Россия, локализуя более 80% производства судов в странах Причерноморья. Таким образом, основной морехозяйственный потенциал макрорегиона концентрируется в России и Турции. Украина из-за кризиса, начавшегося в 2014 г. и обострившегося с новой силой в феврале 2022 г., существенно сократила объем своей «морской экономики»; позиции Болгарии, Грузии и Румынии еще менее существенны.

Центро-периферийная архитектура Причерноморья наиболее рельефно проявляется при анализе транзакториальных (трансграничных) торгово-логистических потоков, а также географии внешней торговли (рисунки 5, 6).

До 2014 г. ведущими генераторами торговых и морских транспортных потоков в Причерноморье выступали Россия, Турция и Украина, на них приходилось более 70% суммарной взаимной торговли шести стран мезорегиона. Осложнения во взаимоотношениях между этими странами сократили объемы их взаимной торговли, причем наиболее существенно – на Украине, где экспортно-импортные операции со странами бассейна сократились более чем в 2 раза в 2015–2020 гг. по сравнению с 2012 г. На этом фоне Болгария, Грузия и Румыния, существенно уступающие лидерам, незначительно нарастили свои внешнеторговые показатели.

Маркером центрально-периферийных взаимоотношений способны служить направления внешнеторговых потоков и их соотношение. В структуре взаимной торговли стран Азово-Черноморского бассейна доминирующим поставщиком экспортных грузов является

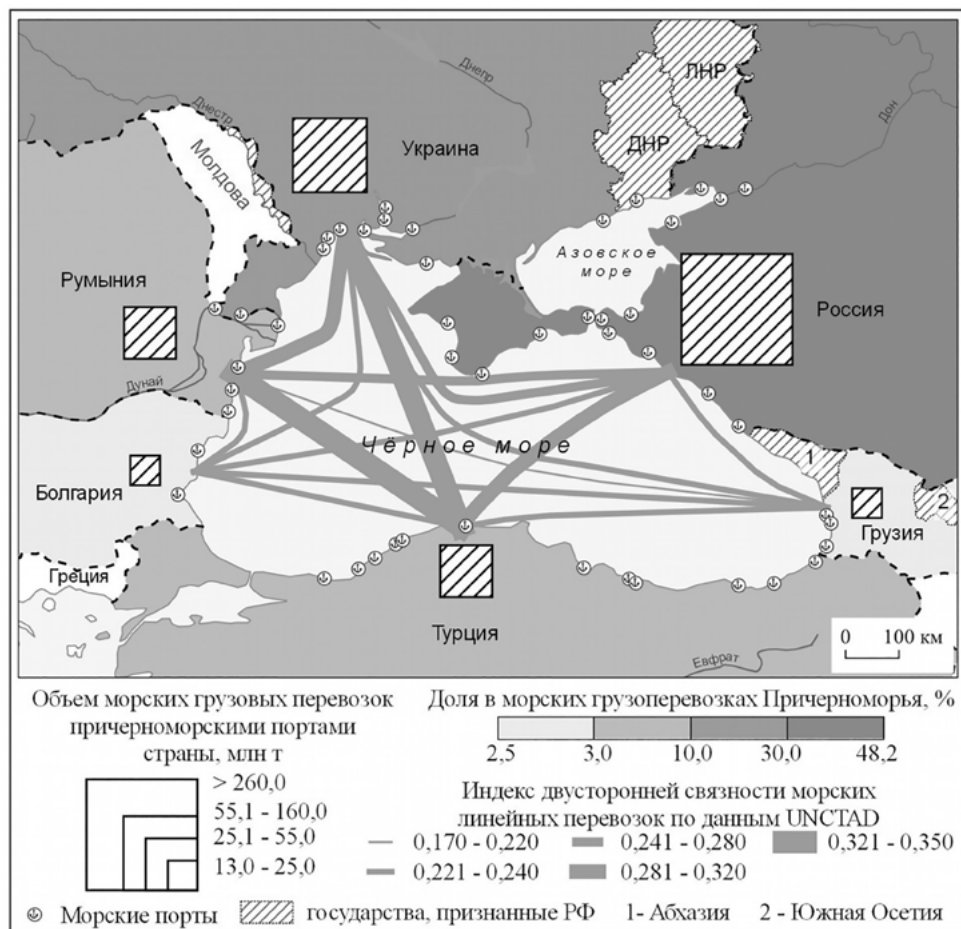

Рисунок 5. Морские транспортно-логистические потоки в Причерноморье, 2019 г.

Figure 5. Maritime transport and logistics in the Black Sea region, 2019

Источник: база данных UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: 15.02.2022).

Россия – единственное государство с положительным торговым балансом во взаимной торговле причерноморского сегмента в 2010–2020 гг. (рисунок 6). Остальные страны, в том числе Турция, обладающая существенным экспортным потенциалом, во взаимной торговле с соседями по Черноморскому бассейну больше импортируют, чем экспортируют.

Еще одним важным аспектом центр-периферийной стратификации яв-

ляется доля стран данного мезорегиона в торговом обороте каждого из государств. Характерно, что чем выше показатели масштабов и уровня экономического развития страны, тем менее существенна доля государств собственно Причерноморья в ее внешней торговле. Подобная зависимость связана с эффектом полимасштабности центр-периферийного структурирования социально-экономического пространства, когда крупные эконо-

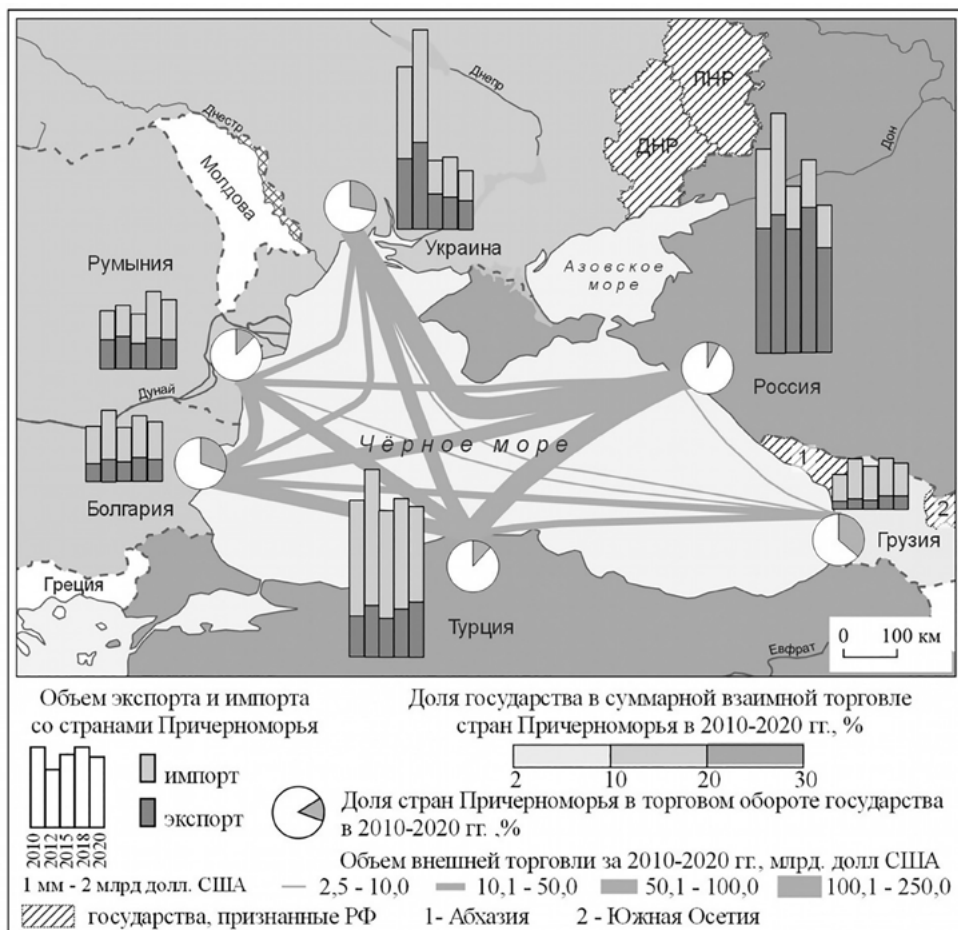

Рисунок 6. Территориальная структура и динамика взаимной внешней торговли стран Причерноморья, 2010–2020 гг.

Figure 6. Territorial structure and dynamics of mutual foreign trade of the Black Sea countries, 2010–2020

Источник: база данных International Trade Center. – URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения: 15.02.2022).

мики (в данном случае Россия и Турция) во внешнеэкономических связях в большей степени ориентированы на глобально значимые геоэкономические центры (Китай, Европейский союз, США, Индию и др.), а иные государства встраиваются в ближайшее геоэкономическое окружение.

Вовлеченность стран в центро-периферийные (в том числе сетевые

и транснациональные) отношения с разноразмерными геоэкономическими центрами (эндогенными и экзогенными) продуцирует эффект вертикальной и горизонтальной полизависимости [Дружинин, 2014]. В транспортно-логистических потоках последняя выражается и в преобладании транзитной функции (прежде всего по транспортировке углеводородов, прочих ресурсов

и продовольствия из России, Украины, Каспийского региона) над функционалом собственно причерноморской межгосударственной коммуникации [Дружинин, Вольхин, 2021]. Основой же внутрирегиональной транспортной связности между странами Причерноморья выступают морские линии Украина – Турция, Румыния – Турция и Россия – Турция, на что указывает значение индекса двусторонней связности морских линийных перевозок (рисунок 5). Сложившаяся конфигурация тем не менее перманентно видоизменяется в русле общей (имеющей место с 2014 г. и вновь резко проявившейся с февраля 2022 г.) геополитической «перебалансировки». Усиление российского влияния в Северном Причерноморье продуцирует дальнейшую метаморфозу формирующейся в макрорегионе центрo-периферийной структуры: ее последовательную фрагментацию на российский (евразийский) и евро-атлантический (включая Турцию с ее обособленной позицией) компоненты; сохранение меридианальной (российско-турецкой) «скрепы» трансчерноморской социально-экономической целостности; пролонгированное укрепление роли Стамбула как доминанты всей циркумпонтийской хозяйственной и селитебной системы.

Геоэкономические, геоисторические, экистические и этнокультурные факторы центрo-периферийной стратификации в регионе Прикаспия

Современная ситуация в Каспийском регионе предопределяется действием сложного комплекса факторов как экономической, так и неэкономической природы [Зонн, Жильцов, 2008]. Былая (советская) акватерриториальная целостность подавляющей ча-

сти Каспия с 1992 г. была в существенной мере утрачена, а реинтеграционные процессы оказались разноаспектными, протекающими к тому же с существенным запаздыванием по сравнению с Причерноморьем и тем более Балтикой.

Доминантным вектором с начала 2000-х годов стала трансформация глобальных и макрорегиональных центрo-периферийных позиций прикаспийских государств бассейна в контексте их углубляющейся специализации на добыче и экспорте углеводородов [Bayulgen, 2009]. Если в 1992 г. душевой ВВП (по ППС, согласно [World Bank, 2022]) для Туркмении и Азербайджана составлял $\frac{3}{4}$ мирового уровня, а для России, Казахстана и Ирана заметно превышал его (на 16, 24 и 42% соответственно), то в 2020 г. ощутимое сокращение показателя для Ирана (до 77,8%) сопровождалось умеренным приближением к среднемировому уровню Азербайджана (85%) и Туркмении (92% по состоянию на 2019 г.), при значимом достигнутом превышении индикатора над мировым в РФ (на 74%) и Казахстане (на 56%) – то есть произошло существенное расхождение траекторий.

«Настройка» газо- и нефтетранспортной системы и ее современная выстроенная архитектура – итог как позиционирования рынков, так и соперничества ключевых акторов спроса в выстраивании (в том числе локализации) потоков. Соответствующая инфраструктура сформировала центральный узел экспорта и транзита в г. Баку; в качестве центров второго порядка выступают Махачкала, Туркменбаши и Актау. При этом если на глобальном уровне доминирование в каспийской нефтедобыче ТНК других стран (а для России компаний, локализованных вне Прикаспия) иллюстрирует периферийность бассейна в ключевой

для него отрасли, то концентрация месторождений (Тенгиз, Азери – Чираг – Гюнешли и Шах-Дениз на юге Каспия, а также имени Филановского и имени Корчагина – на севере) создает полицентричную ее структуру. На уровне всего бассейна (с учетом концентрации добычи других стран вне Каспия) ключевым центром извлечения и транспортировки энергоносителей при этом выступает Азербайджан.

Второй фактор центрирования современной пространственной структуры макрорегиона – индуцирование узлов благодаря развитию их транспортно-транзитных функций (включая расширение портов и паромного сообщения) [Гончаренко и др., 2012; Akbulatov, Bayramli, 2020]. Ключевые позиции здесь безусловно обрели Баку и его порт Алят, где 95% грузооборота составляет транзит. Вторым по значению выступает пул портов России на Каспии и Волге (оборот – 7 млн т в 2021 г.), включая Астрахань и Махачкалу. Локальными узлами служат Актау и Туркменбаши, аналогичные функции выполняют каспийские порты Ирана.

В отличие от Балтики и, тем более, Причерноморья, институциональная среда Каспийского бассейна в последние годы отличается достаточной степенью интегрированности, обретенной вследствие урегулирования территориальных споров в акватории по поводу недр [Mojtahed-Zadeh, Hafeznia, 2003; Saivetz, 2003; Леухова, Пьянов, 2013]. В 2021 г. Азербайджан и Туркмения договорились о разработке нефтегазо-конденсатного месторождения Достлук; достигли соглашения о спорных участках также Азербайджан и Иран. Стали восстанавливаться и утраченные в первые постсоветские годы по-

зиции России в бассейне [Becker, 2000], в том числе благодаря энергетической кооперации [Bahgat, 2007; Cooperation Benefits..., 2014] и всеобъемлющей Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (Актау, 12 августа 2018 г.⁴). Локальные точки роста при этом стимулируются внутренними институциональными режимами (такими как ОЭЗ «Лотос» в Астрахани и портовая ОЭЗ в п. Оля, СЭЗ Энзели), призванными решить проблему моноструктурности экономик стран и их приморских территорий [Рубан, 2003].

Во многом корреспондируя с позициями прикаспийских государств на рынках энергоносителей и пространственными особенностями логистики углеводородов, центрально-периферийная структура Каспийского региона демонстрирует выраженный полиморфизм, предопределяемый геоисторическими, этнокультурными и экостическими обстоятельствами. Так, в русле складывавшейся с начала XIX столетия «колеи зависимости» существенное место в макрорегионе принадлежит его современному российскому сегменту, наращивающему свою центральность по мере реализации Российской Федерацией «евразийского вектора» внешнеполитической и экономической активности. Аналогичным образом продвигаемая в последние годы идеологем «тюркского (турецкого) мира» выступает своего рода зонтичной структурой для Азербайджана, причем последний, в свою очередь, демонстрирует свойства «центральнойности» для многочисленного азербайджанского населения Ирана [Aburas, Demirbas, 2015], а также «завязанного» трансакваториальными связями и потоками на Бакинскую агломерацию восточного побережья Каспия. Имеет

4 Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 11.02.2022).

также место (и принципиально значим) выраженный, существенный для центрo-периферийной структуры градиент заселенности каспийских побережий с севера (Россия, Казахстан) на юг (Азербайджан, Иран). Узловые позиции в приморской селитебной системе устойчиво занимает Бакинская агломерация; центрами второго порядка выступают Махачкала, Астрахань, Туркменбаши, Актау. Экистическая преимущественная моноцентричность Каспийского региона в итоге сочетается с его этнокультурным и геоисторическим полицентризмом, дополняемым хрупким (но жизненно необходимым для всех прикаспийских государств) «балансом» геополитических и геоэкономических интересов и взаимодействий. При этом детерминантой последующего продуктивного развертывания каспийского морского региона является устойчиво поддерживаемая в пределах Каспия военно-стратегическая стабильность, гарантом которой в существенной мере выступает именно Российская Федерация.

Выводы

Мировой океан и его отдельные акватории, структурируя Человечество на относительно обособленные территориальные общности и одновременно предопределяя возможности для их коммуникационного единства, продуцируют континуально-дискретную, полимасштабную «размытую» и весьма неустойчивую (по сравнению с «внутриконтинентальными» аналогами) центрo-периферийную стратификацию. При этом основные ее проявления наиболее четко выражены в пределах относительно обособленных, по своему сухопутному контуру плотно заселенных и инфраструктурно обустроенных «средиземных» мо-

рей. Различия между «центром» (центрами) и соответствующей ему периферией в них напрямую предопределяются трансакваториальными (в весомой мере именно трансграничными) взаимодействиями и корреспондируют с трендами «морского» регионогенеза. В его ритмике и логике основные (наиболее значимые) географические (в том числе социально-экономические) градиенты проявляются не только непосредственно «на стыке» суши и моря [Родоман, 1999], но также между приморскими и «внутриконтинентальными» территориями, между собственно приморскими центрами (в рамках конкретного побережья, морского бассейна, всего Мирового океана) и, наконец, между де-факто сложившимися морскими регионами. Выстраивая собственные центрo-периферийные зависимости, «фактор моря» дополняет, корректирует всю пространственную социально-экономическую стратификацию, усложняет ее «рисунки».

Активное формирование в постсоветский период на рубежах России морских трансграничных регионов (включая Балтийский, Причерноморский и Каспийский) сопровождается их центрo-периферийным структурированием, в свою очередь детерминируемым обстоятельствами геоистории, а также этнокультурными, экистическими, геоэкономическими и, в особой мере, геополитическими факторами. Последние (по мере эскалации конфликта в системе «Россия – Запад») лимитируют динамику и позитивные эффекты морского регионогенеза, одновременно усиливая проявления полиморфизма в приуроченных к соответствующим акваториям трансграничных центрo-периферийных структурах. Сохраняя в современном предельно сложном геостратегическом контексте магистральную установку на полноценное участие в «морских»

региональных интеграционных процессах, Российская Федерация должна учитывать также потенциальные риски дальнейшей периферизации находящихся в ее юрисдикции балтийского, черноморского и каспийского побережий, купируя их в том числе и мерами федеральной пространственной политики, которая призвана (всё более учитывая обстоятельства при- и трансграничных взаимосвязей и зависимостей [Кузнецов, Кузнецова, 2019]) быть в максимальной степени сфокусированной на приморских территориях нашей страны, ее обширном морском порубежье.

Список литературы

- Алхименко А.П., Цветков В.Ю. Балтийское море: Международный природно-хозяйственный регион. – Санкт-Петербург : РГО, 2002. – 45 с.
- Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2015. – № 5. – С. 8–19. – DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19.
- Вольхин Д.А. Морское хозяйство Крыма в интеграционно-деинтеграционных процессах в Причерноморье // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 5–21.
- Гончаренко С.С., Долманов А.А., Али А.А. Развитие межрегионального транспортно-экономического сотрудничества и интеграции в Каспийском регионе (на примере Астраханской области) // Вестник транспорта. – 2012. – № 9. – С. 29–38.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – Москва : Наука, 1991. – 168 с.
- Добрански С. Формирование Черноморского сообщества // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 177–181.
- Дружинин А.Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – № 3. – С. 29–40.
- Дружинин А.Г. Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 136–151. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-8.
- Дружинин А.Г. Евразийские векторы морехозяйственной активности России (общественно-географические проекции) // География и природные ресурсы. – 2020. – № 2. – С. 5–14. – DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-2(5-14).
- Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2021. – 270 с.
- Дружинин А.Г., Вольхин Д.А. Интеграционный потенциал морехозяйственной активности в современном Причерноморье: факторы формирования, особенности и приоритеты реализации // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4. – С. 5–16.
- Зонн И.С., Жильцов С.С. Новый Каспий: география, экономика, политика. – Москва : Восток-Запад, 2008. – 544 с.
- Каторгин А.Д., Тархов С.А. Территориальная структура паромного сообщения в акватории Балтийского моря // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 108–124. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-6.
- Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. – 2008. – № 5. – С. 8–20.

Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 6. – С. 58–75. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.

Леухова М.Г., Пьянов А.Е. Проблема правового статуса Каспийского моря в отношениях прикаспийских государств в 1990–2000 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 2–3 (54). – С. 235–240.

Пекер И.Ю. Научное сотрудничество стран Балтийского региона по теме морского пространственного планирования // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 3 (39). – С. 47–57. – DOI: 10.37490/S221979310011814-8.

Пилясов А.Н., Клименко Н.А. Балтийский макрорегион: географические макроструктуры, специфика коммуникации, инновационный потенциал // Балтийский регион. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 71–87.

Подходы к определению понятия «Балтийский регион» / Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Фёдоров Г.М. // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 7–28. – DOI: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.

Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. – Смоленск : Ойкумена, 1999. – 256 с.

Рубан Л.С. Каспий – море проблем. – Москва : Наука, 2003. – 168 с.

Слевич С.Б. Океан: ресурсы и хозяйство. – Ленинград : Гидрометеиздат, 1988. – 315 с.

Трансграничное кластерообразование в приморских зонах Европейской части России: факторы, модели, экономические и экистические эффекты / Дружинин А.Г., Вольхин Д.А., Гонтарь Н.В., Горочная В.В., Дец И.А., Лачининский С.С., Михайлов А.С., Самусенко Д.Н., Сухинин С.А., Фёдоров Г.М. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. – 421 с.

Третьякова Е.А., Носков А.А. Инновационная деятельность регионов Северо-Западного федерального округа: сопоставительный оценочный анализ // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 4–22. – DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-1.

Фёдоров Г.М. Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. – 2013. – Т. 15, № 1. – С. 7–26. – DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-1.

Фёдоров Г.М., Кузнецова Т.Ю. Территориальные особенности развития прибрежных микрорайонов Балтийского региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 137–150. – DOI: 10.17059/2019-1-11.

Швец А.Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14), № 2. – С. 19–29.

Aburas H., Demirbas A. The Caspian Sea Basin, Middle East Petroleum Resources, and the Importance of Turkey // Petroleum science and technology. – 2015. – Vol. 33, N 4. – P. 397–405. – DOI: 10.1080/10916466.2014.984075.

Akbulaev N., Bayramli G. Maritime transport and economic growth: Interconnection and influence (an example of the countries in the Caspian Sea coast; Russia, Azerbaijan, Turkmenistan, Kazakhstan and Iran) // Marine Policy. – 2020. – Vol. 118, N 104005. – DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104005.

Bahgat G. Prospects for energy cooperation in the Caspian Sea // Communist and Post-Communist Studies. – 2007. – Vol. 40, N 2. – P. 157–168. – DOI: 10.1016/j.postcomstud.2007.03.006.

Bayulgen O. Caspian energy wealth social impacts and implications for regional stability // Politics of transition in central Asia and the Caucasus: enduring legacies and emerging challenges. – 2009. – P. 163–188.

Becker A.S. Russia and Caspian oil: Moscow loses control // *Post-Soviet Affairs*. – 2000. – Vol. 16, N 2. – P. 91–132. – DOI: 10.1080/1060586X.2000.10641483.

Cooperation benefits of Caspian countries in their energy sector development / De Miglio R., Akhmetbekov Y., Baigarin K., Bakdolotov A., Tosato G.C. // *Energy Strategy Reviews*. – 2014. – N 4. – P. 52–60. – DOI: 10.1016/j.esr.2014.09.002.

Druzhinin A.G., Lachininskii S.S. Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, N 3. – P. 336–348. – DOI: 10.1134/S2079970521030035.

European innovation scoreboard 2021 // European Commission. – 2021. – URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en (дата обращения: 08.02.2022).

Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. The evolution of knowledge-intensive innovation ecosystems: co-evolving entrepreneurial activity and innovation policy in the West Swedish maritime system // *Industry and Innovation*. – 2021. – Vol. 28, N 5. – P. 651–676. – DOI: 10.1080/13662716.2020.1856047.

The IMD World Competitiveness Ranking // IMD World Competitiveness Center. – 2021. – URL: <https://worldcompetitiveness.imd.org/rankings/WCY> (дата обращения: 08.02.2022).

Larcon J.-P., Barré G. China Meets Europe by the Baltic Sea // *The New Silk Road: China Meets Europe in the Baltic Sea Region: A Business Perspective*. – 2017. – P. 1–20. – DOI: 10.1142/9789813221819_0001.

Manoli P. *The Dynamics of Black Sea Subregionalism*. – New York : Routledge, 2013. – 270 p.

Mee L. Between the devil and the deep blue sea: the coastal zone in an era of globalisation // *Estuarine Coastal and Shelf Science*. – 2012. – Vol. 96, N 1. – P. 1–8. – DOI: 10.1016/j.ecss.2010.02.013.

Meskauskienė V., Öörni A., Sell A. When the Sea meets City: Transformation towards a Smart Sea in Finland // *HICSS Proceedings*. IEEE Computer Society. – 2019. – P. 3119–3128. – DOI: 10.24251/HICSS.2019.377.

Meyer Ch., Gerlitz L., Henesey L. Cross-Border Capacity-Building for Port Ecosystems in Small and Medium-Sized Baltic Ports // *Journal of European Studies*. – 2021. – Vol. 11, N 1 (33). – P. 113–132. – DOI: 10.2478/bjes-2021-0008.

Meyer Ch., Philipp R., Gerlitz L. Reinforcing Innovation and Competitiveness of SMEs by New Maritime Clustering Initiatives in South Baltic Sea Region // *Reliability and Statistics in Transportation and Communication. RelStat. Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2021. – Vol. 195. – P. 633–648. – DOI: 10.1007/978-3-030-68476-1_59.

Mikhaylov A.S., Gorochay V.V. Divergence of coastal cities in the Baltic region by knowledge production capabilities // *European Journal of Geography*. – 2021. – Vol. 12 (1). – P. 6–18. – DOI: 10.48088/ejg.a.mik.12.1.006.018.

Mojtahed-Zadeh P., Hafeznia M.R. Perspectives on the Caspian Sea dilemma: An Iranian construct // *Eurasian geography and economics*. – 2003. – Vol. 44, N 8. – P. 607–616. – DOI: 10.2747/1538-7216.44.8.607.

Saivetz C.R. Perspectives on the Caspian Sea dilemma: Russian policies since the Soviet demise // *Eurasian geography and economics*. – 2003. – Vol. 44, N 8. – P. 588–606. – DOI: 10.2747/1538-7216.44.8.588.

Small C., Nicholls R.J. A global analysis of human settlement in coastal zones // *Journal of Coastal Research*. – 2003. – Vol. 19, N 3. – P. 584–99.

Waever O. Culture and Identity in the Baltic // *Cooperation in the Baltic Sea*. – 1993. – P. 23–50.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.02

Central-peripheral Structuring in Maritime Transborder Regionalization (on the Example of the Baltic, the Caspian and the Black Sea Region)

Alexander G. DRUZHININ

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research
Institute of Economic and Social Problems

Southern Federal University,

B. Sadovaya Street, 105, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Denis A. VOLKHIN

Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Akademika Vernadskogo Avenue, 4, Simferopol, Russian Federation, 295007

E-mail: lomden@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6975-559X

Nikolay V. GONTAR

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher
of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems

Southern Federal University,

B. Sadovaya Street, 105, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006

E-mail: passat01@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7310-1828

Anna A. MIKHAYLOVA

Candidate of Geographical Sciences, Senior research fellow

Immanuel Kant Baltic Federal University,

Alexander Nevsky Street, 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6807-6074

CITATION: Druzhinin A.G., Volkhin D.A., Gontar N.V., Mikhaylova A.A.

Central-peripheral Structuring in Maritime Transborder Regionalization

(on the Example of the Baltic, the Caspian and the Black Sea Region). *Outlines
of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 24–46 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.02

Received: 06.03.2022.

Revised: 02.04.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00022 in the Southern Federal University.

ABSTRACT. *The processes of cross-border regionalization (including within certain marine areas) are accompanied by further complication of the socio-economic space structure, the multi-velocity dynamics of its components, as well as the effects of polarization and concentration. This context significantly increases the theoretical and applied significance of the center-peripheral analysis, initiating a permanent adjustment of its tools, taking into account the specifics of the formation and functioning of the center-peripheral structures in the marine cross-border regions that outline the Russian border. The article focuses on the identification of the marine component of the center-peripheral stratification of spatial socio-economic dynamics, as well as the substantiation of specific factors, manifestations and effects of the center-periphery dichotomy in the marine cross-border regions of Russia. Priority attention is paid to identifying the common and specific features in the center-peripheral structuring of the Baltic region, the Caspian region, and the Black Sea region. A significant dependence of the center-peripheral architecture (and the place of the Russian coastal territories in it) on the maturity of the cross-border region, the degree of heterogeneity of its morphostructure, as well as the parameters of maritime activity has been established. An assessment is made of the impact on the center-peripheral positioning of innovation dynamics (including the development of the innovation economy sector, the diffusion of advanced production technologies, the digitalization of the economy and society, the generation of scientific knowledge, etc.), as well as geopolitical, ethnocultural and geo-historical determinants. It is shown that the incorporation of a particular coastal territory into cross-border relations objectively raises its status in the national center-periphery hierarchy, without eliminating*

problematic situations and risks associated with potentially possible (and multidimensionally manifested in the conditions of the Russian maritime border) peripherization.

KEYWORDS: *maritime regions, cross-border regionalization, center-peripheral stratification, innovations, Russia, Baltic region, Black Sea region, Caspian region.*

References

- Aburas H., Demirbas A. (2015). The Caspian Sea Basin, Middle East Petroleum Resources, and the Importance of Turkey. *Petroleum science and technology*, vol. 33, no. 4, pp. 397–405. DOI: 10.1080/10916466.2014.984075.
- Akbulaev N., Bayramli G. (2020). Maritime transport and economic growth: Interconnection and influence (an example of the countries in the Caspian Sea coast; Russia, Azerbaijan, Turkmenistan, Kazakhstan and Iran). *Marine Policy*, vol. 118, no. 104005. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104005.
- Alkhimenko A.P., Tsvetkov V.Yu. (2002). *Baltic Sea: International natural and economic region*. St. Petersburg: Russian Geographical Society, 45 pp. (in Russian).
- Bahgat G. (2007). Prospects for energy cooperation in the Caspian Sea. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 40, no. 2, pp. 157–168. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2007.03.006.
- Baklanov P.Y. (2015). Pacific Russia: Geographical and Geopolitical Factors of Development. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 5, pp. 8–19 (in Russian). DOI: 10.15356/0373-2444-2015-5-8-19.
- Bayulgen O. (2009). Caspian energy wealth social impacts and implications

for regional stability. *Politics of transition in central Asia and the Caucasus: enduring legacies and emerging challenges*, pp. 163–188.

Becker A.S. (2000). Russia and Caspian oil: Moscow loses control. *Post-Soviet Affairs*, vol. 16, no. 2, pp. 91–132. DOI: 10.1080/1060586X.2000.10641483.

Cooperation benefits of Caspian countries in their energy sector development (2014). De Miglio R., Akhmetbekov Y., Baigarin K., Bakdolotov A., Tosato G.C. *Energy Strategy Reviews*, no. 4, pp. 52–60. DOI: 10.1016/j.esr.2014.09.002.

Dobransky S. (2013). The formation of a Black sea community. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 177–181 (in Russian).

Druzhinin A.G. (2014). Polydependence in the center-periphery stratification of the territorial organization of society: the basic of concepts. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: Vestnik Assotsiatsii Rossiyskikh Geografov-obshchestvovedov*, no. 3, pp. 29–40 (in Russian).

Druzhinin A.G. (2019). Large business in the coastal zones of Russia: features and factors of localization. *Baltic region*, vol. 11, no. 4, pp. 136–151 (in Russian). DOI: 10.5922/2078-8555-2019-4-8.

Druzhinin A.G. (2020). Eurasian vectors of maritime economic activity of Russia: social-geographical projections. *Geography and Natural Resources*, no. 2, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-2(5-14).

Druzhinin A.G. (2021). *The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis*, Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 270 pp. (in Russian).

Druzhinin A.G., Lachininskii S.S. (2021). Russia in the World Ocean: Interests and Lines of Presence. *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. 3, pp. 336–348. DOI: 10.1134/S2079970521030035.

Druzhinin A.G., Volkhin D.A. (2021). Integration Potential of Marine Economic Activity in the Modern Black Sea Re-

gion: Factors of Formation, Features and Priorities of Implementation. *Scientific thought of Caucasus*, no. 4, pp. 5–16 (in Russian).

European Commission (2021). European innovation scoreboard 2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en, accessed 20.02.2022.

Fedorov G.M. (2013). Innovations in The Baltic sea region and network cooperation between Russia and the EU. *Baltic region*, no. 1, pp. 4–18 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-1.

Fedorov G.M., Kuznetsova T.Yu. (2019). The coastal microdistricts of the Baltic region: the spatial aspects of development. *Economy of Region*, vol. 15, no. 1, pp. 137–150 (in Russian). DOI: 10.17059/2019-1-11.

Gifford E., McKelvey M., Saemundsson R. (2021). The evolution of knowledge-intensive innovation ecosystems: co-evolving entrepreneurial activity and innovation policy in the West Swedish maritime system. *Industry and Innovation*, vol. 28, no. 5, pp. 651–676. DOI: 10.1080/13662716.2020.1856047.

Goncharenko S.S., Dolomanov A.A., Ali A.A. (2012). Development of interregional transport and economic cooperation and integration in the Caspian region (on the example of the Astrakhan region). *Transport Massanger*, no. 9, pp. 29–38 (in Russian).

Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. (1991). *Centre and Periphery in Regional Development*, Moscow: Nauka. 168 pp. (in Russian).

IMD World Competitiveness Center (2021). The IMD World Competitiveness Ranking. Available at: <https://worldcompetitiveness.imd.org/rankings/WCY>, accessed 20.02.2022.

Katorgin A.D., Tarkhov S.A. (2021). The spatial structure of Baltic Sea ferry services. *Baltic region*, vol. 13, no. 3,

pp. 108–124 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-6.

Kolosov V.A. (2008). Geography of state borders: ideas, achievements, practice. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 5, pp. 8–20 (in Russian).

Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. (2019). The changing role of border regions in the regional policies of the EU and Russia. *Baltic Region*, vol. 11, no. 4, pp. 58–75 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.

Larcon J.-P., Barré G. (2017). China Meets Europe by the Baltic Sea. *The New Silk Road: China Meets Europe in the Baltic Sea Region: A Business Perspective*, New Jersey: World Scientific, pp. 1–20. DOI: 10.1142/9789813221819_0001.

Leukhova M.G., Pyanov A.E. (2013). The problem of the legal status of the Caspian Sea in the relations of the Caspian states in 1990–2000. *Bulletin of KemSU*, no. 2-3 (54), pp. 235–240 (in Russian).

Manoli P. (2013). *The Dynamics of Black Sea Subregionalism*, New York : Routledge, 270 pp.

Mee L. (2012). Between the devil and the deep blue sea: the coastal zone in an era of globalization. *Estuarine Coastal and Shelf Science*, vol. 96, no. 1, pp. 1–8. DOI: 10.1016/j.ecss.2010.02.013.

Meskauskienė V., Öörni A., Sell A. (2019). When the Sea meets City: Transformation towards a Smart Sea in Finland. *HICSS Proceedings. IEEE Computer Society*, 2019, pp. 3119–3128. DOI: 10.24251/HICSS.2019.377.

Meyer Ch., Gerlitz L., Henesey L. (2021). Cross-Border Capacity-Building for Port Ecosystems in Small and Medium-Sized Baltic Ports. *Journal of European Studies*, vol. 11, no. 1 (33), pp. 113–132. DOI: 10.2478/bjes-2021-0008.

Meyer Ch., Philipp R., Gerlitz L. (2021). Reinforcing Innovation and Competitiveness of SMEs by New Maritime Clustering Initiatives in South Baltic Sea Region. *Reliability and Statistics in Transport*

tation and Communication. (eds. Kabashkin I., Yatskiv I., Prentkovskis O.) RelStat. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 195, pp. 633–648. DOI: 10.1007/978-3-030-68476-1_59.

Mikhaylov A.S., Gorochnaya V.V. (2021). Divergence of coastal cities in the Baltic region by knowledge production capabilities. *European Journal of Geography*, vol. 12, no. 1, pp. 6–18. DOI: 10.48088/ejg.a.mik.12.1.006.018.

Mojtahed-Zadeh P., Hafeznia M.R. (2003). Perspectives on the Caspian Sea dilemma: An Iranian construct. *Eurasian geography and economics*, vol. 44, no. 8, pp. 607–616. DOI: 10.2747/1538-7216.44.8.607.

Peker I.Yu. (2019). Baltic sea region scientific collaboration in marine spatial planning. *Pskov Journal of Regional Studies*, no. 3 (39), pp. 47–57 (in Russian). DOI: 10.37490/S221979310011814-8.

Pilyasov A., Klimenko N. (2011). The Baltic macroregion: geographical macrostructures, communication features, innovative potential. *Baltic region*, no. 3, pp. 71–87 (in Russian).

Podkhody k opredeleniyu... (2017). Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G.M. Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region. *Baltic region*, vol. 9, no. 4, pp. 7–28 (in Russian). DOI: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.

Rodoman B.B. (1999). *Spatial areas and networks*, Smolensk: Oikumena, 256 pp. (in Russian).

Ruban L.S. (2003). *The Caspian Sea is a sea of problems*, Moscow: Nauka, 168 pp. (in Russian).

Saivetz C.R. (2003). Perspectives on the Caspian Sea dilemma: Russian policies since the Soviet demise. *Eurasian geography and economics*, vol. 44, no. 8, pp. 588–606. DOI: 10.2747/1538-7216.44.8.588.

Shvets A.B. (2018). Geopolitical stability and challenges of the Black Sea region. *Geopolitics and Ecogeodynamics*

of regions, vol. 4, no. 2. pp. 19–29 (in Russian).

Slevich S.B. (1988). *Ocean: resources and economy*, Leningrad: Gidrometeoizdat, 315 pp. (in Russian).

Small C., Nicholls R.J. (2003). A global analysis of human settlement in coastal zones. *Journal of Coastal Research*, vol. 19, no. 3, pp. 584–99.

Transgranichnoye klasteroobrazovaniye... (2017). Druzhinin A.G. et al. *Cross-border cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, the economic and ekistic effects*, Rostov-on-Don : Publishing House of the Southern Federal University, 421 pp. (in Russian).

Tretyakova E.A., Noskov A.A. (2021). Innovation performance of Russia's North-western regions: a comparative evaluation. *Baltic region*, vol. 13, no. 1, pp. 4–22 (in Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-1.

Volkhin D.A. (2020). Crimean marine economy in integration and disintegration processes in the Black Sea region. *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, vol. 6, no. 4, pp. 5–21. (in Russian).

Waever O. (1993). Culture and Identity in the Baltic. *Cooperation in the Baltic Sea*, pp. 23–50.

Zonn I.S., Zhil'tsov S.S. (2008). *New Caspian. Geography, economics, politics*, Moscow: Vostok-Zapad Publ, 544 pp. (in Russian).

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций

Алексей Николаевич БОГДАНОВ

кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
E-mail: enlil82@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9608-0708

ЦИТИРОВАНИЕ: Богданов А.Н. Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 47–68.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

Статья поступила в редакцию 19.04.2022.

Исправленный текст представлен 21.06.2022.

АННОТАЦИЯ. В условиях нарастающей тенденции к оспариванию гегемонии США со стороны «восходящих держав» проблема легитимации доминирования в международной политике приобретает особую значимость. Вместе с тем наиболее влиятельные западные теории (неореализм, неолиберальный институционализм, социальный конструктивизм, неомарксизм) исследуют эту проблему либо на уровне действий и свойств отдельных государств, либо на уровне материальных, социальных и идеологических структур, призванных обеспечить воспроизводство политического неравенства. Такая ситуация затрудняет формирование целостного понимания механизмов легитимации доминирования

в международной политике. Стремясь способствовать преодолению этой двойственности, автор статьи опирается на идейное наследие Английской школы и исследует стратегии легитимации американской гегемонии, посредством которых США стремятся обеспечить признание своего привилегированного положения. Автор фокусируется на ключевых гегемонистских ролях США: «лидер», «блеститель», «гарант безопасности» и «гарант процветания» – с тем, чтобы раскрыть механизмы, обеспечивающие сопряжение между политикой Вашингтона и «первичными целями» современного международного общества. Применение данного подхода позволяет включить в исследование переменные как «унитарно-

го» (действия и идеи гегемонистского государства), так и «структурного» (ролевые предписания и коллективные цели сообщества государств) уровней и, таким образом, сформировать более всеобъемлющее понимание механизмов легитимации «американской гегемонии» после окончания холодной войны. Автор приходит к выводу, что преследуемые Соединёнными Штатами Америки ролевые практики легитимности не только обеспечивают воспроизводство властных отношений, но также содержат латентный источник напряжения, подрывающий «американскую гегемонию» в условиях соперничества между США и «восходящими державами».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, гегемония, легитимность, Английская школа.

Введение

По мере того как эрозия материального превосходства и нормативного лидерства США становится более заметной, а «либеральный мировой порядок» сталкивается с вызовом со стороны восходящих держав, проблема легитимности доминирования в международной политике приобретает особый исследовательский интерес. В западной научной литературе можно выделить несколько магистральных подходов к изучению этой проблематики. *Неореалистские теории* («теория транзита власти», «теория гегемонистской стабильности», «теория цикла мощи») фокусируются на способности доминирующих держав поддерживать выгодный для второстепенных государств статус-кво с помощью идеологии и системных правил [Organski, 1969, p. 364; Kugler, Organski, 1988, p. 116], экспортирования своего политического режима и экономической модели в международном масштабе [Lemke, 2002, p. 22],

а также предоставления «общественных благ» [Gilpin, 1981, p. 34]. Практическая реализация этих способностей предполагает исполнение доминирующей державой специфических функций («ролей»), обеспечивающих приемлемое распределение выгод среди менее могущественных государств и целостность всей международной системы, что в конечном счете обеспечивает легитимность власти «гегемона». Так, согласно сторонникам теории цикла мощи (*power cycle theory*), могущественные державы склонны легитимировать свою власть путем исполнения «системных внешнеполитических ролей», включающих неформальные обязательства, обусловленные положением государства в международной системе и его способностью обеспечивать безопасность других государств [Doran, 1991, p. 30–31]. Важно отметить, что эти роли обусловлены не только преобладающими ресурсами доминирующих держав, но также социальными ожиданиями политических элит других государств, которые «наблюдают различные проявления внешней политики [доминирующего государства] и формируют представление о роли этого государства в международных делах» [Lahneman, 2003, p. 100]. Таким образом, воспринимаемая легитимность могущественной державы зависит от внешних ролевых предписаний, формирующих «признаваемую нишу, внутри которой страна может использовать свою мощь» и которая «меняется в зависимости от целей государства, его стратегии, материальных ресурсов, а также готовности других акторов принять эту роль» [Doran, 2003, p. 31]. Сторонники *либерально-институционалистского подхода* рассматривают проблему легитимности доминирования с точки зрения центральной роли гегемонистских институтов и режимов, которые создаются могущественными державами

для поддержания базовых правил, управляющих международными отношениями [Keohane, Nye-jr., 1977, p. 44]. Согласно этому пониманию, легитимность «американской гегемонии» опирается на многосторонние форматы (союзы, партнерства, международные организации), снижающие тревогу второстепенных государств относительно власти асимметрии [Ikenberry, 2006, p. 190–191], присущей современной международной системе, а также на кооперативную безопасность, союзническое партнерство и демократическую солидарность [Ikenberry, 2010, p. 512]. Кроме того, эти институты поддерживают взаимовыгодные политические сделки («контракты») между доминирующим и менее могущественными государствами, в рамках которых первое соглашается обеспечивать порядок в обмен на контроль над суверенными правами последних. Международные иерархии, произрастающие из таких сделок, придают легитимность властным отношениям, внутри которых подчиненные государства оказываются зависимыми от структур авторитета, поддерживающих существующий политический порядок [Lake, 2009, p. 29–30]. Согласно этой логике, пока выгоды второстепенных держав от создаваемых доминирующим государством международных иерархий остаются значительными, весь гегемонистский порядок рассматривается как легитимный. Если же издержки возрастают и политические предпочтения становятся отличными от предпочтений гегемона, легитимность иерархии будет ослабевать [Lake, 2013, p. 75–76], что неминуемо влечет за собой упадок гегемонистского лидерства.

Как следует из аргументов сторонников *конструктивистского подхода*, легитимность господства одного государства над другими обеспечивает-ся благодаря идеологическим структу-

рам, социальным практикам, институционализированным нормам и интерсубъективным смыслам [Hopf, 1998, p. 199], придающим доминированию нормативный характер. При этом степень влияния могущественной державы определяется способностью обеспечивать международное признание его идентичности и оправдывать свои действия посредством апелляции к нормам общепринятого поведения. Кроме того, участники политических отношений должны принять социальную структуру, в рамках которой применяется власть, что предполагает трансформацию мощи в рационально-легальное полномочие с помощью международных организаций и правил, подкрепленных набором ценностей и разделяемых интересов, которые обеспечивают согласие и поддержку со стороны менее могущественных держав [Finnemore, 2009, p. 68]. В результате доминирование одной державы преобразуется в «гегемонию» как особый тип мирового порядка, в котором «общепринятые процедурные и субстантивные нормы цементируют социальную иерархию, снижая необходимость использования принуждения» [Reus-Smith, 2004, p. 66] и обеспечивая воспроизводство властных отношений.

Наконец, последователи неограмшианского подхода, сформировавшегося в рамках *неомарксистской теории*, рассматривают «гегемонию» как особый тип легитимного правления, опирающегося на создаваемый доминирующим государством порядок, функционирующий в соответствии с общими принципами, которые обеспечивают сохранение превосходства государства-лидера, но в то же время обеспечивают удовлетворение интересов менее могущественных государств [Cox, 1987, p. 7]. Важно отметить, что этот гегемонистский мировой порядок опирается не только на ресурсы

государства-лидера, но также на идеи и институты, вовлеченные в процесс проецирования мощи доминирующей державы. В то время как «ресурсы» соотносятся с экономическим и военным потенциалом, «идеи» включают разделяемые представления о природе и истоках легитимности существующих властных отношений, а «институты» представляют собой наборы правил, отражающих преобладающие властные отношения и поддерживающие коллективные образы, соответствующие этим отношениям, благодаря чему весь общественный порядок обретает устойчивость. При этом именно институты играют ключевую роль в процессе легитимации доминирования, поскольку они закрепляют нормы международного порядка, кооптируют и социализируют политические элиты второстепенных государств, а также поглощают и делегитимируют антигегемонистские идеи [Cox, Sinclair, 1996, p. 137–138].

В целом обозначенные теоретические течения рассматривают легитимность доминирования как обусловленную либо действиями могущественных держав (предоставление «общественных благ», поддержание системных правил, защита статус-кво, соответствие внешним ролевым ожиданиям и т. д.), либо различными *структурами* (рациональными, идеологическими, институциональными и т. д.), оправдывающими и закрепляющими сложившиеся властные отношения. Как следствие, сохраняется известная методологическая двойственность, обусловленная существованием двух слабо связанных между собой уровней анализа, что затрудняет формирование целостного подхода к изучению стратегий легитимации гегемонистского правления. Для преодоления этой двойственности автор статьи привлекает теоретико-методологические принципы Английской школы, предполагающие исследование

проблемы легитимации доминирования во взаимосвязи с гегемонистскими ролями, успешное исполнение которых способствует увязыванию действий могущественной державы с коллективными целями международного общества. Достижение этой цели подразумевает анализ природы гегемонистской легитимности, а также изучение «ролевых» стратегий легитимации, посредством которых Соединённые Штаты Америки стремились обеспечить признание их доминирующего положения в современной международной системе. Таким образом, включение в исследование переменных «унитарного» (действия и идеи гегемонистского государства) и «структурного» (ролевые предписания и коллективные цели сообщества государств) уровней позволит сформировать более всеобъемлющее понимание механизмов воспроизводства американской гегемонии после завершения холодной войны.

Международное общество и проблема «гегемонистской» легитимности

Согласно устоявшимся теоретическим представлениям, стабильное функционирование любого общества предполагает наличие консенсуса относительно того, что существующие властные отношения являются «законными и уместными в рамках социально сконструированной системы норм, ценностей и убеждений» [Suchman, 1995, p. 574]. С этой точки зрения именно «легитимность» определяет способность общественных систем конвертировать доминирование в авторитет и, как следствие, обеспечивает воспроизводство отношений господства и подчинения. Применительно к международному обществу, понимаемому сторонниками Английской школы как

группа регулярно взаимодействующих государств, объединенных правилами, ценностями и институтами [Bull, 1995, p. 202], проблема легитимации властных отношений приобретает особую важность в силу анархичной природы мировой политики. Так, в условиях отсутствия высшей легитимной власти за пределами национальных границ государства постоянно сталкиваются с необходимостью обеспечивать признание своих действий как приемлемых или желательных в контексте сложившихся представлений о коллективных целях международного общества. Особую роль соображения легитимности играют в политике доминирующих держав, поскольку поддерживаемый исключительно за счет материального превосходства международный порядок увеличивает риски дезинтеграции гегемонистской системы правления, усиливает дефицит доверия, а также создает стимулы для сопротивления со стороны второстепенных государств [Wight, 2006, p. 130]. Поэтому могущественные государства заинтересованы в том, чтобы быть признанными в качестве полноправных суверенов, а также создателей и интерпретаторов правил, наделенных полномочиями на применение силы [Rapkin, Braaten, 2009, p. 120]. С этой целью они соглашаются принять ограничения на свое поведение в виде обязательств не претендовать на чрезмерные «особые права» и действовать в соответствии с ими же установленными правилами международного порядка [Clark, 2011, p. 47].

Эти добровольные уступки имеют принципиальное значение с точки зрения признания и принятия существующих неправоправных отношений второстепенными государствами, стремящимися сделать поведение гегемона более предсказуемым и менее агрессивным. Кроме того, эффективная легитимация политического неравноправия

между доминирующей державой и менее могущественными государствами во многом зависит от способности первого убеждать последних в приемлемости сложившихся условий взаимодействия, а также необходимости подчиняться существующим правилам и институтам, благодаря которым неправоправные отношения могут быть признаны законными [Hurd, 1999, p. 381]. Для достижения этой цели доминирующие державы формулируют специфические концепции легитимности, позволяющие преобразовывать материальное превосходство в авторитет, опирающийся на разделяемое убеждение в том, что их господство необходимо для достижения коллективного блага [Krisch, 2005, p. 374]. Как правило, эти концепции задают «общественную цель» (например, сохранение мира и укрепление всеобщего процветания), а также содержат представления о *правомочности* (почему доминирующая держава имеет право на применение своей мощи?) и *целесообразности* (каким образом использование гегемонистской власти позволяет достигать общих целей?) и, как следствие, модифицируют изначальное общественное соглашение относительно надлежащих форм международного поведения [Clark, 2005, p. 6]. Посредством культивирования коллективных представлений о необходимости и полезности гегемонии эти концепции формируют фундаментальные оправдания, побуждающие ведущих акторов соглашаться с существующим распределением мощи и соответствующими правилами игры [Cronin, 2001, p. 108]. При этом воспроизводство неправоправных отношений предполагает использование доминирующим государством имеющихся в его распоряжении ресурсов согласно особым обязательствам, «которые обеспечивают принцип социальной дифференциации

для решения коллективных проблем в мире, для которого характерны как формальное равенство, так и фактическое неравенство материальных возможностей» [Special Responsibilities..., 2012, p. 16]. Поскольку эти обязательства помогают увязать «идентичности, интересы, практики или институциональные проекты» [Reus-Smith, 2007, p. 159] гегемонистской державы с базовыми нуждами международного общества, становится очевидным, что легитимация преобладающей мощи не ограничивается риторическим оправданием предпринимаемых доминирующим государством действий, но также предполагает осуществление социально одобряемой деятельности (использование дипломатии, предоставление «общественных благ», руководство временными коалициями и т. д.), направленной на достижение коллективных целей международного общества.

Таким образом, стратегии легитимации доминирования в международной политике имеет смысл рассматривать в качестве регулярных практик, посредством которых могущественные державы оправдывают свое привилегированное положение и связанные с этим положением особые права (установление системных правил, посредничество при урегулировании международных конфликтов, предоставление общественных благ и т. д.) в контексте разделяемых сообществом государств представлений о правомочности и целесообразности. В конечном счете эти практики особых обязательств позволяют увязать действия могущественного государства с коллективными целями международного общества посредством регулярной вовлеченности гегемона в «организованные паттерны поведения, с помощью которых осуществляется социальный контроль и удовлетворяются фундаментальные общественные нужды» [Wight, 1991,

p. 140–141]. Поэтому исполняемые доминирующей державой гегемонистские роли заслуживают особого внимания в качестве практик легитимности, формирующих точки сопряжения между политикой могущественного государства и социальной структурой международного общества, которая наделяет своих членов дифференцированными позициями (например, «лидер» и «последователи», «сверхдержава» и «сателлиты», «старший партнер» и «младший партнер» и т. д.) и полномочиями (например, особые права и обязанности «великих держав»).

«Ролевые» стратегии легитимации гегемонии США

Превращение США в единственную сверхдержаву вследствие распада Советского Союза не только означало кардинальное изменение баланса сил, но также привело к углублению противоречия между формальным принципом суверенного равенства и крайне неравномерным распределением материальных ресурсов внутри международной системы. Как следствие, США столкнулись с необходимостью создания функциональной замены системы баланса сил посредством принятия на себя особой международной роли, предполагающей активное участие в создании легитимного гегемонистского порядка, опирающегося хотя бы на минимальную причастность к управлению этим порядком второстепенных государств, поддерживающих лидерство Вашингтона и готовых действовать в соответствии с установленными им правилами и институтами [Ikenberry, Nexon, 2019, p. 413]. Поскольку стабильная гегемония подразумевает наличие «надежных обязательств со стороны доминирующего государства не эксплуатировать второстепенные

страны, если они принимают авторитет этого доминирующего государства» [Kang, 2010, p. 597], Соединённые Штаты Америки были заинтересованы в укреплении своего гегемонистского авторитета как особого типа легитимной власти, возникающей из «наборов идей и правил, которые определяют природу данного порядка и общественных отношений внутри него» [Kurchan, 2014, p. 20]. Обеспечение устойчивости такого порядка, в свою очередь, предполагало предоставление Соединёнными Штатами Америки «общественных благ», установление системных правил и наказание отказывающихся подчиняться установленным нормам [Lake, 2009, p. 112–113].

В конечном счете это должно было привести к формированию институционализированной международной среды, внутри которой США сохраняли бы способность проецировать мощь без риска открытого сопротивления второстепенных государств. Для этого Вашингтону было необходимо сформировать прочный социальный фундамент асимметричного распределения материальной мощи посредством культивирования ощущения уместности существующего неравенства и властной асимметрии, а также принятия на себя особых обязательств. Поэтому исполнение Соединёнными Штатами Америки роли «гегемона» предполагало принятие ответственности по поддержанию правил и институтов международного порядка, обеспечивающих трансформацию американской мощи в общепризнанный авторитет, наделяющий Вашингтон особыми правами [Ikenberry, 2011, p. 111] и компетенциями. При этом для США было важно соответствовать ролевым ожиданиям (например, «гегемон» должен предоставлять общественные блага, формулировать системные правила, противодействовать системным вызовам и т. д.), разде-

ляемым членами международного общества. Успешное исполнение этой роли было важно с точки зрения укрепления гегемонистского авторитета США и сглаживания обнажившегося после завершения холодной войны противоречия между крайне асимметричным распределением ресурсов и принципом формального суверенного равенства государств.

Поэтому соответствующие усилия Вашингтона можно рассматривать как «ролевую» стратегию легитимации, посредством которой Соединённые Штаты Америки стремились убедить сообщество государств в том, что их действия направлены на достижение коллективных целей и что их экстраординарная мощь как «нации, сила и лидерство которой критически важны для стабильного и демократического порядка» [National Security Strategy..., 1993, p. ii] является легитимной. В частности, США стремились действовать как «блюститель» системных правил путем демонстрации (как в случае с кризисом в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг.) и применения военной силы (кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг., боснийский кризис 1992–1995 гг., косовский кризис 1999 г.), что в конечном счете должно было способствовать поддержанию статус-кво и укреплению региональной стабильности. Также США предпринимали усилия, направленные на ограничение дестабилизирующего воздействия таких государств, как Куба, Ливия и КНДР, а также создавали, адаптировали и расширяли различные международные организации, режимы и партнерства для формирования нормативной среды, способствующей достижению фундаментальных целей международного общества. Например, США содействовали трансформации ГАТТ во Всемирную торговую организацию и расширению Договора о нераспростране-

нии ядерного оружия (ДНЯО), а также прилагали усилия по созданию зоны свободной торговли в Западном полушарии и стабилизации постсоциалистических государств с помощью ОБСЕ, программы «Партнерство ради мира» и НАТО. Кроме того, США проявили стремление способствовать возрождению ОАГ как главной площадки обсуждения общих проблем Западного полушария, продвигали АТЭС в качестве инструмента финансовой либерализации торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также укрепляли региональную стабильность и содействовали снижению конфликтного потенциала региона с помощью системы двусторонних союзов, а также многосторонних форматов взаимодействия. Не менее важно, что Соединённые Штаты Америки стремились играть роль «лидера» посредством руководства международными усилиями в рамках временных коалиций, опирающихся на организационные и материальные ресурсы Вашингтона, что в конечном счете должно было способствовать реализации его ответственности по сохранению мира. В частности, США исполняли эту роль путем мобилизации и координации действий партнеров, задавая тем самым направление общих усилий и обеспечивая достаточную гибкость при использовании военной силы. Успешное исполнение роли «лидера» позволяло Соединённым Штатам Америки рассчитывать на то, что их действия и доминирующее положение будут восприниматься как неразрывно связанные с целями международного общества (разрешение региональных конфликтов, предотвращение агрессии, неприменение ОМУ и т. д.), что, в свою очередь, имело ключевое значение с точки зрения легитимации их власти.

Кроме того, после завершения холодной войны США обозначили стрем-

ление сохранить роль «гаранта безопасности» с тем, чтобы расширять «зону мира, препятствовать силам фрагментации, угрожающим международному порядку, миру и стабильности, а также предотвращать агрессию ... и способствовать мирному разрешению долгосрочных конфликтов» [National Security Strategy..., 1993, p. 5–6]. Так, Соединённые Штаты Америки предпринимали усилия по укреплению мира на Ближнем Востоке, на Балканах, а также активно участвовали в миротворческих операциях ООН по урегулированию многочисленных локальных конфликтов. Вовлеченность в эти операции предполагала предоставление Вашингтоном средств, необходимых для того, чтобы ООН могла играть более значимую роль в международной безопасности [Sewall, 2001, p. 194] и выступать в качестве инструмента предотвращения и разрешения конфликтов [National Security Strategy..., 1993, p. 7]. Например, в ходе Боснийского кризиса (1992–1995) Соединённые Штаты Америки стремились внести вклад в процесс мирного урегулирования посредством включения своих вооруженных сил в состав миротворческой миссии ООН, не отказываясь от активной роли в эволюции европейской архитектуры безопасности и предпринимая усилия по сохранению за НАТО центральной роли в этом процессе [National Security Strategy..., 1996, p. 35]. При этом США акцентировали легитимность своей вовлеченности в разрешение международных конфликтов в качестве «гаранта безопасности», подкрепляя свои действия заявлениями о том, что «международное сообщество зачастую неохотно действует энергично в отсутствие американского лидерства» [National Security Strategy..., 1999, p. 3] и не располагает «достаточно высококачественными вооруженными силами, обученными и способ-

ными выполнять ... миротворческие операции» [National Security Strategy..., 2006, р. 16]. Хотя во второй половине 1990-х годов Вашингтон начал отстраняться от участия в миротворческих миссиях ООН, отдавая предпочтение таким механизмам разрешения международных кризисов, как региональные организации и «коалиции желающих»; участие в миротворческих операциях сохранило определенное символическое значение для Соединённых Штатов Америки с точки зрения демонстрации их вовлеченности в разрешение насущных проблем международного общества.

США также стремились исполнять роль «гаранта безопасности» путем содействия мирному процессу на Ближнем Востоке, поддержания свободного потока нефти, ограничения распространения ОМУ, препятствования торговле обычными вооружениями, а также сдерживания терроризма [National Security Strategy..., 1991, р. 10]. Наряду с этим США стремились свести к минимуму вероятность появления в регионе Персидского залива «нового агрессора, угрожающего независимости соседних государств» [National Security Strategy..., 1996, р. 42–43] посредством предотвращения угроз региональной стабильности, особенно со стороны таких государств, как Иран и Ирак. Действуя в таком ключе, Соединённые Штаты Америки фактически исполняли роль «жандарма Залива» [Posen, 2014, р. 108], принятую на себя Вашингтоном после агрессии Ирака в отношении Кувейта в августе 1990 г. Последовательное исполнение этой роли, наряду с ролями «арбитра» и «посредника» в урегулировании внутрирегиональных конфликтов (прежде всего палестино-израильского), позволяло укреплять легитимность власти США посредством увязывания их вовлеченности в дела Ближнего Востока с такими коллективны-

ми целями международного общества, как обеспечение процветания (благодаря стабильному доступу к энергетическим ресурсам) и недопущение борьбы за региональную гегемонию.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе Соединённые Штаты Америки стремились сохранить свою вовлеченность посредством сохранения и расширения обязательств перед «новым тихоокеанским сообществом», основы которого были заложены еще при первой администрации Б. Клинтона (1992–1996). Построение такого сообщества предполагало увязывание целей по обеспечению региональной безопасности с действиями США по продвижению демократии и прав человека, составляющими целостное видение, «цементирующее роль Америки как стабилизирующей силы ... в азиатско-тихоокеанском регионе» [National Security Strategy..., 1999, р. 34]. С этой целью, действуя в партнерстве с региональными союзниками, Соединённые Штаты Америки стремились сформировать долгосрочную траекторию демократического развития региона. Достижение этой цели предполагало опору на традиционные форматы взаимодействия (АТЭС, региональный форум АСЕАН) и создание новых инициатив и институтов, таких как расширенное партнерство США – АСЕАН, направленное на объединение азиатских стран для противодействия новым вызовам [National Security Strategy..., 2006, р. 40]. Предполагалось, что эта институциональная структура, нацеленная на распространение свободы, укрепление процветания и региональной безопасности, должна опираться на фундамент традиционных альянсов с ключевыми союзниками США в регионе. Поэтому США стремились культивировать «особые отношения» с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами как важными региональными игроками, готовыми

признать фундаментальную роль США в сфере поддержания региональной безопасности [National Security Strategy..., 1996, р. 40]. Такие ролевые ожидания, подкрепленные многосторонними форматами и двусторонними обязательствами, позволяли обеспечивать легитимность американской вовлеченности в региональные дела и тем самым обеспечивали устойчивость социального фундамента региональной политической иерархии [Goh, 2019, р. 618], возглавляемой Вашингтоном со времен холодной войны. Вместе с тем стоит отметить, что в последнее десятилетие роль США как «гаранта безопасности» в АТР приобрела новое звучание в контексте усиления ревизионистских тенденций в политике Китая, обозначившего намерение изменить как региональный баланс сил (путем наращивания военной мощи), так и территориальный статус-кво (посредством расширения суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря) [Goldstein, 2020, р. 188–89]. В этом отношении готовность Вашингтона противодействовать вызовам региональному порядку со стороны КНР посредством расширения военного присутствия в АТР, а также укрепления и расширения союзнических обязательств (например, создание альянса AUKUS в сентябре 2021 г.) приобретает принципиальное значение с точки зрения сохранения статус-кво в регионе и поддержания легитимности американской вовлеченности.

Применительно к европейскому региону роль «гаранта безопасности» предполагала, что США принимают на себя ответственность за укрепление открытых и демократических систем, обеспечивающих права человека и уважение к каждому гражданину [National Security Strategy..., 1993, р. 3], а также за усиление демократических и рыночных институтов и норм в странах, находящихся в состоянии перехо-

да от закрытого общества к открытому [National Security Strategy..., 1999, р. 25]. Согласно этим приоритетам, Соединённые Штаты Америки проводили политику поощрения демократизации бывших республик Советского Союза и государств, ранее входивших в Организацию Варшавского договора. В то же время Вашингтон последовательно расширял масштабы сотрудничества в сфере безопасности с новыми демократиями ЦВЕ и бывшего СССР с помощью таких механизмов, как программа «Партнерство ради мира», нацеленное на расширение контроля США над развитием постсоциалистических стран, а также стремился предотвратить появление европейского центра силы путем нейтрализации попыток европейских держав проводить независимую политику в сфере безопасности [Beckley, 2015, р. 41]. На текущий момент в контексте нарастающей конфронтации между Россией и Трансатлантическим сообществом ограничение европейской автономии в сфере безопасности и усиление вовлеченности США в региональные процессы стали первоочередными приоритетами действующей администрации Дж. Байдена. При этом способность (и желание) Вашингтона играть роль «гаранта безопасности» посредством оказания давления на Москву, координации и укрепления трансатлантического сотрудничества, а также обеспечения доступа США к критической инфраструктуре и линиям коммуникации для возможных военных действий в Западной Евразии [Meijer, Brooks, 2021, р. 12] приобретает всё большее значение с точки зрения легитимации американской вовлеченности в региональные процессы.

Стоит отметить, что эта роль также имеет глобальное измерение, поскольку подразумевает принятие Соединёнными Штатами Америки «фундамен-

тальной ответственности по ограничению распространения ядерного оружия и снижение риска ядерной войны» [National Security Strategy..., 1999, p. 8]. Так, Соединённые Штаты Америки стремились руководить коллективными действиями международного общества в этом направлении, используя свое привилегированное положение в Совбезе ООН для превращения этого института в ключевой форум по нераспространению ядерного оружия [National Security Strategy..., 1993, p. 7]. Усилия США были также направлены на укрепление международного режима нераспространения ядерного оружия посредством наделения большей значимостью Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и Конвенции о биологическом оружии [National Security Strategy..., 1999, p. 9]. Не менее важно, что Соединённые Штаты Америки пытались возглавить международные усилия, направленные на обеспечение бессрочного и безусловного продления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и инициировали переговоры о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний. Также США стремились содействовать укреплению стратегической стабильности в Европе путем снижения количества межконтинентальных баллистических ракет и обеспечения согласия Украины, Казахстана и Беларуси уничтожить находящееся на территории этих государств ядерное оружие и присоединиться к ДНЯО [National Security Strategy..., 1996, p. 8]. Стоит отметить, что впоследствии Соединённые Штаты Америки разработали концепцию «контрраспространения», предполагавшей разработку высокоточного ядерного оружия, способного нане-

сти непоправимый ущерб средствам массового уничтожения противников США. Эта концепция оправдывала особую ответственность Соединённых Штатов Америки по противодействию попыткам оппонентов «получить возможность угрожать США и их союзникам с помощью ядерного оружия» [Special Responsibilities..., 2012, p. 103]. Апеллируя к своей особой ответственности в сфере нераспространения, Вашингтон запустил Инициативу по безопасности в борьбе с распространением ядерного оружия, предполагавшую мобилизацию международных усилий по остановке перемещения ОМУ, а также систем доставки и связанных материалов. При этом американское руководство делало особый акцент на том, что США «как единственная ядерная держава, использовавшая ядерное оружие», несет «моральную ответственность за то, чтобы предпринимать действия»¹ и направлять усилия международного сообщества.

Наконец, после окончания холодной войны США стремились сохранить приверженность такой коллективной цели, как укрепление всеобщего благосостояния, делая особый акцент на своей особой роли как нации, принявшей «лидерство в формировании фундамента глобальной экономической системы, основанной на многостороннем сотрудничестве, свободной торговле, международных институтах финансового сотрудничества и помощи в развитии» [National Security Strategy..., 1993, p. 3]. Так, на протяжении 1990-х годов Вашингтон стремился расширить охват системы свободной международной торговли посредством создания НАФТА и превращения ГАТТ во Всемирную торговую организацию,

1 Remarks By President Barack Obama In Prague As Delivered. – The White House. Office of the Press Secretary. – 2009. – April 5. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 21.06.2022).

вовлечения Китая в мировую торговлю через предоставление КНР режима наибольшего благоприятствования в торговле и обеспечения приверженности Пекина правилам ВТО. Соединённые Штаты Америки также предпринимали усилия, направленные на открытие развивающихся рынков путем поддержки форума АТЭС и создание панконтинентальной зоны свободной торговли [National Security Strategy..., 1996, р. 28]. Кроме того, желая поддержать региональный экономический рост в Западном полушарии, США развивали партнерство с МВФ, Всемирным банком, Межамериканским банком развития и правительствами Латинской Америки с тем, чтобы помочь странам региона в их транзите к открытому рынку [National Security Strategy..., 1999, р. 40]. С наступлением XXI в., однако, на фоне подъема левых и националистических настроений общественность и политические элиты многих государств Латинской Америки начали рассматривать Соединённые Штаты Америки в качестве империалистической державы, проводящей политику неоколониалистского толка, нацеленную на закрепление зависимого положения стран региона от американского рынка. Во многом это было обусловлено разочарованием результатами неолиберальных реформ 1990-х годов, «левым поворотом» середины 2000-х годов, а также последствиями глобального кризиса 2008–2009 гг., продемонстрировавшим ограниченную способность США контролировать международную финансовую систему. В результате многие латиноамериканские страны изменили свои ролевые ожидания в отношении США, отвергнув притязания Вашингтона на роль «спонсора экономического и общественного порядка» [Nicholls, 2020, р. 614], что существенно ограничило возможности проецирования американского влияния в регионе.

Стоит отметить, что, хотя США всегда стремились извлекать выгоды из своего особого положения в мировой экономике посредством создания и расширения либерального экономического порядка, отвечающего американским национальным интересам, они пытались исполнять роль экономического лидера путем предоставления «общественных благ, необходимых для поддержания поступательного развития системы» [Mastanduno, 2009, р. 121–122]. Делая акцент на том, что глобальная экономическая система, способствующая свободному перемещению товаров, капитала и труда, «наилучшим образом способствует нашему процветанию и процветанию других» [National Security Strategy..., 1993, р. 3], США прилагали заметные усилия по формированию соответствующей финансово-экономической архитектуры посредством активной вовлеченности в деятельность таких организаций как, G7 и G20, ВТО и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Наряду с этим Соединённые Штаты Америки приняли на себя ответственность за управление сохраняющимися глобальными дисбалансами в мировой экономике и обеспечение финансовой стабильности с помощью американского доллара как резервной валюты, а также МВФ как ключевого источника ликвидности для многих развивающихся государств [Special Responsibilities..., 2012, р. 168]. Как следует из текущей редакции Стратегии национальной безопасности США, эти действия позволяли Вашингтону сохранять центральную роль в международных финансовых форумах, предполагающую создание инструментов стабилизации мировой экономики, и устранять различные трения в этой сфере [National Security Strategy..., 2017, р. 17]. Действуя в таком ключе, США стремятся продемон-

стрировать приверженность укреплению «сотрудничества, которое расширяет благосостояние партнеров», а также защите открытых рынков и обществ, исполняя тем самым «катализирующую роль» в мировой экономике.

В конечном счете усилия США по стимулированию экономического роста на глобальном и региональном уровнях призваны увязать действия Вашингтона с такими нуждами международного общества, как укрепление всеобщего процветания, недопущение (или смягчение последствий) кризисов и стабилизация мировой экономической системы, что, в свою очередь, способствовало бы укреплению легитимности власти США. В целом стратегии легитимации «американской гегемонии» предполагали демонстрацию Соединёнными Штатами Америки готовности исполнять такие роли, как «лидер» сообщества государств, «блюститель» системных правил, а также «гарант» международной безопасности и процветания. Институционализация этих ролей в качестве регулярных практик особой ответственности, посредством которых обеспечивалось достижение коллективных целей и закреплялась властная асимметрия между США и менее могущественными государствами, имела ключевое значение с точки зрения воспроизводства структурных дисбалансов, характерных для международного общества после окончания холодной войны.

В то же время Соединённые Штаты Америки всё чаще испытывают своего рода ролевое напряжение, обусловленное противоречием между стремлением, с одной стороны, выступать в качестве альтруистичного «гегемона», а с другой – придавать первоочередное значение собственным интересам и действовать как эгоистичная «великая держава» [Ikenberry, 2011, p. 299]. Это стало особенно заметным при пре-

зидентстве Д. Трампа, администрация которого поддержала выход Великобритании из Европейского союза, стремилась перераспределить бремя издержек внутри НАТО, а также отстаивать принципы экономического национализма, ставя тем самым под сомнение свою роль как «гегемонистского стабилизатора» [Stokes, 2018, p. 133–134] международной системы. Предположительно, такие установки в политике США были обусловлены необходимостью сократить объем ресурсов, направляемых на поддержание своих международных обязательств, с тем чтобы укрепить потенциал для противостояния с Китаем и Россией, отказавшимися принимать на себя роли «стержневых государств», поддерживающих «либеральный международный порядок» и способствующих его развитию [Mastanduno, 2019, p. 487]. В пользу этого аргумента свидетельствует то, что США столкнулись с существенными трудностями в противодействии стремлению России и Китая действовать вопреки правилам «либерального международного порядка» и укреплению безопасности в Европе и Восточной Азии, имели ограниченный успех в мобилизации сообщества государств для прекращения гражданской войны в Сирии и укрепления мира на Ближнем Востоке, а также спровоцировали замедление темпов роста мировой экономики посредством инициирования «торговой войны» с КНР и пересмотра своих обязательств по поддержанию международной системы свободной торговли. Эти обстоятельства могут также говорить о стремлении Вашингтона пересмотреть свою гегемонистскую роль с тем, чтобы предотвратить возможный упадок лидерства путем возврата к стратегии сдерживания, реализуемой в отношении восходящих держав. С этой точки зрения такие действия США, как выход из ряда согла-

шений в сфере безопасности (договор РСМД, Договор по открытому небу) и международной торговли (Транстихо-океанское партнерство), свидетельствуют о том, что сокращающиеся ресурсы и оспариваемые восходящими державами правила «американской гегемонии» побуждают Вашингтон увеличивать отрыв от конкурентов в военной и экономической сферах путем освобождения от обязывающих соглашений и наращивания односторонних преимуществ. Такие действия, обусловленные нарастанием связанных с поддержанием гегемонистского статуса издержек и сокращением непосредственных выгод от исполнения Соединёнными Штатами Америки ролей «лидера», «блюстителя» системных правил, а также «гаранта» международной безопасности и процветания, способствуют дальнейшему ослаблению взаимосвязи между действиями Вашингтона и коллективными целями международного общества. Эта тенденция, усиленная подъемом национализма, делающего акцент на интересах одного государства в ущерб другим, ростом популизма, стремящегося защитить интересы «народа» от эгоистичных устремлений «элит», и усилением авторитаризма, отвергающего ключевые элементы либеральных политических порядков [Lake, Martin, Risse, 2021, p. 238], может быть отнесена к числу фундаментальных вызовов гегемонии США в XXI в. Она также демонстрирует, что исполняемые США гегемонистские «роли» не являются производными от свойств «единственной сверхдержавы» (материальная мощь, политический режим, идентичность) или ее системного положения, но, скорее, представляют собой точки сопряжения, увязывающие действия Вашингтона с коллективными целями международного общества и тем самым способствующие укреплению легитимности его власти.

Заключение

Использование Соединёнными Штатами Америки «ролевых» стратегий легитимации имело важное значение с точки зрения воспроизводства «американской гегемонии» после окончания холодной войны. Стремясь действовать как «лидер», «блюститель порядка», «гарант безопасности» и «гарант процветания», США преследовали соответствующие практики особых обязательств с тем, чтобы придать легитимность их привилегированному положению как необходимому условию достижения коллективных целей международного общества. Так, путем создания многосторонних коалиций, формирования международного консенсуса относительно системных правил и наказания их нарушителей, принятия мер по укреплению международной безопасности и либерализации мировой торговли Соединённые Штаты Америки стремились продемонстрировать приверженность миру, стабильности и процветанию сообщества государств. При этом используемые США стратегии легитимации не сводились к риторическому оправданию действий Вашингтона или выполнению системно значимых функций в обмен на лояльность со стороны менее могущественных держав. Скорее, институционализированные в виде гегемонистских ролей практики особой ответственности Вашингтона выступали в качестве связующего звена, обеспечивающего сопряжение действий «единственной сверхдержавы» с социальной структурой международного общества. Это, в свою очередь, способствовало сохранению за Соединёнными Штатами Америки положения «лидера» и закреплению за второстепенными государствами позиций «последователей», «союзников» и «партнеров» Вашингтона. В конечном счете эти практики были

нацелены на обеспечение воспроизводства властных отношений, присущих американской гегемонии, опирающейся на асимметричное распределение ресурсов и функционирующей согласно правилам, наделяющим США особыми правами и обязанностями внутри международного общества.

В то же время, если в эпоху холодной войны США поддерживали гегемонистский статус внутри либерально-демократического сообщества посредством исполнения роли «лидера свободного мира», в современных условиях разнообразие вызовов (от ревизионизма «восходящих держав» до разного рода транснациональных угроз) формирует гораздо более широкое разнообразие ролевых ожиданий в отношении Соединённых Штатов Америки со стороны их последователей. Это становится серьезным вызовом гегемонистской легитимности США по мере того, как структурные сдвиги вынуждают их возвращаться к использованию стратегий времен холодной войны («сдерживание», «устрашение») как инструментам закрепления своего доминирующего положения. В результате назревает противоречие между ролевыми ожиданиями в отношении «государства-гегемона» (предоставление «общественных благ», поддержание региональных балансов сил, защита системных правил и т. д.) и фактическим стремлением Вашингтона использовать свой потенциал для укрепления фундамента своей постепенно ослабевающей мощи. Это снижает эффективность рассмотренных выше «ролевых» стратегий легитимации, поскольку отвлечение ресурсов от обеспечения коллективных нужд международного общества и их перенаправление на достижение стратегических задач самих США подрывает взаимосвязь между действиями Вашингтона и политической структурой «американской геге-

монии», воспроизводство которой на протяжении десятилетий обеспечивалось готовностью США принимать на себя особые обязательства, институционализированные в виде целого набора гегемонистских ролей. Это усугубляет напряжение между ресурсами, которые всё в большей степени используются Соединёнными Штатами Америки для закрепления своего привилегированного положения, и правилами «американской гегемонии», наделяющими Вашингтон обширной ответственностью перед международным обществом и предписывающими содействовать достижению коллективных целей. Обозначенная тенденция подтачивает легитимность власти США и создает предпосылки для трансформации властных отношений, сложившихся между Вашингтоном и менее могущественными державами, для многих из которых усиление внешнеполитической автономии или переориентация на альтернативные центры силы становятся более привлекательными опциями, чем исполнение второстепенных ролей в рамках заданных «американской гегемонией» форматов взаимодействия.

Список литературы

Beckley M. The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts // *International Security*. – 2015. – Vol. 39, N 4. – P. 7–48. – DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.

Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. – 2nd ed. – New York : Columbia University Press, 1995. – Xviii + 329 p.

Clark I. *Hegemony in International Society*. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 276 p.

Clark I. *Legitimacy in International Society*. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – Viii + 278 p.

Cox R. *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History*. – New York : Columbia University Press, 1987. – 500 p.

Cox R., Sinclair T. *Approaches to World Order*. – New York : Cambridge University Press, 1996. – 552 p.

Cronin B. The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations // *European Journal of International Relations*. – 2001. – Vol. 7, N 1. – P. 103–130. – DOI: 10.1177%2F1354066101007001004.

Doran Ch. Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Conception, and Statecraft // *International Political Science Review*. – 2003. – Vol. 24, N 1. – P. 13–49. – DOI: 10.1177/0192512103024001002.

Doran Ch. *Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at 21st Century's End*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – Xviii + 294 p.

Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity. Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // *World Politics*. – 2009. – Vol. 61, N 1. – P. 58–85. – DOI: 10.1017/S0043887109000082.

Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – Xiv + 272 p.

Goh E. Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 614–644. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604989.

Goldstein A. (2020) China's Grand Strategy under Xi Jinping. Reassurance, Reform, and Resistance // *International Security*. – 2020. – Vol. 45, N 1. – P. 164–201. – DOI: 10.1162/isec_a_00383.

Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. – 1998. – Vol. 23, N 1. – P. 171–200. – DOI: 10.2307/2539267.

Hurd I. Legitimacy and Authority in International Politics // *International Or-*

ganization. – 1999. – Vol. 53, N 2. – P. 379–408. – DOI: 10.1162/002081899550913.

Ikenberry J. *Getting Hegemony Right // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*. – P. 186–196.

Ikenberry J. *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 392 p.

Ikenberry J. *The Liberal International Order and Its Discontents // Millennium*. – 2010. – Vol. 38, N 3. – P. 509–521. – DOI: 10.1177%2F0305829810366477.

Ikenberry J., Nexon D. *Hegemony Studies 3.0.: The Dynamics of Hegemonic Orders // Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 395–421. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981.

Kang D. *Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia // Security Studies*. – 2010. – Vol. 19, N 4. – P. 591–622. – DOI: 10.1080/09636412.2010.524079.

Keohane R., Nye-jr. J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. – Boston, Massachusetts : Little Brown, 1977. – 300 p.

Krisch N. *International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order // European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, N 3. – P. 369–408. – DOI: 10.1093/ejil/chi123.

Kupchan Ch. *Unpacking Hegemony: The Social Foundations of Hierarchical Order // Power, Order, and Change in World Politics / Ed. by J. Ikenberry*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 19–60.

Lahneman W. *Changing Power Cycles and Foreign Policy Role-Power Realignment: Asia, Europe, and North America // International Political Science Review*. – 2003. – Vol. 24, N 1. – P. 97–111. – DOI: 10.1177%2F0192512103024001006.

Lake D. *Hierarchy in International Relations*. – Ithaca : Cornell University Press, 2009. – 248 p.

Lake D. *Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy* // *International Security*. – 2013. – Vol. 38, N 2. – P. 74–111. – DOI: 10.1162/ISEC_a_00139.

Lake D. *Regional Hierarchy: Authority and Local International Order* // *Review of International Studies*. – 2009. – Vol. 35, N 1. – P. 35–58. – DOI: 10.1017/S02602105090008420.

Lake D., Martin L., Risse Th. *Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization* // *International Organization*. – 2021. – Vol. 75, N 2. – P. 225–257. – DOI: 10.1017/S0020818320000636.

Lemke D. *Regions of War and Peace*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – Xii + 235 p.

Mastanduno M. *Partner Politics: Russia, China, and the Challenge of Extending U.S. Hegemony after the Cold War* // *Security Studies*. – 2019. – Vol. 28, N 3. – P. 479–504. – DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

Mastanduno M. *System Maker and Privilege Taker. U.S. Power and the International Political Economy* // *World Politics*. – 2009. – Vol. 61, N 1. – P. 121–154. – DOI: 10.1017/S0043887109000057.

Meijer H., Brooks S. *Illusions of Autonomy. Why Europe Cannot Provide Its Security If the United States Pulls Back* // *International Security*. – 2021. – Vol. 45, N 4. – P. 7–43. – DOI: 10.1162/isec_a_00405.

National Security Strategy for a New Century. – Washington, D.C.: The White House, 1999. – 52 p.

National Security Strategy of Engagement and Enlargement. – Washington, D.C. : The White House, 1996. – 49 p.

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C. : The White House, 1991. – 35 p.

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, D.C. : The White House, 1993. – 23 p.

National Security Strategy of the United States // The White House. – 2006. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 08.02.2022).

National Security Strategy of the United States. – Washington, D.C. : The White House, 2017. – 68 p.

Nicholls D. *All Hegemons Are Not the Same: The Role(s) of Relational Structures and Modes of Control* // *International Studies Review*. – 2020. – Vol. 22, N 3. – P. 600–625. – DOI: 10.1093/isr/viz028.

Organski A. *World Politics*. – 2nd ed. – New York : Knopf, 1969. – 473 p.

Organski A., Kugler J. *The War Ledger*. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – Xii + 292 p.

Posen B. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. – Ithaca : Cornell University Press, 2014. – 256 p.

Rapkin D., Braaten D. *Conceptualizing Hegemonic Legitimacy* // *Review of International Studies*. – 2009. – Vol. 35, N 1. – P. 113–149. – DOI: 10.1017/S02602105090008353.

Reus-Smith Ch. *American Power and World Order*. – Cambridge : Polity Press, 2004. – Xii + 184 pp.

Reus-Smith Ch. *International Crises of Legitimacy* // *International Politics*. – 2007. – Vol. 44, N 2/3. – P. 157–174. – DOI: [dx.doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800182](https://doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800182).

Reus-Smith Ch. *The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions* // *International Organization*. – 1997. – Vol. 51, N 4. – P. 555–589. – DOI: 10.1162/002081897550456.

Sewall S. *Multilateral Peace Operations // Multilateralism and U.S. Foreign Policy: Ambivalent Engagement* / Ed. by S. Patrick S. and S. Forman. – London : Lynne Rienner Publishers, 2001. – P. 191–224.

Special Responsibilities: Global Problems and American Power / Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – Xii + 290 p.

Stokes D. Trump, American Hegemony, and the Future of the Liberal International Order // International Affairs. – 2018. – Vol. 94, N 1. – P. 133–150. – DOI: 10.1093/ia/iix238.

Suchman M. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches //

Academy of Management Review. – 1995. – Vol. 20, N 3. – P. 571–610. – DOI: 10.2307/258788.

Wight C. Agents, Structures, and International Relations. Politics as Ontology. – New York : Cambridge University Press, 2006. – 360 p.

Wight M. International Theory: The Three Traditions by Martin Wight / Ed. by G. Wight and B. Porter. – Leicester : Leicester University Press, 1991. – 286 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

The United States' Hegemony and the Problem of Legitimizing Dominance in International Politics: Reframing the Western Theories

Alexey N. BOGDANOV

PhD (Political Science), Associate Professor at the American Studies Department,
Saint Petersburg State University
Universitetskaya Embankment, 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034
E-mail: enlil82@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9608-0708

CITATION: Bogdanov A.N. (2022). The United States' Hegemony and the Problem of Legitimizing Dominance in International Politics: Reframing the Western Theories. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 3, pp. 47–68 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.03

Received: 19.04.2022.

Revised: 21.06.2022.

ABSTRACT. As the rising powers exhibit determination to challenge the United States' hegemony, the problem of legitimizing dominance in international politics becomes increasingly significant. At the same time, the mainstream currents of IR theory (neorealism, neoliberal institutionalism, social constructivism, neo-Marxism) examine this topic either on the “unit” level (actions and properties of the separate states) or on the level of “structure” (material, social, or ideological), serving to ensure reproduction of political inequity. This situation produces substantial methodological complications with respect to shaping comprehensive understanding of the legitimizing tools of international dominance. Seeking to overcome this duality, the author engages theoretical insights of the English school

to explore the United States' legitimization strategies, whereby Washington has sought to ensure recognition of its privileged standing within the existing international society. The author focuses on the hegemonic roles of the United States – “leader”, “enforcer”, “security guarantor”, and “prosperity guarantor” – to expose the tools, ensuring connection between Washington's policies and “primary goals” of the international society. Application of this approach allows to engage in the investigation important variables of both “unitary” (actions and ideas of the hegemonic state) and “structural” levels (role prescriptions and collective goals of the community of states) and, thus, to shape more integrative vision of the mechanisms of legitimizing the United States' post-Cold War hegemony. The author concludes that

the role practices of legitimacy, pursued by the U.S., ensure reproduction of power relations, and contain the source of tension, undermining the “American hegemony” under conditions of growing rivalry with the rising powers.

KEYWORDS: *United States, hegemony, legitimacy, English school.*

References

- Beckley M. (2015). The Myth of Entangling Alliances. Reassessing the Security Risks of U.S. Defense Pacts. *International Security*, vol. 39, no. 4, pp. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197.
- Bull H. (1995). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. 2nd ed., New York : Columbia University Press, xviii + 329 pp.
- Clark I. (2011). *Hegemony in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 276 pp.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in International Society*. Oxford : Oxford University Press, viii + 278 pp.
- Cox R. (1987). *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History*. New York : Columbia University Press, 500 pp.
- Cox R., Sinclair T. (1996). *Approaches to World Order*. New York : Cambridge University Press, 552 pp.
- Cronin B. (2001). The Paradox of Hegemony: America's Ambiguous Relationship with the United Nations. *European Journal of International Relations*, vol. 7, no. 1, pp. 103–130. DOI: 10.1177%2F1354066101007001004.
- Doran Ch. (2003). Economics, Philosophy of History, and the “Single Dynamic” of Power Cycle Theory: Expectations, Conception, and Statecraft. *International Political Science Review*, vol. 24, no. 1, pp. 13–49. DOI: 10.1177/0192512103024001002.
- Doran Ch. (1991). *Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at 21st Century's End*. Cambridge : Cambridge University Press, xviii + 294 pp.
- Finnemore M. (2009). Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity. Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 58–85. DOI: 10.1017/S0043887109000082.
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, Xiv + 272 pp.
- Goh E. (2019). Contesting Hegemonic Order: China in East Asia. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 614–644. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604989.
- Goldstein A. (2020). China's Grand Strategy under Xi Jinping. Reassurance, Reform, and Resistance, *International Security*, vol. 45, no. 1, pp. 164–201. DOI: 10.1162/isec_a_00383.
- Hopf T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, vol. 23, no. 1, pp. 171–200. DOI: 10.2307/2539267.
- Hurd I. (1999). Legitimacy and Authority in International Politics. *International Organization*, vol. 53, no. 2, pp. 379–408. DOI: 10.1162/002081899550913.
- Ikenberry J. (2006). Getting Hegemony Right. In *Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics*, pp. 186–196.
- Ikenberry J. (2011). *Liberal Leviathan. The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton : Princeton University Press, 392 pp.
- Ikenberry J. (2010). The Liberal International Order and Its Discontents. *Millennium*, vol. 38, no. 3, pp. 509–521. DOI: 10.1177%2F0305829810366477.
- Ikenberry J., Nexon D. (2019). Hegemony Studies 3.0.: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 395–421. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981.

Kang D. (2010). Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia. *Security Studies*, vol. 19, no. 4, pp. 591–622. DOI: 10.1080/09636412.2010.524079.

Keohane R., Nye-jr. J. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, Massachusetts : Little Brown, 300 pp.

Krisch N. (2005). International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order. *European Journal of International Law*, vol. 16, no. 3, pp. 369–408. DOI: 10.1093/ejil/chi123.

Kupchan Ch. (2014). Unpacking Hegemony: The Social Foundations of Hierarchical Order. In *Power, Order, and Change in World Politics*. Ed. by J. Ikenberry. Cambridge : Cambridge University Press, pp. 19–60.

Lahneman W. (2003). Changing Power Cycles and Foreign Policy Role-Power Realalignments: Asia, Europe, and North America. *International Political Science Review*, vol. 24, no. 1, pp. 97–111. DOI: 10.1177%2F0192512103024001006.

Lake D. (2009). *Hierarchy in International Relations*. Ithaca : Cornell University Press, 248 pp.

Lake D. (2013). Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy. *International Security*, vol. 38, no. 2, pp. 74–111. DOI: 10.1162/ISEC_a_00139.

Lake D. (2009). Regional Hierarchy: Authority and Local International Order. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 1, pp. 35–58. DOI: 10.1017/S0260210509008420.

Lake D., Martin L., Risse Th. (2021). Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization. *International Organization*, vol. 75, no. 2, pp. 225–257. DOI: 10.1017/S0020818320000636.

Lemke D. (2002). *Regions of War and Peace*. Cambridge : Cambridge University Press, xii + 235 pp.

Mastanduno M. (2019). Partner Politics: Russia, China, and the Challenge of Extending U.S. Hegemony after the Cold War. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 479–504. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

Mastanduno M. (2009). System Maker and Privilege Taker. U.S. Power and the International Political Economy. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 121–154. DOI: 10.1017/S0043887109000057.

Meijer H., Brooks S. (2021). Illusions of Autonomy. Why Europe Cannot Provide Its Security If the United States Pulls Back. *International Security*, vol. 45, no. 4, pp. 7–43. DOI: 10.1162/isec_a_00405.

National Security Strategy for a New Century (1999), Washington, D.C. : The White House, 52 pp.

National Security Strategy of Engagement and Enlargement (1996), Washington, D.C. : The White House, 49 pp.

National Security Strategy of the United States of America (1991), Washington, D.C. : The White House, 35 pp.

National Security Strategy of the United States of America (1993), Washington, D.C. : The White House, 23 pp.

National Security Strategy of the United States (2006). The White House. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/>, accessed 08.02.2022.

National Security Strategy of the United States (2017), Washington, D.C. : The White House, 68 pp.

Nicholls D. (2020). All Hegemons Are Not the Same: The Role(s) of Relational Structures and Modes of Control // *International Studies Review*, vol. 22, no. 3, pp. 600–625. DOI: 10.1093/isr/viz028.

Organski A. (1969) *World Politics*. 2nd edition. New York : Knopf, 473 pp.

Organski A., Kugler J. (1980) *The War Ledger*. Chicago : Chicago University Press, xii + 292 pp.

Posen B. (2014) *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. Ithaca : Cornell University Press, 256 pp.

Rapkin D., Braaten D. (2009). Conceptualizing Hegemonic Legitimacy. *Review of International Studies*, vol. 35, no. 1, pp. 113–149. DOI: 10.1017/S0260210509008353.

Reus-Smith Ch. (2004) *American Power and World Order*. Cambridge : Polity Press, xii + 184 pp.

Reus-Smith Ch. (2007) International Crises of Legitimacy. *International Politics*, vol. 44, no. 2/3, pp. 157–174. DOI: 10.1057/palgrave.ip.8800182.

Reus-Smith Ch. (1997). The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions. *International Organization*, vol. 51, no. 4, pp. 555–589. DOI: 10.1162/002081897550456.

Sewall S. (2001). Multilateral Peace Operations. In *Multilateralism and U.S. Foreign Policy: Ambivalent Engagement*. Ed. by S. Patrick and S. Forman. London : Lynne Rienner Publishers, pp. 191–224.

Special Responsibilities: Global power and American Power (2012). Bukovansky M., Reus-Smith Ch., Wheeler N., Price R., Clark I., Eckersley R. Cambridge : Cambridge University Press, xii + 290 pp.

Stokes D. (2018). Trump, American Hegemony, and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*, vol. 94, no. 1, pp. 133–150. DOI: 10.1093/ia/iix238.

Suchman M. (1995). Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Review*, vol. 20, no. 3, pp. 571–610. DOI: 10.2307/258788.

Wight C. (2006). *Agents, Structures, and International Relations. Politics as Ontology*. New York : Cambridge University Press, 360 pp.

Wight M. (1991). *International Theory: The Three Traditions by Martin Wight*. Ed. by G. Wight and B. Porter. Leicester : Leicester University Press, 286 pp.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции

Мария Алексеевна МАЙОРОВА

младший научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: alex1996m5@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-0751-5210

ЦИТИРОВАНИЕ: Майорова М.А. Дихотомия регионального и глобального лидерства в современных международных отношениях на примере России и Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 69–83.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Статья поступила в редакцию 08.04.2022.

Исправленный текст представлен 11.05.2022.

АННОТАЦИЯ. Актуальность вопросов управления миропорядком связана с эскалацией региональных конфликтов, глобальными вызовами современности, возрастающим влиянием негосударственных акторов на международном поле и нарастанием нестабильности системы в целом. В условиях противостояния западному гегемонизму возрастает соперничество за ресурсы и влияние в регионе и в мире. Система международных отношений претерпевает изменения, и в условиях данной трансформации происходит переконфигурация акторов «периферии» и «центра» – уходит эпоха западноцентричного мира. Новые условия системы диктуют новые правила игры – навязывание своей воли запуги-

ванием и военно-экономическими методами становится неэффективным и встречает сопротивление, в связи с чем отдельные страны начали борьбу с гегемонизмом. Можно сказать, что наиболее четко отражающий современные взаимоотношения на мировой арене термин – «лидерство». Данный феномен в статье рассматривается через парадигму «центр» – «периферия», разграничивается глобальное и региональное лидерство на примерах Российской Федерации и Турецкой Республики. Анализируются внешнеполитический курс двух стран, их основные приоритеты и мотивация, сравниваются две модели лидерства на основе выбранных параметров. Обозначена перспектива России стать одним

из центров будущего миропорядка, и исследуется возможность Турции удержаться в позиции регионального лидера и расширить свои зоны влияния. Для сохранения и удержания своих уже наработанных позиций странам необходимо придерживаться политики многовекторности, соответствующей национальным интересам. Идеи по развитию и структуре нового миропорядка и умение брать ответственность за процессы, происходящие на мировой арене, являются неотъемлемой частью действий по укреплению позиций двух стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лидерство, гегемония, система международных отношений, Россия, Турция, центр, периферия, новый мировой порядок.*

Одной из характерных черт современных международных отношений является несбалансированность и изменчивость конфигурации сил. Осложняет ситуацию вмешательство негосударственных акторов в регулирование международных процессов. Более того, изменилась мотивация участия в мировой политике: на первый план выходят идейно-ценностные концепты, всё большую роль в политике играет личность, нежели институты. Можно говорить о том, что человечество стоит на пороге формирования нового миропорядка.

Для современного этапа развития системы международных отношений свойственна полицентричность: увеличивается количество акторов на мировой арене, возникают новые центры, меняется устоявшаяся иерархия мир-системы. Европейским странам и США становится сложно удерживать свой «гегемонизм» исключительно силовыми и экономическими методами – им противостоят страны, несущие свои идеи и видение миропорядка.

Концепция «центр – периферия» и трактовка глобального и регионального лидерства

К определению поведения государств как «лидеров» подтолкнула Вестфальская система международных отношений, где господствовал принцип незыблемости суверенитета. На этапе урегулирования многих территориальных споров главной задачей становилось сохранение влияния без нарушения целостности государства, хотя не исключались и силовые методы воздействия. Таким образом, империалистическая политика стран способствует развитию иных методов «завоевания», нежели исключительно военных.

В процессе развития системы международных отношений характер лидирующего субъекта в них менялся. Т.А. Шаклеина отмечает, что на мировой арене одновременно присутствуют одна сверхдержава, великие державы разного масштаба и негосударственные акторы. Формулируя определение «великой державы», автор указывает на необходимость наличия исторического опыта, традиций и культуры участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока. Основной акцент делается на способности «культуры думать глобально, хотеть и быть способным действовать глобально» [Шаклеина, 2011, с. 29–30].

Словосочетания *global governance* (глобальное управление) преимущественно трактуется через «вертикальный» смысл – как механизм управления одного субъекта другим субъектом. Под таким ракурсом первостепенным является вопрос не о том, как управляется мир, а кто им управляет. Таким образом, в российской науке обозначенные термины носят негативный окрас, связанный с концепцией однополярного мира, который Российская

Федерация не признает [Темников, 2011, с. 17].

В основе гегемонизма лежат идеи о превосходстве одних стран над другими – радикальные, националистические, шовинистские и т. п. Альтернативные точки зрения воспринимаются как угроза господства и не заслуживают права на существование [Авицнова, 2015, с. 90]. Несмотря на то, что понятие гегемонии остается дискуссионным, в западной политической науке прижилось следующее определение: ситуация, при которой в системе международных отношений существует субъект, «являющийся достаточно сильным, чтобы утверждать основные правила, регулирующие международные отношения» [Keohane, 1984, p. 34].

В широком смысле гегемония характеризуется как ресурсная возможность и желание одного государства влиять на тенденции развития системы международных отношений и определять их, не принимая во внимание позиции других игроков, кроме определенного круга приближенных акторов. Гегемон обладает значительными геополитическими, экономическими и культурными преимуществами, с помощью которых может влиять на мировые процессы. Так, Иммануил Валлерстайн приводит США второй половины XX в. как классический пример гегемона [Wallerstein, 1996, p. 102; Валлерстайн, 2004].

Продвигая свои интересы, США zaloжили фундамент мир-системной интеграции – экономическую зависимость. Суть ее заключается в зависимости от экспорта развивающихся стран в развитые. Таким образом, противопоставить что-либо гегемону было крайне сложно. С одной стороны, развитые страны зависели от импорта развивающихся стран, лояльных политике США. С другой – развивающиеся стра-

ны не могли противостоять в одиночку развитым странам.

Однако ситуация изменилась в силу экономического подъема стран Востока, таких как Китай, Саудовская Аравия, Индия и др. Показательным стал пример политики Ирана в условиях экономических санкций. Таким образом, сложилась ситуация, когда ряд стран стал способен противостоять гегемону.

Являются ли США полноценным гегемоном и какие временные ограничения периода гегемонии Вашингтона – тема для отдельного исследования. В рамках системного подхода можно говорить, скорее, о существующем коллективном гегемоне – условном Западе в лице стран Евросоюза и США, где последний представляет собой гегемона в сложившейся внутренней иерархии коллективной гегемонии. Это не исключает также наличия отдельных региональных или локальных гегемонов среди других акторов международных процессов.

А. Грамши отмечает недостаточную проработанность традиционного понятия гегемонизма [Грамши, 1990], указывая только на негативную его трактовку. Дискуссии ведутся и вокруг феномена лидерства в международных отношениях, который ошибочно могут отождествлять с гегемонией. Более того, сложно определить грань между мировой державой и гегемоном и понять, когда лидерство переходит в гегемонию.

Гегемон стремится установить монополию на власть, в то время как лидер учитывает интересы других игроков на международной арене, предоставляя свободу выбора. Основная цель лидера – не навязать и оказать давление, а убедить и направить.

А.Д. Богатуров практически не разделяет понятия гегемонии и лидерства, давая последнему следующее определение: «ситуация, при которой субъект

мировой политики имеет объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [Богатуров, 1997, с. 11; Богатуров, 2006].

Э.Я. Баталов, напротив, разводит понятия, отмечая, что лидерство – это отличный от господства, гегемонии, доминирования и первенствования способ политического управления [Баталов, 2010].

Г.А. Авцинова отмечает, что «лидерство государств предполагает активную внешнеполитическую деятельность, нацеленную на поиск оптимальной модели сочетания государственных, национальных интересов и интересов своих партнеров для достижения мира и укрепления собственной и международной безопасности и стабильности» [Авцинова, 2015, с. 96].

Однако в целом проблема с употреблением терминов «гегемония» и «лидерство» связана с «разнотечением понятий и их культурно-политическим контекстом» [Темников, 2011, с. 42].

На современном этапе развития системы международных отношений лидера в мировой политике можно обозначить следующим образом: *это субъект, имеющий ресурсы и желающий осуществлять деятельность, направленную на регулирование международных процессов и формирование принципов развития системы международных отношений без преимущественного использования методов давления, но не исключаяющего их, если это требуется для сохранения мир-системы.*

Следствием многополярности является возникновение новых микро- и макрорегионов, где появляется своя подсистема и выявляются ключевые игроки. Таким образом, по масштабам влияния можно выделить три уровня лидерства: глобальный (мировой), региональный и локальный. Определить отношения между данными типами лидеров и выявить модели поведения представляется возможным через парадигму «центр – периферия».

В теории международных отношений данный подход рассматривается как органическое единство ядра (центра) и периферии. Центр, будучи вершиной иерархии, упорядочивает периферию и определяет взаимодействие частей системы между собой и с внешней средой [Миньяр-Белоручев, 2019, с. 6].

Свое начало в теории международных отношений дихотомия «центр – периферия» берет из марксистской теории империализма XX в. Валлерстайн делит мир-систему на периферию, полупериферию и ядро, в рамках которого существует главенствующая держава – гегемон [Wallerstein, 1996; Валлерстайн, 2001].

Следует разводить понятия «ядро» и «центр» несмотря на то, что они являются пересекающимися и взаимодополняющими. Ядро представляют основные мировые державы, определяющие траекторию развития системы международных отношений. Центр – региональная подсистема, в которой они преимущественно существуют. В связи с этим для удобства восприятия далее используются понятия «центр» – «периферия», а не «ядро» – «центр» – «периферия».

Учитывая, что система международных отношений имеет иерархическое устройство, его можно отразить через дихотомию центра и периферии [Миньяр-Белоручев, 2019]. Таким образом, можно говорить о региональном

и глобальном лидерстве, где мировые лидеры – центр, региональные – периферия, а к внешней среде можно отнести остальных акторов международных отношений.

Центр и периферия не являются однородными, а состоят из нескольких отдельных частей. Однако периферия более многообразна и включает в себе различные подсистемы со своими центрами и перифериями, что соотносится с обозначенным выше делением лидеров по уровню: глобальному, региональному и локальному.

В рамках классического системного подхода периферийные государства и их значение были недооценены. Фокус внимания концентрировался на взаимодействии великих держав, в то время как акторы, не способные существенно влиять на развитие системы международных отношений, не представляли интереса для изучения. Ситуация изменилась в конце 1950-х годов, когда зародилась концепция региональных подсистем, что позволило рассматривать государства на периферии в качестве самостоятельных игроков на международной арене [Миньяр-Белоручев, 2019].

Более близким и отражающим действительность представляется подход Эдварда Шилза, разработанный в начале 1960-х годов. Согласно его концепции, каждое общество состоит из центра и периферии. Центр характеризуется границами в пространстве, состоит из институтов и ролей, осуществляемых властью, и вырабатывает идейные конструкты. В свою очередь, периферия перенимает предложенные убеждения и следует правилам, установленным центром. Периферия имеет более сложную и неомогенную структуру, собранную из нескольких частей, в разной степени удаленных от центра. Примечательно, что чем дальше от центра находится сегмент периферии, тем меньше он затрагивается властью цен-

тра и имеет меньшее влияние и созидательный потенциал.

Согласно Эдварду Шилзу, в зависимости от взаимоотношений «центр – периферия» можно выделить три типа структур систем:

1) прямое господство с одним ведущим центром и вмешательство в систему периферии;

2) децентрализованная двухуровневая система, характеризующаяся самостоятельностью периферии в зависимости от удаления от центра;

3) иерархическая система, в которой есть основной центр и субцентры – самостоятельные, но признающие авторитет центра [Шилз, 1972; Shils, 1961].

Обозначенные типы структур можно переложить на теорию международных отношений и соотнести следующим образом: первый отождествляется с гегемонизмом, второй характеризует многополярную систему, третий является описанием феномена лидерства.

Россия – Турция: точки соприкосновения и различия

На данный момент Россия входит в центральную подсистему, а Турция, несмотря на свое желание стать мировой державой, всё же является периферийным государством.

Рассмотрим динамику лидерства двух стран на примере сирийского кризиса. Россия и Турция не побоялись взять на себя ответственность за разрешение ситуации. Была предпринята попытка ввести новый способ регулирования международных конфликтов через «астанинский формат». Примечательно, что в нем не участвуют представители коллективного гегемона, такие как США и страны Европы.

Во-первых, данная ситуация показывает, что решение крупных мировых процессов может происходить без их

вмешательства, даже косвенного, и без организаций, отвечающих за регулирование. То, что сейчас Запад находится в качестве наблюдателя сирийских процессов – следствие успехов внешнеполитической деятельности России и частично Турции [Мозлов, 2021, с. 74].

Во-вторых, «астанинский формат» способствует закреплению России в роли медиатора в отношениях между региональными игроками – Ираном и Турцией. Россия, как мировой лидер, вывела Анкару и Тегеран в сирийском вопросе в качестве ключевых игроков и показала, что можно вести самостоятельную проактивную внешнюю политику [Мозлов, 2021, с. 74–75]. Турция, участвуя в данном процессе, претендует на независимость во внешней политике от западных партнеров по НАТО и увеличение своего веса в регионе. Следует внимательно следить за дальнейшим развитием и оформлением обозначенного формата.

Россия является мировым лидером, оказывающим влияние на международные процессы в силу следующих характеристик: политическая значимость; интеллектуальная сила и потенциал; степень влияния на ход дел в мире; членство в ключевых международных организациях, в том числе в Совете Безопасности ООН; военная мощь и статус ядерной державы. Более того, географическое положение России дает ей огромное преимущество и заставляет других игроков с ней считаться. К перечисленным признакам можно добавить возможности и перспективы в области ресурсного обеспечения, человеческого капитал, успехи в области цифровизации и научно-технического прогресса. Стоит отметить ведущую роль России в решении региональных конфликтов. Мас-

штабы страны, научно-технический и экономический потенциал, наличие ресурсов и сырья, а также накопленный исторический опыт позволяют относить Российскую Федерацию к центру мир-системы [Кортунов, 2008].

Важно отметить, что Россия все отношения выстраивает через всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие, что характеризует ее как лидера, а не как гегемона на уровне официальных документов.

Задача лидера не только упорядочивать систему международных отношений, но и обеспечивать безопасность. В условиях смещения с Запада на Восток геополитического центра экономического и политического влияния одним из важных становится вопрос обеспечения безопасности в Азиатском регионе. Роль гаранта безопасности может выполнять Россия, учитывая ее географическое положение, накопленный дипломатический опыт и политику «поворота на Восток». Особенно актуальным данный вопрос является в связи с угрозой дестабилизации Средней Азии. У России достаточно военно-политических ресурсов для урегулирования возникающих кризисных ситуаций [Щербакова, 2016; Щербакова, 2017].

Серьезность намерений в регионе подтверждается 78-й статьей Концепции внешней политики РФ от 2016 г.: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону»¹.

1 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – 2016. – 30 ноября. – URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 01.04.2022).

Обострение ситуации на Украине придало политике «поворота на Восток» новый импульс. В данной связи площадками для активизации сотрудничества могут стать АТЭС, Восточно-азиатский саммит, ШОС, БРИКС, АСЕАН и др. Более того, их можно рассматривать как альтернативы европейским институтам.

Распад биполярной системы дал шанс периферийным государствам претендовать на новые роли в системе международных отношений. Одной из таких стран является Турция, чьи амбиции на сегодняшний день выходят за рамки региональной державы.

В 2001 г. Ахмет Давутоглу, бывший премьер-министр Турецкой Республики и экс-министр иностранных дел, в своей книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» предложил внешнеполитическую концепцию своего государства, основанную на историческом наследии и особом геостратегическом положении. Следует особо отметить некоторые провозглашенные в ней принципы: проактивность внешней политики, «ноль проблем с соседями», долгосрочная стратегия, гибкие тактики и пространство для маневров и, как следствие, расширение сфер влияния в регионе. Согласно его произведению, особое внимание должно быть уделено территориям бывшей Османской империи: Турция, как правопреемница и покровительница мусульманского мира, должна нести нелегкое бремя ответственности за своих «младших братьев» [Davutoglu, 2010].

Именно на общность культурно-исторического прошлого Анкара делает ставку в работе по расширению зон влияния. Методы и инструменты этой работы довольно разнообразны: политические, экономические, военное сотрудничество и др. Однако наиболее эффективным является «мягкая сила»,

через которую формируются нужные властям нарративы в соседних государствах, в частности культурная и институциональная привлекательность [Аватков, 2021b].

Первоначально приоритет внешнеполитического курса был отдан арабским странам, что вписывалось в принцип «ноль проблем с соседями». Анкара поставила свои геополитические интересы выше интересов своих сильных союзников, чем вызвала недовольство США и других членов НАТО. Забытое чувство признания самостоятельной политики, успехи в установлении политических и культурно-экономических связей с «соседями», а вместе с тем нежелание терять преференции от «друзьбы» с мировыми державами уже тогда заставили турецкую власть действовать осторожно и проводить политику баланса, которая продолжается и сегодня. Таким образом, основной акцент на внешнеполитическом поле был сделан на инвестирование, установление тесных культурно-образовательных и гуманитарных связей и военно-техническое сотрудничество преимущественно в двухсторонних форматах [Дружиловский, Аватков, 2013].

События «арабской весны» были восприняты Турцией как шанс расширения регионального влияния через установление контактов с новыми властями и возможность установления турецкой модели государственности. Это прослеживалось и в призывах Р.Т. Эрдогана к отставке Х. Мубарака в Египте, Б. Асада – в Сирии, и в создании оппозиционной организации Сирийского национального совета, и в других аспектах.

Для России ситуация, складывающаяся на Ближнем Востоке, являлась угрозой региональной и мировой стабильности. Несмотря на наличие собственных интересов в регионе, основной целью проводимой политики

было сохранение мира и обеспечение безопасности. Это еще одна причина, по которой Россия является мировым лидером. Мировое или глобальное лидерство предполагает деятельность преимущественно в интересах системы – то есть предусматривает способность лидера отказаться от реализации собственных интересов в угоду мирового порядка как такового. В этой связи соответствующий уровень лидерства Турции на данном этапе – региональный, – в силу неспособности поступиться амбициями и взять на себя ответственность.

Одной из точек пересечения интересов Москвы и Анкары является постсоветское пространство, особенно турецкие государства, представляющие особую притягательность для Турции – новообразованные после распада СССР государства являются потенциальными союзниками в борьбе за расширение сфер влияния [Аватков, 2021а]. Так, например, Турецкая Республика является первой страной, которая признала независимость Азербайджана в 1991 г.

Россию и постсоветское пространство связывает многовековая история. Однако Турция пытается совершить подмену понятий и в проведении своей политики делает ставку на культурно-историческую общность в контексте построения «тюркского мира», с которым она не всегда соотносится.

В то время как Россия придерживалась политики невмешательства в суверенные государства, образованные в результате распада Советского Союза, Турция вела проактивную политику и насаждала свое видение мира. Одним из главных результатов этой деятельности стало образование Организации тюркских государств, в которую под патронатом Турции входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, а также Туркмения и Венгрия

в статусе наблюдателей. Следует отметить, что Анкара позиционирует себя лидером на мировой арене, однако ее политика на постсоветском пространстве больше похожа на гегемонию, нежели на лидерство.

Инструменты «мягкой силы» становятся главным атрибутом стран, претендующих на лидерство, и сравнимы по эффективности с экономическими, а к традиционным войнам добавляются информационные. Россия на современном этапе вкладывает недостаточно усилий на проведение информационной политики и использование культурного влияния. В то же время Турция активно использует инструменты «мягкой силы», распространяя свое видение мира, в частности концепцию «тюркского мира», на другие государства. Успех в распространении своих идей значительно увеличивает шансы Анкары перейти из периферийного игрока в центрального.

Как отмечает В.А. Аватков, «современному миру свойственно соревнование политических моделей и идеологием, вследствие чего особую важность приобретает формирование нарративов, которые должны соответствовать национальным интересам» [Аватков, 2020, с. 38]. Таким образом, России для удержания статуса мирового лидера необходимо сформулировать и продвигать идеологемы, отражающие видение будущего развития как внутри страны, так и мира в целом, как это делает Турция.

Для того чтобы удерживать позицию мирового лидера во внешней политике, нужно грамотно выстроить внутреннюю. Поэтому на данном этапе перед Россией стоит задача работать на два фронта – внутрь и вовне. Успех последнего преимущественно будет зависеть от успехов первого направления, особенно в условиях борьбы с коллективным гегемоном, кото-

рый будет стремиться сохранить свои позиции, используя различные методы и инструменты воздействия как на мировое сообщество, так и на граждан России. Крайне важным в таком случае является наличие ресурсов и поддержки для обеспечения стабильной ситуации внутри страны. Замена полноценных идеологом краткосрочным манипулятивным воздействием приводит к тому, что гражданин становится не субъектом политического процесса, а объектом влияния не только со стороны своего государства, но и внешних акторов. Отсутствие прививки идейно-ценностных конструктов, обеспечивающих критическое мышление, приводит к всеядному подходу к политике в целом, что пагубно сказывается на реализации внутреннего и внешнего курса развития страны.

* * *

На протяжении последних десятилетий центральное место в системе международных отношений было закреплено за США, регионом Западной Европы. Остальные подсистемы были вынуждены существовать на периферии. Однако сейчас конфигурация сил меняется, вследствие чего Европа теряет свое влияние, отходя на периферию. В центр же приходит Восток.

Для современного этапа развития системы международных отношений характерно размывание старых центров власти и восхождение новых. Коллективный гегемон, состоящий из стран Запада во главе с США, стремится сохранить свое влияние и противостоять развитию других игроков, что приводит к дестабилизации международной обстановки и эскалации конфликтов между «центром» и «периферией» на глобальном и региональном уровнях. Однако для удержания сво-

его статуса следует не сопротивляться, а встраиваться в новую архитектуру международных отношений.

Происходящие политические процессы свидетельствуют о том, что периферия готова сместить центр. Это означает революционные изменения миропорядка, оформлением которого будут заниматься игроки в новых позициях. Среди них – Россия и Турция, способные нести ответственность за мировое сообщество, а не только преследовать свои интересы. Однако Турции еще предстоит доказать, сможет ли она поступиться своими амбициями ради самой системы.

Политика России, как и политика Турции, строилась в соответствии с отношением к существующему миропорядку. Но если для России в основе лежит Ялтинско-Потсдамский порядок, а в приоритете – международное право, устойчивость и безопасность мир-системы, то для Турции такая система является несправедливой, поскольку не принимает во внимание ее интересы [Бдоян, 2017, с. 27]. Такое расхождение в подходах к системе международных отношений в целом раскрывает разность моделей лидерства двух стран.

Модель лидерства – набор параметров, определяющий стиль поведения страны на международной арене (см. таблицу 1). Необходимым представляется выделение следующих параметров:

- *масштаб*, позволяющий определить уровень лидерства и географический охват;
- *система ценностей*, на основе которой страны проводят свою внешнюю политику и которой руководствуются при принятии решений;
- *инструменты влияния*, которыми преимущественно пользуется страна для достижения своих целей или к которым она чаще апеллирует;

- *личность лидера страны*, от которой в большей степени зависит формирование модели лидерства и поведение страны на международной арене;

- *взгляд на систему*, отражающий как возможное видение будущего развития системы, так и отношение к существующей системе;

- *политическая воля*, выражающаяся в степени желания влиять на мировые процессы.

Модели лидерства России и Турции можно сравнить со «львом» и «лисой» Макиавелли соответственно. Одному не хватает хитрости в продвижении своих идей, другому – силы, чтобы идеи подкреплять. Идеальный «правитель» получится только в сочетании этих качеств [Макиавелли, 1982]. Насколько эффективными будут попытки выдержать этот баланс, зависит от политической воли государств и желания сохранить свой лидерский статус. Учитывая, что модель лидерства не яв-

ляется константой, ее динамику можно наблюдать в историческом разрезе на разных временных промежутках.

В рамках процесса переустройства мира институты времен «холодной мировой» и нормативная база Ялтинско-Потсдамской системы уходят в прошлое и находятся на грани исчезновения или серьезного реформирования.

Для того чтобы в формирующейся мир-системе России укрепиться в статусе мирового лидера, а Турции – в качестве регионального, им необходимо придерживаться политики многовекторности, действовать в рамках своих национальных интересов и четко взвешивать принимаемые решения в зависимости от меняющейся конфигурации ключевых игроков. Более того, в условиях обрушения старого миропорядка необходимо предложить идеи по новому мироустройству и убедить в его правильности остальных

Таблица 1. Модели лидерства

Table 1. Models of leadership

Параметр	Россия	Турция
Масштаб	мировой	региональный
Система ценностей	<ul style="list-style-type: none"> • соблюдение норм международного права • безопасность • правда и справедливость 	<ul style="list-style-type: none"> • подмена понятий • собственные интересы • идея «хаба»
Инструменты влияния	преимущественно «жесткая сила» (hard power) через методы прямого воздействия, включающие военную помощь	преимущественно «мягкая сила» (soft power) через не прямое воздействие в культурной, образовательной и других сферах
Личность лидера страны	харизматичный тип	харизматичный тип
Взгляд на систему	сохранение и соблюдение Ялтинско-Потсдамского порядка, действия в рамках системы и в интересах ее сохранения	несогласие с существующим миропорядком, попытки выйти за рамки системы и реформировать ее
Политическая воля	умеренная, выражающаяся в реакционных действиях на международные процессы	ярко выраженная, отражающаяся в проактивной политике на мировой арене

Источник: Составлено автором на основе сравнительного анализа.

игроков. В зависимости от эффективности и актуальности предложенных идей решаются два вопроса: 1) сможет ли Россия окончательно закрепить себя как мировой лидер и продвинуть свое видение архитектуры миропорядка? 2) останется Турция крупным региональным игроком или сможет выйти за пределы периферии и претендовать на место в центре?

В любом случае болезненный переход от западноцентричной мировой системы к восточной неизбежен. У центральных и периферийных игроков возникает возможность для изменения своего положения на международной арене.

Список литературы

- Аватков В.А. Идеинный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка // *Россия и современный мир*. – 2020. – № 3 (108). – С. 38–49. – DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021а. – Т. 14, № 5. – С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.
- Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // *Восточный альманах*. – 2021b. – С. 8–13.
- Авцинова Г.И. Гегемонизм и лидерство государств: исторические и современные аспекты // *PolitBook*. – 2015. – № 3. – С. 87–102.
- Баталов Э.Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // *Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США* / Отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаплеина. – Москва : КРАСАНД, 2010. – С. 41–45.
- Бдоян Д.Г. Российско-турецкие противоречия на Ближнем Востоке // *Обозреватель – Observer*. – 2017. – № 6 (329). – С. 23–33.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). – Москва : Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
- Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // *Международные процессы*. – 2006. – № 3 (12). – С. 48–57.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – Санкт-Петербург : Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
- Валлерстайн И. Периферия // *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – С. 671–679.
- Грамши А. Искусство и политика: в 2 томах. – Москва : Искусство, 1990. – 336 с.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) // *Обозреватель – Observer*. – 2013. – № 6. – С. 73–88.
- Кортунов С.В. Россия на пути к мировому лидерству // *Безопасность Евразии*. – 2008. – № 4. – С. 7–35.
- Макиавелли Н. Государь: избранные сочинения. – Москва : Художественная литература, 1982. – 503 с.
- Миньяр-Белоручев К.В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // *Новая и Новейшая история*. – 2019. – Выпуск 6. – С. 5–18. – DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
- Мозлов А.Т. Россия, Турция и Иран на пути к потенциальному лидерству в региональном раскладе сил // *Восточный альманах: сборник научных статей* / Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва : Обще-

ство с ограниченной ответственностью «Квант Медиа», 2021. – С. 73–78.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание. – Москва : Аспект Пресс, 2011 – 173 с.

Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 2 (26). – С. 29–39.

Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 341–359.

Щербакова А.Я. Вопросы регулирования мирового пространства в XXI веке // Обозреватель – Observer. – 2016. – № 8 (319). – С. 30–38.

Щербакова А.Я. Россия и Восток: Проблемы безопасности и политического лидерства // Россия и современный мир. – 2017. – № 4 (97). – С. 194–201.

Keohane R. International Institutions and State Power; Essays in International Relations Theory. – Boulder (Col.) : Westview Press, 1989. – 280 p. – DOI: 10.7202/702764ar.

Shils E. 'Centre and Periphery' in The Logic of Personal Knowledge; Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11th March 1961. – London : Routledge & Paul, 1961. – P. 117–130.

Wallerstein I. The inter-state structure of the modern world-system / Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.) // International theory: positivism and beyond. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 87–107.

Давутоглу А. Стратегическая глубина. Международное положение Турции. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. – İstanbul : Küre Yayınları, 2010. – 584 p. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

The Dichotomy of Regional and Global leadership in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey

Maria A. MAYOROVA

Junior researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation,
117418

E-mail: alex1996m5@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-0751-5210

CITATION: Mayorova M.A. (2022). The Dichotomy of Regional and Global Leadership in Modern International Relations on the Example of Russia and Turkey. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 69–83 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.04

Received: 08.04.2022.

Revised: 11.05.2022.

ABSTRACT. *The urgency of the issues of the world order management is associated with the escalation of regional conflicts, global challenges of our time, the increasing influence of non-state actors in the international field and the increasing instability of the system as a whole. In the face of opposition to Western hegemony, competition for resources and influence in the region and in the world is increasing. The system of international relations is undergoing changes and in the conditions of this transformation, the actors of the “periphery” and “center” are reconfiguring – the era of the Western-centric world is passing away. The new conditions of the system dictate new rules of the game – imposing one’s will by intimidation and military-economic methods has become ineffective and meets resistance, and therefore individual countries have begun to fight*

hegemonism. The term that most clearly reflects modern relations on the world stage can be called “leadership”. This phenomenon is considered in the article through the “center–periphery” paradigm, global and regional leadership is distinguished by the examples of the Russian Federation and the Republic of Turkey. The foreign policy course of the two countries, their main priorities and motivation are being analyzed, two leadership models are being compared based on the selected parameters. The prospect of Russia becoming one of the centers of the future world order is being outlined, and the possibility of Turkey to stay in the position of a regional leader and expand its zones of influence is being explored. In order to preserve and retain their already established positions, it is necessary to adhere to a multi-vector policy that corresponds to

national interests. Ideas on the development and structure of the new world order and the ability to take responsibility for the processes taking place on the world stage are an integral part of strengthening the positions of the two countries.

KEYWORDS: *leadership, hegemony, system of international relations, Russia, Turkey, center, periphery, new world order.*

References

- Avatkov V.A. (2020). The Ideological Factor and the Turkic Element in Russia's Policy through the Prism of Transformation of the World Order. *Russia and the contemporary world*, no. 3 (108), pp. 38–49. DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Avatkov V.A. (2021a). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 5, pp. 162–176 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.
- Avatkov V.A. (2021b). Turkish “Hub” Ideology. *Oriental Almanac*, pp. 8–13 (in Russian).
- Avtsinova G.I. (2015). Hegemonism and state leadership: historical and modern aspects. *PolitBook*, no. 3, pp. 87–102 (in Russian).
- Batalov E.Y. (2010). The beginning of the XXI century: a world without poles, a world without a global leader. *Leadership and competition in the world system: Russia and the USA*, A.D. Bogaturov, T.A. Shakleina (eds.). Moscow : KRASAND, pp. 41–45 (in Russian).
- Bdoyan D.G. (2017). Russian-Turkish contradictions in the Middle East. *Obozrevatel–Observer*, no. 6 (329), pp. 23–33.
- Bogaturov A.D. (1997). *Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International relations in East Asia after World War II (1945–1995)*. Moscow : Konvert – MONF, 353 pp. (in Russian).
- Bogaturov A.D. (2006). Leadership and decentralization in the international system. *International Processes*, no. 3 (12), pp. 48–57 (in Russian).
- Davutoğlu A. (2010). *Strategic depth. Turkey's international position*. Davutoğlu A. *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul : Küre Yayınları, 584 pp. (In Turkish).
- Druzhilovsky S.B., Avatkov V.A. (2013). Foreign policy ideologems of Turkey (2002–2012). *Obozrevatel – Observer*, no. 6, pp. 73–88 (in Russian).
- Gramsci A. (1990). *Art and Politics: In 2 volumes*. Moscow : Iskustvo, 336 pp.
- Keohane R. (1989). *International Institutions and State Power; Essays in International Relations Theory*, Boulder (Col.) : Westview Press, 280 pp. DOI: 10.7202/702764ar.
- Kortunov S.V. (2008). Russia on the way to world leadership. *Security of Eurasia*, no. 4, pp. 7–35 (in Russian).
- Machiavelli N. (1982). *The Sovereign: Selected Writings*. Moscow : Khudozh. lit., 503 pp.
- Minyar-Beloruchev K.V. (2019). The core and periphery of the system of international relations: the nature of interaction. *New and Modern history*, issue 6, pp. 5–18 (in Russian). DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
- Mozloev A.T. (2021). Russia, Turkey and Iran on the way to potential leadership in the regional balance of forces. *Vostochny Almanac: collection of scientific articles*, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow : Kvant Media Limited Liability Company, pp. 73–78 (in Russian).
- Shakleina T.A. (2011). Great Powers and Involved Subsystems. *International processes*, vol. 9, no. 2 (26), pp. 29–39 (in Russian).
- Shcherbakova A.Y. (2016). Issues of regulation of the world space in the XXI century. *Obozrevatel – Observer*, no. 8 (319), pp. 30–38 (in Russian).

Shcherbakova A.Y. (2017). Russia and the East: Problems of security and political leadership. *Russia and the Modern World*, no. 4 (97), pp. 194–201 (in Russian).

Shils E. (1961). 'Centre and Periphery' in *The Logic of Personal Knowledge; Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11th March 1961*, London : Routledge & Paul, pp. 117–130.

Shils E. (1972). Society and societies: macrosociological approach. *American Sociology: perspectives, problems, methods*, Moscow : Progress, pp. 341–359.

Temnikov D.M. (2011). *Leadership and self-organization in the world system: Scientific edition*. Moscow : Aspect Press, 173 pp. (in Russian).

Wallerstein I. (1996). *The inter-state structure of the modern world-system*, Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.). International theory: positivism and beyond, Cambridge : Cambridge University Press, pp. 87–107.

Wallerstein I. (2001). *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. Translate from English P.M. Kudyukin, B.Yu Kagarlitsky (ed). St. Petersburg : Publishing house "University Book", 416 pp. (in Russian).

Wallerstein I. (2004). *Periphery. Economic theory*. J. Ithwell, M. Milgate, P. Newman (ed.), Moscow : INFRA-M. pp. 671–679 (in Russian).

Российский опыт

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.05

Сотрудничество российских регионов с международными организациями: форматы и возможности на примере Республики Татарстан

Ильдар Рустамбекович НАСЫРОВ

доктор политических наук, заведующий отделом международного сотрудничества

Департамент внешних связей Президента Республики Татарстан, Кремль, г. Казань, Российская Федерация, 420014

E-mail: ildar.nasyrov@tatar.ru

ORCID: 0000-0001-7117-3636

ЦИТИРОВАНИЕ: Насыров И.Р. Сотрудничество российских регионов с международными организациями: форматы и возможности на примере Республики Татарстан // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 84–101.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.05

Статья поступила в редакцию 18.04.2022.

Исправленный текст представлен 14.06.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются вопросы взаимодействия субъектов Российской Федерации с международными организациями, значение данного вида международного сотрудничества для социально-экономического развития регионов и реализации российской внешней политики. Рассматриваются возможности участия субъектов федерации в продвижении национальных интересов на международной арене в условиях усиливающегося внешнего давления на Россию. Приводится анализ вопросов политико-правового регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, включая участие регионов в деятельности между-

народных организаций. В статье вводится классификация форматов взаимодействия регионов с международными организациями и характеризуются особенности их осуществления, обосновывается трансформация международной деятельности регионов с учетом эволюции внешнеполитических приоритетов государства. Для оценки эффективности моделей сотрудничества с интеграционными институтами различного вида изучается опыт Республики Татарстан. Подтверждается значимость участия регионов в деятельности международных организаций в составе российского представительства в них, построения отношений с интернациональными объединениями уров-

ня регионов и местных властей, а также проведения мероприятия под эгидой международных организаций для социально-экономического развития территорий и повышения качества жизни населения. Предлагаются варианты привлечения субъектов федерации к реализации актуальных направлений российской внешней политики. Также раскрывается позитивная роль регионов в поддержании контактов России с рядом ведущих международных организаций, поиске новых малополитизированных форматов сотрудничества, таких как партнерство с международными объединениями и структурами уровня местных властей. Потенциал регионов оказывается востребованным при реализации последовательной политики России по формированию многополярного миропорядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международные связи регионов, регионы и внешняя политика, международные организации, модели взаимодействия с интеграционными институтами, актуальные направления сотрудничества, эффективность внешних связей, многополярность.*

Российские регионы в актуальной повестке международного сотрудничества

В условиях продолжающихся антироссийских санкций, попыток международной изоляции России, а также нарастающей политизации мировой экономики в ущерб рыночной конкуренции [Линецкий, 2017, с. 834–835] реализация внешней политики и развитие торгово-экономического сотрудничества нашего государства опирается на широкое разнообразие инструментов и возмож-

ностей в области внешних связей. В этом контексте потенциал российских регионов для укрепления трансграничной кооперации стал одним из востребованных ресурсов [Глигич-Золотарева, 2017, с. 66]. Включившись в международную деятельность с середины 1990-х годов, субъекты Российской Федерации создали хороший задел для развития экономических и гуманитарных связей с зарубежными партнерами, участия в реализации отдельных направлений российской внешней политики [Международные и внешнеэкономические связи..., 2017].

Укрепление международной интеграции и процессы глобализации привели к возрастанию роли трансграничных структур и организаций. Международные организации способствуют регулированию межгосударственных отношений на многосторонней основе, в этой сфере также отмечается усиление влияния международных неправительственных организаций [Воронков, 2020, с. 12].

Обязательства государства в рамках членства в международных организациях нередко затрагивают интересы и полномочия субъектов федерации, что объективно привлекает их внимание к данной сфере. Регионы проявляют интерес к взаимодействию с международными организациями в поиске новых возможностей для развития. Как и другие формы международных связей регионов, эта деятельность требует постоянной координации со стороны федеральных органов власти, четкого соблюдения принципа единства внешней политики Российской Федерации.

Внешняя политика России становится более прагматичной и нацеленной на национальные интересы. Безусловно, и российские регионы должны выстраивать работу в соответствии с позицией нашей страны по всем вопросам международной повестки.

Одной из ключевых проблем осуществления международных связей российских регионов на современном этапе является адаптация к нарастающему санкционному давлению, внесение соответствующих корректив в направления и форматы работы с зарубежными партнерами. В работе исследуются возможности взаимодействия с международными организациями на основе изучения соответствующего опыта Республики Татарстан и определяются перспективные направления сотрудничества с учетом текущей внешнеполитической обстановки и полномочий субъектов Российской Федерации в сфере международных и внешнеэкономических связей.

Особую актуальность в настоящее время приобретает предложенная президентом Российской Федерации В.В. Путиным Концепция «Большого евразийского партнерства»¹. Субъекты федерации, как непосредственные участники реализации внешнеполитического курса России, естественным образом вовлекаются в данные процессы, используя возможности, открывающиеся в рамках «институционализированных взаимосвязей» [Ефремова, 2017, с. 70; Гиматдинов, 2020]. При этом приходится принимать во внимание высокий конфликтный потенциал конкурентных инициатив ведущих держав евразийского и азиатско-тихоокеанского пространства [Новиков, 2018, с. 85]. Кроме того, на постсоветском пространстве одновременно развиваются разнонаправленные тенденции интеграции и дезинтеграции, пересекаются политические и экономические инициативы ведущих субъектов мировой политики. Это определяет фундамен-

тальные принципы российской стратегии евразийской интеграции, к которым относится развитие и функционирование надгосударственных институтов [Алексеев, 2020, с. 3–4].

Как будет показано далее, существуют и другие важные векторы внешней политики России, в реализации которых успешно участвуют субъекты федерации.

В совокупности с необходимостью выстраивания системного подхода к взаимодействию субъектов Российской Федерации с международными и интеграционными структурами это определяет актуальность настоящего исследования.

Политико-правовое регулирование международного сотрудничества субъектов Российской Федерации, роль международных организаций

Становление международной деятельности субъектов Российской Федерации проходило поэтапно. Первые контакты с зарубежными партнерами в начале 1990-х годов показали потенциал международного сотрудничества для социально-экономического развития регионов и одновременно выявили ряд сопутствующих вызовов для единой внешней политики государства и его территориальной целостности, исследованных отечественными авторами [Фарукишин, 2003]. В процессе формирования системы координации и поддержки международных и внешнеэкономических связей регионального уровня решалась задача со-

1 Послание Президента Российской Федерации // Президент России. – 2015. – 3 декабря. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542> (дата обращения: 14.04.2022); Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Президент России. – 2016. – 17 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 14.04.2022).

гласования деятельности субъектов федерации с национальными интересами, определения полномочий регионов в этой сфере, имеющей прямое отношение к вопросам государственной безопасности [Насыров, 2011]. Изначально отсутствие соответствующего правового регулирования федерального уровня приводило к попыткам регионов законодательно закрепить избыточные политические полномочия. Например, в первой редакции Конституции Республики Татарстан государственный суверенитет провозглашался неотъемлемым качественным состоянием республики². Более того, приглашение посетить Турцию, поступившее от правительства этого государства, интерпретировалось премьер-министром Республики Татарстан М.Г. Сабировым как признание суверенитета Татарстана [Сулейманов, 2016, с. 7].

Обобщение и анализ опыта федеральных органов исполнительной власти по координации международных контактов субъектов федерации и последовательный курс на укрепление российской государственности привели к формированию на рубеже 2000-х годов нормативно-правовой базы международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. В настоящее время она адаптирована федеральными законодателями к современным реалиям с учетом практики применения законодательства и подтвердила свою эффективность. Это косвенно подтверждается недавно принятым федеральным законом N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (п. 90 статьи 44),

который по вопросам регулирования международного сотрудничества регионов отсылает к действующему законодательству³.

Отечественная и зарубежная практика осуществления внешних связей регионов, согласованных с внешней политикой государства, подтверждает их значение для продвижения национальных интересов в мире и динамичного развития территорий в условиях открытой экономики. Существует множество примеров успешного привлечения российских регионов к реализации отдельных внешнеполитических задач; среди них – формирование инструментов «мягкой силы», продвижение позитивного образа нашего государства, укрепление многовекторного сотрудничества с дружественными странами [Гиматдинов, Насыров, Садыкова, 2019]. Регионы проявили себя и в развитии ситуации с Украиной. Например, в ходе интеграции Крыма в состав России Республика Татарстан включилась в работу с крымско-татарским населением полуострова с целью разъяснения российской национальной политики и поддержки формирования общественных институтов в регионе. На современном этапе субъекты федерации активно участвуют в помощи населению и органам власти Донецкой и Луганской народных республик. Во всех этих случаях принципиальное значение имеет согласованность действий регионов с федеральными органами власти. В настоящее время международные и внешнеэкономические связи российских регионов осуществляются в пределах полномочий, установленных федеральным законодательством, в рамках

2 Конституция Республики Татарстан (30 ноября 1992 года) // Архив официального сервера Республики Татарстан. – URL: <https://1997-2011.tatarstan.ru/const001.html> (дата обращения: 14.06.2022).

3 Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от 14.03.2022) // КонсультантПлюс. – 2021. – 21 декабря. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070 (дата обращения: 14.04.2022).

единой государственной внешней политики под общим контролем со стороны Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В практике внешних связей Республики Татарстан в середине 2010-х годов был зафиксирован отход от чрезмерного вовлечения региона в инициированные Турцией процессы интеграции тюркского мира, в формате международных культурно-гуманитарных организаций, образовательных и исламских проектов. В этом проявилась координирующая роль федеральных институтов, обеспечивающих единство российской внешней политики.

Наделяя регионы (административно-территориальные единицы в составе страны) соответствующими правами и обязанностями, государства предоставляют им возможность быть участниками международных отношений и становиться субъектами международного права. Именно с разрешения государств регионы могут участвовать в деятельности международных организаций [Плотникова, 2014, с. 68]. При этом для выстраивания отношений с международными организациями субъекты Российской Федерации обладают достаточными полномочиями [Гомелаури, 2020, с. 1226]. Координация взаимодействия субъектов Российской Федерации с международными организациями возложена на МИД России⁴.

Основополагающий в данной сфере Федеральный закон от 4 января 1999 г. N 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей

субъектов Российской Федерации» допускает участие субъектов Российской Федерации в деятельности международных организаций в рамках специально созданных для этого органов. В качестве примера подобного органа можно привести Палату регионов Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, в которой делегация России работала с 1995 г.⁵ На уровне местных властей представители российских регионов входят в Консультативный комитет местных органов власти при Организации Объединенных Наций (UNACLA). Существуют и специально созданные международные организации как на уровне регионов (Ассамблея регионов Европы), так и на уровне местных властей (Всемирная организация «Объединенные города и местные власти»). В рамках ЮНЕСКО, в частности, реализуется проект «Сеть творческих городов» (UCCN), ориентированный на местные власти.

Международные организации способствуют решению проблем политико-правового регулирования деятельности регионов на международной арене. В качестве примера можно привести Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей⁶. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве была заключена в мае 1980 г. в формате открытого к подписанию документа. Россия подписала ее в 1999 г. и ратифицировала в 2002 г. Дополнительные протоколы к указанной конвенции определили порядок создания ин-

4 Указ Президента РФ от 08.11.2011 N 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // Президент России. – 2011. – 8 ноября. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34205> (дата обращения: 14.04.2022).

5 Распоряжение Президента Российской Федерации от 29.05.1995 N 243-ПП «О делегации Российской Федерации в Конгрессе местных и региональных властей Европы» // Президент России. – 1995. – 29 мая. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7920> (дата обращения: 14.04.2022).

6 Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (ETS N 106) // Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901734774> (дата обращения: 14.04.2022).

ституциональных механизмов приграничного сотрудничества и формы их создания, а также распространили положения Конвенции на сотрудничество между административно-территориальными единицами, не имеющими общей границы. Таким образом, создавалась правовая база для международного взаимодействия территориальных сообществ и властей⁷.

Страны Содружества Независимых Государств в 2008 г. подписали Конвенцию о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ⁸, которая регулирует вопросы приграничного сотрудничества, определяет его принципы и основные направления. Подписанная в 2016 г. Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств – участников СНГ подчеркивает значение договорной базы межрегионального сотрудничества, фиксирует обязательства сторон по содействию его развития, а также определяет согласованные сторонами направления межрегионального сотрудничества.

В контексте взаимодействия Республики Татарстан с евразийскими межгосударственными структурами необходимо отметить проведение в Казани саммита глав государств СНГ (2005 г.), Совета глав правительств СНГ (2017 г.), Евразийского межправительственного совета (2017 и 2021 гг.) и целого ряда других мероприятий межгосударственного уровня.

Интеграционные процессы динамично развиваются. В июне 2021 г. на пленарном заседании Казанского международного конгресса евразийской интеграции Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин выступил с

инициативой создания Конгресса местных и региональных властей ЕАЭС. Участники пленарного заседания поддержали данное предложение, которое вошло в итоговую резолюцию мероприятия [Экспертно-аналитическая..., 2021, с. 227].

В свете дополнительных ограничений, вызванных пандемией коронавируса, привлекает внимание возможность поддержки внешнеэкономической деятельности со стороны международных организаций путем упрощения процедур торговли. Здесь представляет интерес разработка международных стандартов для гармонизации трансграничной торговли, содействие широкому внедрению информационных технологий и снижение административных барьеров [Ненадышина, 2021, с. 565].

Разнообразие форм и направлений участия регионов в деятельности международных организаций создает предпосылки дальнейшего развития данного направления сотрудничества, что будет способствовать эволюции и международно-правовой регламентации всего комплекса трансграничных связей регионального (субнационального) уровня.

Цели и форматы взаимодействия с международными организациями на уровне Республики Татарстан

Сотрудничество с международными организациями является одной из составляющих интеграции в мировое сообщество и вносит дополнитель-

7 Понятие «территориальные сообщества и власти» определено Статьей 2 Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве.

8 Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств (Заключена в г. Бишкеке 10.10.2008) // Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902196976> (дата обращения: 14.04.2022).

ные аспекты в формирование международных отношений с учетом геополитических, экономических и иных интересов их участников [Жадан, 2016, с. 33].

Развивая взаимодействие с международными организациями, регионы, как правило, исходят из задач содействия социально-экономическому развитию, поддержки внешнеэкономических и гуманитарных связей, достижения региональной конкурентоспособности в условиях открытой экономики, повышения уровня и качества жизни населения, изучения и внедрения лучших мировых практик территориального развития и других вопросов, актуальных для конкретных субъектов федерации.

В рамках международных интеграционных механизмов регионы также могут внести вклад в реализацию актуальной для национальных интересов политики «мягкой безопасности» [Петрушенко, 2018].

Рассматривая форматы взаимодействия регионов с международными организациями, следует разделять членство в организации и участие в реализации отдельных проектов международных организаций, особенно на территории региона. Также распространена практика применения на региональном уровне рекомендаций и предложений международных организаций, участия в инициированных ими программах и проектах. Участие делегации или представителей региона в мероприятиях, проводимых международными организациями, можно отнести к форме сотрудничества, предполагающей минимальное взаимодействие с международными организациями и ограниченное влияние на их работу.

Членство в организации на постоянной основе предполагает регулярное участие в ее деятельности, наличие как определенных прав, включая вовлеченность в принятие решений, так и обязанностей, в том числе оказание финансовой или иной поддержки функционирования организации.

За тридцатилетнюю историю развития международных и внешнеэкономических связей Республика Татарстан накопила значительный опыт работы в составе Ассамблеи европейских регионов (AER), международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) в статусе наблюдателя, а также в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы в составе российской делегации [Насыров, 2011, с. 233–239]. Однако с весны 2022 г. отчетливо проявилась, а в ряде случаев приобрела детерминирующий характер негативная тенденция по антироссийской политизации деятельности некоторых международных организаций. Злоупотребление наличием абсолютного большинства при голосовании недружественными России странами НАТО и ЕС в Совете Европы привело к решению о выходе нашей страны из старейшей в Европе международной организации⁹.

На восточном направлении Республика Татарстан уделяет большое внимание участию в деятельности международной неправительственной организации «Группа стратегического видения «Россия – исламский мир»» с самого начала ее основания в 2006 г. В июне 2014 г. президент Российской Федерации В.В. Путин уполномочил президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова реорганизовать работу Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» и возглавить ее. Дея-

9 Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы от 15.03.2022 // МИД России. – 2020. – 15 марта. – URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1804379&lang=ru> (дата обращения: 14.04.2022).

тельность Группы направлена на содействие развитию отношений России с мусульманскими странами за счет скоординированной работы гражданского общества, деловых кругов, религиозных объединений, экспертного и журналистского сообщества. Устанавливаются контакты с Организацией исламского сотрудничества (ОИС) и организациями при ней. В рамках плана мероприятий Группы ежегодно проводятся десятки общественных, научных, деловых, религиозных форумов и мероприятий как в Российской Федерации, так и за ее пределами [Мухаметшин, 2022]. Наиболее масштабное из мероприятий – Международный экономический саммит «Россия – Исламский мир: *KazanSummit*», ставший главной площадкой экономического взаимодействия Российской Федерации и стран исламского мира.

Участие регионов в установлении отношений нашей страны с мусульманскими государствами стало одним из примеров их участия в реализации внешней политики России по направлению, отнесенному отечественными исследователями к одному из самых актуальных на современном этапе [Косач, 2020, с. 96]. В рамках деятельности Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» Республика Татарстан, помимо решения основных задач, стоящих перед Группой, укрепляет деловые, культурные и гуманитарные связи с мусульманскими странами и исламскими организациями, ведет постоянную работу, направленную на продвижение за рубежом информации о регионе, его экономическом потенциале, культурном наследии и человеческом капитале.

В Казани находится штаб-квартира Евразийского отделения Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» (ОГМВ). Мэр г. Казани И.Р. Метшин в ноябре 2021 г. избран

президентом Всемирной организации ОГМВ. Ранее, в ноябре 2019 г., он также был избран президентом Консультативного комитета местных органов власти (UNACLA) при Организации Объединенных Наций (ООН). Это первый случай, когда президентом UNACLA избрали представителя России.

Казань входит в Организацию городов Всемирного наследия и Лигу исторических городов. Столица Республики Татарстан в 2021 г. также участвовала в проектах и мероприятиях Организации исламских столиц и городов (ОИСГ), Международной ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ), Международной ассоциации «Породненные города» (МАПГ) и ряда других.

Постоянный обмен опытом и лучшими практиками городского развития стал одной из составляющих динамичного развития столицы Татарстана, способствовал успешной реализации ряда региональных программ, направленных на формирование современной городской среды, развития общественных пространств, благоустройства дворовых территорий, проектов развития городской инфраструктуры на территории Республики Татарстан. Ориентированность на вопросы, входящие в компетенцию органов местного самоуправления, определяет перспективность продолжения работы с международными организациями уровня местных властей в условиях сложной внешнеполитической обстановки.

Проведение мероприятий под эгидой международных организаций на территории субъектов федерации. Полагая, что эту деятельность можно в полной мере интерпретировать как международную, так как в процессе подготовки и проведения подобных мероприятий осуществляются постоянные контакты с зарубежными партнерами, открываются новые возможности для трансграничной кооперации,

происходят адаптация и внедрение мировых стандартов и перспективных практик в соответствующих сферах, укрепляется международный имидж регионов. Одновременно формируется мощный импульс социально-экономического развития, повышения общей конкурентоспособности территорий.

В качестве примера можно привести проведение XXVII Всемирной летней Универсиады в Казани в 2013 г., подготовка к которой во взаимодействии с Международной федерацией университетского спорта *FISU* при поддержке федерального центра преобразила столицу Республики Татарстан. К Универсиаде было построено более 150 и реконструировано еще около 380 объектов, в том числе 36 новых спортивных сооружений, включая стадион на 45 тыс. мест, Дворец водных видов спорта, Центр гребных видов спорта и уникальный комплекс Деревни Универсиады, объекты инфраструктуры Международного аэропорта «Казань» и двух железнодорожных вокзалов г. Казани, 11 транспортных развязок, 39 пешеходных переходов, 3 станции метро и другие современные, экономически эффективные объекты. В историческом центре Казани отреставрировано более 300 зданий, отремонтированы и построены 212 километров автомобильных дорог на 149 улицах города, открыто более 20 новых гостиниц, что содействовало становлению туристической отрасли региона.

Спортивные объекты, подготовленные к Универсиаде, широко используются для развития физической культуры и массового спорта, проведения в республике международных и всероссийских соревнований. Многие спорткомплексы, а также жилые и общественные здания Деревни Универсиады переданы татарстанским вузам. Это придало импульс развитию системы высшего образования в регионе.

К нематериальной составляющей наследия Универсиады также относится формирование в Республике Татарстан специализированной организационной структуры и высокопрофессиональных кадров с опытом подготовки и проведения крупнейших массовых мероприятий, становление института волонтерства в России. Созданная в 2009 г. Дирекция Универсиады впоследствии стала организатором более 120 международных и всероссийских спортивных и иных мероприятий, действует в настоящее время в статусе АНО «Дирекция спортивных и социальных проектов».

К знаковым реализованным проектам можно отнести 45-й мировой чемпионат по профессиональному мастерству по стандартам *WorldSkills* 2019 г. в г. Казани. В мероприятии, подготовленном совместно с международной некоммерческой ассоциацией *WorldSkills International*, приняли участие более 1 300 представителей из 63 стран мира. Наследием мирового чемпионата рабочих профессий стали Международный выставочный центр «Казань Экспо», большой объем высококласного оборудования и инвентаря, переданный учреждениям профессионального образования. В совокупности с полученным международным опытом конкурентной борьбы в рамках отдельных профессий – всё это стимулировало переход на современные стандарты подготовки кадров в Татарстане и распространение в других регионах Российской Федерации лучших практик в данной области. В Татарстане была создана материально-техническая база и площадки для подготовки специалистов по стандартам некоммерческой ассоциации *WorldSkills International*. К концу 2021 г. более 6 тыс. человек сдали демонстрационные экзамены по стандартам *WorldSkills*.

Участие в международных проектах, имеющих образовательную направленность и стимулирующих обмен передовыми управленческими технологиями, способствует повышению качества регионального управления и корпоративного менеджмента, приведению уровня подготовки трудовых ресурсов в соответствие с мировыми стандартами и развитию человеческого потенциала в целом. Указанные факторы являются существенными для повышения инвестиционной привлекательности регионов [Щербакова, 2018, с. 128].

Открытие к чемпионату *WorldSkills* одного из крупнейших в России международного выставочного центра «Казань Экспо» стало этапным в развитии региональной инфраструктуры выставочно-ярмарочной деятельности, поскольку была создана площадка для проведения деловых мероприятий общероссийского и мирового уровня с участием более 10 тыс. гостей.

Таким образом, современная практика проведения крупных международных соревнований в российских регионах наполняет новым содержанием традиционную концепцию материального и нематериального наследия событий [Комаров, 2020].

Применение экспертных рекомендаций и предложений международных организаций, участие в инициированных ими программах и проектах способствуют повышению конкурентоспособности региональной социально-экономической системы в условиях открытой экономики. Статус международных организаций, с которыми возможно сотрудничество регионов в данной сфере, весьма обширен – от Организации Объединенных Наций до международных отраслевых ассоциаций и профессиональных сообществ.

Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан активно

сотрудничает с Организацией Объединенных Наций и ее специализированными учреждениями (ЮНКТАД, Российская ассоциация содействия ООН, Информационный центр ООН в Москве и др.). В феврале 2020 г. в штаб-квартире ООН в г. Нью-Йорке (США) состоялась презентация доклада «Регионы Российской Федерации: Республика Татарстан – Цели устойчивого развития». По линии ЮНКТАД используются, в частности, новейшие методики обучения специалистов в сфере привлечения инвестиций. Эксперты организаций системы ООН приглашаются в Татарстан для обмена опытом и повышения профессиональной квалификации кадров. В целях улучшения работы государственно-частного партнерства (ГЧП) региона осуществлялось взаимодействие с Европейской экономической комиссией ООН, подготовлен совместный отчет по оценке потенциала использования ГЧП в Республике Татарстан.

По линии развития и продвижения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН осуществляется взаимодействие актива татарстанских молодежных организаций в формате образовательных инициатив, участия в глобальных отчетах по молодежной повестке и достижению ЦУР. На площадке Казанского (Приволжского) федерального университета регулярно проводится Казанская международная модель ООН с участием российских и иностранных студентов.

Многие годы осуществляется сотрудничество Республики Татарстан с ЮНЕСКО. Татарстан стал единственным российским регионом, имеющим три объекта в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО: Казанский Кремль (2000 г.), Болгарский историко-археологический комплекс (2014 г.), объекты острова-града Свияжск (2017 г.). Первый президент Татарстана, государ-

ственный советник Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев назначен спецпосланником ЮНЕСКО по межкультурному диалогу. В республике действуют кафедры ЮНЕСКО, реализуются совместные молодежные и образовательные проекты. Республика регулярно принимает крупные международные мероприятия по линии ЮНЕСКО. Казань участвует в программе ЮНЕСКО «Сеть креативных городов». Татарстан стал одним из первых российских регионов, подписавших коммюнике по вопросам сотрудничества с ЮНЕСКО (2003 г.). ЮНЕСКО поддержала мероприятия, приуроченные к 1000-летию Казани (2005 г.) и 200-летию Казанского университета (2014 г.). Многообразие контактов республики с ЮНЕСКО подтверждает тезис о возрастании роли российских регионов в системе отношений нашей страны с этой международной организацией [Буданова, 2017, с. 11].

Молодежная политика становится важной связующей нитью международного партнерства. Молодежные инициативы и проекты в области предпринимательства, науки, волонтерства, общественной дипломатии реализуются в рамках группы БРИКС. В октябре 2020 г. в Казани прошел V Форум молодых дипломатов стран БРИКС. В июле 2015 г. в столице Татарстана прошел I молодежный саммит стран БРИКС с участием руководителей министерств по делам молодежи стран БРИКС. Отметим, что по мнению многих аналитиков, БРИКС может также стать главным полюсом формирующегося многополярного мира. [Novikov, Skriba, 2019; Sergunin, Gao, 2018].

На базе общественной организации «Академия молодежной дипломатии Республики Татарстан» в Казани работает представительство Сообщества глобальных шейперов (GSC) Всемирного экономического форума.

При поддержке международной некоммерческой организации «Молодежный форум Организации исламского сотрудничества» (ОИС) в Республике Татарстан регулярно организуются такие совместные мероприятия, как Форум молодых предпринимателей стран ОИС, Международная молодежная модель стран ОИС, Форум молодых дипломатов стран ОИС при поддержке Совета молодых дипломатов МИД России и др. С 2012 г. молодежное движение Республики Татарстан «Сэлэт» является членской организацией Молодежного Форума ОИС. В 2022 г. Молодежный форум ОИС (ICYF) присвоил Казани статус молодежной столицы стран Организации исламского сотрудничества. Значимость данного события для повестки сотрудничества с мусульманскими государствами подчеркнуло участие министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в церемонии инаугурации Казани как молодежной столицы ОИС.

Республика Татарстан также укрепляет связи с отраслевыми зарубежными организациями.

Внеэкономические связи. Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан взаимодействует с Союзом производителей продукции машиностроения Турции, Консультативно-деловым советом по Ливии, участвует в мероприятиях Совета по межрегиональному сотрудничеству в формате «Волга – Янцзы».

В течение 10 лет Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан входит в состав Всемирной ассоциации инвестиционных агентств (WAIPA) – международной неправительственной организации, созданной в 1995 г. Конференцией ООН по торговле и развитию. Представители Татарстана принимают активное участие в мероприятиях под эгидой WAIPA.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан взаимодействует с Евразийской экономической комиссией по вопросам реализации кооперационных проектов с партнерами из государств – членов Евразийского экономического союза.

Здравоохранение. В октябре 2021 г. в Казани при участии Всемирной организации здравоохранения прошли учения международных команд быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации санитарно-эпидемиологического характера. В мероприятии приняли участие около 100 человек из 11 государств СНГ и Европы.

Организации здравоохранения Татарстана проходят аккредитацию по отраслевым международным стандартам, организуют внешние оценки качества медицинских лабораторий в рамках международных программ. В Казани проводятся международные мастер-классы при поддержке международных профессиональных объединений, сотрудники медицинских исследовательских и образовательных центров участвуют в их работе.

Культура. Республика Татарстан активно сотрудничает с международным Исследовательским центром исламской истории, искусства и культуры при Организации исламского сотрудничества ИРСИКА (IRCICA). На территории Республики Татарстан проводятся совместные выставки, семинары и конференции, учебные фонды вузов пополняются искусствоведческой литературой.

В рамках взаимодействия Союза театральных деятелей Республики Татарстан с международными театральными объединениями и союзами в Казани с 2010 г. проводится Международный театральный фестиваль тюркских народов «Науруз». Союз композиторов Республики Татарстан более 10 лет реализует международный проект «Жем-

чужины татарской музыки», в рамках которого исполнителями музыки композиторов Татарстана являются ведущие зарубежные оркестры. Казань ежегодно принимает крупные международные театральные и музыкальные фестивали. Союз кинематографистов Республики Татарстан во взаимодействии с зарубежными кинематографическими организациями участвует в организации Казанского международного фестиваля мусульманского кино, который проводится с 2005 г. и стал одной из визитных карточек региона.

Международные спортивные федерации и организации. При подготовке и проведении международных соревнований на территории Республики Татарстан налажено сотрудничество с более чем 15 международными спортивными федерациями по разным видам спорта.

Заключение. Перспективные направления сотрудничества

В настоящее время происходит серьезное переосмысление системы и структуры международных отношений. В реализации последовательной политики России по формированию многополярного миропорядка успешно используется потенциал регионов. Этому способствует созданная в нашей стране система международного сотрудничества на уровне субъектов федерации и накопленный опыт их скоординированной работы с МИД России. Ее устойчивость к негативному воздействию антироссийской санкционной политики США и Евросоюза подтверждается сохранением и развитием актуальных форматов сотрудничества субнационального уровня, активным участием регионов в реализации важных направлений внешней политики Российской Федерации.

В разнообразии форм международного сотрудничества российских регионов важное место занимает взаимодействие с международными организациями, для осуществления которого у субъектов федерации есть соответствующие полномочия, но практика данной работы недостаточно распространена и изучена. Исследование опыта Республики Татарстан в этой сфере выявляет широкие возможности достижения значительного позитивного эффекта для социально-экономического развития территорий от сотрудничества с международными организациями. Это подтверждает перспективность указанного формата внешних связей, который дополнительно обеспечивает вовлеченность субъектов федерации в продвижение национальных интересов в мире.

Усиление внешнего давления на Россию из-за ситуации на Украине обуславливает необходимость диверсификации и коррекции акцентов международной кооперации. Опираясь на исторически сложившиеся многосторонние связи Республики Татарстан с Востоком и Западом, сложившуюся практику взаимодействия республики с международными организациями и интеграционными структурами, можно выделить два перспективных направления внешних связей региона, которые одновременно входят в число актуальных внешнеполитических приоритетов России. Это сотрудничество со странами исламского мира и Ближнего Востока, а также участие в процессах евразийской интеграции. По обоим направлениям Татарстаном создан значительный задел: достигнут хороший уровень деловых, экономических и социально-культурных связей, действуют зарубежные представительства республики, налажены контакты с официальными лицами и сообществом предпринимателей. Сотрудничество с мусуль-

манскими странами активно поддерживается на уровне международных организаций, включая представителей Организации исламского сотрудничества и ее структур. Обширная работа также ведется в рамках Группы стратегического видения «Россия – исламский мир». Евразийский вектор охватывает не только страны ближнего зарубежья, но и Турцию, Китай, ряд других стран Азии, с которыми у Татарстана сложились устойчивые деловые отношения. Евразийское направление сотрудничества поддерживается в формате множества интеграционных механизмов, созданных при участии Российской Федерации. Необходимо отметить, что Казань регулярно принимает международные мероприятия самого высокого уровня, проходящие по линии СНГ, ЕАЭС и других евразийских структур, что придает дополнительную динамику региональному уровню сотрудничества. Хороший потенциал по указанным векторам сотрудничества имеет продолжение взаимодействия с отраслевыми и гуманитарными, в том числе молодежными, организациями и структурами.

Также следует отметить позитивную роль регионов в поддержании контактов России с рядом международных организаций, например ЮНЕСКО, в поиске новых форматов сотрудничества, таких как партнерство с международными объединениями и структурами уровня местных властей.

Отметим, что международные связи на уровне местных властей, включая сотрудничество и обмен муниципальными практиками в рамках международных организаций, являются наименее политизированными, что подтверждает их актуальность на современном этапе.

Таким образом, взаимодействие с международными организациями стало важным фактором укрепления

внешнеэкономических и гуманитарных связей регионов по ряду приоритетных направлений российской внешней политики и остается значимым драйвером территориального развития.

Список литературы

Алексеев Д.С. Российская стратегия евразийской интеграции: ключевые элементы, детерминанты и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 3–39. – DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-3-39.

Буданова Е.А. ЮНЕСКО и субъекты Российской Федерации в системе международных отношений // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – № 4 (52). – Номер статьи: 5213, 13 с. – URL: <http://eee-region.ru/article/5213> (дата обращения: 14.04.2022).

Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 3 (24). – С. 7–16.

Гиматдинов Р.Р. Развитие институциональных форм участия регионов в процессах евразийской интеграции на примере Республики Татарстан // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20, № 5. – С. 29–39. – DOI: 10.22394/1682-2358-2020-29-39.

Гиматдинов Р.Р., Насыров И.Р., Садыкова Э.Л. Участие регионов в реализации внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. – 2019. – № 8. – С. 12–25.

Глигич-Золотарева М.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества муниципалитетов в Российской Федерации // Федерализм. – 2017. – № 4 (88). – С. 63–74.

Гомелаури А.С. Субъекты федерации как акторы государственной политики «мягкой силы» (на примере Российской Федерации) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 5 (62). – С. 1226–1232. – DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.025.

Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности // Сравнительная политика. – 2017. – № 2. – С. 58–72. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72.

Жадан В.Н. К вопросу о взаимодействии и сотрудничестве России с международными организациями // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3 (86), Часть III. – С. 33–37.

Комаров М.Е. Япония. Наследие Олимпийских игр // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 1. – С. 50–55. – DOI: 10.31857/S032150750008167-5.

Косач Г. «Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества // Религия и общество на Востоке. – 2020. – № 4. – С. 96–126. – DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-96-126.

Линецкий А.Ф., Тарасов А.Г., Ковалев В.Е. Роль регионов во внешнеэкономической деятельности России в условиях новых геополитических вызовов // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 827–838. – DOI: 10.17059/2017-3-15.

Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан : Учебное пособие / Под ред. Гафурова И.Р., Гиматдинова Р.Р., Насырова И.Р. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 471 с.

Мухаметшин Ф.М. Диалог цивилизаций и перспективы сотрудничества. К 15-летию Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» // Международная жизнь. – 2022. – № 2. – С. 26–33.

Насыров И.Р. Государство и регионы в системе современных международных отношений. – Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2011. – 399 с.

Ненадышина Т.С. Trade facilitation: понятие и актуальное значение для экономического развития России // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 554–566. – DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-3-554-566.

Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 82–96. – DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-05.

Петрушенко М.Ф. Российская политика «мягкой безопасности» в рамках интеграционных механизмов ШОС и БРИКС // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 3 (24). – С. 373–377.

Сулейманов Р.Р. Влияние Турции в Татарстане: фактор «мягкой силы» // Мусульманский мир. – 2016. – № 1. – С. 6–26.

Фарукшин М.Х. Сравнительный федерализм. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – 282 с.

Щербакова Д.В., Медведь А.А. Факторы инвестиционной привлекательности регионов России // Управленческое консультирование. – 2018. – № 11. – С. 119–131. – DOI: 0.22394/1726-1139-2018-11-119-131.

Экспертно-аналитическая площадка регионального измерения евразийского интеграционного процесса / Газизуллин Н.Ф. [и др.] // Проблемы современной экономики. – 2021. – № 3. – С. 224–227.

Novikov D., Skriba A. The Evolution of Russian Strategy towards BRICS // Strategic Analysis. – 2019. – Vol. 43, N 6. – P. 585–596. – DOI: 10.1080/09700161.2019.1672129.

Sergunin A., Gao F. BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory // International Organizations Research Journal. – 2018. – Vol. 13, N 4. – P. 55–73. – DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.05

Cooperation of Russian Regions with International Organizations: Formats and Opportunities on the Example of the Republic of Tatarstan

Ildar R. NASYROV

Dr. of Political Science, Head of Division of International Cooperation
Department of Foreign Affairs to the President of the Republic of Tatarstan Kremlin,
Kazan, Russian Federation, 420014
E-mail: ildar.nasyrov@tatar.ru
ORCID: 0000-0001-7117-3636

CITATION: Nasyrov I.R. (2022). Cooperation of Russian Regions with International Organizations: Formats and Opportunities on the Example of the Republic of Tatarstan. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 84–101 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.05

Received: 18.04.2022.

Revised: 14.06.2022.

ABSTRACT. *The article studies the issues of interaction between the constituent entities of the Russian Federation and international organizations, the importance of this type of international cooperation for the socio-economic development of the regions and for the implementation of the Russian foreign policy. The possibilities of participation of the constituent entities in the promotion of national interests on the world stage in the context of increasing external pressure on Russia are considered. The analysis of the issues of political and legal regulation of international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation is given, including the questions of participation in the activities of international organizations. The article introduces a classification of for-*

mats for the interaction of regions with international organizations and characterizes the features of their implementation, the transformation of the international activity of the regions is demonstrated, according to the evolution of the foreign policy priorities of the state. To evaluate the performance of models of cooperation with integration institutions of various types, the experience of the Republic of Tatarstan is being studied. The importance for socio-economic development and improving the quality of life of the population by participation of the regions in the activities of international organizations as part of the Russian representation in them, or building relationships with international associations at the level of regions and local authorities, as well as holding events under the auspices of in-

ternational organizations is confirmed. Alternatives for involving the constituent unities in the implementation of essential areas of Russian foreign policy are proposed. The positive role of the regions in maintaining contacts between Russia and a number of leading international organizations is also discovered, along with the search for new low-politicized formats of cooperation, such as partnerships with international associations and structures at the level of local authorities. The potential of the regions appears highly-demanded in the implementation of Russia's consistent policy to form a multipolar world order.

KEYWORDS: international relations of regions, regions and foreign policy, international organizations, models of interaction with integration institutions, up-to-date sectors of cooperation, effectiveness of external relations, multipolarity.

References

- Alekseev D.S. (2020). Russian Strategy for Eurasian Integration: Key Elements, Determinants and Development Prospects. *Moscow University Bulletin. Series 25. International relations and world politics*, vol. 12, no. 5, pp. 3–39 (in Russian). DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-4-3-39.
- Budanova E.A. (2017). UNESCO and subjects of the Russian Federation in the system of international relations. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 52, article number: 5213, 13 pp. (in Russian). Available at: <http://eee-region.ru/article/5213>, accessed 14.04.2022.
- Efremova K.A. (2017). From regionalism to transregionalism: theoretical understanding of the new reality. *Comparative Politics Russia*, no. 2, pp. 58–72 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-58-72.
- Ekspertno-analiticheskaya... (2021). Gazizullin N.F. et al. Expert and analytical platform for the regional dimension of the Eurasian integration process. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, no. 3, pp. 224–227 (in Russian).
- Farukshin M.Kh. (2003). *Comparative federalism*, Kazan State University, 282 pp. (in Russian).
- Gitmatdinov R.R. (2020). Development of institutional forms of participation of regions in the processes of Eurasian integration on the example of the Republic of Tatarstan. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 20, no. 5, pp. 29–39 (in Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2020-29-39.
- Gitmatdinov R.R., Nasyrov I.R., Sadykova E.L. (2019). Participation of regions in implementation of the foreign policy of the Russian Federation. *International Affairs*, no. 8, pp. 12–25 (in Russian).
- Gligich-Zolotareva M.V. (2017). Legal support of international cooperation of municipalities in the Russian Federation. *Federalism*, no. 4 (88), pp. 63–74 (in Russian).
- Gomelauri A.S. (2020). The subjects of the federation as actors of the state policy of “soft power” (on the example of the Russian Federation). *Issues of national and federal relations*, vol. 10, no. 5 (62), pp. 1226–1232 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.025.
- Komarov M.E. (2020). Japan. Legacy of the Olympic Games. *Asia & Africa today*, no. 1, pp. 50–55 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750008167-5.
- Kosach G. (2020). “Islamic” diplomacy of Russia: Organization of Islamic Cooperation. *Religion and Society in the East*, no. 4, pp. 96–126 (in Russian). DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-96-126.
- Linetskii A.F., Tarasov A.G., Kovaliev V.E. (2017). The role of regions in Russia's foreign trade activities in the face of new geopolitical challenges. *Economy of*

regions, vol. 13, issue 3, pp. 827–838 (in Russian). DOI: 10.17059/2017-3-15.

Mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi... (2017). Gafurov I.R., Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. (eds.) *International and foreign economic relations of Russian regions: experience of the Republic of Tatarstan: Tutorial*, Kazan: Kazan University, 471 pp. (in Russian).

Mukhametshin F.M. (2022). Dialogue of civilizations and prospects for cooperation. To the 15th Anniversary of the Strategic Vision Group “Russia – Islamic World”. *International Affairs*, no. 2, pp. 26–33 (in Russian).

Nasyrov I.R. (2011). *State and regions in the system of modern international relations*, Kazan : University of Management “TISBI”, 399 pp. (in Russian).

Nenadyshina T.S. (2021). Trade facilitation: concept and relevance for the economic development of Russia. *RUDN Journal of Economics*, vol. 29, no. 3, pp. 554–566 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-3-554-566.

Novikov D., Skriba A. (2019). The Evolution of Russian Strategy towards BRICS. *Strategic Analysis*, vol. 43, no. 6, pp. 585–596. DOI: 10.1080/09700161.2019.1672129.

Novikov D.P. (2018). Greater Eurasian Partnership: Possible Regional Influence and Russia's Interests. *International Organizations Research Journal*, vol. 13, no. 3, pp. 82–96 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-05.

Petrushenko M.F. (2018). Russian policy of “soft security” within the framework of the integration mechanisms of the SCO and BRICS. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, vol. 7, no. 3 (24), pp. 373–377 (in Russian).

Sergunin A., Gao, F. (2018). BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory. *International Organizations Research Journal*, vol. 13, no. 4, pp. 55–73. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-03.

Shcherbakova D.V., Medved' A.A. (2018). Factors of investment attractiveness of Russian regions. *Administrative Consulting*, vol. 11, pp. 119–131 (in Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-11-119-131.

Suleymanov R.R. (2016). Turkey's influence in Tatarstan: factor of “soft power”. *Musul'manskij mir*, no. 1, pp. 6–26 (in Russian).

Voronkov L.S. (2012). International organizations in the system of international relations: trends and development prospects. *Bulletin of MGIMO-University*, no. 3 (24), pp. 7–16 (in Russian).

Zhadan V.N. (2016). On the issue of interaction and cooperation between Russia and international organizations. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 3 (86), part III, pp. 33–37 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект

Майя Андреевна ЯДОВА

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

ЦИТИРОВАНИЕ: Ядова М.А. Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 102–116.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Статья поступила в редакцию 26.05.2022.

Исправленный текст представлен 18.07.2022.

АННОТАЦИЯ. В работе анализируются региональные различия в тенденциях взросления современной российской молодежи. Выделяются ключевые факторы, сопровождающие процесс взросления представителей постсоветских поколений миллениалов и Z. Автор отмечает, что на модели взросления в XXI в. влияют определенные социокультурные, экономические особенности того или иного региона. России, отличающейся значительным региональным расслоением, свойственны глокальные – общеевропейские и локальные – тренды взросления. Для жителей столицы и больших городов характерна модель взросления, композиционно похожая на европейскую (хотя динамика наступления событий жизни, подразумевающих переход во «взрослый» статус, всё ещё различается), а сам процесс взросления дестандартизировался, став более сложным, поздним и растянутым во времени. Результаты социо-

логических исследований, в том числе проведенных автором настоящей статьи, фиксируют следующие тренды взросления российской (преимущественно городской) молодежи: откладывание наступления стартовых ключевых демографических событий (сепарация от родителей, обретение финансовой самостоятельности, первое трудоустройство, брак, рождение первого ребенка), ориентация на получение высшего профессионального образования, в том числе интерес к непрерывным образовательным траекториям. В то же время для молодежи некоторых российских регионов (прежде всего не относящихся к европейской части России, например, Северного Кавказа или периферийных/сельских районов Сибири) характерны более традиционные модели транзита во взрослую жизнь. Кроме того, автор размышляет о социоструктурных условиях формирования (первичный капитал социаль-

ного происхождения и другие личностные и социальные ресурсы) постсоветской молодежи и их связи с общемировыми трендами взросления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тенденции взросления, региональные различия, поколения миллениалов и центениалов, российская молодежь, городская и сельская молодежь.

Введение

В условиях перманентной социальной турбулентности, характерной для эпохи постмодерна, целесообразно говорить об особых трендах взросления молодежи XXI века. Очевидно, что новые поколения формировались (и формируются) под влиянием глобальных социальных изменений в экономической, политической, культурной и других сферах общества. Рассуждая о взрослении представителей новых поколений, невозможно обойти стороной тему выбора жизненного пути. Обычно под жизненным путем понимают многоуровневый процесс, который основывается на «привязанных» к возрасту значимых периодах в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах. Исследователи выделяют образовательную, профессионально-трудовую, семейную и иные траектории жизни отдельного человека, которые зависят от «биографических сценариев» других людей и определенных (социально обусловленных) условий жизни (включая региональную специфику, исторически сложившиеся социальные институты и политические события, сопровождающие процесс взросления) [Блоссфельд, Хьюиник, 2006, с. 18]. Постсовременное общество, не предлагая молодежи готовых сценариев жизни, требует от нее значительных адаптационных способностей, готовности

к переменам, а иногда и к резкой смене жизненного маршрута. Об этом остроумно сказал З. Бауман, назвав лучшей привычкой человека эпохи постмодерна умение обходиться без привычек [Bauman, 2001].

По мнению социальных исследователей, процесс взросления в обществе постмодерна сегодня существенно растянулся, охватив период так называемой зарождающейся взрослости (*emerging adulthood*), то есть примерно возраст молодости от 18 до 30 лет. Автор концепции «зарождающейся взрослости» американский психолог Дж. Арнетт считает, что это время «перехода», личностной и социальной нестабильности, формирования разного рода идентичностей, самостоятельного выбора жизненного пути [Arnett, 2000]. В последние годы исследования феномена позднего взросления набирают популярность. В США под эгидой Общества изучения «зарождающейся взрослости» (*The Society for the Study of Emerging Adulthood*) с 2013 г. издается международный междисциплинарный научный журнал *Emerging Adulthood*, посвященный проблемам взросления и адаптации молодежи разных стран мира; серьезный вклад в развитие данной концепции вносят и отечественные ученые (см., например: [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020]). Обычно исследователи говорят о наступлении определяющих взросление стартовых событий жизни (завершение профессионального образования, первое трудоустройство, сепарация от родителей, создание семьи и рождение первого ребенка). Асинхронность данных событий в жизни нынешней молодежи выглядит естественной и является скорее вариантом нормы, чем исключением.

Напомним, что возрастные границы молодости социально обусловлены и достаточно сильно варьируются. В современном мире верхняя граница

молодости обычно охватывает период между 30 и 35 годами [Danesi, 2003], а молодым, согласно уточненной классификации Всемирной организации здравоохранения, считается возраст до 44 лет. Взятый человечеством тренд «на омоложение» нередко способствует инфантилизации молодежи и формированию в ее среде особого типа личности – кидалта (от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый). Разумеется, стоит подчеркнуть, что запаздывание в прохождении некоторых жизненных этапов или «выпадение» из жизненного цикла молодого человека отдельных маркеров взрослости нельзя считать признаком инфантильности. Целесообразнее говорить об одновременно протекающих тенденциях ускоренного (в одних случаях) и запаздывающего (в других) взросления [Майорова-Щеглова, Митрофанова, 2020].

Стоит отметить, что сегодняшняя молодежь – это прежде всего поколение миллениалов¹ (по мнению экспертов, следующее за ним и пока малоизученное поколение Z, представители которого родились в начале 2000-х годов, имеет схожие черты), существенно отличающееся от своих предшественников: цифровая реальность является неотъемлемой частью повседневной жизни миллениалов, им свойственно «отложенное» вступление во взрослую жизнь по сравнению со сверстниками из старших поколений [Радаев, 2019; Twenge, 2017]. Специфический режим взросления и сложные социальные условия жизни (мировой финансовый кризис, необходимость долгого обучения, проблемы с трудоустройством), в которых прошло становление миллениалов, создали предпосылки для формирования у молодежи особого, игрового (по аналогии с компьютерной игрой, в которой

легко «переиграть» негативный сценарий) отношения к жизни.

В зарубежной и отечественной научной литературе, как правило, отражены те или иные стороны жизни миллениалов, например, социокультурные особенности взросления представителей этого поколения в разных странах, сравнительный анализ миллениалов и других возрастных когорт, проблемы межпоколенческих отношений, жизнь миллениалов в условиях глобализации, цифрового и рыночного общества и т. д. В период пандемии COVID-19 особую популярность приобрела тема адаптационных стратегий миллениалов к новой реальности. Вероятно, адаптивная гибкость и цифровая компетентность миллениалов и следующих за ними центениалов («зумеров») как представителей первых цифровых поколений в современном мире будут способствовать преодолению негативных последствий коронавирусного кризиса.

Из зарубежных работ, посвященных миллениалам, выделим исследования Дж. Твенге [Twenge, 2017], Р. Болтон и А. Парасурамана [Bolton R.N. et al., 2013], Э. Ына [Ng, Schweitzer, Lyons, 2010] и др. Если говорить об отечественных работах, то проблемы миллениалов, как правило, являются предметом интереса социальных исследователей-ювентологов. В нашей стране первым наиболее масштабным и глубоким исследованием российских миллениалов стал получивший широкую известность проект отечественного социолога и экономиста В.В. Радаева [Радаев, 2019].

В настоящей работе приводятся результаты выполненного автором в рамках качественной методологической традиции социологического эмпириче-

1 Миллениалами, или поколением Миллениума, традиционно называют когорты родившихся в период с начала 1980-х до 2000-х годов, старшие из которых к новому тысячелетию окончили школу.

ского исследования (серия индивидуальных глубинных интервью с представителями российской молодежи) и вторичного анализа работ отечественных и зарубежных обществоведов. В теоретико-методологическом и концептуальном плане автор опирается не только на упомянутые выше разработки, но и на получивший известность в социальных науках деятельностно-активистский подход, предполагающий, что личность с сильными «агентивными» ресурсами способна к глубокому преобразованию общественной жизни [Sztompka, 2001; Ядов, 2001].

Модели взросления в постсовременном обществе: к вопросу о региональных различиях

В научной литературе в числе ключевых факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, обычно выделяют: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненного пути, цикличность происходящих в жизни юношей и девушек событий [Bauman, 2001; Радаев, 2019; Serracant, 2015]. Из-за удлинения периода обучения и экономических сложностей молодые люди позже начинают профессиональную деятельность, обретают финансовую самостоятельность, откладывают вступление в брак и рождение детей. Нелинейный характер жизненного пути типичного миллениала приводит к нарушениям «прохождения» прежде традиционных этапов взросления: выбор и получение профессионального образования – первое трудоустройство – достижение материальной и жилищной независимости – создание семьи – рождение ребенка. Нередко уже имевшие ранее место в жизни молодого человека события повторяются вновь

и вновь: например, это касается возвращений в статус студента, в отчий дом после распада неформальных брачных отношений или развода. Впрочем, несмотря на объединяющие миллениалов поколенческие черты, современные тренды взросления в разных странах различаются, «встраиваясь» в местный социальный контекст и «обрастая» специфическими особенностями.

Представляется интересным и значимым предположение некоторых исследователей о том, что паттерны взросления зависят как от социально-культурных традиций того или иного общества, так и от свойственных странам режимов социального обеспечения [Esping-Andersen, 2015; Serracant, 2015; Walther, 2006]. Например, в англосаксонских странах традиционны ранняя сепарация от родителей и начало трудовой деятельности; в то же время в государствах Северной Европы, отличающихся сильной системой социальной поддержки, молодежи дается время на длительный поиск себя [Serracant, 2015, Р. 41–42]. В обществах со слабой государственной системой социального обеспечения или с сильными семейными традициями (страны Южной Европы, Латинской Америки, афро-азиатского региона) принято в первую очередь опираться на семейные ресурсы и поддержку близких.

В регионах, находящихся в эпицентре вооруженных действий или имеющих сложную криминогенную обстановку, режим взросления подчинен правилам выживания в экстремальных ситуациях. Таковы, например, многие бедные афро-азиатские и латиноамериканские страны. Известна широкая вовлеченность подростков и молодежи стран Африки в военные группировки или бандформирования. В современной африканистике набирает популярность термин «поколение ожидания» в отношении молодых

африканцев, транзит от юности к зрелости которых нельзя назвать простым [Honwana, 2012]. Также немало социальных исследований посвящено изучению членов молодежных банд в странах Латинской Америки [Reguillo, 2012]. Кстати, стоит подчеркнуть традиционно особую роль молодежи в латиноамериканской публичной политике: знаменитая аргентинская реформа демократизации высшего образования в результате студенческой революции Национального университета Кордовы (1918 г.) послужила триггером для активистской деятельности следующих поколений молодых латиноамериканцев [Balardini, 2002].

Наконец, существуют страны, которым свойственны глокальные модели взросления, то есть сочетающие в себе глобальные поколенческие тренды со специфическими «местными» особенностями. На наш взгляд, к таким можно отнести и Россию.

Глокальные тренды взросления: российская специфика

Поскольку жизненные траектории отечественной молодежи находятся под значительным влиянием региональных различий, для нашей страны характерны общеевропейские и локальные тренды взросления. По словам демографа Е.С. Митрофановой, модель взросления сегодняшнего постсоветского поколения молодежи (особенно жителей столиц и больших городов) «композиционно» схожа с европейской (хотя различия в динамике по-прежнему ощутимы), а сам процесс взросления трансформировался из «раннего, ускоренного и простого» в «поздний, растянутый и сложный» [Митрофанова, 2019а, с. 68]. Е.С. Митрофанова фиксирует замедление процесса взрос-

ления за счет откладывания наступления демографических событий, брака и первоочередной нацеленности на получение высшего профессионального образования – события, которое у более старших поколений россиян не входило в число приоритетных.

Исследователи часто отмечают, что в среде российской молодежи традиционная модель «учеба – работа» трансформировалась «в длительный процесс взаимосвязанного попеременного или параллельного получения и возобновления учебы и работы» [Терентьев, 2016, с. 19]. Причем для молодых людей особую ценность приобретают статусные атрибуты образования – дипломы и сертификаты об окончании специализированных курсов, информация в трудовой книжке о приобретенном опыте работы и т. п. Примечательно, что, согласно исследованиям известного американского социолога А. Инкелеса, создателя так называемой аналитической модели «современной личности», такое внимание к получению образования и освоению полезных компетенций, в том числе их формальным составляющим, является ключевым отличием современного (модернистского) мировоззрения от традиционного (традиционалистского) [Inkeles, Smith, 1974].

Естественно, что ориентация на получение высшего образования свойственна прежде всего юным жителям больших городов. Например, об этом свидетельствуют результаты опросов петрозаводских и новосибирских старшеклассников. Так, в ближайших планах учеников выпускных классов школ Карелии – продолжение образования (2013 г., N = 2 832): три четверти одиннадцатиклассников собираются поступать в вуз, каждый пятый планирует учиться в ссузах (20%) и лишь 2% нацелены искать работу без продолжения образования [Терентьев, 2016, с. 21]. Схожие тенденции фиксируют

исследователи, изучавшие образовательные и профессиональные планы старшеклассников Новосибирска [Новые смыслы..., 2015]. По их словам, состав выпускников средних школ Новосибирска стал более «демократичным», до окончания дневной одиннадцатилетней школы стали «добегать» больше выходцев из низкостатусных семей (рабочих, работников сферы обслуживания и т. п.). В то же время иными представляются образовательные стратегии старшеклассников сельских школ. Здесь к выпускному классу остается больше детей представителей «элитных» страт (специалистов с высшим образованием) и меньше выходцев из низкостатусных слоев (рабочих). Вероятно, это связано с тем, что большая часть учащихся из слабых социальных групп приняла решение не получать полное среднее образование в школе, уйдя в колледжи или начав трудовую деятельность [Новые смыслы..., 2015, с. 222–223].

Согласно результатам исследований Института социологии РАН, с точки зрения доступности качественного образования сельская молодежь является одной из наиболее социально уязвимых групп в России [Абанкина, Крайнова, Ястребов, 2012, с. 90]. Социолог Г.Г. Силласте отмечает, что ориентированность социальной политики России в сфере образования исключительно на молодых горожан и сложные условия жизни в российской глубинке вынуждают наиболее активную молодежь переезжать из сел в города [Силласте, 2004]. Вместе с тем сельские юноши и девушки традиционно отличаются от своих городских сверстников более скромными достижениями установками и притязаниями. Например, примечательны данные, фиксирующие степень реализации планов молодежи поступить в вуз по окончании школы в зависимости от объема

социального капитала родителей. Так, по результатам одного из опросов молодежи Новосибирской области, планы на поступление реализовались у 76,2% детей руководителей, проживающих в крупных городах, и только у 53,8% детей сельскохозяйственных рабочих [Новые смыслы..., 2015, с. 209]. Таким образом, сельская молодежь представляет собой массовую слабых ресурсную группу, на примере которой наглядно видно, как дефицит социокультурных и материальных ресурсов сказывается на формировании образовательных стратегий.

Кроме того, данную тенденцию можно объяснить с помощью концепции аспирационного капитала (*aspirational capital*), предложенной британской исследовательницей Т. Басит [Basit, 2012]. Она связывает высокие карьерные амбиции молодых людей с позитивными ожиданиями и поддержкой со стороны их близких. Причем, по мнению Басит, в некоторых слабых ресурсных семьях аспирационный капитал во многом заменяет недостающие резервы социального капитала. Можно предположить, что и для российской молодежи из провинции, выросшей в малообеспеченных и низкостатусных семьях, «надежды» родителей в некоторых случаях могут повысить шансы на жизненный успех.

Французские исследователи Ж. Руо и О. Жозеф выделяют следующие типы профессиональных траекторий современных выпускников [Rouaud, Joseph, 2014]: быстрое трудоустройство по окончании учебного заведения; трудоустройство после небольшого периода незанятости; временная безработица; продолжительный период безработицы; получение дополнительного образования и/или совмещение учебы и работы. Данные траектории, как правило, обычны для многих стран мира, а выпускников учебных заведений,

не сумевших в нынешних обстоятельствах быстро найти работу, нельзя считать неуспешными.

Нормальна подобная ситуация и для отечественных выпускников. Результаты глубинных интервью, проведенных автором настоящей статьи с представителями российского поколения миллениалов (жителями столицы), показали, что они достаточно часто делают выбор в пользу форм нестандартной занятости, позволяющих совмещать работу и учебу [Ядова, 2017]². Причем различия в выборе респондентами образовательных и профессиональных стратегий зависят от их системы ценностей. Те, кто демонстрирует модернистские установки, стараются не ограничиваться одним образованием, многие из них нацелены на получение ученой степени или дополнительного образования, в том числе за рубежом. «Модернисты» считают образование эффективным вложением в будущее, и у них есть достаточно четкий план развития собственной карьеры. У «традиционалистов», как правило, проблемы с долгосрочным планированием: даже получая достойное образование, они нередко с трудом представляют, что им это даст в перспективе. Если следовать терминологии датской исследовательницы Р. Гритнес [Grytnes, 2011], предложившей оригинальную классификацию форм молодежной мотивации при выборе профессионального образования, то российскими «модернистами», скорее всего, движут амбициозные цели, а «традиционали-

стами» – равнодушие. Стоит сказать, что современная молодежь, в том числе российская, всё чаще выбирает «калейдоскопный» тип карьеры – «трудовую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [Ядова, 2017, с. 103; Mainiero, Sullivan, 2006]. Вместе с тем гибкость в формировании собственного жизненного и трудового пути не отменяет необходимости приспосабливаться к внешним социальным факторам (например, к постоянно трансформирующемуся рынку труда и т. п.). Таким образом, постсовременный социум требует от российских выпускников профессиональных учебных заведений способности гармонично сочетать «индивидуальное» и «социальное» при выстраивании трудовой карьеры.

Помимо этого, необходимо различать группу вынужденно незанятой молодежи и тех, для кого незанятость является важной идентификационной характеристикой и добровольным выбором: NEET-молодежь (в России и европейских странах), хикикомори (в Японии), твикстеры (в США) [Zudina, 2019]. Часть российской молодежи, прежде всего жители мегаполисов, испытывая усталость от ценностей сверхпотребления, поддерживает идеи дауншифтинга, получившие распространение в странах Запада в конце прошлого столетия [Schor, 1998] и в последние годы набирающие популярность у нас.

2 Интервью проводились в рамках лонгитюдного проекта в 2014 г., его участниками стали 22 «модерниста» и 21 «традиционалист» (учащиеся и выпускники колледжей и вузов Москвы, которые по результатам проведенного ранее социологического опроса (N = 1800) продемонстрировали модернистские или традиционалистские поведенческие установки). Возраст опрошенных составил от 20 до 23 лет. Интервью в зависимости от предпочтений респондентов проводились «лицом к лицу», по телефону и с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями. За модернистские качества в исследовании принимались характеристики «современной личности» (согласно концепции А. Инкелеса): открытость изменениям и новому опыту, социальная ответственность и активность, самостоятельность, законопослушность и пр.; под традиционалистскими понимались противоположные современным качества [Inkeles, Smith, 1974].

Если говорить об актуальных проблемах, связанных с изменениями брачно-семейных отношений, то для России – с небольшим запаздыванием – также характерны схожие с общеевропейскими процессы трансформации института семьи. Растет число незарегистрированных союзов, средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка; подверглись изменениям паттерны брачно-партнерских, детско-родительских и других внутрисемейных взаимоотношений; усилился тренд на нуклеаризацию семьи и второй демографический переход, характеризующийся снижением уровня рождаемости [Гурко, 2016; Lesthaeghe, 1991; Sahllins, 2013]. Нередко молодежь, отказываясь от нуклеарной семьи, делает выбор в пользу дезорганизованной семьи [Smith, 2016]. Внимание многих исследователей привлекает феномен расширения родственных связей, фиктивного (*fictive kinship*) и утерянного (*kin loss*) родства [Sahllins, 2013].

Однако, несмотря на значительное сходство российских и европейских тенденций взросления, в нашей стране существуют регионы, которым присущи традиционные модели взросления, прежде всего речь идет о Северном Кавказе. Интересные данные об особенностях взросления на Северном Кавказе приводит Е.С. Митрофанова, опираясь на результаты общероссийского репрезентативного исследования, проведенного в 2013 г. и охватившего поколения 1970–1994 гг. рождения ($N = 4\,367$) [Митрофанова, 2019b]. Она попыталась сравнить наступление событий, предполагающих обретение взрослого статуса, у разных поколений жителей северокавказских республик. По словам Е.С. Митрофановой, события «транзита» от юности к взрослости обычно делят на социодемографические (первая интимная близость, первое партнерство, первый брак и первое

деторождение) и социоэкономические (завершение образования, сепарация от родителей и первое трудоустройство). Выяснилось, что на Северном Кавказе сохраняются более традиционные модели перехода во взрослую жизнь, нежели в других российских регионах. Так, события в брачной и репродуктивной сферах взаимообусловлены, а официально зарегистрированные браки остаются основной формой совместного проживания; рождение первого ребенка происходит в более раннем возрасте, количество детей в семьях в среднем больше по сравнению с семьями жителей других регионов; гендерные различия в социодемографическом поведении почти отсутствуют, а в социально-экономическом – выражены сильнее, чем в других регионах. Кроме того, первое трудоустройство юношей и девушек на Северном Кавказе происходит позже, чем у их сверстников из других российских регионов [Митрофанова, 2019b, с. 137]. Вместе с тем представленные данные указывают и на некоторые признаки демографической модернизации. Так, наблюдается большее по сравнению с предшествующими поколениями северокавказских юношей разнообразие в тех или иных событиях, маркирующих процесс взросления, то есть в этой возрастной группе единая поведенческая норма заменяется широкой вариацией жизненных маршрутов, тогда как северокавказские девушки продолжают демонстрировать более традиционные образцы поведения [Митрофанова, 2019b, с. 139].

Примечательны также данные социологического опроса молодых женщин ($N = 756$), проведенного в 2018 г. в Карачаево-Черкессии регионоведом К.И. Казениным [Казенин, 2019]. Оказалось, что, несмотря на высокую значимость традиционных семейных ценностей, в данном регионе фиксируется

возросшая тенденция на увеличение возраста вступления женщин в первый брак. Интерес демографов и социологов к Северному Кавказу как, наверное, к наиболее яркому инациональному региону Российской Федерации, обладающему ярко выраженными устоявшимися традициями социальной жизни, вполне объясним. Однако, как видим, и здесь имеют место демографические трансформации.

Нам представляется, что при изучении межрегиональных различий в моделях взросления российской молодежи целесообразен комплексный подход, учитывающий сложность и многообразие социальных и личностных факторов, влияющих на изучаемый процесс в каждом конкретном регионе (а зачастую и в отдельном городе). Обратимся, например, к результатам масштабного опроса студентов вузов и ссузов, проведенного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. в четырех российских городах: Санкт-Петербурге, Ульяновске, Казани и Махачкале (N = 3 200). Анализируя полученные данные, социологи обнаружили, что молодежные ценностные ориентации и «картины мира» настолько специфичны в каждом из названных городов, что впору говорить об «уникальном ценностном портрете живущей там молодежи» [Елкина, 2020, с. 185]. Так, согласно опросу, молодежь Ульяновска демонстрировала не только лояльность к власти, но и агрессивные, ксенофобные установки; для молодых петербуржцев оказались более близкими, чем для респондентов из других регионов, ценности гендерного равенства и сексуальной свободы; студентов Казани отличали ориентация на пацифизм, а молодых махачкалинцев – приверженность патриархально-религиозным ценностям.

Объяснить данный феномен можно тем, что ключевыми в формировании

молодежной идентичности «становятся локальные, традиционные ценности, характерные для конкретного города» [Елкина, 2020, с. 197]. Вероятно, зафиксированный тренд на «разность» и «мозаичность» жизненных миров нынешней российской молодежи стоит учитывать и при проведении других исследований ювентологической проблематики, в том числе касающихся трендов взросления. Впрочем, в социальных реалиях пластичного постмодернистского социума такая тенденция не вызывает удивления. Вместе с тем для российского общества в будущем может стать актуальным ряд вопросов. Например, насколько реально возникновение внутр поколенческих региональных «разрывов», вызванных различиями в ценностях и условиях жизни отечественных миллениалов и центениалов? Может ли это спровоцировать социальные конфликты в мегаполисах, где будут сталкиваться представители одной генерации, но разных «формаций»? Либо принадлежность к одному поколению выполнит функцию «плавильного котла» и не допустит возможного противостояния?

Кстати, по мнению ряда социологов [Portes, 1998; Ядов, 2001], успешность траекторий жизненного пути каждого человека зависит от его «личностного» капитала – комплекса личностных и социальных ресурсов. Для нашей страны наиболее «сильными» ресурсами можно считать следующие: стартовый капитал социального происхождения (то есть воспитание в достаточно высокостатусной родительской семье); высокий уровень образования и профессиональной подготовки; относительное материальное благополучие; молодой возраст как естественный ресурс (впрочем, напомним, что для некоторых социально ущемленных групп молодежи, например сельской, возрастные преимущества не вполне оче-

видны); наличие обширной сети межличностных связей и знакомств; проживание в крупном городе (а лучше в столице или мегаполисе); хорошие способности к адаптации и открытость новому опыту; адекватная самооценка, интернальный локус контроля [Ядов, 2001, с. 314–317]. Кроме того, при некоторых обстоятельствах (в зависимости от региона) определенная этническая и/или религиозная принадлежность может стать дополнительным ресурсом или, наоборот, проблемой. Думается, невозможно исследовать региональные тенденции взросления постсоветской молодежи без учета локального социального контекста и вне рамок подобного ресурсного подхода.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что для российского социума характерны глобальные модели взросления, опирающиеся на европейские тренды и специфические «местные» эффекты. Существенное региональное расслоение, присущее нашему обществу, формирует широкую сеть возможных «маршрутов» жизненных траекторий молодежи. По мнению ряда зарубежных и отечественных исследователей, процесс взросления во многих странах мира, включая Россию, становится более поздним, сложным и разнообразным. В этих условиях особую значимость приобретают социально-региональные различия, в рамках которых развиваются те или иные модели взросления. Так, «транзит» от юности к зрелости молодежи столицы и мегаполисов России схож с траекториями взросления молодых европейцев и сильно отличается, например, от процесса становления молодежи Северного Кавказа (впрочем, и в считающихся «тради-

ционными» регионах исследователями фиксируются модернизационные тенденции). Кроме того, стоит отметить ключевое влияние на формирование взглядов отечественной молодежи локальных (уникальных) особенностей, характерных для конкретного места проживания (например, города). Возможен ли в связи с этим в будущем внутриспоколенческий конфликт в среде миллениалов и центениалов, покажет время. На наш взгляд, сегодняшний тренд на удлинение периода молодости можно рассматривать как один из способов адаптации новых поколений к сложным и стремительно меняющимся («текущим», по словам З. Баумана) реалиям эпохи позднего модерна.

Список литературы

- Абанкина Т.В., Красилова А.Н., Ястребов Г.А. Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. – 2012. – № 2. – С. 87–120.
- Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9, № 1. – С. 15–44.
- Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Институт социологии РАН. – 210 с.
- Елкина О. Векторы солидаризации молодежи: ценностный аспект // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 181–197. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197.
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. – 2019. – Т. 28,

№ 1. – С. 140–160. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13, Вып. 1. – С. 25–39. – DOI: 10.21638/spbu12.2020.102.

Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. – 2019а. – С. 53–82. – DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427.

Митрофанова Е.С. Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // The Journal of Social Policy Studies. – 2019b. – Т. 17, № 1. – С. 133–141. – DOI:10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Константиновский Д.Л., Абрамова М.А., Вознесенская Е.Д., Гончарова Г.С., Костюк В.Г., Попова Е.С., Чередниченко Г.А. – Москва: ЦСП и М, 2015. – 232 с.

Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.

Силласте Г.Г. Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся молодежи // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 95–102.

Терентьев К.Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 12, Вып. 2. – С. 17–27. – DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202.

Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты //

Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 53–74.

Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? – Москва: МВШСЭН, 2001. – С. 310–319.

Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. – 2017. – № 2. – С. 91–104. – DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, N 5. – P. 469–480.

Balardini S. Córdoba, «Cordobazo» y Después: Mutaciones del Movimiento Juvenil en Argentina // Movimientos Juveniles: de la Globalización a la Antiglobalización. – 2002. – P. 37–58.

Basit T.N. «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital // Education Citizenship and Social Justice. – 2012. – Vol. 7, N 2. – P. 129–143. – DOI: 10.1177/1746197912440857.

Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 272 p.

Danesi M. Forever Young: The Teen-Aging of Modern Culture. – Toronto: University of Toronto Press, 2003. – 144 p.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Cambridge: Polity Press, 2015. – 245 p.

Grytnes R. Making the Right Choice! Inquiries into the Reasoning Behind Young People's Decisions about Education // Young. – 2011. – N 19. – P. 333–351.

Honwana A. The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa Sterling. – VA: Kumarian Press, 2012. – 240 p.

Inkeles A., Smith D. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. – Cambridge : Harvard University Press, 1974. – 436 p.

Kazenin K. Family Traditionalism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point to? // Демографическое обозрение. – 2020. – Vol. 6, N 5. – P. 94–119. – DOI: 10.17323/demreview.v6i5.11462.

Lesthaeghe R. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*. – Bruxelles : Vrije Universiteit, 1991. – 314 p.

Mainiero L.A. *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*. – Mountain View (CA) : Davies-Black, 2006. – 400 p.

Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. New Generation, great expectations: a field study of the Millennial generation // *Journal of Business and Psychology*. – 2010. – Vol. 25, N 2. – P. 281–292.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.

Reguillo R. *Memories of the Future: The Mara: Contingency and Affiliation with Excess* // *Young*. – 2012. – Vol. 20, N 4. – P. 345–355. – DOI: 10.1177/110330881202000403.

Rouaud P., Joseph O. *Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active*. – Paris : Céreq, 2014. – 92 p.

Sahlins M. *What Kinship Is – and Is Not*. – Chicago : University of Chicago press, 2013. – 120 p.

Schor J.B. *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer*. – New York : Basic Books, 1998. – 272 p.

Serracant P. The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe // *Young*. – 2015. – Vol. 23, N 1. – P. 39–58. – DOI: 10.1177/1103308814557398.

Smyth L. The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity // *British Journal of Sociology*. – 2016. – P. 1–19. – DOI: 10.1111/1468-4446.12217.

Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 219 p.

Twenge J.M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood – And what that Means for the Rest of Us*. – New York : Atria Books, 2017. – 352 p.

Understanding Generation Y and Their use of Social Media: a Review and Research Agenda / Bolton R.N. [et al.] // *Journal of Service Management*. – 2013. – Vol. 24, N 3. – P. 245–267.

Walther A. Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts // *Young*. – 2006. – Vol. 2, N 14. – P. 119–139. – DOI: 10.1177/1103308806062737.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Growing Up Trends of Modern Russian Youth: A Regional Aspect

Maiya A. YADOVA

Cand. Sci in Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

CITATION: Yadova M.A. (2022). Growing Up Trends of Modern Russian Youth: A Regional Aspect. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 102–116 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.06

Received: 26.05.2022.

Revised: 18.07.2022.

ABSTRACT. *The paper considers the regional differences in growing up trends of the modern Russian youth. The key factors following the growing up process of the post-Soviet generations including millennials and Z are identified. The author underlines that the growing up models in the 21st century are affected by certain social, cultural and economic specifics of the regions. Russia with its major regional variety has glocal – common European and local – growing up trends. Capital and big city residents are characterized by the growing up model similar in composition manner to the European one (although dynamics of life events referring to the “adult” status transition still differ) and the growing up process itself is destandardized becoming more complex, late and extending in time. The social research findings including the one conducted by the author hereby identify the following growing up trends of modern Russian youth (primarily urban): postponing the starting demographic milestones (separation from parents, gaining financial independence, first employment, marriage, birth of the first child), intention towards higher pro-*

fessional education, including interest in continuous educational trends. At the same time, young people in some Russian regions (first of all those not belonging to the European part of Russia like the North Caucasus or peripheral / rural areas of Siberia) are characterized by more traditional models of transition to adult life. Besides, the author considers the social and structural forming conditions (primary capital of social origin, other individual and social recourses) of the post-Soviet young people and their connection to the common-world growing up trends.

KEYWORDS: growing up trends, regional differences, Millennial and Z generations, Russian youth, urban and rural youth.

References

Abankina T.V., Krasilova A.N., Iastrebov G.A. (2012). Education as a Start in Life: Life Planning for Rural Students in Russia. *Voprosy obrazovaniya*, no. 2, pp. 87–120 (in Russian).

Arnett J.J. (2000). Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, vol. 55, no. 5, pp. 469–480.

Balardini S. (2002). Córdoba, «Cordobazo» y Después: Mutaciones del Movimiento Juvenil en Argentina. *Movimientos Juveniles: de la Globalización a la Antiglobalización*, Barcelona: Ariel, pp. 37–58.

Basit T.N. (2012). «My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid»: Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital. *Education Citizenship and Social Justice*, vol. 7, no. 2, pp. 129–143. DOI: 10.1177/1746197912440857.

Bauman Z. (2001). *The Individualized Society*, Cambridge : Polity Press, 272 pp.

Blossfeld H.-P., Huinink J. (2006). Life Course Research in Social Sciences: Topics, Conceptions, Methods and Problems. *Zhurnal of Sotsiologii and Social'noy Anthropologii*, vol. 9, no. 1, pp. 15–44 (in Russian).

Cherednichenko G.A. (2013). The Education and Professional Trajectories of Young People: Research Concepts. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, no. 3, pp. 53–74 (in Russian).

Danesi M. (2003). *Forever Young: The Teen-Aging of Modern Culture*, Toronto : University of Toronto Press, 144 pp.

Elkina O. (2020). The Vectors of Youth Solidarization: A Value Aspect. *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities*, Moscow : HSE Publishing House, pp. 181–197 (in Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1_181-197.

Esping-Andersen G. (2015). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge : Polity Press, 245 pp.

Grytnes R. (2011). Making the Right Choice! Inquiries into the Reasoning Behind Young People's Decisions about Education. *Young*, no. 19, pp. 333–351.

Gurko T.A. (2016). *Theoretical Approaches to Family Studies*, Moscow : IS RAN, 210 pp. (in Russian).

Honwana A. (2012). *The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa* Sterling, VA : Kumarian Press, 240 pp.

Inkeles A., Smith D. (1974). *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*, Cambridge, MA : Harvard University Press, 436 pp.

Kazenin K. (2020). Family Tradition-alism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point to? *Demographic Review*, vol. 6, no. 5, pp. 94–119. DOI: 10.17323/demreview.v6i5.11462.

Lesthaeghe R. (1991). *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*, Bruxelles : Vrije Universiteit, 314 pp.

Mainiero L.A. (2006). *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*, Mountain View : Davies-Black, 400 pp.

Mayorova-Shcheglova S.N., Mitrofanova S.Yu. (2020). Early Maturation or Infantilization: The Paradox of Modern Childhood Events. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 13, issue 1, pp. 25–39 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu12.2020.102.

Mitrofanova E. (2019b). Entering Adult Life: North Caucasus in Comparison to Other Regions of Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 1, pp. 133–141 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141.

Mitrofanova E. (2019a). Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*, vol. 6, no. 4, pp. 53–82 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427.

Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010). New Generation, Great Expectations: A Field Study of the Millennial Generation. *Journal of Business and Psychology*, vol. 25, no. 2, pp. 281–292.

Noviye smisli... (2015) Konstantinovskiy D.L. et al. *New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research*, Moscow: Social Forecasting

and Marketing Center Publ, 232 pp. (in Russian).

Portes A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 1–24.

Radaev V.V. (2019). *Millennials: How the Russian Society Changes*, Moscow: HSE, 224 pp. (in Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.

Reguillo R. (2012). Memories of the Future: The Mara: Contingency and Affiliation with Excess. *Young*, vol. 20, no. 4, pp. 345–355. DOI: 10.1177/110330881202000403.

Rouaud P., Joseph O. (coord.) (2014). *Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active*, Paris: Céreq, 92 pp.

Sahlins M. (2013). *What Kinship Is – and Is Not*, Chicago: University of Chicago press, 120 pp.

Schor J.B. (1998). *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer*, New York: Basic Books, 272 pp.

Serracant P. (2015). The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe. *Young*, vol. 23, no. 1, pp. 39–58. DOI: 10.1177/1103308814557398.

Sillaste G.G. (2004). The Influence of the Mass Media on the Life Plans of Rural Students. *Sociological Research*, no. 12, pp. 95–102.

Smyth L. (2016). The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity. *British Journal of Sociology*, pp. 1–19. DOI: 10.1111/1468-4446.12217.

Sztompka P. (1991). *Society in Action: The Theory of Social Becoming*, Cambridge: Polity Press, 219 pp.

Terentev K.Yu. (2016). Educational Strategies of Russian Youth: the Construction of a Typology. *Vestnik SPBGU*, ser. 12, iss. 2, pp. 17–27 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.202.

Twenge J.M. (2017). *iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood – And what that Means for the Rest of Us*, New York: Atria Books, 352 pp.

Understanding Generation Y and Their use of Social Media: a Review and Research Agenda (2013) / Bolton R.N. [et al.]. *Journal of Service Management*, vol. 24, no. 3, pp. 245–267.

Walther A. (2006). Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *Young*, vol. 2, no. 14, pp. 119–139. DOI: 10.1177/1103308806062737.

Yadov V.A. (2001). Social Resource of Individuals and Groups as Their Capital: An Applicability of the Universal Methodology of the Study of Real Stratification in Russian Society. *Where is Russia going?*, pp. 310–319 (in Russian).

Yadova M.A. (2017). The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth. *Rossiya i Sovremennyy Mir*, no. 2, pp. 91–104 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06.

Zudina A.A. (2019). The NEET Youth in the Russian Labor Market. *Mir Rossii*, vol. 1, no. 28, pp. 140–160 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.

Китайский глобальный проект для Евразии

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Продвижение Китайской национальной инфраструктуры знаний и интересы России в мировом научно-информационном пространстве

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО)
МИД России, проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

директор, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

Сергей Валерьевич СОКОЛОВ

старший научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского отдела
библиотекосведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: beholder73@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2068-6797

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В., Соколов С.В. Продвижение Китайской национальной инфраструктуры знаний и интересы России в мировом научно-информационном пространстве // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 117–133.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Статья поступила в редакцию 30.05.2022.

Исправленный текст представлен 10.08.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется место и роль Китайской национальной инфраструктуры знаний (CNKI) в развитии международного сотрудничества и научно-технического потенциала Китая. Раскрываются

англоязычные ресурсы CNKI. Показывается значимость англоязычной версии сайта CNKI как инструмента продвижения CNKI на международной арене. При помощи веб-статистического сервиса Google Trends исследуются инфор-

мационные потребности зарубежных пользователей Китайской национальной инфраструктуры знаний. Представляются наиболее перспективные варианты и сценарии сотрудничества Китайской национальной инфраструктуры знаний и российского академического и научного сообщества. Объяснено, почему первоочередной задачей является оплата полнотекстового доступа к журналам по общественным и гуманитарным наукам на китайском языке. Делается предположение, что опыт CNKI может оказаться полезен для формирования в самой России аналогичной национальной инфраструктуры знаний, причем интегрирующей всё русскоязычное научно-информационное пространство в мире. Показана роль Института научной информации по общественным наукам РАН в продвижении российских научных результатов за рубежом и расширении доступа к иностранным ресурсам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайская национальная инфраструктура знаний, CNKI, англоязычные ресурсы, международное сотрудничество, продвижение сайта, веб-статистика, национальные интересы, система оценки результативности научных исследований, национальная подписка.

В 2010-е годы российское научное сообщество, без преувеличения, жило «в тисках» политики поклонения перед западными наукометрическими базами данных, прежде всего *Web of Science*. Разумеется, определенные положительные последствия ужесточения требований государства (а именно оно через государственное задание академических институтов и вузов, а также разного рода гранты и иное конкурсное финансирование выделяет основные ассигнования на исследования

в современной России) к российским ученым в части необходимости публиковать статьи в журналах с высокими импакт-факторами за рубежом имелись. Например, повысилась культура цитирования коллег, научные статьи стали сопровождаться качественными аннотациями на русском и английском языках, во многих российских журналах появились ясные требования к логичному структурированию излагаемого в статье материала.

Вместе с тем такая политика преклонения перед Западом (а иначе ее назвать никак нельзя) нанесла существенный урон российской науке, в том числе имеющий долгосрочные последствия. Мы здесь не будем вести дискуссию о целесообразности отчетности по публикациям в *Web of Science* или *Scopus* для авторов российских технических открытий, которые щедро оплачивались из государственного бюджета через базовое финансирование либо гранты РНФ. Это, скорее, вопрос общей стратегии обнародования результатов, не признанных секретными, но способных оказывать влияние на безопасность страны (например, опасения в неправомерных заимствованиях у российских ученых на стадии рецензирования в западных журналах нельзя полностью исключить и при рецензировании в ведущих российских журналах, где по определению должны присутствовать и иностранные эксперты). Куда важнее иные проблемы, например, явное несоответствие интересов научного сообщества в разных странах в отношении той или иной тематики в области общественных наук, а в случае политологии или мировой экономики – идеологизация некоторых вопросов на грани цензуры. Один из авторов лично сталкивался с настоятельными рекомендациями в изданиях ЕС по исключению обсуждения негативного воздействия на эко-

номические связи с Россией актов реабилитации нацизма в странах Балтии и разрушения памятников советским солдатам, павшим в боях за освобождение Европы во Второй мировой войне. Зато можно привести немало примеров статей в западных журналах, признанных российскими властями ведущими, где авторы откровенно дискредитировали Российскую Федерацию. В итоге некоторые российские общественные науки в 2010-е годы получили определенный тематический крен, не способствовавший прогрессу научного знания.

Сильные российские научные журналы, которые не имели финансовой зависимости от западных издательских домов и не были готовы платить за вуализированные взятки дельцам, крутившимся вокруг российских представительства *Web of Science* и *Scopus*, должны были довольствоваться статусом научных изданий «второго сорта», индексированным в базе *RSCI* (получившей название «Русской полки *Web of Science*»). При этом ни мнения авторитетных экспертов, ни даже наукометрические расчеты представителей РИНЦ не могли убедить министерских чиновников, что многие журналы *RSCI* (в том числе по общественным и гуманитарным наукам) без индексации в ключевых для США и ЕС базах данных обычно демонстрируют более высокое качество, нежели российские журналы, «с заднего хода» попавшие в *ESCI Web of Science* или 4-й квартиль *Scopus*. Однако ситуация резко изменилась с началом СВО на Украине, когда вдруг чиновники узнали, что нет никакой чистой «мировой науки», свободной от политики. Конечно, немало партнеров российских ученых в Европе стараются минимизировать пагубное влияние санкционного давления на международные контакты. Однако в целом недружественные государства «коллек-

тивного Запада» ощутимо ограничивают возможности интернационализации российской науки, причем владельцы *Web of Science* и *Scopus* принимают самое активное участие в «войне санкций», нацеленной на уничтожение экономической и научно-технической мощи Российской Федерации.

В таких условиях закономерно спешно повысился интерес к опыту незападных стран, прежде всего Китая. С одной стороны, ученые КНР при явной поддержке государства активно включились в формализованные «наукометрические игры» Запада. С другой стороны, Китай вкладывает значительные средства в развитие собственной масштабной базы данных научных знаний, готовя тем самым платформу для укрепления позиций КНР на международной арене в интеллектуальной сфере.

Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI) в планах укрепления КНР на международной арене

Мир в целом, Россия и Китай в частности, переживают в настоящее время важнейший исторический период, связанный с переходом от атлантицентричной политической и экономической модели к полицентричной системе национальных государств. Такое мироустройство подразумевает, по крайней мере у ключевых центров силы, наличие суверенности для ведения своей экономической, социальной, научной и образовательной политики. Один из таких центров силы – КНР – в 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19* вступил в период экономического спада, усилившегося китайско-американской торговой войной и американскими торговыми ограничениями против *Huawei* и ряда других

китайских компаний. Деглобализация мировой политики с растущими приоритетами в сфере собственных национальных интересов вынудила китайское правительство скорректировать курс страны. 14 мая 2020 г. Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК предложил новую программу экономического развития с учетом баланса между внутренним и внешним рынками, получившую название «двойная циркуляция» (*dual circulation*). По мнению китайских аналитиков агентства *Reuters*, новая экономическая программа была связана именно с углубляющимся разрывом с Соединёнными Штатами Америки¹. Еще на XIX Всекитайском съезде КПК, состоявшемся 18–24 октября 2017 г., генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркивал в своем докладе приоритет национальных интересов и государственного суверенитета в определении основ внутренней и внешней политики. «Необходимо осознаннее защищать государственный суверенитет, безопасность и интересы развития Китая, непреклонно бороться с любыми действиями, направленными на раскол Китая, подрыв нашей национальной сплоченности и нанесение вреда социальной гармонии и стабильности в Китае. Необходимо осознаннее предотвращать всевозможные риски, решительно преодолевать все и всякие трудности и вызовы, возникающие в политической, экономической, культурной, социальной и других сферах...» [Си Цзиньпин, 2017]. В докладе утверждалось, что открытость внешнему миру неразрывно связана с особенностями дипломатии великой державы с «китайской спецификой». С констатацией «наращивания международно-

го влияния Китая, его притягательной и формирующей силы» в докладе декларировалась готовность несения ответственности КНР за «создание сообщества единой судьбы человечества», «преобразования системы глобального управления» на основе китайских интересов. В своем докладе генеральный секретарь ЦК КПК неоднократно останавливался на значимости «научного подхода» в стратегическом планировании, необходимости придерживаться «новой концепции развития», которая должна строиться на «научной основе». Создание единой развивающейся национальной системы знаний в КНР должно способствовать «созданию государства инновационного типа – мощной опоры для превращения Китая в одного из мировых лидеров в сфере науки и технологий, качества продукции, космоплавания, сетевых технологий и транспорта» [Си Цзиньпин, 2017].

Идеи продвижения Китайской национальной инфраструктуры знаний (*Chinese National Knowledge Infrastructure*) как основы развития научно-технического потенциала и международного сотрудничества Китая получили свое дальнейшее развитие и конкретную реализацию в 14-м пятилетнем плане (2021–2025). По мнению российских экспертов, основная цель Китая – «в обозримой перспективе стать мировым лидером в области науки и технологий» [Грибова, 2021, с. 94]. В соответствии с реализацией целей, определенных установками нового пятилетнего плана по продвижению на мировой арене цифровой экономики и платформы инфраструктуры знаний Китая, был изменен закон «О научно-техническом прогрессе».

1 Kevin Yao. What we know about China's 'dual circulation' economic strategy // Reuters. – 2020. – September 16. – URL: <https://www.reuters.com/article/china-economy-transformation-explainer-idUSKBN2600B5> (дата обращения: 13.04.2022).

В поправках к закону, представленных для первого чтения в августе 2021 г., приоритетное внимание уделялось не только поддержке фундаментальной науки в стране и значимости создания системы национально ориентированной оценки результатов научной деятельности, но и международному продвижению Китайской национальной инфраструктуры знаний. Одна из наиболее проработанных частей в обновленном законе – новая глава о международном научно-информационном сотрудничестве [Грибова, 2021, с. 99]. Международное научно-информационное сопровождение приоритетных проектов давно стало практикой китайской внешней политики. Так, выступая на международной конференции «Один пояс, один путь: связи, инновации, устойчивое развитие», посвященной теме Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века, заведующий Отделом международных связей ЦК КПК Сун Тао подчеркивал, что «Китай рассматривает международное научное сопровождение данного проекта как важную составляющую общей работы по выполнению исторического решения, принятого партийно-государственным руководством Китая» [Кокарев, 2016].

Таким образом, соединение идей, инфраструктурных возможностей и ресурсов проекта «Пояса и пути» с программой «двойной циркуляции» – поворотом к китайским интересам, в том числе в рамках международного научного сотрудничества, – привело к новой парадигме активного международного продвижения китайских научных, образовательных и информационных проектов, воплощением которого является новая стратегия «мягкого наступления» Китайской национальной инфраструктуры знаний на мировое научно-информационное пространство.

Англоязычные ресурсы Китайской национальной инфраструктуры знаний как основной фактор международного продвижения CNKI

База данных *cnki.net*, также известная как Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI), была запущена в июне 1999 г. Целью CNKI, разработанной в рамках партнерства Университета Цинхуа и компании *Tsinghua Tongfang*, является создание инфраструктуры знаний, через которую информация на китайском и английском языках транслируется не только на аудиторию континентального Китая, но и по всему миру. Кураторами Китайской национальной инфраструктуры знаний являются отдел пропаганды ЦК КПК, Министерство образования, Министерство науки и техники, Государственное управление по делам прессы и публикаций, а также Государственное управление по делам авторского права. Положение CNKI в государственной системе научно-технической информации позволяет говорить о параллелях с Социалистической академией общественных наук, переданной 19 марта 1926 г. в ведение ЦИК СССР (на базе библиотеки этой академии, с годами превратившейся в Фундаментальную библиотеку по общественным наукам, более полувека назад возник Институт научной информации по общественным наукам АН СССР).

В 2003 г. был утвержден план развития *China Integrated Knowledge Resources Database* – флагманский проект Китайской национальной инфраструктуры знаний. Таким образом была создана самая полная система знаний, которая интегрирована более чем с 90% информационных и научных ресурсов Китая. Ее важнейшим компонентом

стала многоязычная система обслуживания пользователей. Основными этапами международного продвижения Китайской национальной инфраструктуры знаний стали следующие шаги:

1. В апреле 2008 г. CNKI подписала соглашение о сотрудничестве с международной издательской компанией *Springer*.

2. В октябре 2009 г. CNKI совместно с зарубежными партнерами на 61-й Франкфуртской книжной ярмарке объявила о создании зарубежной электронной библиотеки.

3. В апреле 2012 г. в рамках Лондонской книжной ярмарки состоялся Европейский форум пользователей CNKI.

4. В ноябре 2013 г. на Стамбульской книжной ярмарке был официально запущен сервис *CNKI Turkey*.

5. В сентябре 2014 г. CNKI подписала договор о сотрудничестве с Международным журналом менеджмента, экономики и социальных наук.

6. В начале 2021 г. появились встроенный англоязычный интерфейс программы и переводчик на английский язык.

В настоящее время CNKI сотрудничает со всемирно известными издательствами и компаниями *Springer*, *Taylor & Francis*, *Wiley*, *ProQuest*, *PubMed*, *Cambridge University Press* и др. (всего более 270 партнеров). Таким образом, CNKI является полноценным агрегатором и дубликатором англоязычных подписных агентств, превосходя их системной организацией и структурированным представлением информации, комплексной публикацией «серой» литературы [Липенский, 2022, с. 9], активным продвижением технологий открытого доступа и, самое главное, лояльностью к российским научным организациям и властным структурам.

Полностью англоязычными и билингвальными ресурсами CNKI являются следующие базы: *AcademicFocus (AF)*, *AcademicReference (AR)*, *China Data Insights (CDI)*, *Journal Translation Project (JTP)*.

«Академическая направленность» (*AcademicFocus, AF*) предоставляет доступ к английским журналам и международным материалам конференций, опубликованных в Китае. Включает в себя 147 оригинальных английских академических журналов, 141 ведущий китайский академический журнал в английской версии с более чем 303,4 тыс. статей. Также предоставляет доступ к 4 867 сборникам международных конференций с более чем 518,4 тыс. статей².

«Проект перевода журналов» (*JTP*) является наиболее интересным и быстроразвивающимся проектом CNKI. Он направлен на отбор и перевод лучших китайских академических журналов. *JTP* состоит из английского перевода высококачественных китайских журналов, отобранных по их импакт-факторам и общей цитируемости (охват с 2015 г.). Хотя к 2020 г. в планы входил перевод 400 журналов с 20 тыс. статей, весной 2022 г. в базе был доступен 281 журнал. Из них по литературе/истории/философии – 27 журналов, политике / военному делу / праву – 32 журнала, по образованию / социальным наукам – 41 журнал. Команда переводчиков состоит из более чем 1 200 экспертов в соответствующих областях исследований, владеющих английским и китайским языками³.

База «Анализ данных по Китаю» (*China Data Insights, CDI*) является улучшенной недавно английской версией *China Statistical Yearbooks Database*

2 CNKI Academic Focus // CNKI. – 2022. – URL: <https://oversea.cnki.net/index/products/AF/AF.html> (дата обращения: 13.04.2022).

3 CNKI Journal Translation Project // CNKI. – 2022. – URL: <http://jtp.cnki.net/bilingual/Navi> (дата обращения: 13.04.2022).

(CSYD), которая объединяет множество функций поиска статистических данных, анализа интеллектуального анализа данных и управления персональными данными. В базе представлено 1 086 наименований статистических ежегодников, 1,4 млн таблиц и 13 млн показателей по 18 основным областям: национальные счета; инвестиции в основной капитал; финансы; сельское хозяйство, сельские районы и крестьяне; промышленность; политика; право и т. д. Кроме того, в базе содержатся данные по работе международных организаций: ОЭСР, ЮНЕСКО и ПРООН. CDI позволяет пользователям загружать индивидуальные таблицы в соответствии с выбранными переменными, включая регионы и временную последовательность⁴.

Академическая справка (*Academic Reference*) является уникальным продуктом, единственной платформой на английском языке, включающей библиографию и полный текст с огромным объемом ресурсов: 13 млн записей рефератов и 1,2 млн полнотекстовых статей. Плюсом базы являются представленные в ней комплексные типы ресурсов: журналы, диссертации и авторефераты, материалы конференций, ежегодники, справочники, электронные книги, глоссарии⁵.

Проект «Электронные книги» (*CNKI Academic eBooks*) включает более 8 000 книг, с ежемесячным увеличением более чем на 100 книг. Подробная классификация базы охватывает за период с 1905 по 2019 г. 136 предметов в 10 категориях⁶.

Востребованность информационных ресурсов CNKI со стороны международного научного сообщества показывает количество и качество организаций-подписчиков (см. таблицу 1). За пределами КНР находятся более 1,6 тыс. подписчиков (76% из топ-500 университетов мира), большое количество научно-исследовательских и аналитических центров 53 стран.

Наиболее активно продвигается платформа CNKI в Германии. Доступ к этому продукту по всей Германии был организован Берлинской государственной библиотекой благодаря финансированию Немецкого исследовательского фонда (DFG) в рамках Специализированной информационной службы (FID) Азии⁷.

В России тестовый доступ к ресурсам CNKI производился многими научными и образовательными организациями (например, Высшей школой менеджмента СПбГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, Дальневосточным федеральным университетом, Институтом научной информации по общественным наукам РАН). Данных о заключенных соглашениях о постоянном партнерстве с российскими организациями до весны 2022 г. включительно не выявлено.

Ограничением для распространения CNKI в России является и тот факт, что основной «западный» контент доступен в CNKI только в КНР. Поэтому необходимо обсудить с CNKI возможность открытия доступа к англоязычным журналам на территории Российской Федерации по отдельной подписке. Тем не менее политика открытого

4 CNKI China Data Insights // CNKI. – 2022. – URL: <https://oversea.cnki.net/index/products/cdi/cdi.html> (дата обращения: 13.04.2022).

5 CNKI Academic Reference // CNKI. – 2022. – URL: <https://oversea.cnki.net/index/products/AR/AR.html> (дата обращения: 13.04.2022).

6 CNKI Academic eBooks // CNKI. – 2022. – URL: <https://oversea.cnki.net/index/products/CNKI-eBooks/CNKI-eBooks.html> (дата обращения: 13.04.2022).

7 CNKI in Deutschland // Staatsbibliothek Berlin. – 2022. – URL: <https://sigel.staatsbibliothek-berlin.de/suche/?isil=ZDB-1-CNKI> (дата обращения: 13.04.2022).

Таблица 1. Количество организаций-подписчиков на CNKI

Table 1. Number of CNKI subscriber organizations

Страна	Количество библиотек	Основные библиотеки
Германия	343	Берлинская государственная библиотека – Фонд Прусского культурного наследия
США	208	Гарвардский университет, Йельский университет, Калифорнийский университет, Библиотека Конгресса США
Страны ЕС без учета ФРГ	129	Венский университет, Министерство обороны Франции
Япония	120	Университет Токио
Южная Корея	87	Корейский университет, Книжная палата
Юго-Восточная Азия	49	Сингапурский государственный университет
Сянган (КНР)	39	Сянганский университет
Великобритания	36	Кембриджский университет
Австралия	22	Сиднейский университет
Канада	13	Университет Торонто
Аомынь (КНР)	12	Аомыньский университет
Бразилия	11	Университет Бразилии
Новая Зеландия	5	

Источник: данные сайта CNKI. – URL: <https://oversea.cnki.net> (дата обращения: 30.04.2022).

распространения англоязычных ресурсов и ресурсов на китайском языке привела к появлению сервиса, не привязывающего пользователей к ограничениям по IP-логину и разрешениям от организаций – Международной карты CNKI, которую также можно использовать для оформления индивидуальных подписок на китайские и англоязычные информационные ресурсы CNKI⁸.

Специфика англоязычной версии сайта CNKI

Статистические данные и исследования англоязычной версии сайта CNKI (*CNKI English website*) ограничиваются в русскоязычном сегменте сети Интернет анализом экспертного центра

D-Russia [Национальная инфраструктура знаний Китая, 2018]. Статистика собиралась центром при помощи британского сервиса *Similarweb*. Данные *D-Russia* по структуре сайта и статистике посещаемости англоязычного сайта (500 тыс. ежемесячных посещений) в сравнении со статистикой посещения китайского сайта (25,5 млн пользователей) без купюр переносятся из работы в работу различными экспертами как из области анализа образовательных интернет-ресурсов [Юэхань Ван, 2019, с. 108], так и в составлении информационных сборников [*СТРАТЕГИЯ – 2020*, 2018, с. 57].

В настоящее время удаленный анализ англоязычной версии сайта CNKI (без доступа к данным через встроенные в страницу счетчики наподоб-

8 CNKI International Card // CNKI. – 2022. – URL: <https://oversea.cnki.net/index/cnkicard/html/cnkicard-en.html> (дата обращения: 13.04.2022).

бие *liveinternet*, *Openstat*, *Hotlog* и другие или авторизованного администраторского доступа к сайту через *Google Analytics*) представляется наиболее оптимальным с использованием сервиса *Amazon.com*. *Alexa* используется для ранжирования сайтов, основанного в основном на отслеживании выборочного анализа трафика интернет-пользователей. Рейтинг рассчитывается на основе комбинации анализа статистики ежедневных посетителей и просмотров страниц на веб-сайте в течение трехмесячного периода. Сервис *Alexa* – одно из лучших решений (до 1 мая 2022 г.) также и для уточнения веб-трафика сайта, географии его аудитории, информации о реферальном трафике, то есть откуда переходят посетители сайта, наиболее частые запросы на сайте с отдельным анализом востребованности тем социальной значимости, например медицины или COVID-19 (см. таблицу 2).

В результате сравнения данных англоязычной и китайской версий сайта Китайской национальной инфраструктуры знаний определяем, что англоязычная версия сайта уже более чем в 10 раз популярнее, чем созданная для населения КНР. Китайская версия сайта менее оптимизирована, количество отказов от дальнейшей работы с ней за время сессии в 4 раза превышает обращение к английской версии, что объясняет растущую популярность англоязычной версии сайта. Тем не менее абсолютно подавляющее число запросов на эти сайты (более 98%) идет с территории КНР. Вторая по географии охвата аудитории страна – пользователь *CNKI* – США. При сравнении наиболее частых запросов видим, что при помощи китайской версии пользователи чаще ищут не научные, а социальные темы (вопросы трудоустройства, спорта). Китайская аудитория платформы в 2 раза чаще пользуется

китайским национальным браузером *baidu.com*, но после просмотра ресурса количество запросов в национальной поисковой системе заметно (в 2 раза) снижается и по уровню дальнейшей работы с американской поисковой системой *google.com* даже превышает количество пользователей международной версии сайта. Стремительный рост популярности англоязычной версии сайта коррелирует с переходом поисковых запросов китайской интернет-аудитории в глобальное интернет-пространство. Таким образом, мы видим, что основные интересанты англоязычной версии сайта – сами китайцы, настроенные на поиск преимущественно научной информации, готовые и имеющие возможность активного обращения к международным поисковым ресурсам и информационным сетям.

Информационные потребности зарубежных пользователей *CNKI* сквозь призму веб-статистических сервисов

Анализ растущей популярности Китайской национальной инфраструктуры знаний как в новостном медийном интернет-пространстве, так и среди различных групп пользователей интернет-ресурсов можно провести с использованием веб-статистической платформы *google trends*. Этот наиболее известный анализатор популярности поисковых запросов в сети Интернет используется в академическом сообществе для исследования информационных потребностей различных групп населения в различных регионах, а также исследования динамики популярности различных социальных явлений, объектов и процессов [Соколов, 2018]. В *Google Trends* Китайской национальной инфраструктуры знаний посвящена отдельная тема,

Таблица 2. Сравнение китайской и англоязычной версий сайта *CNKI*
Table 2. Comparison of Chinese and English-language websites of *CNKI*

Показатель	Китайская версия сайта <i>CNKI</i>	Англоязычная версия сайта <i>CNKI</i>
Ссылка	<i>cnki.com.cn</i>	<i>cnki.net</i>
Рейтинг сайтов <i>Alexa</i> – 90 дней (чем ниже – тем больше популярность)	3 137	313
Процент перекрытия двух сайтов	50%	50%
Показатель отказов (процент посещений сайта, ограниченных одной страницей)	70,4% (средний уровень для «конкурентов сайта» – 39,9%)	22,2% (средний уровень для «конкурентов сайта» – 51,9%)
Наиболее частые запросы, ведущие к сайту	генератор псевдокода онлайн; обзор литературы по криптовалюте	генератор псевдокода онлайн; обзор литературы по криптовалюте
Наиболее популярные ключевые слова, ведущие к конкуренту	«Журнал оптики»; экологические аттракты; «Журнал сельскохозяйственного машиностроения»	баскетбол; резюме
Наиболее популярные статьи социальной значимости	Неестественное происхождение <i>SARS CoV</i> ; Анализ пациентов с тяжелой пневмонией	Неестественное происхождение <i>SARS CoV</i> ; Анализ пациентов с тяжелой пневмонией
Основной источник трафика (откуда переходят)	<i>https://cqvip.com/</i> (<i>Weipu</i> информационная сеть) <i>book118.com</i> (онлайн-офис с проверкой на заимствования и запрещенного, например религиозного, контента)	<i>https://cqvip.com/</i> (<i>Weipu</i> информационная сеть) <i>book118.com</i> (онлайн-офис с проверкой на заимствования и запрещенного, например религиозного, контента)
География запросов	Китай – 98,4% США – 0,6%	Китай – 98,8%
Процент перешедших с (на) <i>google.com</i> до и после просмотра этой страницы	13% 8%	5,56% 7,34%
Процент перешедших с (на) <i>baidu.com</i> до и после просмотра этой страницы	40,7% 21,4%	24,3% 25,6%

Источник: ALEXA. – 2022. – URL: <https://www.alexa.com/siteinfo> (дата обращения 13.04.2022).

формулируемая как «*CNKI* – тема». Рубрицирование наиболее значимых поисковых запросов в этом интернет-анализаторе уже свидетельствует о значимости данного явления в мировом интернет-пространстве. Популярность в *Google Trends* отражается в относительных величинах (показывается процент в отношении к пику популярности в определенное время). В России максимальный пик популярности темы *CNKI* приходится на 11–17 октя-

бря 2020 г. В октябре 2020 г. закончился тестовый доступ к ресурсам *CNKI* Библиотеки иностранной литературы, занимающей приоритетное положение среди российского библиотечного сообщества по количеству и качеству взаимодействия с зарубежными информационными и библиотечными организациями. В этой организации нет синологического центра, очевидно, что максимальный интерес доступа пользователей Библиотеки иностранной

литературы был вызван прежде всего англоязычными ресурсами CNKI. Пик популярности этой информационной платформы в запросах по всему миру приходится на 3–9 марта 2019 г. и период с 28 апреля по 4 мая 2019 г. Практика научно-аналитического использования платформы *Google Trends* свидетельствует о том, что максимально устойчивый спрос на протяжении трех месяцев в отношении одной темы – крайне редкий случай. Информационный листок международный школы обучения в CNKI (*CNKI-Newsletter*) в выпуске за I квартал 2019 г. сообщает о создании в рамках проекта «Пояса и пути» Библиотеки ресурсов знаний *B&R*, включающей четыре основных раздела: Международный центр информационных ресурсов, Международный отраслевой центр обработки данных, Центр «Ключевые отрасли стран G20» и Центр отчетов⁹. При этом был анонсирован полномасштабный переход CNKI на основе созданной образовательной платформы к открытому доступу к своим англоязычным ресурсам согласно новым лицензиям на публикации от 27 мировых издательств (*Sciterspress, Oxford Business Group, Scientific Scholar, Kare Publishing, NOVA science publishers* и др.). Таким образом, предоставление открытого доступа к англоязычным ресурсам (тестового в случае одной из федеральных библиотек Российской Федерации и в мировом масштабе – на основе отдельной образовательной платформы) является основным триггером повышения интереса интернет-пользователей и, соответственно, научного и образовательного сообщества к Китайской национальной инфраструктуре знаний.

География запросов популярности Китайской национальной инфраструк-

туры знаний по всему миру, кроме самого материкового Китая, имеет ярко выраженный эффект соседства – это Макао, Гонконг, Сингапур, Тайвань и Республика Корея. Далее идет Армения (на 9-м месте по всем запросам), Великобритания (12-е) и США (16-е место). Германия находится на 20-м месте, Франция – на 23-м, Россия – на 25-м месте. Характерно, что за март 2022 г. значительно возрос интерес к платформе со стороны США (10-е место) и Белоруссии, перешедшей на 11-е место со строчек, даже не отражавшихся в общем рейтинге. В отдельном поиске по Белоруссии в *Google Trends* мы видим, что 3–9 октября 2021 г. произошло событие, значительно изменившее интернет-статистику. Научные и образовательные организации в Белоруссии получили доступ к образовательным семинарам CNKI через «Трэгросс» – ведущего организатора доступа к зарубежным электронным базам данных, научным журналам и другим электронным ресурсам. В России интерес к Китайской национальной инфраструктуре знаний фиксируется главным образом в Москве, несмотря на то, что тестовый доступ к этой платформе был осуществлен многочисленными региональными вузами и научными организациями. Пик популярности этой платформы – 16–22 мая 2021 г. Синхронно с интересом к теме CNKI растет интерес к темам «диссертации» и «данные», получившим метку сверхпопулярности (более 5000% от среднего интереса), что даже выше интереса к теме «Китай, страна» (350% популярности). Таким образом, в отличие от Белоруссии, где триггерами популярности CNKI являются презентационные семинары, в России основной интерес к этой платформе связан с конкретной научной

9 CNKI Newsletter. – 2019. – Q2. – URL: <https://scholar.cnki.net/cover14//newsletter/2019Q2.pdf> (дата обращения: 13.04.2022).

практикой, в которой наиболее актуальным и релевантным источником научной информации в последнее время становятся исследовательские данные и диссертационные исследования.

Польза от использования CNKI для России

Таким образом, Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI) является полнотекстовой информационно-поисковой, библиографической, аналитической платформой, охватывающей более 90% информационных и научных ресурсов Китая. Ее неоспоримым преимуществом является не только разнообразный многоязычный цифровой контент, но и функционал управления научной информацией и научными сообществами. Проект «Пояса и пути», интегрированный с политикой «двойной циркуляции», определил значимость развития как внешних, так и внутренних рынков, дал импульс к разработке решений, направленных на продвижение цифрового присутствия Китая в мировом информационном пространстве. Развитие англоязычной версии интернет-сайта Китайской национальной инфраструктуры знаний (CNKI), создание коллекций англоязычной литературы, догоняющих по своему объему коллекции ведущих мировых издательств, стали важнейшими компонентами активного продвижения китайской информационной политики как в США и странах Западной Европы, так и в целом на Евразийском континенте. Веб-статистический анализ востребованности китайской цифровой платформы показывает ее ориентирование пока на внутренний Китай и информационные потребности англоязычных китайцев. Тем не менее возможности, предлагаемые CNKI российским библиотекам и научным орга-

низациям, показывают огромный, пока еще не раскрытый потенциал этой цифровой платформы как в процессе организации национальной и централизованной подписки, так и в создании национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок.

Бесспорно, для освоения CNKI в России нужно расставлять приоритеты, учитывая ограниченные финансовые ресурсы, которые в нашей стране выделяются на развитие научных библиотек (мы говорим именно об ассигнованиях для удовлетворения существующего у ученых, аспирантов и студентов спроса на научную продукцию, а не о возможно масштабных тратах на ненужные продукты и услуги, обеспечивающие узкие корпоративные интересы соответствующих структур, близких к принятию решений о расходовании государственных средств). На наш взгляд, приоритетом номер один должна стать закупка ресурсов для российских китаистов. Иначе говоря, как это ни покажется странным для тех подчас авторитетных во властных кругах экспертов, которые «не видят науки» за пределами нескольких естественно-научных дисциплин, государство в России должно поддерживать закупку полнотекстовых китайских научных текстов по общественным и гуманитарным наукам, а не англоязычной продукции по техническим и естественным наукам.

Во-первых, полнотекстовые китайские журналы, например с доступом на компьютерах в новостройке ИНИОН РАН, обеспечат повышение качества обучения китаистов в Москве, где сосредоточены основные востоковедческие вузы. Во-вторых, как показала тестовая подписка ИНИОН РАН на этот сегмент CNKI весной 2022 г., наличие англоязычного поисковика по аннотациям и возможность использования автоматического переводчика

позволяют даже не владеющим китайским языком ученым отобрать довольно результативно научную литературу, которую потом для них могут перевести китаисты. Востребованность данного ресурса может создать хорошие стартовые условия для переговоров с китайцами об особых условиях доступа российских пользователей к ограниченной из-за «войны санкций» с Западом англоязычной информации, имеющейся в распоряжении китайских ученых (например, через создание совместных лабораторий, совместных электронных библиотечных центров и т. д.).

Если же ограничиваться только англоязычными ресурсами *CNKI* (стратегия, по-видимому, выбранная Российским центром научной информации), то мы получаем из Китая научную информацию «второго сорта». Во-первых, китайские ученые, способные публиковаться на английском, уже многие годы участвуют в «штурме» ведущих западных журналов, а англоязычные аннотации статей на китайском языке малоинформативны (тут можно вспомнить наши отечественные традиции, которые стали меняться только под воздействием ориентации на *Web of Science* и *Scopus*). Во-вторых, китайская наукометрия российским ученым точно не интересна, а закупка библиографических баз данных без инструментов бесплатного скачивания статей (пусть даже нелегальных, таких как *SciHub*) для основного массива российских ученых бесполезна. Ведь только в богатых вузах или офисе РФФИ можно было питать иллюзии, что централизованная подписка на библиографию *Scopus* ценилась российскими обществоведами сама по себе.

Наконец, освоение *CNKI* в первых рядах именно российскими китаистами может (разумеется, при соответствующей поддержке со стороны

государства) стать хорошим каналом заимствования опыта продвижения национальных баз данных научной информации. Этот опыт в определенных пределах окажется полезен и для продвижения ведущих научных русскоязычных журналов, и для повышения международного авторитета системы *RSCI*, перестающей быть «русской полкой *Web of Science*», и для пока не получивших большого распространения в России тематических электронных библиотек.

Ввод в строй новостройки ИНИОН РАН – ведущего в России института по научной информации, способного быть координационной площадкой по меньшей мере для представителей всех общественных и гуманитарных наук, – открывает много новых возможностей (разумеется, при желании этими возможностями воспользоваться со стороны государства, которое по определению является основным источником финансирования академической науки). Например, китайский опыт показывает, что успешная интеграция национальной науки в мировое научно-информационное пространство при сохранении высокого статуса и способности к опережающему развитию национальной науки состоит из нескольких разнородных элементов. В частности, базы данных научных знаний имеют два контура – для внутреннего пользования и для «экспорта» национальных результатов вовне. В России в части решения первой задачи себя хорошо зарекомендовала система РИНЦ (*elibrary.ru*), однако даже ее, по сути, флагманский проект *RSCI* не является пока полноценным экспортным продуктом, особенно в новых геополитических условиях. Для продвижения российских научных результатов за рубежом необходимы англоязычные поисковые ресурсы, и их можно начать развивать как

раз в рамках общественных и гуманитарных наук (традиционно более привязанных к национальным языкам) на основе монтируемого в новом здании ИНИОН РАН центра обработки данных. Не менее важны тематические библиографические указатели с англоязычными аннотациями наиболее значимых свежих русскоязычных публикаций (а опыт отбора качественной научной литературы как раз накоплен ИНИОН РАН за более чем полвека работы). Наконец, вместо громких слов о научной дипломатии в виде главным образом ознакомительных поездок чиновников по разным странам следует возрождать международный книгообмен, который в нашей стране в 2010-е годы был свернут до уровня, ставящего уже под сомнение престиж России как сколько-нибудь развитой и обеспеченной страны (причем в 2022 г. книгообмен был прерван лишь единичными организациями даже в так называемых недружественных странах).

К сожалению, в настоящее время это не более чем благие пожелания, так как все последние годы, пока велась стройка возрождаемого здания ИНИОН РАН и были совершенно очевидны государственного уровня задачи запуска в 2023–2025 гг. новых по своей сути фундаментальной библиотеки и научно-информационного центра, Минобрнауки России держал институт «на голодном пайке». Ведь целевым показателем для ИНИОН РАН (пресловутый КБПР – комплексный балл публикационной результативности) со стороны Минобрнауки России назначен уровень, который втрое, а то и вчетверо ниже реальных результатов, которыми отчитывается ИНИОН РАН перед министерством. Соответственно, в ИНИОН РАН научные сотрудники получают и зарплату за аналогичные публикационные результаты минимум вдвое ниже, чем во всех окружающих

академических институтах. Что еще опаснее в стратегическом плане: в такой ситуации нет возможности открывать в ИНИОН РАН дополнительные темы НИР (ни по развитию научной библиографии, ни по созданию электронных библиотек, ни по совершенствованию навигационных инструментов для баз данных). При этом ни разу Российская академия наук, которой в государстве поручено определять поддерживаемые перспективы развития академических организаций, не принимала решения о торможении развития и тем более сворачивании деятельности ИНИОН РАН (то есть недофинансирование со стороны Минобрнауки России не подкреплено никакими официальными решениями). Нормативы содержания фундаментальной библиотеки, также официально установленные Минобрнауки России (самые низкие в стране – достаточно сказать, что они в разы ниже удельного ассигнования обычных районных библиотек), не позволяли в 2020–2022 гг. вести работы с книжным фондом на должном уровне. Предусмотренный российскими обязательствами в ЮНЕСКО международный книгообмен приходится в рамках ИНИОН РАН ассигновать на уровне менее 1 млн руб. в год, так как его необходимость в принципе игнорируется властями, но никто не довел до ИНИОН РАН инструкций, как объяснять де-факто финансовую несостоятельность Российской Федерации в этой сфере нашим партнерам в странах ЕАЭС, арабских государствах, Вьетнаме и др. В результате игнорирования чиновниками стратегических задач развития научно-информационной инфраструктуры в России хотя бы по общественным и гуманитарным наукам по сути сорванными оказались обнародованные и с успехом обсужденные еще в 2020 г. на площадке Российской академии наук планы ИНИОН

РАН в области совершенствования отечественной инфраструктуры знаний¹⁰.

Очевидно, что опыт CNKI небесполезен для формирования в ближайшие годы ключевых элементов аналогичной Российской национальной инфраструктуры знаний, способной захватить лидирующие позиции в русскоязычном научном сообществе (а оно объединяет немало стран постсоветского пространства, а также многочисленные диаспоры по всему миру). При этом адекватное развитие такой системы требует, как показывает китайский опыт, колоссальных инвестиций, то есть только выбор правильной стратегии не только позволит всё-таки сэкономить громадные средства, но и интегрировать Российскую национальную инфраструктуру знаний в мировое научно-информационное пространство, обеспечивая национальные интересы России.

Список литературы

Грибова Н.В. Перспективы развития научно-технического потенциала Китая в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.) // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 6 (69). – С. 93–114.

Кокарев К.А. Международная конференция «Один пояс, один путь: связи, инновации, устойчивое развитие» // РИСИ. – 2016. – 3 марта. – URL: <https://riss.ru/article/14623> (дата обращения: 13.04.2022).

Липенский А.В. CNKI – ведущий агрегатор китайских научных электронных ресурсов и разработчик сервисов и технологий для обеспечения научно-образовательной деятельности организаций // Российская националь-

ная библиотека – 2022. – URL: http://nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA5427/NA54016.pdf (дата обращения: 13.04.2022).

Национальная инфраструктура знаний Китая // D-Russia. Отдел аналитики. – 2018. – 13 июня. – URL: <https://d-russia.ru/natsionalnaya-infrastruktura-znanij-kitaya.html> (дата обращения: 13.04.2022).

Си Цзиньпин. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК Пекин // Синьхуа. – 2017. – 3 ноября. – URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 13.04.2022).

Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотеческих исследованиях // Библиосфера. – 2018. – № 4. – С. 3–9. – DOI: 10.20913/1815-3186-2018-4-3-9. – EDN YTRYEX.

«СТРАТЕГІЯ – 2020» інформаційні технології в державному управлінні // Фонд президента України. Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського. – 2018. – № 6 (56). – 64 с.

Юэхань Ван. К вопросу о типах образовательных интернет-ресурсов, используемых при обучении русскому языку как иностранному в вузах Китая // МНКО. – 2019. – № 2 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipah-obrazovatelnyh-internet-resursov-ispolzuemyh-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-v-vuzah-kitaya> (дата обращения: 13.04.2022).

Academic Libraries in the US and China // Comparative Studies of Instruction, Government Documents, and Outreach Chandos Information Professional Series. – 2013. – P. 131–164. – DOI: 10.1016/B978-1-84334-691-3.50004-4.

¹⁰ Презентация программы по созданию автоматизированной библиотечной информационной системы // Сайт ИНИОН РАН. – URL: <http://inion.ru/ru/about/news/prezentatsiya-programmy-po-sozdaniyu-avtomatizirovannoi-bibliotечноi-informatsionnoi-sistemy/> (дата обращения: 13.04.2022). 9-страничный текст программы, подготовленный в соответствии с пунктом 6.9 постановления Президиума РАН № 92 от 28 мая 2019 г., находится в свободном доступе – URL: https://vk.com/doc2872969_557620982?hash=pB5Zzk0FTDeZe6TEnmnRVliJnOcn3Ow8ocsVvYdc4 (дата обращения: 13.04.2022).

The Chinese Global Project for Eurasia

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Promotion of Chinese National Knowledge Infrastructure and Russia's Interests in the Global Scientific Information Space

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, DrSc (Econ.), Professor
MGIMO-University, Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
Director, chief researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation,
117418

E-mail: kuznetsov_alexey@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

Sergei V. SOKOLOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation,
117418

E-mail: beholder73@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2068-6797

CITATION: Kuznetsov A.V., Sokolov S.V. (2022). Promotion of Chinese National
Knowledge Infrastructure and Russia's Interests in the Global Scientific Information
Space. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 117–133
(in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.07

Received: 30.05.2022.

Revised: 10.08.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the place and role of the Chinese National Knowledge Infrastructure (CNKI) in the development of international cooperation and scientific and technological potential of China. The English-language resources of the CNKI are disclosed. The importance of the English version of the CNKI website as a tool for promoting CNKI in the international arena is shown. With the help of the google trends web statistics service, the information needs of foreign users of*

the Chinese National Knowledge Infrastructure are studied. The most promising options and scenarios for cooperation between the Chinese National Knowledge Infrastructure and the Russian academic and scientific community are presented. It is explained why the primary task is to pay for full-text access to journals on social sciences and humanities in Chinese. It is suggested that the experience of CNKI may be useful for the formation of a similar national knowledge infrastructure in Russia itself, and integrat-

ing the entire Russian-speaking scientific and information space in the world. The role of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences in promoting Russian scientific results abroad and expanding access to foreign resources is shown.

KEYWORDS: China National Knowledge Infrastructure, CNKI, English-language resources, international cooperation, website promotion, web statistics, national interests, research performance evaluation system, national subscription.

References

- Academic Libraries in the US and China (2013). *Comparative Studies of Instruction, Government Documents, and Outreach Chandos Information Professional Series*, pp. 131–164. DOI: 10.1016/B978-1-84334-691-3.50004-4.
- Gribova N.V. (2021). Prospects for the development of China's scientific and technical potential in the 14th five-year plan (2021–2025). *Problemy natsional'noy strategii*, no. 6 (69), pp. 93–114 (in Russian).
- Kokarev K.A. (2016). International conference “One Belt One Road”: connectivity, innovations and sustainable development. *Russian Institute of Strategic Studies (website)*, March 3. Available at: <https://riss.ru/article/14623>, accessed 13.04.2022 (in Russian).
- Lipensky A.V. (2022). CNKI is a leading aggregator of Chinese scientific electronic resources and a developer of services and technologies to support scientific and educational activities of organizations. *Russian National Library (website)*. Available at: http://nlr.ru/nlr_pro/dep/art-upload/pro/article/RA5427/NA54016.pdf, accessed 13.04.2022 (in Russian).
- National Knowledge Infrastructure of China (2018). *D-Russia (website)*, Department of Analytics, June 13. Available at: <https://d-russia.ru/natsionalnaya-infrastruktura-znaniy-kitaya.html>, accessed 13.04.2022 (in Russian).
- Sokolov S.V. (2018). Application of web-analytical tools Google Trends in socio-humanitarian and library research. *Bibliosphere*, no. 4, pp. 3–9 (in Russian). DOI: 10.20913/1815-3186-2018-4-3-9.
- “STRATEGY – 2020” information technologies in state government (2018). *Fund of the President of Ukraine*, no. 6 (56), 64 pp. (in Ukrainian).
- Xi Jinping (2017). Full text of the speech delivered by Xi Jinping at the 19th Congress of the CCP Beijing, *Xinhua*, November 3. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm, accessed 13.04.2022 (in Russian).
- Yuehan Wang (2019). On the issue of the types of educational Internet resources used in teaching Russian as a foreign language in Chinese universities. *MNKO*, no. 2 (75). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipah-obrazovatelnyh-internet-resursov-ispolzuyemyh-pri-obuchenii-russkomu-ya-zyku-kak-inostrannomu-v-vuzah-kitaya>, accessed 13.04.2022 (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения

Алексей Викторович МИХАЛЁВ

доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова», ул. Смолина, д. 24а, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 670000
E-mail: mihalew80@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7069-2338

ЦИТИРОВАНИЕ: Михалёв А.В. Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 134–147.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Статья поступила в редакцию 25.03.2022.
Исправленный текст представлен 04.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В представленной статье проанализирована динамика геополитического воображения границ Внутренней Азии. Термин «Внутренняя Азия» возник в XIX в. как синоним термину «Центральная Азия». Однако в середине XX в. под влиянием нового международного порядка и холодной войны он приобрел другое содержание. В этой работе мы попытались проанализировать динамику изменений границ Внутренней Азии в восточном дискурсе за последние 70 лет. Был изучен ряд ключевых дефиниций региона, появившихся в XX в. и находящихся во взаимосвязи с изменениями политической конъюнктуры. Также была систематизирована информация об основных исследовательских институтах по изучению этого пространства. В ходе исследования помимо границ региона внимание привлек-

ли и его аскриптивные политические атрибуты. В результате была выявлена особая роль культурно-цивилизационного фактора в процессе формирования геополитического воображения и, соответственно, представлений о регионе. В итоге были выделены наиболее непротиворечивые критерии, позволяющие дать логичное определение Внутренней Азии. В границы этого фронтального региона можно включить Монголию, китайские регионы, Автономный район Внутренняя Монголия, Тибетский автономный район, Дунбэй (историческую Маньчжурию), а также российские регионы (Республику Алтай, Республику Бурятия, территорию Бурятского Усть-Ордынского округа в составе Иркутской области, Забайкальский край и Республику Тыва). Подобный подход к пониманию термина «Внутренняя Азия» делает

ее масштабным фронтиром, на территории которого происходят экономические и культурные обмены между Россией, Монголией и Китаем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Внутренняя Азия, периферия, геополитическое воображение, регион, ландшафт, кочевники, фронтир, границы.*

О том, что такое Внутренняя Азия, каковы ее границы, ученые спорят еще с XIX века. Очевидно одно: термин возник для описания кочевой и полукочевой периферии двух империй – России и Цин [подробнее см. Горшенина, 2019]. В результате многочисленных дискуссий эта категория получила как географическую, так и культурно-историческую дефиницию, которые совершенно не совпадают по своим границам в пространстве и времени. Сложности дискуссии добавляет и полное отсутствие понятия «Внешняя Азия». Тем не менее вокруг изучения Внутренней Азии сформированы и профессиональные сообщества, и учебные курсы, и научные журналы как гуманитарного, так и естественно-научного профиля. Сегодня существует множество определений, зачастую устаревших и неприменимых при анализе современности. Это феномен, требующий переосмысления, особенно в контексте реалий XXI в.

Для востоковеда или политолога пространство Внутренней Азии интересно своей периферийностью, основанной на сложном смешении историко-культурного наследия нómáдизма, последствий социалистической индустриализации и на своеобразии местных политических институтов. Но в этом и заключается основной парадокс: большинство экспертов в XX в. говорили о периферийности Внутренней Азии и одновременно с этим описывали ее как хартленд [Sinor, 1990,

p. 1–18]. Для этого они радикально переосмыслили данную Х. Маккиндером изначальную трактовку хартленда как ключевого региона, определяющего ход мировой истории [Mackinder, 1904]. Таким образом, политическое воображение представляло этот регион и центром, и периферией.

По одной из версий, термин «Внутренняя Азия» – *Inner-Asien* – был введен в оборот Александром фон Гумбольдтом. Но в его трудах встречалась некоторая терминологическая путаница между *Central-Asien* и *Inner-Asien* [Горшенина, 2019]. К нашему времени Внутренняя Азия приобрела и политические коннотации, согласно которым в этом регионе в силу историко-культурных особенностей сильны традиции парламентской государственности. Всё это свидетельствует о том, что в центре внимания – категория, созданная и развитая сугубо европейским пространственным воображением, несмотря на то, что она хорошо натурализовалась в самой Азии. И в представленной работе будет прослежена генеалогия понятия «Внутренняя Азия» именно в англо-американской и российской традициях исследований этого региона. Выбор подобного фокуса обусловлен тем, что развитие изучаемого нами термина пришлось на период холодной войны. В итоге для того, чтобы содержание основного концепта стало более ясным, становится важным выделить из большинства дефиниций некие общие черты. Другой задачей этого исследования является попытка проанализировать способ воображения периферии посредством иерархической категоризации азиатского региона.

В хронологическом плане исследование ограничено второй половиной XX – началом XXI в. Дело в том, что дискуссия о терминах «Центральная Азия» и «Внутренняя Азия» в политическом контексте XIX – начала XX в.

уже хорошо изучена. Однако влияние холодной войны и нового мирового порядка на содержание географического воображения к себе внимания не привлекали. В период холодной войны сформировалась геополитическая картина мира, где регион Внутренняя Азия получил особый геополитический статус. Его содержание заново переосмысливалось многочисленными специалистами по национальным перифериям в КНР и СССР. Эта картина мира в течение последних 70 лет неоднократно трансформировалась, однако базовые представления об окраинах азиатского мира, сформированные в 1950–1960-е годы, остаются актуальными и по сей день.

В методологическом плане исследование опирается на теорию географического воображения региона. Наиболее значимыми для понимания модели географического воображения региона стали работы М. Тодоровой [Тодорова, 1997], С. Горшениной [Горшенина, 2019], В. Тольц [Тольц, 2013], В. Колосова [Колосов, Зотова, 2015], Д. Замятина [Замятин, 2004]. Внутренняя Азия – это термин политико-экономического содержания, именно поэтому данное исследование сфокусировано на геополитическом и цивилизационном содержании, а не на анализе культуры и истории. Опираясь на традицию изучения географического воображения, мы рассматриваем политические контексты и экспертные дискурсы, в рамках которых складывалось представление о Внутренней Азии. В центре нашего внимания находятся геополитические дискурсы, определяющие границы Внутренней Азии, историко-политическое содержание этого региона. Согласно В.А. Колосову, «...геополитический дискурс синтезирует некоторую информацию о международных делах или политической ситуации в привязке к территории. Геополитический дис-

курс чаще всего инициируют и поддерживают СМИ, обычно обслуживающие интересы определенных групп элиты» [Колосов, Зотова, 2015, с. 170].

Итак, эмпирической базой исследования стали тексты специализировавшихся на исследованиях политики в данном регионе востоковедов. Речь идет об английских, американских и современных российских регионоведах, поскольку в СССР термин «Внутренняя Азия» в академических гуманитарных публикациях не употреблялся. Однако возникает вопрос: почему тексты именно востоковедов? Изучение политики в Азии в период холодной войны зачастую было напрямую продиктовано геополитическими задачами. Более того, именно в этот период наиболее активно шел процесс осмысления Азии в категориях геополитики – первоначально экспертным сообществом, а впоследствии и журналистами. Это и обусловило выбор фокуса исследования.

Второе рождение термина «Внутренняя Азия»

Немало фундаментальных исследований посвящено проблеме того, как использовался термин «Внутренняя Азия» в конце XIX – начале XX в. Несомненно одно: в тот период он смешивался с понятием «Центральная Азия», и терминологическая путаница, порожденная А. фон Гумбольдтом, продолжалась достаточно долгое время [Горшенина, 2019]. Новое содержание термин получил в 1950-е годы. Это связано с двумя ключевыми событиями, определившими дизайн нового регионального порядка. Первое событие – международное признание в 1945 г. Монгольской Народной Республики, а второе – провозглашение в 1949 г. Китайской Народной Республики. Оба го-

сударства в тот момент входили в идеологическую орбиту СССР. Характеризуя этот период, С.Г. Лузянин отмечает: «Международно-правовые “нестыковки” статуса МНР были окончательно ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), итогами советско-китайских переговоров в Москве в 1945 г. и монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник “СССР – МНР – Китай” приобрел законченную на тот период форму с полным международно-правовым оформлением монгольского статуса» [Лузянин, 2021, с. 144]. Здесь же нужно сказать, что на протяжении всей первой половины XX в. на национальных окраинах бывших империй (Цин и России) шел процесс национально-государственного строительства. Региональный порядок менял свою конфигурацию раз в двадцать лет, а вместе с ним изменялись и границы национально-государственных образований. Всё это способствовало нагромождению и без того немалого багажа нерешенных геополитических проблем, с которыми треугольник «СССР – Монголия – Китай» подошел к началу холодной войны.

В 1946–1950 гг. американский востоковед Оуэн Латтимор предпринял одну из первых послевоенных попыток переосмыслить термин «Внутренняя Азия»: «Под этим определением понимается северный, но не южный Иран, и западная, но не восточная Маньчжурия. Большая часть Внутренней Азии либо касается советской границы в Азии, либо стоит по обе стороны от нее – самой длинной границы в мире, простирающейся от Турции до Кореи. Тибет, расположенный далеко от России, – заметное исключение из этого правила. Важная характеристика – Внутренняя Азия политически в большинстве сво-

ем не ограничивает пределы территорий, населенных народами, отличающимися друг от друга языком, экономической деятельностью, социальной организацией и типом групповой лояльности, основанной на чувстве родства. Эти границы разделяют родственные народы и подчиняют их разным политическим суверенитетам» [Lattimore, 1953, p. 17]. В это же время Оуэном Латтимором были начаты два масштабных исследовательских проекта: *Inner Asia Frontier Area Studies* и *Nationalism in Asia* [Гольман, 2004, с. 169]. Эти программы были реализованы при сотрудничестве специалистов из трех ведущих университетов США: Гарварда, Стэнфорда и Колумбийского. Однако в 1950 г. О. Латтимор был обвинен сенатором Дж. Маккарти в шпионаже в пользу СССР. Несмотря на то, что Латтимор в итоге был оправдан, его исследовательская программа была свернута, а он сам ушел со всех административных должностей [Гольман, 2004, с. 44–45].

В условиях уже начавшейся холодной войны и масштабной угрозы широкого распространения в Азии марксизма в США и Великобритании возник повышенный интерес к изучению Востока. Изучение Азии в США стало финансироваться на основании статьи VI «Закона об образовании в интересах национальной обороны», принятого в 1958 г. [Гольман, 2004, с. 175]. В центре внимания, согласно традиции, заложенной еще О. Латтимором, оказались прежде всего так называемые проблемные регионы советско-китайского приграничья. В это время возник вполне объяснимый запрос на геополитику и на опыт колониальных администраторов, который мог быть использован при анализе политических процессов.

Одним из таких экспертов был британский геополитик сэр Олафом Кэро, написавший подробный очерк о конфронтациях во Внутренней Азии

[Caroe, 1969]. Бывший колониальный чиновник О. Кэро пишет о возрастающей угрозе от тоталитарных политических систем в Азии [Caroe, 1969, p. 221]. Подробно разбирая новый региональный порядок в Азии, он отмечает, что именно Внутренняя Азия заслуживает самого пристального внимания. Его интеллектуальное влияние было столь велико, что распространилось не только в Великобритании, но и в США [подробнее см. Brobst, 2005]. В результате именно в англосаксонских странах сложилось особое направление в изучении Внутренней Азии, выводившее на первый план геополитическую проблематику. Концепция «колодцев силы» Кэро привлекла внимание руководства Пентагона [Brobst, 2005]. В итоге категориальный аппарат геополитики до конца 1980-х годов определял словарь описания изучаемого нами региона [Лузянин, 2021, с. 143].

Параллельно исследовательской программе О. Латтимора была создана комплексная программа по изучению истории Внутренней Азии под руководством Дениса Синора. Первоначально Д. Синор работал в Великобритании, но затем переехал в США. Возглавляемый им коллектив исследователей подготовил несколько работ по истории Внутренней Азии с древнейших времен. Так, в рамках «Кембриджской истории древней Внутренней Азии» Робертом Тааффе были определены границы региона: «Регион Внутренней Азии занимает огромную территорию во внутренних и северных пределах евразийского массива суши и охватывает территорию площадью более восьми миллионов квадратных миль, или примерно одну седьмую часть суши мира. Размеры этого региона с востока на запад простираются примерно на шесть тысяч миль, что чуть более чем в два раза превышает длину максимальной оси север –

юг. Эти расстояния сравнимы с теми, которые преодолевали лишь немногие из самых авантюрных морских судов в европейскую эпоху Великих географических открытий» [Taaffe, 1990, p. 19]. Денис Синор напрямую связывал понятие «Внутренняя Азия» с доминированием кочевников, а не с конкретными географическими границами. По его определению, Внутренней Азией в разное время были Паннония и Малая Азия. Но она всегда оставалась хартлендом [Sinor, 1990, p. 4].

Для второй половины XX в. Внутренняя Азия стала синонимом пространства кочевых цивилизаций. Ее границы также кочевали вслед за народами, создававшими империи и радикально менявшими место своего проживания. Однако при рассмотрении реалий Внутренней Азии второй половины XX в. авторы всё же ограничивались Монголией и азиатскими национальными окраинами СССР, а также некоторыми регионами Китая (Тибет, Внутренняя Монголия, Синьцзян) [Rossabi, 1975].

Внутренняя Азия того времени была зоной соприкосновения советского марксизма и маоизма. После начала советско-китайского конфликта она стремительно милитаризировалась. Бóльшая часть европейских и американских исследований этого периода была тогда посвящена анализу положения кочевых народов в условиях коммунистических режимов. Наглядным примером может служить книга Морриса Россаби «Китай и Внутренняя Азия с 1368 года до настоящего времени», изданная в 1975 г. в Нью-Йорке. Россаби описывает Внутреннюю Азию как пространство, населенное свободолюбивыми кочевыми народами, которые постоянно истребляются оседлыми. В границы региона он вписал Монголию, Маньчжурию, Тибет и Туркестан. По мнению М. Россаби, Внутренняя Азия – это

критическая область, в которой возникают государства кочевников, приводящие к ослаблению оседлых империй [Rossabi, 1975, p. 6].

В итоге Внутренняя Азия стала вообразиться как особый регион внутри сплошь коммунистического окружения. Ему придавалась самостоятельная цивилизационная субъектность, хотя четкие критерии для определения его границ так и не появились. Об этом писали и авторы коллективной работы «Модернизация Внутренней Азии», вышедшей в свет в 1991 г.: «Внутренняя Азия – во времена до модерна малоизвестная страна кочевников и полукочевников – в XX в. оказалась в центре внимания мировой общественности, о чем ясно свидетельствует запутанная борьба за будущее Афганистана, советской Центральной Азии, Тибета и других территорий. Но поскольку Внутренняя Азия как целое разделена политически между несколькими государствами, трудно найти у специалистов в этой области незашоренный взгляд на недавние события. В этой работе регион рассматривается как единое целое, дается обзор его прошлого, анализ настоящего, а также перспектив – общих, а не строго по странам» [The Modernization of Inner Asia, 1991, p. 2].

Подобный подход привлекал внимание к региону (наряду с Африкой) в контексте изучения периферий. При этом основным языком описания Внутренней Азии второй половины XX в. был преимущественно геополитический. Категория хартленда для характеристики этого пространства использовалась почти повсеместно. Но нечеткость границ, доставшаяся в наследство от Гумбольдта, продолжала доминировать. Резюмируя, можно отметить, что Внутренняя Азия в словаре холодной войны – это пространство непосредственного пересечения интересов СССР и Китая в Азии.

Внутренняя Азия и постсоциализм

После окончания холодной войны термин «Внутренняя Азия» распространился в научном и политическом дискурсе в России, Монголии и ряде постсоветских государств Азии. Созданные в университетах Кембриджа, Индианы и Гарварда исследовательские комитеты по изучению региона получили возможность для проведения полевых исследований. Самостоятельное переосмысление содержания понятия «Внутренняя Азия» в России началось в XXI в., некоторые исследователи стали подразумевать под ним лишь степи Монголии [Honeychurch, 2015, p. 79–108]. В это же время западные исследователи стали отождествлять Внутреннюю Азию с Центральной Евразией [Sinor, 1997, p. 4].

Изменилось и политическое воображение. Так, Стивен Фиш выделил понятие «аномалия Внутренней Азии». Под ним понимается феномен Монголии, отвечающей западным критериям демократии. С Внутренней Азией, с подачи С. Фиша, стали ассоциировать такие атрибуты, как особая склонность к парламентской республике и исторические корни кочевой демократии. С. Фиш вполне определенно возводит генеалогию современных демократических институтов в Монголии к Великому Курултаю времен Чингисхана [Fish, 2001, p. 323–338]. Однако, по его мнению, подобные свойства не могут развиться в других частях этого региона из-за влияния Китая и России. В итоге Монголия, в терминологии Дж. Буша, стала «бастионом демократии» в авторитарном окружении.

Представления о Внутренней Азии как о некой цивилизации кочевых империй связаны с именами американских историков Дэвида Кристиана и Никола ди Космо. Опираясь на кон-

цепт «кочевой цивилизации» А. Тойнби, они развивают идею особой внутриазиатской цивилизации. Ди Космо предпринял попытку рассмотреть регион в контексте глобальной истории и проследить взлеты и падения кочевых империй во взаимосвязи с теориями политогенеза. Работа Никола ди Космо является важной попыткой «вписать» регион в мировой исторический процесс [*di Cosmo*, 1999].

Таким образом, в XXI в. политическое воображение Внутренней Азии перешло от осмысления цивилизационной субъектности к изобретению общерегиональной политической культуры. При этом вопрос о границах региона всё еще остается спорным. Так, на сайте Института исследований Внутренней Азии им. Д. Синора при университете Индианы дается следующее определение региона: «Внутренняя Азия, или внутренняя часть евразийского континента, исторически включает в себя цивилизации Центральной Азии, Монголии и Тибета вместе с соседними областями и народами, которые в определенные периоды образовывали культурные, политические или этнолингвистические единства с этими регионами. В прошлом в мире Внутренней Азии доминировали скотоводческие кочевые общины большой евразийской степи, и ее история была сформирована взаимодействием этих обществ с соседними оседлыми цивилизациями. В XX в. народы Внутренней Азии находились в пределах границ или сферы влияния либо Советского Союза, либо Китайской Народной Республики. Распад СССР принес независимую государственность и социальные трансформации большей части региона. Сегодня Внутренняя Азия включает в себя пять независимых

центральноазиатских республик: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан, – Монголию, Внутреннюю Монголию, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы Китайской Народной Республики, а также прилегающие части Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая и российской Сибири. Области, имеющие отношение к изучению Внутренней Азии, по этнолингвистическим и историческим причинам включают в себя Татарскую, Башкирскую и Калмыцкую республики России и прародину маньчжуров на северо-востоке Китая»¹.

Это определение характеризует уже устойчивую традицию смешивать понятия «Внутренняя Азия» и «Центральная Азия». Хотя попытки разграничить эти категории на уровне геополитики систематически предпринимаются. Современный американский геополитический дискурс некоторое время приписывал Внутренней Азии атрибут *landlocked* (территориально зажатый, не имеющий выхода к морю). Первоначально эта характеристика применялась только к Монголии, а впоследствии распространилась на весь регион. Однако термин *landlocked* стал столь популярен, что стал распространяться и на Центральную Азию. В итоге терминологический аппарат снова смешался.

Рассуждая о пределах географического воображения, британский ученый монгольского происхождения Урадийн Булаг в вышедшей в 2005 г. работе пишет: «Внутренняя Азия (Монголия, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Синьцзян и Тибет) обычно концептуализируется как “граница” Китая и в большинстве своем фигурирует в воображении историков, изучающих

1 What is Inner Asia? // Sinor Research Institute for Inner Asian Studies. – 2017. – URL: <https://sinor.indiana.edu/about/what-is-inner-asia/index.html> (дата обращения: 10.02.2022).

империю Цин (1644–1911), в то время как ее связи с Россией, европейскими и другими странами, как правило, игнорируются так же, как и ее значимость для постцинского Китая и современного мира» [Bulag, 2005, p. 1]. Разбирая противостояние специалистов по Внутренней Азии, Центральной Евразии, Восточной Азии и Центральной Азии, У. Булаг отмечает, что, несмотря на многочисленные пересечения профессиональных интересов, принадлежность к одному из этих сообществ напрямую влияет на способ понимания региона.

Явным исключением из общей тенденции периферизации региона является работа А.С. Железнякова «Монгольский полюс политического устройства мира», в которой автор рассматривает Монголию как ядро Внутренней Азии. А.С. Железняков считает Внутреннюю Азию отдельным мировым полюсом и равноправным субъектом в системе мировых цивилизаций [Железняков, 2009, с. 18]. Однако определение региона он дает согласно Ю.Н. Рериху. Эта дефиниция, несомненно, гораздо ближе к современным политическим реалиям, нежели какая-либо иная: «...не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей средней Азии» (цит. по: [Железняков, 2009, с. 18]).

Итак, в XXI в., говоря о Внутренней Азии, многие исследователи подразумевают преимущественно Монголию как «демократический хартленд» и сопредельные с ней территории России и Китая. Конкурирующая система

координат Центральной Азии при всей масштабности охвата всё чаще вытесняет Монголию за свои пределы. Исходя из сказанного выше, мы можем предположить, что Внутренняя Азия – это некая совокупность периферийных, в прошлом кочевых и полукочевых территорий, объединенных на основе некоего общего цивилизационного фундамента. При этом попытки объединить в единое целое Тибет и Афганистан выглядят малообоснованными.

В поисках новых критериев региона

Термин «Внутренняя Азия» в постсоветский период получил широкое распространение в России. Институционально проблематикой региона занимались исследовательский центр «Внутренняя Азия» в Иркутске и Институт Внутренней Азии в Улан-Удэ. В 2017 г. в Институте востоковедения РАН был создан Международный центр социологических и политологических исследований Внутренней Азии. По данной региональной тематике издается несколько научных журналов, систематически проводятся конференции. Однако во всем этом многообразии по-прежнему сохраняется «родовая травма» дефиниции региона. Проанализировав большой контент востоковедных текстов, написанный в России с 1991 по 2021 г., я попытаюсь выделить универсальные черты, характерные для описания Внутренней Азии.

Первый и, наверное, базовый критерий региона заключается в том, что Внутренняя Азия – это кочевая периферия (в ряде случаев фронт) двух империй: Российской и Цин. Подобная характеристика вновь отсылает к Гумбольдту, создателю этого термина в XIX в. Применительно к совре-

менности более релевантно говорить о наследии кочевого уклада и о пост-номадизме [Humphrey, Sneath, 1999]. Хотя именно хозяйственно-экономический критерий больше всего способствовал размыванию границ региона, которые, по меткому замечанию Д. Синора, кочевали вслед за народами [Sinor, 1990, p. 3].

Второй критерий – культурно-цивилизационный – в большей степени был разработан Н.В. Абаевым. С этой точки зрения Внутренняя Азия – это регион пересечения культурного влияния шаманизма (тэнгрианства) и тибетского буддизма [Абаев, 2011]. В этой ситуации от локации достаточно логично отсекаются мусульманские регионы. Становится более очевидной роль Тибета как духовного центра, а также Внешней Монголии как политического центра в регионе. Важным атрибутом политической культуры здесь являются теократические лидеры – буддистские перерожденцы и шаманы.

Третий критерий – один из наиболее сложных и спорных – это письмо [Henze, 1956, p. 29–51]. Для Внутренней Азии традиционными типами письма являлись старомонгольское и его позднейшие вариации, а также тибетское письмо, более распространенное в буддистских духовных центрах региона. Подобный подход к пониманию региона характерен для лингвистов, специализирующихся на текстовой культуре, ареал распространения которой в большей степени относятся к народам и племенам, нежели к административным или географическим границам. Критерий традиционной письменности встречается у целого ряда исследователей, именно поэтому игнорировать его нецелесообразно, хотя современная Внутренняя Азия – это зона распространения русского или китайского как основных языков межкультурной коммуникации.

На основании выделенных критериев можно попытаться локализовать пределы современной Внутренней Азии. В границы этого фронтирного региона можно включить Монголию, китайские регионы: Автономный район Внутренняя Монголия, Тибетский автономный район, территорию Дунбэя (историческую Маньчжурию), – а также российские регионы: Республику Алтай, Республику Бурятия, территорию Бурятского Усть-Ордынского округа в составе Иркутской области, Забайкальский край и Республику Тыва.

Для геополитического воображения Внутренняя Азия – это сложный регион хотя бы потому, что его пространство – это Монголия и полиэтничные приграничные окраины России и Китая, на территории которых распространены буддизм и/или шаманизм. С учетом историко-культурной специфики этого фронта становится более очевидным интерес западных геополитиков к этому хартленду: он обусловлен этническим и культурным многообразием, позволяющим строить политические конструкции, приписывая особые атрибуты в стиле С. Фиша [Fish, 2001].

Здесь же нужно отметить, что в отечественной физической географии сложилось сходное понимание Внутренней Азии: «Пределы Внутренней Азии протягиваются от Алтая, Саура и Тарбагатай, Джунгарского Алатау, восточных хребтов Тянь-Шаня на западе до Большого Хингана на востоке. С севера территорию ограничивают горные сооружения Юга Сибири, начиная от хребтов Южного и Юго-Восточного Алтая, Западного Саяна, Сангилена, до Тункинских Гольцов, Хэнтэя, Борщовочного хребта. В качестве южной границы Внутренней Азии можно рассматривать хребты Куньлуня, Алтынтага, Бэйшаня, Наньшаня, Ала-

шаня и Иныпаня. В таком понимании площадь Внутренней Азии составляет 4 066 100 км² (9,4 % площади всей Азии), протяженность по долготе – 3 600 км (от 75°30' до 120°50' в. д.), по широте – 2 000 км (от 34°10' до 52°00' с. ш.), длина границ – 13 600 км» [Чистяков, 2001, с. 9].

Однако географические определения, несмотря на видимую объективность, всё же слабо коррелируют с геополитическими представлениями, формируемыми востоковедами. Для последних на первом месте находится историко-культурный фактор, используемый в результате как для политической мобилизации, так и для нужд управления. В этом контексте Внутренняя Азия вполне определенно представляется как продукт не географического, а политического воображения, актуализированный в период холодной войны в связи с задачами переосмысления субъектности приграничных регионов СССР и КНР.

Заключение

Термин «Внутренняя Азия» в современном его содержании является «продуктом» дебатов в среде востоковедного сообщества XX в. Он стал актуальным после возникновения Ялтинско-Потсдамской системы международного порядка [Лузянин, 2003], в рамках которой Монголия получила международное признание как суверенное государство. Внимание зарубежных востоковедов к «красному поясу» в Азии привело к переосмыслению пространства, населенного кочевыми народами, как геополитического хартленда. Парадоксально, что, говоря языком геополитики, эксперты отмечают его стратегическое значение, однако при экономическом анализе указывают на его периферийность.

Именно геополитическое воображение в XX в. позволило развести синонимичные понятия «Внутренняя Азия» и «Центральная Азия». Попытки ввести в оборот термин «Центральная Евразия» взамен «Внутренней Азии» привели лишь к тому, что для последней стали разрабатываться более четкие критерии. Необходимо сказать, что большой вклад в их разработку внесли отечественные географы, не включенные в геополитические споры востоковедов и политологов. В итоге термин вполне устоялся в политической географии и, несмотря на релятивизм У. Булага, можно сказать, что Внутренняя Азия – это вполне операциональный геополитический конструкт, получивший цивилизационное содержание [Bulag, 2005].

Тем не менее нами была предпринята первая попытка разобраться с границами Внутренней Азии. Несомненно, что другие способы воображения этого региона также имеют право на существование. Пределы этого региона определены как прежний российско-цинский фронтир, населенный кочевыми народами, исповедующими буддизм или шаманизм. В некотором смысле это пространство за Ивовым палисадом, то есть кочевья монголов вплоть до тибетского Кукунора, а также земли Маньчжурии и Даурии. При этом роль Тибета в культурном влиянии на регион исторически всегда была велика, поэтому его также следует включать в пространство Внутренней Азии.

Список литературы

Абаев Н.В. Внутренняя Азия – колыбель евразийской цивилизации // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – С. 163–171.

Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества).

50-е – середина 90-х годов XX века. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2004. – 334 с.

Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой / Перевод с французского М.Р. Майзульса. – Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – VIII, 119 с.

Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – Москва : Институт социологии РАН, 2009. – 272 с.

Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 349 с.

Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира между российскими гражданами: почему Россия не Европа // Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 170–186.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 годах. – Москва : Огни, 2003. – 320 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток / Oriens. – 2021. – № 5. – С. 141–152. – DOI: 10.31857/S086919080016633-3.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва : НЛЮ, 2006. – 248 с.

Тольц В.В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. – Москва : НЛЮ, 2013. – 336 с.

Чистяков К.В. Ландшафты Внутренней Азии: динамика, история и использование: дис. ... докт. геогр. наук. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2001. – 269 с.

Brobst P. The Future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence, and

the Defense of Asia. – Akron : University of Akron Press, 2005. – 199 p.

Bulag U.E. Where is East Asia? Central Asian and Inner Asian Perspectives on Regionalism // The Asia-Pacific Journal. – 2005. – Vol. 3, N 10. – P. 1–7.

Caroe O. Problems of power confrontation in Inner Asia // Journal of The Royal Central Asian Society. – 1969. – Vol. 56, N 3. – P. 221–228.

Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. – 1999. – Vol. 10, N 1. – P. 1–40.

Fish S.M. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. – 2001. – Vol. 34, N 3. – P. 323–338.

Henze P.B. Politics and alphabets in Inner Asia // Journal of The Royal Central Asia Society. – 1956. – Vol. 43, N 1. – P. 29–51.

Honeychurch W. The Heartland of Inner Asia: Mongolia and Steppe Pastoral Nomadism // Inner Asia and the Spatial Politics of Empire. – New York : Spriger, 2015. – P. 79–108.

Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. – Cambridge : White Horse Press, 1999. – 368 p.

Imagining Asia(s): Networks, Actors, Sites / Aciri A., Ghani K., K Jha M., Mukherjee S. (eds.). – Singapore : ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2019. – 438 p.

Lattimore O. The New Political Geography of Inner Asia // The Geographical Journal. – 1953. – Vol. 119, N 1. – P. 17–30.

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23, N 4. – P. 421–437.

Rossabi M. China and Inner Asia: From 1368 to the present day. – New York : Pica Press, 1975. – 320 P.

Sinor D. Inner Asia: History, civilization, languages: a syllabus. – London : Curzone press, 1997. – 261 p.

Sinor D. Introduction: the concept of Inner Asia // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. – London : Cambridge University Press, 1990. – P. 1–18.

Taaffe R. The geographic setting // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. – London : Cambridge University Press, 1990. – P. 19–40.

The Modernization of Inner Asia / Black C.Y. [et al.]. – London : Routledge, 1991. – 424 p.

Todorova M. *Imagining the Balkans*. – New York : Oxford University Press, 1997. – P. 257.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Inner Asia as the Periphery of Two Empires, or the Paradoxes of the Political Imagination

Alexey V. MIKHALEV

Doctor of Political Science, director of Centre of political transformation studies
Buryat State University, Smolina Street, 24a, Ulan-Ude, Russian Federation, 670000
E-mail: mihalew80@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7069-2338

CITATION: Mikhalev A.V. (2022). Inner Asia as the Periphery of Two Empires, or the Paradoxes of the Political Imagination. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 134–147 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Received: 25.03.2022.

Revised: 04.04.2022.

ABSTRACT. This article studies the dynamics of geopolitical imagination of Inner Asian borders. This concept originated in the 19th century as a synonym for Central Asia. However, the new international order and the cold War in mid-20th century changed its meaning. The article is an attempt to analyze changes of Inner Asian borders in the Oriental discourse over the past 70 years. The article contemplates key definitions of the region that appeared in 20th century in response to changes in

the political situation. Information on the main research institutes studying this territory has been systematized. The focus was not only on the very borders of the region yet also on regional ascriptive political attributes. The study has revealed the special role of the cultural and civilizational factor in the formation of the geopolitical imagination and, accordingly, ideas on the region. As a result, optimal consistent criteria were identified. We propose our own logical definition of Inner Asia based on these criteria.

This frontier region comprises Mongolia, the Chinese regions: the Inner Mongolia, the Tibetan Autonomous Region, the territory of Dongbei (historical Manchuria), as well as the Russian regions: the Republic of Altai, the Republic of Buryatia, the territory of the Buryat Ust-Ordynsky District within the Irkutsk Region, the Zabaykalsky Krai and the Republic of Tyva. This approach to understanding Inner Asia makes it a large-scale frontier space, where many economic and cultural exchanges between Russia, Mongolia and China take place.

KEYWORDS: *Inner Asia, periphery, geopolitical imagination, landscape, nomads, frontier, borders.*

References

- Abaev N.V. (2011). Inner Asia – the cradle of the Eurasian civilization. *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 4, pp. 163–171 (in Russian).
- Brobst P. (2005). *The Future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence, and the Defense of Asia*. Akron : University of Akron Press, 199 pp.
- Bulag U.E. (2005). Where is East Asia? Central Asian and Inner Asian Perspectives on Regionalism. *The Asia-Pacific Journal*, vol. 3, no. 10, pp. 1–7.
- Caroe O. (1969). Problems of power confrontation in Inner Asia. *Journal of The Royal Central Asian Society*, vol. 56, no. 3, pp. 221–228.
- Chistyakov K.V. (2001). *Landscapes of Inner Asia: dynamics, history and use*. St. Petersburg : St. Petersburg State University, 259 pp. (in Russian).
- Di Cosmo N. (1999). State Formation and Periodization in Inner Asian History. *Journal of World History*, vol. 10, no. 1, pp. 1–40.
- Golman M.I. (2004). *Mongolian studies in the West (centers, personnel, societies) 50s – mid 90s of the XX century*. Moscow : Institute of Oriental Studies RAS, 334 pp. (in Russian).
- Gorshenina S.M. (2019). *The invention of the concept of Middle / Central Asia: between science and geopolitics*, Washington : Central Asian Studies Program, George Washington University, 119 pp. (translation into Russian from French).
- Fish S.M. (2001). The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 34, no. 3, pp. 323–338.
- Henze P.B. (1956). Politics and alphabets in Inner Asia. *Journal of The Royal Central Asian Society*, vol. 43, no. 1, pp. 29–51.
- Honeychurch W. (2015). The Heartland of Inner Asia: Mongolia and Steppe Pastoral Nomadism // *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire*. New York : Springer, pp. 79–108.
- Humphrey C., Sneath D. (1999). *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia*. Cambridge : White Horse Press, 368 pp.
- Imagining Asia(s): Networks, Actors, Sites* (2019). Aciri A., Ghani K., K Jha M., Mukherjee S. (eds.). Singapore : ISEAS – Yusof Ishak Institute, 438 pp.
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2015). Geopolitical vision of the world between Russian citizens: why Russia is not Europe. *Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 170–186 (in Russian).
- Lattimore O. (1953). The New Political Geography of Inner Asia. *The Geographical Journal*, vol. 119, no. 1, pp. 17–30.
- Luzyanin S.G. (2021). Russia – Mongolia – China: historical and modern transformations. *Vostok / Oriens*, no. 5, pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3 (in Russian).
- Luzyanin S.G. (2003). *Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946 years*. Moscow : Ognis – 320 pp. (In Russian).

Mackinder H.J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 421–37.

Miller A.I. (2006). *The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow : NLO, 248 pp. (in Russian).

Rossabi M. (1975). *China and Inner Asia: From 1368 to the present day*. New York : Pica Press, 320 pp.

Sinor D. (1997). *Inner Asia: History, civilization, languages: a syllabus*. London : Curzone press, 261 pp.

Sinor D. (1990). Introduction: the concept of Inner Asia. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. London : Cambridge University Press, pp. 1–18.

Taaffe R. (1990). The geographic setting. *The Cambridge History of Early In-*

ner Asia. London : Cambridge University Press, pp. 19–40.

The Modernization of Inner Asia (1991). London : Routledge, 424 pp.

Todorova M. (1997). *Imagining the Balkans*. New York : Oxford university press, 257 pp.

Tolts V.V. (2013). “Russia’s Own East”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period. Moscow : NLO, 336 pp. (in Russian).

Zamiatin D.N. (2004). *The power of space and space of power: geographical images in politics and international relations*, Moscow : ROSSPEN, 349 pp. (in Russian).

Zheleznyakov A.S. (2009). *The Mongolian Pole of the Political Structure of the World*. Moscow : Institute of Sociology RAS, 272 pp.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09

Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН

Елена Святославовна МАРТЫНОВА

эксперт Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)

Котельническая наб., д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 109240

E-mail: nefriema@list.ru

ORCID: 0000-0002-7355-4544

ЦИТИРОВАНИЕ: Мартынова Е.С. Альянсы QUAD и AUKUS и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе: перспективы для России, Китая и АСЕАН // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 148–165.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09

Статья поступила в редакцию 20.06.2022.

Исправленный текст представлен 11.07.2022.

АННОТАЦИЯ. На протяжении последних лет соперничество США и Китая является лейтмотивом ключевых событий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сейчас это стратегическое противостояние приобретает новые формы, создаются различные альянсы и коалиции во главе с США. В данной статье проанализированы альянсы QUAD и AUKUS и их влияние на баланс сил в регионе. Каждое действие, расцениваемое как недружественное, вызывает противодействие. Так, после создания AUKUS Китай стал углублять отношения с союзными государствами и заключил военное соглашение с Соломоновыми островами. Страны АСЕАН стараются избежать втягивания в противостояние США и Китая и начинают диверсифицировать свою внешнюю политику. Так, в дека-

бре 2021 г. состоялись первые в истории военно-морские учения Индонезии и России. С учетом обострения отношений со странами «коллективного Запада» азиатский вектор внешней политики приобретает для России особое значение. Очевидно, что геостратегическое и экономическое противостояние Китая и антикитайской коалиции под эгидой США стремительно набирает обороты. Есть все основания полагать, что международная обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ближайшие годы будет становиться всё более напряженной и всё менее предсказуемой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азиатско-Тихоокеанский регион, QUAD, QUAD+, AUKUS, соперничество США и Китая, Россия, Океания, АСЕАН.

Геополитика и геоэкономика в новой реальности

Последние годы были ознаменованы целым рядом масштабных кризисов поистине глобального характера. Пандемия коронавируса (*COVID-19*), энергетический кризис, возрастающие проблемы с продовольственной безопасностью, целый ряд военных конфликтов и стремительное формирование новых альянсов и коалиций свидетельствуют о том, что мир вступает в принципиально новую эпоху. Тезис о том, что «мир уже не будет прежним» с завидной регулярностью проходит лейтмотивом в выступлениях первых лиц, экспертов и политологов.

В 2020–2022 гг. мировое сообщество столкнулось с чередой масштабных кризисов. Пандемия *COVID-19* привела к закрытию международного сообщения и нарушению сложившихся цепочек поставок. Это привело к росту цен на энергоносители и товары первой необходимости на мировых рынках. Вслед за этим последовало закрытие рынков и эмбарго на экспорт в другие страны жизненно важных товаров (в 2022 г. Индонезия вводила временный запрет на экспорт пальмового масла, Индия в связи с засухой запретила экспорт пшеницы)¹. Энергетический кризис и продовольственный протекционизм наглядно продемонстрировали, что в современном мире обладание ресурсами и стратегически важными средствами производства становится таким же критически важным фактором экономической конкурентоспособности и национальной безопасности, как наличие высоких технологий и развитой экономики. Эти события привели к драматическим изменениям и в международных отношениях.

По мнению автора, современную обстановку в мировой политике следует рассматривать с точки зрения классического реализма. На современном этапе теория реализма показывает свое очевидное превосходство по сравнению с либеральными и конструктивистскими теориями международных отношений. Реализм исходит из того, что национальные интересы государств неизбежно сталкиваются в борьбе за власть и материальные богатства, соперничество превалирует над сотрудничеством, а вопросы обеспечения национальной безопасности и соотношение военно-стратегических потенциалов являются приоритетными. Либерализм делает акцент не на соперничестве, а на взаимозависимости государств и необходимости развития сотрудничества между ними [Лукин, 2009]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе соперничество ведущих держав явно доминирует над сотрудничеством. События последних лет наглядно показывают, что в текущих условиях классический реализм является наиболее адекватной теорией для правильного понимания происходящих политических процессов.

Для адекватного анализа происходящих процессов также нужен понятийный аппарат, который позволит классифицировать ключевые тенденции в мировой политике и стратегии ведущих держав. Помимо двусторонних связей с ключевыми партнерами для многих стран большую роль традиционно играют различные форматы многостороннего сотрудничества, эффективность которых оценить намного сложнее. Тем не менее, можно проследить наиболее очевидные траектории развития таких структур за последнее десятилетие.

1 Выросло число стран, ограничивших экспорт продовольствия // Эксперт. – 2022. – 14 мая. – URL: <https://expert.ru/2022/05/14/uvelichilos-chislo-stran-ogranichivshikh-eksport-prodovolstviya/> (дата обращения: 28.05.2022).

В современной мировой политике преобладают несколько видов международных институтов многостороннего сотрудничества (МИМС) с разной степенью формализации, которые условно можно разделить на три типа:

1. Глобальные трансрегиональные инициативы (инициатива «Один пояс, один путь», Большое евразийское партнерство), которые стремятся включить в себя уже действующие структуры.

2. Сложившиеся форматы сотрудничества с тенденцией к расширению либо на постоянной основе, либо с периодическим подключением других участников (БРИКС+, QUAD+).

3. Гибкое партнерство и точечное подключение к взаимодействию по определенным направлениям (например, институты секторальных партнеров по диалогу).

Примечательно, что для всех этих организационных типов МИМС характерна обширная повестка и широкий круг вопросов взаимодействия. Многие страны являются участниками сразу нескольких объединений, что ставит вопрос о том, на каких площадках для них будет предпочтительнее решать те или иные задачи с учетом зачастую пересекающейся повестки и декларируемых целей различных форматов.

Параллельно с расширением существующих форматов сотрудничества всё большее распространение получает практика создания мини-многосторонних структур. Очевидно, что в компактных форматах с небольшим количеством участников намного проще договориться, нежели в громоздких формированиях, включающих большое количество стран, сильно различающихся

по возможностям и национальным интересам. На данном этапе развития яркими примерами такой мини-многосторонности являются QUAD и AUKUS для США и ЕАЭС и ОДКБ для России. При этом разнонаправленные тенденции к расширению состава участников международных институтов многостороннего сотрудничества и к созданию компактных форматов с ограниченным количеством членов развиваются параллельно. Можно говорить о том, что мини-многосторонние форматы и «зонтичные» инициативы – новая дихотомия взамен прежнего антагонизма и взаимодополняемости глобализации и регионализации.

Сложившаяся в Азиатско-Тихоокеанском регионе ситуация наглядно показывает, что соперничество между ведущими державами разворачивается по двум ключевым направлениям: 1) обладание ресурсами и современными военными технологиями и 2) наличие военной инфраструктуры в непосредственной близости от потенциального противника. А экономическое противостояние зачастую во многом сводится к достижению вышеупомянутых целей и снижению экономического потенциала конкурентов. Инициатива по созданию устойчивых цепочек поставок², которую 1 сентября 2020 г. анонсировали Австралия, Индия и Япония, вполне подтверждает этот тезис. Суть ее в том, чтобы реструктурировать трансграничные производственные цепочки, исходя из геостратегических факторов, а не экономической эффективности и целесообразности. Соображения политики и безопасности здесь явно доминируют над желанием максимизировать экономическую выгоду. Это отнюдь не беспочвенно,

2 Australia-India-Japan Economic Ministers' Joint Statement on Supply Chain Resilience // Ministry of Economy, Trade and Industry. – 2020. – September 1. – URL: <https://www.meti.go.jp/press/2020/09/20200901008/20200901008-1.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).

так как драматические события последних лет (пандемия коронавируса, торговая война США и Китая, специальная военная операция России на Украине, энергетический и продовольственный кризис 2020–2022 гг.) наглядно показали необходимость наличия факторов производства на своей территории либо на территории дружественных государств.

Инициатива по созданию устойчивых цепочек поставок – один из первых примеров антикитайского геоэкономического альянса, оформленного после пандемии COVID-19. Эта инициатива также символизирует разделение глобальных и региональных цепочек поставок по геополитическим признакам³. В последние годы явно прослеживается стремление США создать масштабную антикитайскую коалицию. Противостояние с Китаем лежит в основе целого ряда многосторонних структур, созданных во главе с США в течение последних лет.

США создают антикитайскую коалицию

В 2007 г. был инициирован Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), куда вошли Япония, США, Индия и Австралия. В 2008 г. Австралия отказалась от участия в диалоге. В 2017 г. встречи в рамках QUAD возобновились. Примечательно, что лидеры и министры QUAD долгое время использовали для встреч различные

диалоговые площадки. Создается впечатление, что постепенно происходило прощупывание почвы для углубления сотрудничества, определения актуальных целей и общей повестки и, далее, формальной институционализации нового формата. В 2017 г. в Маниле «на полях» саммита АСЕАН прошла встреча представителей QUAD. В январе 2018 г. в рамках конференции «Диалог Райсина» в Дели прошла встреча главкомандующих ВМФ стран – участниц QUAD. А 26 сентября 2019 г. «на полях» Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча руководителей внешнеполитических ведомств четырех стран [Худайкулова, Рамич, 2020].

24 сентября 2021 г. в Вашингтоне состоялся первый очный саммит Четырехстороннего диалога по безопасности (до этого главы государств «четверки» общались по видеосвязи). Практические результаты этой встречи представляются довольно скромными. Размывание повестки безопасности не смогли компенсировать инициативы в области инфраструктуры, борьбы с изменением климата, научно-технического и гуманитарного сотрудничества⁴.

24 мая 2022 г. в Токио прошел второй очный саммит QUAD. Президент США Джо Байден на саммите объявил о запуске новой экономической инициативы в Индо-Тихоокеанском регионе – Индо-Тихоокеанском экономическом соглашении (IPEF, *Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity*)⁵. Новая экономическая структура должна

3 Palit A. The Resilient Supply Chain Initiative: Reshaping Economics Through Geopolitics // The Diplomat. – 2020. – September 10. – URL: <https://thediplomat.com/2020/09/the-resilient-supply-chain-initiative-reshaping-economics-through-geopolitics/> (дата обращения: 12.05.2022).

4 Fact Sheet: Quad Leaders' Summit // The White House. – 2021. – September 24. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/> (дата обращения: 20.05.2022).

5 FACT SHEET: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House. – 2022. – May 23. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 25.05.2022).

помочь упростить торговлю между странами и ввести стандарты цифровой экономики. Соглашение также должно способствовать устойчивости цепочек поставок. Впервые о создании IPEF Джо Байден объявил в октябре 2021 г. Индо-Тихоокеанское экономическое соглашение пришло на смену Транстихоокеанскому партнерству, из которого предыдущий президент США Дональд Трамп вышел в 2017 г. По мнению ряда экспертов, главная задача этой инициативы – быть инструментом для более эффективной конкуренции США с Китаем. Кроме того, аналитики указывают на неопределенность как функций, так и структуры этого соглашения [Goodman, Arasasingha, 2022]. Представляется, что США хотят сформировать закрытую экономическую структуру, исключаящую Китай, и установить там «правила игры». Не совсем понятно, будет ли этот формат выгоден другим участникам, так как соглашение не предусматривает открытие американского рынка для зарубежных товаров⁶.

На втором саммите QUAD также анонсировали инициативу по контролю за морскими границами – Индо-Тихоокеанское партнерство по осведомленности о морской сфере (IPMDA). Сообщается, что с помощью IPMDA партнеры в зонах Тихоокеанских островов, Юго-Восточной Азии и Индийского океана смогут осуществлять полноценный мониторинг ситуации у морских границ, в том числе отслеживать нелегальное судоходство и сближение кораблей⁷. Кроме того, партнерство усилит возможности реагирования на климатические и гуманитарные про-

исшествия. На первый взгляд, эта инициатива выглядит вполне миролюбиво. Но и здесь подспудно просматривается антикитайский аспект, так как территориальные споры Китая с некоторыми странами ЮВА в Южно-Китайском море давно являются причиной перманентной напряженности в регионе.

В последние годы активно обсуждается перспектива расширения QUAD до формата QUINT или QUAD+. В марте 2020 г. в формате видеоконференции состоялась встреча официальных лиц, входящих в QUAD, а также представителей Вьетнама, Южной Кореи и Новой Зеландии [Сумский, 2021]. Эти страны являются наиболее вероятными кандидатами на вхождение в расширенный формат QUAD. На уровне неправительственных организаций и аналитических центров консультации на «полutorном» треке в формате QUAD+ проходили с 2013 г. В разные годы в них принимали участие Филиппины, Индонезия, Сингапур, Тайвань, Франция и Шри-Ланка [Panda, 2020]. Тем не менее целесообразность расширения QUAD неочевидна, так как все его члены уже имеют прочные двусторонние связи и альянсы с потенциальными участниками формата QUAD+, такими как Южная Корея или Вьетнам [Laksmiana, 2022]. Следовательно, включение этих стран в формат QUAD+ вряд ли добавит ему существенный политический вес.

Однако вместо ожидавшегося расширения QUAD США инициировали запуск нового военно-политического альянса, состоящего на данный момент исключительно из англосаксонских стран. 15 сентября 2021 г. было

6 Kim Bo-eun. Explainer | What is IPEF, and will it help the US counter China's influence in the Asia-Pacific? // South China Morning Post. – 2022. – April 14. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3174211/what-ipef-and-will-it-help-us-counter-chinas-influence-asia> (дата обращения: 02.05.2022).

7 Лидеры Quad запустят в Токио инициативу по контролю за морскими границами // ТАСС. – 2022. – 24 мая. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14707587> (дата обращения: 25.05.2022).

объявлено о создании трехстороннего военно-политического блока AUKUS⁸, куда вошли Австралия, Великобритания и США. Очевидно, что одной из главных целей формирования этого блока является противодействие Китаю. Пакт об альянсе предусматривает кооперацию в области науки и технологий, промышленных баз и цепочек поставок, а также сотрудничество в сфере искусственного интеллекта и квантовых технологий⁹. По мнению экспертов стокгольмского Института политики безопасности и развития, в создании AUKUS были в равной степени заинтересованы все три участника альянса. Президент Джо Байден намерен снова сделать США мировым лидером. Австралия проявляет всё большую обеспокоенность по поводу растущей милитаризации Китая. А Великобритания после Брекзита стремится снова стать крупной морской державой [Swanström, Panda, 2021].

Объективно блок AUKUS в настоящее время является более сплоченным, чем формат QUAD, где Индия, скорее всего, будет и впредь придерживаться умеренных позиций по отношению к Китаю. Присоединение Южной Кореи к QUAD в качестве полноправного участника в среднесрочной перспективе представляется вполне вероятным. В свою очередь это приведет к заметному изменению баланса сил в регионе и может стать катализатором для подключения к этому формату некоторых стран АСЕАН, где доминируют антикитайские настроения (в первую очередь Вьетнам и Филиппины). Как от-

мечают российские эксперты, эти два формата следует воспринимать в качестве звеньев одной цепи. AUKUS нацелен на сдерживание Китая в военно-политической области, QUAD – в остальных¹⁰. Кроме того, в современном мире вместо классических военно-политических блоков всё большее распространение получают ситуативные *ad-hoc*-объединения по интересам без долгосрочных обязательств и чрезмерной бюрократии. К примеру, особенно популярны форматы «партнера по диалогу» и «секторального партнера по диалогу».

По мнению ряда исследователей, QUAD является ответом на китайскую инициативу «Пояса и пути», как и инфраструктурный проект «Сеть голубых точек» (*The Blue Dot Network*)¹¹: они нацелены на то, чтобы создать в регионе финансово-инвестиционную реальность, противоположную той, которую создает Пекин [Мальшиева, 2021]. Некоторые аналитики полагают, что будущее QUAD весьма туманно, и дальнейшую эволюцию этого объединения предсказать довольно сложно. Так, А.В. Куприянов называет пять возможных сценариев развития QUAD: превращение в «Азиатское НАТО», «Диалог без обязательств», «Расширение формата», «Формирование единой региональной системы безопасности» и «Коллапс QUAD» [Куприянов, 2020]. На основе последних событий наиболее вероятным представляется сохранение QUAD в формате диалога без четкой институционализации с тенденцией к ситуативному расширению за счет формата *Quad Plus*. В данном

8 AUKUS – акроним, образованный по составу участников **A**ustralia, **U**nited **K**ingdom, **U**nited **S**tates.

9 Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House. – 2021. – September 15. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (дата обращения: 02.04.2022).

10 Терских М.А. Саммит Quad: появится ли в АТР аналог НАТО? // ИМЭМО РАН. – 2021. – 29 сентября. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/quad-summit-will-there-be-a-nato-analogue-in-the-asia-pacific-region> (дата обращения: 12.01.2022).

11 Blue Dot Network. Vision Statement // U.S. Department of State. – URL: <https://www.state.gov/blue-dot-network-vision-statement/> (дата обращения: 30.05.2022).

контексте появления AUKUS и Индо-Тихоокеанского экономического соглашения можно рассматривать не как дополнение к уже существующим форматам сотрудничества, а как фактическое признание их несостоятельности.

24 июня 2022 г. Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, США и Япония объявили о создании нового альянса в Тихоокеанском регионе – *Partners in the Blue Pacific (PBP)*¹². Как следует из документа, партнерство будет направлено на развитие эффективного сотрудничества с островными государствами Южно-Тихоокеанского региона¹³. Эту инициативу можно трактовать как ответ на активизацию китайского присутствия в регионе.

26 июня 2022 г. была запущена еще одна инициатива по сдерживанию влияния Китая. США и страны G7 объявили о запуске «Партнерства для глобальной инфраструктуры и инвестиций» (*Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII*)¹⁴. Как заявил помощник американского президента по национальной безопасности Джейк Салливан, проект призван стать альтернативой китайской экономической инициативе «Один пояс, один путь»¹⁵. США создают глобальную антикитайскую коалицию и активно привлекают давних союзников, в том числе в Европе. В Вашингтоне отдают себе отчет в том, что в нынешних условиях

Соединённые Штаты Америки не смогут обеспечить сдерживание КНР в одиночку, без партнеров и союзников [Батюк, 2022]. Поэтому США пытаются создать систему союзов и партнерств, направленную против Китая.

28–30 июня 2022 г. в Мадриде проходил саммит НАТО, в котором впервые приняли участие Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия¹⁶. Эти четыре страны уже на протяжении многих лет входят в число девяти «партнеров НАТО по всему миру». В новой Стратегической концепции НАТО Китай назван системным вызовом и конкурентом. Участие проамериканских азиатских государств в саммите НАТО говорит о дальнейшей консолидации стран, открыто противостоящих Китаю.

Фактически США пытаются реанимировать форматы, которые де-факто не работали (*IPEF* содержательно во многом дублирует инициативу «Сеть голубых точек», формат *QUAD* 10 лет фактически был не востребован), а также переформатировать уже существующие двусторонние отношения в многосторонние альянсы. Динамика дальнейшего развития этих объединений будет определяться тем, насколько страны-участницы будут заинтересованы в укреплении отношений с действующими союзниками по тем или иным причинам.

12 Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, США и Япония создали новый тихоокеанский альянс // ТАСС. – 2022. – 25 июня. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15030505> (дата обращения: 30.06.2022).

13 Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The White House. – 2022. – June 24. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения: 30.06.2022).

14 FACT SHEET: President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment // The White House. – 2022. – June 26. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/> (дата обращения: 30.06.2022).

15 Страны G7 намерены мобилизовать \$600 млрд на развитие инфраструктуры в мире // ТАСС. – 2022. – 26 июня. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15037813?ysclid=I50z9ebtir427430969> (дата обращения: 30.06.2022).

16 Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия впервые приняли участие в саммите НАТО // ТАСС. – 2022. – 29 июня. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15076033> (дата обращения: 30.06.2022).

Китайский ход конем в Океанию, или несколько зайцев одним выстрелом

Создание AUKUS серьезно дестабилизировало обстановку в регионе. Многие аналитики отмечали, что формирование нового военного блока способно спровоцировать гонку вооружений. Вскоре последовал ответ Китая. В марте 2022 г. было объявлено о том, что Китай подписал соглашение о сотрудничестве в области безопасности с Соломоновыми Островами¹⁷. При этом подробности соглашения не разглашались.

Малые островные государства и зависимые территории юга Тихого океана (Океании) традиционно сильно зависят от внешней помощи и торговли. Долгое время Австралия и Новая Зеландия являлись основными партнерами государств Океании. Тем не менее запрос на более независимый и диверсифицированный внешнеполитический курс в островной Океании набирает всё большую популярность [Гарин, Пале, 2021]. Ярким свидетельством роста геостратегического значения Южно-Тихоокеанского региона стало подписание Декларации Боэ о региональной безопасности в 2018 г. В последние годы растущее торгово-экономическое влияние Китая в Океании постепенно превращается в военно-стратегическое.

Экономическая помощь со стороны США и ряда международных организаций сопряжена с требованиями проведения внутренних реформ, например либерализации экономики, а на ее одобрение и получение уходит много времени. Китайские кредиты и экономическая помощь не увязываются с по-

добными ограничениями [Степанов, 2020]. Кроме того, в начале 2000-х гг. помощь странам Океании из западных государств значительно сократилась в связи с обвинениями в незаконных финансовых операциях. Это сыграло на руку Китаю, который тут же начал занимать освободившиеся ниши, перехватывая рычаги управления политическим курсом островных государств [Пале, 2014].

Устойчивый экономический рост Китая зависит от его способности получить доступ к зарубежным ресурсам и обеспечить их бесперебойные поставки. Потребности Китая в ресурсах тихоокеанских микросоциальных государств и желание стран Океании получать китайские инвестиции создают прочный фундамент для сотрудничества. Страны Океании заинтересованы в расширении присутствия Китая в регионе, так как развитие отношений с Китаем позволяет им нивелировать влияние западных санкций [Lei, Sui, 2021]. КНР, в свою очередь, рассматривает отношения с государствами ЮТР как противовес американской стратегии сдерживания Китая. А в 2014 г. во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Океанию было объявлено об установлении «стратегического партнерства взаимного уважения и совместного развития» с семью островными государствами Тихого океана (Фиджи, Папуа – Новая Гвинея, Тонга, Самоа, Вануату, Микронезия, Острова Кука и Ниуэ).

Активные действия в Океании позволяют Китаю добиться сразу нескольких стратегических целей. Во-первых, Китай получает доступ к территории в относительной близости от Австралии. Хотя китайское правительство

17 Reuters: США обеспокоены заключением соглашения между Китаем и Соломоновыми Островами // ТАСС. – 2022. – 19 апреля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14418109> (дата обращения: 22.05.2022).

отрицает планы по строительству военных баз в Океании, уже сам доступ китайских судов к портам в этом регионе вызывает опасения у австралийцев. Во-вторых, Китай продолжает укреплять свои позиции по Тайваньскому вопросу. Многие страны Океании изменили свой внешнеполитический курс в пользу Китая и перестали признавать независимость Тайваня. В-третьих, укрепление позиций в Южно-Тихоокеанском регионе будет полезным плацдармом в случае обострения территориальных споров в Южно-Китайском море.

Соглашение между Китаем и Соломоновыми островами было с тревогой встречено как в Азии, так и в США. После подписания этого соглашения в индонезийской прессе стали высказываться опасения по поводу того, что Китай может активизировать усилия по обеспечению своих «исторических прав» на всё Южно-Китайское море¹⁸. Правительство Австралии «уважительно» призвало премьер-министра Соломоновых Островов не подписывать спорное военное соглашение с Китаем¹⁹. США также оперативно отреагировали на это событие, и в апреле 2022 г. на Соломоновы Острова прибыла американская делегация, которую возглавил высокопоставленный чиновник из администрации Джо Байдена Курт Кемпбелл. Также сообщается, что США планируют в сентябре 2022 г. провести очередной раунд переговоров с Соломоновыми Островами по поводу их взаимодействия с Китаем в вопросах безопасности²⁰.

Океания – не только «задний двор» для Австралии. Для США этот регион также имеет важное стратегическое значение, поскольку там расположены американские военные объекты, такие как радарные установки, системы противоракетной обороны и ракетные испытательные полигоны. А по условиям договора о свободной ассоциации США с Маршалловыми Островами, Микронезией и Палау (*Compact of Free Association*) эти государства предоставляют американским военным право исключительного доступа в свои территориальные воды и воздушное пространство. В обмен США предоставляют этим государствам экономическую и финансовую помощь.

Активизация присутствия Китая на Соломоновых островах в 2022 г. произошла не внезапно. Еще несколько лет назад Пекин стал проводить активную политику в этом регионе, вследствие чего китайское влияние в Океании значительно возросло. Судя по всему, китайское руководство понимало, что агрессивная риторика США, Австралии и их союзников может привести к появлению новых военных блоков на пространстве АТР, и заранее готовило плацдарм для контрнаступления в случае такого развития событий. Таким образом, Китай использует проверенные рычаги влияния и умело превращает экономическую мощь в политическую. Создается впечатление, что в долгосрочном планировании Китай переигрывает США и, в случае необходимости, «достает из рукавов» заранее заготовленные «козыри».

18 Xi Jinping Tandatangani Pakta Keamanan Baru dengan Solomon, Laut China Selatan Siaga! // Kontan.co.id. – 2022. – April 20. – URL: <https://internasional.kontan.co.id/news/xi-jinping-tandatangani-pakta-keamanan-baru-dengan-solomon-laut-china-selatan-siaga?obOrigUrl=true> (дата обращения: 02.05.2022).

19 Australia Minta Kepulauan Solomon Tak Teken Perjanjian Militer dengan China // Suara News. – 2022. – April 23. – URL: <https://www.suara.com/news/2022/04/23/092624/australia-minta-kepulauan-solomon-tak-teken-perjanjian-militer-dengan-china?ysclid=I3000ffblp> (дата обращения: 12.05.2022).

20 США вновь направят делегацию на Соломоновы Острова для обсуждения их договорённостей с КНР // RT. – 2022. – May 9. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/1000838-ssha-solomonovy-ostrova-kitai> (дата обращения: 22.05.2022).

Запуск новых и перезапуск старых форматов в Азии: последствия для АСЕАН

12–13 мая 2022 г. впервые за долгое время в Вашингтоне состоялся саммит АСЕАН – США. Учитывая напряженную обстановку в мировой политике, от встречи президента США Джо Байдена с лидерами стран АСЕАН ожидали анонсирования каких-либо значимых инициатив или конкретизации позиций по ключевым вопросам глобальной повестки. Но ничего подобного не произошло. В СМИ эту встречу на высшем уровне сразу назвали «саммитом упущенных возможностей»²¹. Несмотря на обширную повестку, которая включала и борьбу с пандемией коронавируса, и экономическое сотрудничество, и «зеленую» экономику, и обсуждение северокорейской проблемы, никаких прорывных договоренностей достигнуто не было²². Одной из основных интриг было то, как отреагируют лидеры АСЕАН на настоячивые призывы США осудить специальную военную операцию России на Украине. В совместном заявлении по итогам саммита относительно Украины содержатся лишь нейтральные формулировки с призывами соблюдать Устав ООН и принципы международного права, а также способствовать созданию благоприятных условий для мирного урегулирования²³. Антикитайская риторика также не нашла поддержки на прошедшем сам-

мите. Таким образом, США не смогли сформулировать конкретные предложения по дальнейшему развитию сотрудничества. По итогам саммита США заявили о намерении инвестировать в страны ассоциации 150 млн долларов, и это один из немногих реальных результатов мероприятия. И с экономической, и с политической точки зрения для американской стороны эта встреча оказалась провальной.

Главы государств АСЕАН настойчиво уклонялись от втягивания в конфронтацию между глобальными игроками и открыто говорили об этом. «Мы не должны выбирать между США и Китаем», – заявил премьер-министр Камбоджи Хун Сен²⁴. Вероятно, чтобы подчеркнуть свое нежелание принимать чью-то сторону в китайско-американском соперничестве, еще в октябре 2021 г. АСЕАН предприняла два равновесных шага к сближению с Австралией и Китаем, повысив статус отношений с ними до всестороннего стратегического партнерства [Зеленкова, 2022].

Страны АСЕАН давно выработали продуманную политику по отношению к Китаю и США: получать экономическую выгоду от отношений с Китаем и военно-политическую от сотрудничества с США. Но с появлением AUKUS поддерживать этот статус-кво становится всё сложнее²⁵. Несмотря на успокоительную риторику представителей QUAD и AUKUS, вполне очевидно, что эти форматы подрывает зна-

21 СМИ: саммит США – АСЕАН стал встречей упущенных возможностей // ТАСС. – 2022. – 15 мая. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14627791>? (дата обращения: 24.05.2022).

22 Королёв А.С. (2022) «Тактильный саммит»: как Байден прощупывает почву в Юго-Восточной Азии // Россия в глобальной политике. – 2022. – 16 мая. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/taktilnyj-sammit/> (дата обращения: 25.05.2022).

23 ASEAN-US. Special Summit, 2022. Joint Vision Statement // The ASEAN Secretariat. – 2022. – May 14. – URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/05/Final-ASEAN-US-Special-Summit-2022-Joint-Vision-Statement.pdf> (дата обращения: 28.05.2022).

24 Global Times: Страны АСЕАН отказались быть пешками в игре супердержав // Российская газета. – 2022. – 16 мая. – URL: <https://rg.ru/2022/05/16/global-times-strany-asean-otkazalis-byt-peshkami-v-igre-superderzhav.html>? (дата обращения: 26.05.2022).

25 Southgate L. AUKUS: The View from ASEAN // The Diplomat. – 2021. – September 23. – URL: <https://thediplomat.com/2021/09/aukus-the-view-from-asean/> (дата обращения: 06.06.2022).

чимость многосторонних институтов на базе АСЕАН. По мнению Д.В. Мосякова, появление нового военного блока AUKUS оказалось для АСЕАН неожиданным. Никто не предполагал, что ситуация в регионе будет так быстро меняться [Мосяков, 2021]. Кроме того, в рамках альянса военно-морской флот Австралии впервые получит возможность строить атомные подводные лодки.

На данный момент страны АСЕАН не смогли сформулировать единую позицию относительно военного союза AUKUS. Малайзия и Индонезия выступили против нового соглашения в сфере безопасности AUKUS, заключенного Австралией, Великобританией и США. Стороны выразили обеспокоенность тем, что AUKUS может провоцировать другие страны на более агрессивное поведение в регионе, особенно в Южно-Китайском море²⁶.

Сингапур и Филиппины положительно высказались о создании нового военного блока. Министр иностранных дел Филиппин Теодоро Локсин заявил, что AUKUS «будет способствовать скорее восстановлению и поддержанию баланса, чем дестабилизации». А премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун «выразил надежду, что AUKUS внесет конструктивный вклад в региональные мир и стабильность и послужит дополнением к региональной архитектуре»²⁷. В обозримой перспективе появление нового военно-политического блока способно серьезно дестабилизировать обстановку в регионе и сделать ситуацию еще менее предсказуемой.

Среди стран ЮВА сохраняется озабоченность и по поводу того, что QUAD может заменить асеаноцентричные ин-

ституты, такие как Восточноазиатский саммит и Региональный форум АСЕАН по безопасности. В то же время именно диалоговые форматы на базе АСЕАН способствовали появлению формата «четверки». Ряд исследователей полагают, что АСЕАН может вполне мирно сосуществовать с форматами QUAD и QUAD+. По мнению Эвана Лаксманы, центральное положение АСЕАН – это, скорее, процесс, а не результат. Центральная роль АСЕАН в регионе заключается не в статичной и документально зафиксированной региональной архитектуре с закрепленным лидерством АСЕАН, а в непрерывном процессе определения актуальной повестки и гибком взаимодействии с внешними партнерами [Laksmana, 2020]. Возможно, после разработки долгосрочной стратегии QUAD сможет найти точки соприкосновения для конструктивного сотрудничества с АСЕАН в случае совпадения интересов по ряду перспективных сфер взаимодействия.

На протяжении долгого времени АСЕАН и асеаноцентричные структуры играли ключевую роль на пространстве АТР. В течение примерно двух десятилетий после окончания холодной войны Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) переживала «золотой век». Очевидно, что сейчас сложившаяся система международных отношений и многосторонних организаций в АТР вступает в длительную зону турбулентности. Можно выделить несколько ключевых трендов, которые будут оказывать влияние на формирование будущей архитектуры в регионе.

Во-первых, нарастающее противостояние США и Китая делает всё бо-

26 Малайзия и Индонезия будут добиваться сохранения безъядерного статуса Юго-Восточной Азии // ТАСС. – 2021. – 29 октября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12795667> (дата обращения: 06.06.2022).

27 Парамонов О. AUKUS vs ASEAN – «рецидив блоковой политики» // Международная жизнь. – 2021. – 21 октября. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32183> (дата обращения: 12.06.2022).

лее затруднительным для многих стран маневрирование между ними. Страны-участницы АСЕАН привыкли соблюдать нейтралитет и извлекать пользу от сотрудничества с обеими державами, но обостряющиеся противоречия, вероятно, рано или поздно вынудят их принять чью-либо сторону.

Во-вторых, формирование AUKUS является четким сигналом, что основными союзниками в регионе и в мире США рассматривают англосаксонские страны – Великобританию и Австралию. Этот шаг наглядно показывает, что США понизили значимость двусторонних военно-политических соглашений со странами АСЕАН.

В-третьих, некоторые страны Восточной и Юго-Восточной Азии стали открыто поддерживать США и активно участвовать в антикитайских инициативах. Помимо Японии, которая давно является ключевым союзником США в регионе, Южная Корея стремительно «дрейфует» в сферу влияния Вашингтона. Это может привести к созданию устойчивой антикитайской коалиции, что способно кардинально изменить расстановку сил в регионе.

В-четвертых, за очень короткий промежуток времени у многих стран АСЕАН разошлись позиции по ключевым вопросам международной повестки. Так, Малайзия, которая традиционно считалась проамериканской страной блока, внезапно отказалась поддерживать санкции США против России. Индонезия занимает сдержанную позицию и декларирует нейтралитет относительно российской СВО на Украине. Но важно вспомнить, что вскоре после формирования AUKUS в декабре 2021 г. состоялись первые российско-индонезийские военно-морские учения. Это говорит о том, что политика США вызывает всё большие опасения среди стран АСЕАН.

Окно возможностей для России

О «повороте на Восток» в российских политических кругах заговорили ещё в 2014 г. после госпереворота на Украине, вхождения Крыма в состав Российской Федерации и последовавших за этим антироссийских санкций, введенных западными странами. Споры о том, был ли в полной мере осуществлен этот разворот, в академическом сообществе не утихают до сих пор. После обострения ситуации на Донбассе и начала специальной военной операции на Украине Россия столкнулась с беспрецедентным давлением недружественных стран во главе с США и ЕС. Тема необходимости «разворота на Восток» снова оказалась в тренде. Азиатские страны сейчас находятся в фокусе российской внешней политики. Происходит стремительная переориентация торговых потоков и логистических маршрутов на восточные направления.

Азиатско-Тихоокеанское направление сейчас занимает важное место в российском политическом дискурсе. М.В. Братерский определяет ключевые стратегические цели России в АТР следующим образом: активное участие в построении архитектуры безопасности и установление баланса сил в регионе; максимальное расширение и диверсификация экономических связей со странами региона и получение прямого доступа к азиатским рынкам; привлечение азиатских соседей для развития территорий Сибири и Дальнего Востока. Россия, выступающая противовесом амбициям основных военных держав в регионе, может служить важным поставщиком безопасности [Братерский, Кутырев, 2019]. С учетом не очень сильной вовлеченности России в торгово-экономические отношения на пространстве АТР на данном

этапе этот аспект является одним из «козырей» на этом внешнеполитическом направлении.

В настоящее время Россия значительно уступает крупным азиатским державам как по финансовым возможностям для продвижения своих интересов, так и по наличию развитых связей с другими странами АТР. Поэтому России необходимо грамотно использовать точки соприкосновения собственных национальных интересов с потребностями государств АТР и сконцентрироваться на развитии отношений на приоритетных направлениях. России и странам региона в целом ряде случаев приходится решать ряд близких по характеру задач [Федоровский, 2019], например, растущий спрос на качественное образование и здравоохранение в условиях больших и часто труднодоступных территорий, проблемы кибербезопасности, борьба со стихийными бедствиями, цифровизация экономики и модернизация инфраструктуры. Во всех этих сферах России есть что предложить партнерам в АТР для укрепления своего влияния в регионе и углубления взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевым партнером России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в данный момент является Китай. Агрессивная политика США и их союзников подталкивает Россию и Китай к дальнейшему сближению, в том числе в сфере военного сотрудничества. Так, в августе 2021 г. на северо-западе КНР на полигоне «Цинтунся» состоялись российско-китайские стратегические военные учения «Сибур / Взаимодействие – 2021». А в октябре 2021 г. в Японском море прошли совместные учения России и Китая «Морское взаимодействие – 2021». В январе 2022 г. состоялись

российско-китайские военно-морские учения в Аравийском море «Мирное море – 2022» и российско-ирано-китайские военно-морские учения *CHIRU-2022*²⁸. Есть основания полагать, что Россия и Китай и впредь будут придерживаться согласованной линии поведения по отношению к недружественным западным странам.

России необходимо последовательно наращивать присутствие в регионе и развивать сотрудничество со странами АСЕАН. Именно страны АСЕАН могут стать для России крупнейшим торговым и стратегическим партнером в Азии после Индии и Китая. В условиях нарастающего соперничества США и Китая в АТР Россия может стать для АСЕАН надежным партнером, который не представляет какой-либо угрозы. В то же время, в случае углубления противоречий среди стран АСЕАН, России необходимо делать ставку на сотрудничество с ключевыми странами региона.

Помимо традиционно пророссийского Вьетнама, одним из главных партнеров может стать Индонезия – крупнейшая страна в Юго-Восточной Азии. Кроме того, в последние годы Индонезия стремится проводить всё более активную и диверсифицированную внешнюю политику, чтобы закрепить за собой статус влиятельной региональной державы.

Существует общепринятое мнение о том, что для построения надежного партнерства нужны общие знаменатели и общие интересы. То, что будет объединять страны на многие годы. Однако, по мнению автора, при долгосрочном планировании стоит учитывать менее очевидный фактор. Известно, что военные конфликты и территориальные споры, как правило,

28 Российско-китайские военно-морские учения прошли в Аравийском море // ТАСС. – 2022. – 25 января. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/13514941?ysclid=I5162lmvscr484758159> (дата обращения: 01.07.2022).

происходят между соседними странами, имеющими общие границы. Возможно, при налаживании связей с потенциальными союзниками стоит делать ставку не на страны, с которыми в данный момент имеются общие интересы, а на государства, с которыми даже в отдаленной перспективе какой-либо конфликт интересов наименее вероятен? Если принять во внимание этот аспект, в долгосрочной перспективе Индонезия может стать идеальным партнером для России на пространстве АТР.

Концепция формирования Большого евразийского партнерства размыта и еще не обладает необходимой конкретикой для начала предметного обсуждения с АСЕАН. Торгово-экономическое сотрудничество, в том числе в рамках ЕАЭС, в странах ЮВА также воспринимается с некоторой долей скептицизма. Вместе с тем только Россия последовательно выступает за сохранение центральной роли АСЕАН в региональной архитектуре. Российская сторона подчеркивает, что продвигаемые США структуры *QUAD* и *AUKUS* не являются «инклюзивными», то есть открытыми для всех стран региона. Это автоматически дает основания полагать, что они носят недружественный характер для третьих стран. По словам министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова, Россия выступает за «сохранение центральной роли АСЕАН в процессах развития сотрудничества в этом регионе во всех областях»²⁹.

Помимо продвижения Большого евразийского партнерства, Россия также активно работает в рамках уже действу-

ющих площадок международного сотрудничества. В современных условиях, когда структуры ООН и европейские форматы не представляются достаточно эффективными, структуры глобального управления приобретают для России всё большую значимость. Несмотря на все усилия США ограничить присутствие России в *G20*, представители российской делегации активно участвуют в работе по этой линии.

Кроме того, Россия поддержала предложение Китая по расширению формата БРИКС, куда сейчас входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР³⁰. Власти Ирана и Аргентины уже подали заявки на присоединение к БРИКС³¹. В случае расширения БРИКС, возможно, этот формат будет играть весомую роль в международных делах.

Заключение

Сейчас мы наблюдаем стремительную интенсификацию политических процессов, которые будут определять политическую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе в ближайшие годы. В целом можно констатировать следующие ключевые моменты.

В настоящее время у АСЕАН отсутствует четкая стратегия и последовательная линия поведения по отношению к внешним вызовам. Подчеркиваемый нейтралитет всё очевиднее превращается в пассивность. АСЕАН всё чаще не просто медлит с ответом, а вообще воздерживается от каких-либо значимых заявлений в ответ на изменяющуюся обстановку.

29 QUAD у ворот // Коммерсантъ. – 2021. – 24 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4998532> (дата обращения: 12.05.2022).

30 Захарова: РФ приветствует предложение КНР по расширению БРИКС // ТАСС. – 2022. – 25 мая. – URL: <https://tass.ru/politika/14725245> (дата обращения: 30.05.2022).

31 По кирпичу: Иран и Аргентина подали заявки на вступление в БРИКС // Известия. – 2022. – 29 июня. – URL: <https://iz.ru/1356676/kseniia-loginova/po-kirpichu-iran-i-argentina-podali-zaiavki-na-vstuplenie-v-briks> (дата обращения: 02.07.2022).

Усиливается раскол среди членов АСЕАН по целому ряду вопросов. Теперь предметами разногласий наряду с американо-китайским противостоянием становятся и ситуация с рохинджа в Мьянме, и специальная военная операция России на Украине (впрочем, только Сингапур осудил действия России; власти Мьянмы российскую спецоперацию поддержали; другие страны заняли нейтральную позицию), и необходимость реагировать на формирование новых блоков в Индо-Тихоокеанском регионе. Важно отметить, что эти альянсы несут «двойную» опасность для АСЕАН. С одной стороны, само их появление подрывает «центральную роль» АСЕАН в архитектуре международных отношений в АТР и способность организации влиять на политические процессы в своих интересах. С другой стороны, в среднесрочной перспективе вполне вероятно присоединение ряда стран АСЕАН к формату QUAD+.

И действия США и их союзников, и ответные шаги Китая вызывают в странах АСЕАН большую озабоченность. Масла в огонь подливает тот факт, что уже звучали заявления о том, что и QUAD, и AUKUS со временем могут пополниться новыми участниками. Идея расширения QUAD появилась практически одновременно с воссозданием формата [Терских, 2021]. В США в будущем допускают и расширение альянса AUKUS³². В рядах QUAD сейчас нет полного единства. Велика вероятность, что Индия и впредь будет воздерживаться от эскалации напряженности с Китаем, несмотря на воинственную риторику, которую активно продвигают США. Южная Корея, напротив, уже в ближайшем будущем может пополнить ряды QUAD и идти

в фарватере американского политического курса.

Очевидно, что гонка вооружений и геостратегическое противостояние Китая и антикитайской коалиции под эгидой США стремительно набирают обороты. Есть все основания полагать, что международная обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет становиться всё более напряженной.

Список литературы

Батюк В.И. Политика администрации Дж. Байдена на китайском направлении // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 1 (70). – С. 10–30.

Братерский М.В., Кутырев Г.И. Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион: второй шанс для интеграции в международную систему? // Новые международные отношения в Большой Евразии. Российская стратегия в меняющейся геополитической динамике. – Москва : Весь Мир, 2019. – С. 105–127.

Гарин А.А., Пале С.Е. Место Соломоновых Островов и Кирибати в геополитическом мышлении Китая // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Том III, № 3 (52). – С. 234–253. – DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-234-253.

Зеленкова М.С. АСЕАН в условиях нарастания китайско-американских противоречий // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 1 (70). – С. 31–49.

Куприянов А.В. QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // Ежегодник СИПРИ 2020 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН: пер. с англ. / Дынкин А.А. [и др.] (ред.). – Москва :

32 В США допускают расширение альянса AUKUS в будущем. // RT. – 2021. – 19 ноября. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/929817-ssha-aukus-rasshirenje-vozmozhnost> (дата обращения: 06.06.2022).

ИМЭМО РАН, 2021. – С. 809–820. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0594-9.

Лукин А.Л. Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: теоретические подходы и концепции // Россия и АТР. – 2009. – № 2. – С. 33–47.

Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 82–99. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5.

Мосяков Д.В. Новый военный блок – новые угрозы миру и безопасности в Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2021. – Том III, № 3 (52). – С. 5–17. – DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017.

Пале С.Е. Китай в Океании // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 9 (686). – С. 14–18.

Степанов А.С. Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте американо-китайского соперничества // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 12. – С. 62–71. – DOI: 10.31857/S268667300012648-2.

Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. – 2021. – № 4. – С. 74–89.

Терских М.А. Вьетнам – Quad: неизбежное сближение? // Вьетнамские исследования. Сер. 2. – 2021. – № 2. – С. 6–24. – DOI: 10.24412/2618-9453-2021-2-6-24.

Федоровский А.Н. Кризис лидерства и стагнация мегапроектов в АТР: последствия для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 1. –

С. 6–25. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25.

Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 23–43. – DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.

Goodman M.P., Arasasingha A. Regional Perspectives on the Indo-Pacific Economic Framework // CSIS Briefs. – 2022. – April 11. – URL: <https://www.csis.org/analysis/regional-perspectives-indo-pacific-economic-framework> (дата обращения: 06.06.2022).

Laksmana E. Fracturing Architecture? The Quad Plus an ASEAN centrality in the Indo-Pacific // Quad Plus and Indo-Pacific: The Changing Profile of International Relations. – 2022. – January. – Publisher : Routledge. – P. 111–123.

Laksmana E. Whose Centrality? ASEAN and the Quad in the Indo-Pacific // The Journal of Indo-Pacific Affairs. Quad Plus. Form versus Substance. Special Issue. – 2022. – Vol. 3, N 5. – P. 106–117.

Lei Y., Sui S.X. China-Pacific Island Countries Strategic Partnership: China's Strategy to Reshape the Regional Order // East Asia. – 2021. – N 39. – P. 81–96. – DOI: 10.1007/s12140-021-09372-z.

Panda J. Quad Plus. Form versus Substance // The Journal of Indo-Pacific Affairs. Quad Plus. Form versus Substance. Special Issue. – 2020. – Vol. 3, N 5. – P. 3–13.

Swanström N., Panda J. AUKUS: Resetting European Thinking on the Indo-Pacific? // Institute for Security & Development Policy. – 2021. – October. – URL: <https://isdpeu/content/uploads/2021/10/AUKUS-Resetting-European-Thinking-on-the-Indo-Pacific-25.10.21.pdf> (дата обращения: 02.06.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09

QUAD and AUKUS and the Balance of Power in the Asia-Pacific Region: Prospects for Russia, China and ASEAN

Elena S. MARTYNOVA

Expert, Department of International Multilateral Cooperation and Integration
Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs

Kotelnicheskaya Embankment, 17, Moscow, Russian Federation, 109240

E-mail: nefriema@list.ru

ORCID: 0000-0002-7355-4544

CITATION: Martynova E.S. (2022). QUAD and AUKUS and the Balance of Power in the Asia-Pacific Region: Prospects for Russia, China and ASEAN. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 148–165 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.09

Received: 20.06.2022.

Revised: 11.07.2022.

ABSTRACT. Over the past few years the US-China rivalry has been the main reason for the key events in the Asia-Pacific region. Now this strategic confrontation is taking new forms. Various alliances and coalitions led by the United States are being created. This article analyzes the QUAD and AUKUS alliances and their impact on the balance of power in the region. Every action causes a reaction. China began to deepen relations with allied states after the creation of AUKUS and concluded a military agreement with the Solomon Islands. The ASEAN countries try to avoid being drawn into the confrontation between the US and China and attempt to diversify their foreign policy. For example, the first ever Russia-Indonesia naval exercises took place in December, 2021. Due to the aggravation of Russia's relations with the Western countries, the Asian vector of foreign policy is currently of particular importance for Russia. It is obvious that the geostrategic and economic confrontation between China and the anti-Chinese coalition under the auspices of the United States is increasing rapidly. There is a good reason

to believe that the political situation in the Asia-Pacific region will become more intense and less predictable in the coming years.

KEYWORDS: Asia-Pacific region, QUAD, QUAD+, AUKUS, US-China rivalry, Russia, Oceania, ASEAN.

References

Batyuk V.I. (2022). J. Biden Administration's Policy on China. *National Strategy Issues*, no. 1 (70), pp. 10–30 (in Russian).

Bratersky M.V., Kutyrev G.I. (2019). Russia and the Asia-Pacific region: a second chance for integration into the international system? *New international relations in Greater Eurasia. Russian strategy in changing geopolitical dynamics*. Moscow : Publishing house «Ves' Mir», pp. 105–127 (in Russian).

Fedorovsky A.N. (2019). Crisis of Regional Leadership and Stagnation of Mega-projects in Asia-Pacific: Consequences for Russia. *Outlines of Global Transforma-*

tions: *Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 1, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-6-25.

Garin A.A. Pale S.E. (2021). The Place of the Solomon Islands and Kiribati in China's Geopolitical Thinking. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, vol. III, no. 3 (52), pp. 234–253 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-234-253.

Goodman M.P., Arasasingha A. (2022). Regional Perspectives on the Indo-Pacific Economic Framework. *CSIS Briefs*, April 11. Available at: <https://www.csis.org/analysis/regional-perspectives-indo-pacific-economic-framework>, accessed 06.06.2022.

Khudaikulova A.V., Ramich M.S. (2020). “Quad 2.0”: A Quadruple Dialogue to Counterbalance the PRC in the Indo-Pacific Enterprise. *Polis. Political studies*, no. 3, pp. 23–43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.

Kuprijanov A.V. (2021). QUAD and the security of the Indo-Pacific region. *SIPRI Yearbook 2020 “Arms, disarmament and international security” with a Special Supplement of the IMEMO RAS*, Moscow: IMEMO RAN, pp. 809–820 (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0594-9.

Laksmana E. (2022). Fracturing Architecture? The Quad Plus an ASEAN centrality in the Indo-Pacific. *Quad Plus and Indo-Pacific: The Changing Profile of International Relations*, January, Publisher: Routledge, pp. 111–123.

Laksmana E. (2020). Whose Centrality? ASEAN and the Quad in the Indo-Pacific. *The Journal of Indo-Pacific Affairs. Quad Plus. Form versus Substance. Special Issue*, vol. 3, no. 5, pp. 106–117.

Lei Y., Sui S.X. (2021). China-Pacific Island Countries Strategic Partnership: China's Strategy to Reshape the Regional Order. *East Asia*, no. 39, pp. 81–96. DOI: 10.1007/s12140-021-09372-z.

Lukin A.L. (2009). International Relations in the Asia-Pacific Region: Theoreti-

cal Approaches and Concepts. *Russia and Asia-Pacific*, no. 2, pp. 33–47 (in Russian).

Malysheva D.B. (2021). Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019–2020). *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 14, no. 2, pp. 82–99 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5.

Mosyakov D.V. (2021). New Military Bloc – New Threats to Peace and Security in Asia. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, vol. III, no. 3 (52), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017.

Pale S.E. (2014). China in Oceania. *Asia and Africa today*, no. 9 (686), pp. 14–18 (in Russian).

Panda J. (2020). Quad Plus. Form versus Substance. *The Journal of Indo-Pacific Affairs. Quad Plus. Form versus Substance. Special Issue*. vol. 3, no. 5, pp. 3–13.

Stepanov A.S. (2020). Oceania, Australia and New Zealand in the Context of the U.S.-China Rivalry. *USA, Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 12, pp. 62–71 (in Russian). DOI: 10.31857/S268667300012648-2.

Sumsy V.V. (2021). “The Indo-Pacific Vision of ASEAN” and the vertical rise of US-Chinese contradictions. *International Life*, no. 4, pp. 74–89 (in Russian).

Swanström N., Panda J. (2021). AUKUS: Resetting European Thinking on the Indo-Pacific? *Institute for Security & Development Policy*, October, Available at: <https://isd.eu/content/uploads/2021/10/AUKUS-Resetting-European-Thinking-on-the-Indo-Pacific-25.10.21.pdf>, accessed 02.06.2022.

Tersikh M.A. (2021). Vietnam – Quad: inevitable rapprochement? *Russian Journal of Vietnamese Studies, Series 2*, no. 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.24412/2618-9453-2021-2-6-24.

Zelenkova M.S. (2022). ASEAN in the Context of Rising U.S.-China Adversary. *National Strategy Issue*, no. 1 (70), pp. 31–49 (in Russian).

Проблемы Старого Света

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.10

К вопросу о типологизации субрегиональных форм сотрудничества в Европейском союзе и их роли в международных процессах в регионе

Виталий Валерьевич ТОЛКАЧЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Института международных отношений и мировой истории

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

пр-т Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603950

E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6308-0202

Александра Алексеевна АШМАРИНА

аспирант Института международных отношений и мировой истории

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

пр-т Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, 603950

E-mail: al.west@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4065-5047

ЦИТИРОВАНИЕ: Толкачев В.В., Ашмарина А.А. К вопросу о типологизации субрегиональных форм сотрудничества в Европейском союзе и их роли в международных процессах в регионе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 166–182.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.10

Статья поступила в редакцию 10.02.2022.

Исправленный текст представлен 05.05.2022.

АННОТАЦИЯ. Субрегиональное сотрудничество стран Европейского союза приобретает особую значимость в условиях формирования новой европейской реальности. Появление новых угроз безопасности, сложности во внутренних процессах ЕС стимулируют отдельные государства объеди-

ненной Европы группироваться в малые объединения для защиты собственных интересов, которые могут и не являться приоритетными для Брюсселя. В статье рассмотрены некоторые субрегиональные группы, существующие внутри ЕС: Бенилюкс, Северный Совет, Вишеградская группа, Балтийская

ассамблея, Центральноевропейская инициатива, Веймарский треугольник и Славковское взаимодействие («формат Аустерлица»). На основе этих структур авторы предприняли попытку типологизации субрегиональных объединений по принципу членства в них западноевропейских или восточноевропейских стран, в том числе государств бывшего социалистического лагеря. Подобное упорядочение совокупности и сравнительный анализ субрегиональных групп позволили исследовать степень влияния того или иного объединения на процессы в Европейском союзе, а также проследить новые тенденции в интеграционных процессах. В ходе исследования авторы сделали вывод о растущей роли субрегиональных группировок в европейском пространстве. При этом увеличение числа малых групп государств может свидетельствовать об интенсификации локализационных процессов в политике ЕС, что несомненно создаст трудности для развития интеграционных процессов и проведения общеевропейской политики, за которую выступают Брюссель и ведущие государства Евросоюза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субрегионализм, субрегиональные группировки, интеграция, Европейский союз, интеграционная политика, типологизация.

С конца XX в. приобрели актуальность субрегиональные процессы, охватывающие ограниченное количество европейских стран, то есть взаимодействие государств, близких с точки зрения политических задач, экономики, культуры, истории, геогра-

фии и т. д. Особое значение данные процессы имеют в европейском регионе, поскольку взаимодействие в сфере политики, экономики и безопасности, воплотившееся в ЕС и НАТО, является ключом к пониманию европейского регионализма¹.

Причем наряду с функционированием «полноценных» международных организаций наблюдается рост структур, которые в юридическом смысле международных межправительственными организациями не являются, а являются более «свободными» формами международного сотрудничества (форумами, инициативами и т. п.) без оформленных институтов, процедур и т. д. Всё это затрудняет типологизацию и обобщение, поскольку если выделять правосубъектность в качестве критерия, то нескольким организациям в этом плане будут противопоставлены десятки объединений, существующих в европейском регионе. Соответственно, авторами предпринят иной подход к типологизации на основе обзора некоторых международных объединений, позволивший выделить несколько принципов обобщения.

Все субрегиональные группы, существующие ныне в рамках зоны интеграции ЕС/НАТО, фактически выполняли в исторической ретроспективе роль механизмов регулирования отношений между данной зоной и странами и субрегионами за ее пределами². На сегодняшний день же при учете расширения ЕС и НАТО эти группы больше пытаются отстоять некую специфику отношений или решить локальные проблемы внутри данной зоны.

Все структуры подобного характера, принимая во внимание в первую

1 Поскольку и ЕС, и НАТО охватывают одни и те же страны и многие государства стремились вступить в обе структуры, их в определенном смысле можно рассматривать как некое единое макространство или макрорегион при анализе субрегиональных объединений.

2 Подробнее об истории субрегиональных объединений в Европе см., например, в [Cottey, 2009, p. 5].

очередь состав участников и «старый подход» к учету биполярного противостояния во второй половине XX в., можно разделить на три типа: 1) объединяющие страны условного западного лагеря, 2) состоящие из государств бывшего социалистического лагеря и 3) включающие как западноевропейские, так и восточноевропейские страны.

Союзы стран «западного лагеря»

Союз Бенилюкса, созданный 5 сентября 1944 г., представляет собой межправительственную организацию, участники которой – Бельгия, Нидерланды и Люксембург – объединены друг с другом политическим, экономическим и таможенным союзами еще до создания европейских сообществ.

Важно отметить, что страны-участницы проявляют интерес к сотрудничеству и с другими субрегиональными группами, особенно со странами Балтии, что можно расценить также как поиск взаимной поддержки влияния Союза Бенилюкс в ЕС. Сохранение данного союза, несмотря на глубокую интеграцию трех стран-членов в ЕС, демонстрирует их желание не терять итоги многолетнего трехстороннего сотрудничества, признавая за организацией гарантию стабильного развития этих государств. Об этом свидетельствует программа совместной работы стран на 2021–2024 гг., где четко прописаны приоритеты Бенилюкса³:

- конкурентоспособность и устойчивое развитие;

- создание общей зоны безопасности;
- цифровизация, объединяющая граждан и предприятия;
- формирование платформы ответственного сотрудничества;
- партнерство в сфере углубления европейской интеграции.

В планах на 2022 г. страны Бенилюкса заявили о трех приоритетных направлениях деятельности: работа по выходу из пандемии; работа над созданием экологически чистого, безопасного и конкурентоспособного Бенилюкса; содействие взаимодействию с соседними регионами⁴.

Кроме того, после принятия 21 марта 2022 г. лидерами Евросоюза «Стратегического компаса ЕС» – плана действий по укреплению сотрудничества ЕС в области обороны на следующие пять–десять лет – министры обороны Бельгии, Люксембурга и Нидерландов заявили о желании вывести оборонную политику ЕС на новый уровень. Для этого страны Бенилюкса будут укреплять свое присутствие как в Европейском союзе, так и в НАТО⁵.

Бенилюкс, таким образом, является образцом долгого эффективного трансграничного сотрудничества Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, став одним из фундаментов для дальнейшего развития интеграционных процессов внутри Евросоюза.

Другим примером исторически сложившегося регионального партнерства западноевропейских стран (хоть и включающий несколько стран и территорий, не входящих в ЕС) является **Северный совет** (*Nordic Council*),

3 Programme de travail commun 2021-2024 // Secrétariat général Benelux. – 2021. – Janvier 25. – URL: <https://www.benelux.int/fr/publications/publications/programme-de-travail-commun-2021-2024/> (дата обращения: 10.12.2021).

4 Jaarplan 2022 // Secrétariat général Benelux. – 2022. – Februari 11. – URL: <https://www.benelux.int/nl/publicaties/publicaties-overzicht/jaarplan-2022> (дата обращения: 04.05.2022).

5 Benelux' view on the implementation of the Strategic Compass // Euractiv. – 2022. – April 6. – URL: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/opinion/benelux-view-on-the-implementation-of-the-strategic-compass/> (дата обращения: 04.05.2022).

созданный в 1952 г. Совет координирует действия парламентов стран Северной Европы: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции, а также трех автономных территорий: Аландских островов, Фарерских островов и Гренландии. Совет является консультативно-контрольным органом, однако большинство решений, принимающихся на базе данной организации, воплощаются в жизнь правительствами стран-участниц.

На сегодняшний день Северный совет является фактически центром широкой программы взаимодействия северных стран в различных областях Северного сотрудничества, базирующегося на Хельсинкской декларации 1962 г., на основе которой в 1971 г. был создан также Совет министров Северных стран. Основной целью государств-членов на современном этапе является максимальное углубление интеграционных процессов в северном регионе Европы для достижения его устойчивого развития и укрепления позиций данных государств как на региональном, так и на глобальном уровне.

В рамках достижения цели в декларации о приоритетах сотрудничества *Our Vision 2030* определены следующие стратегические направления: «Зеленый Северный регион» (сохранение окружающей среды и развитие биоэкономических процессов), «Конкурентоспособный Северный регион» (инновации и цифровая интеграция стран-членов), а также «Социально устойчивый Северный регион» (развитие инклюзивности и продвижение общих ценностей

путем усиления культурного обмена между скандинавскими странами)⁶.

Необходимо упомянуть создание сети информационных бюро Совета министров Северных стран как один из инструментов публичной дипломатии и продвижения их интересов на территории других государств, в том числе в России. Однако работа информбюро в Российской Федерации была приостановлена после внесения организации в список «иностранных агентов»⁷. Между тем Северный совет, чтобы способствовать социальной интеграции языковых меньшинств, выделил 2 млн датских крон до конца 2021 г. на финансирование «независимых русскоязычных СМИ» в странах Балтии, поскольку часть их граждан, говорящая на русском языке, зависит от российских СМИ⁸.

Для ликвидации последствий миграционного кризиса Совет министров Северных стран, УВКБ ООН, Агентство ООН по делам беженцев совместно с представителями властных, образовательных структур и НПО Северо-Балтийского региона запускают в мае 2022 г. комплексный интеграционный проект *FOR-IN*, который предполагает активное участие в интеграции беженцев и остальных мигрантов, находящихся на территории Европы, а также способствует обмену опытом между организаторами проекта. По замыслу создателей проекта, необходимо полноценно участвовать в интеграции иностранных граждан, выходя за рамки традиционных методов и подходов⁹.

Рассматривая деятельность Северного совета, можно выделить достаточ-

6 Our Vision 2030 // Official site of the Nordic Council and the Nordic Council of Ministers. – 2019. – August 20. – URL: <https://www.norden.org/en/declaration/our-vision-2030> (дата обращения: 10.12.2021).

7 Совет министров Северных стран сворачивает деятельность в России // Радио Свобода. – 2015. – Март 3. – URL: <https://www.svoboda.org/a/26897149.html> (дата обращения: 10.12.2021).

8 Северный совет продолжит финансирование «независимых русскоязычных СМИ» в странах Балтии // ТАСС. – 2019. – Октябрь 28. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7055354> (дата обращения: 10.12.2021).

9 Two-year integration project kicks off across the Nordic and Baltic region // UNHCR. – 2022. – May 2. – URL: <https://www.unhcr.org/neu/79747-two-year-integration-project-kicks-off-across-the-nordic-and-baltic-region.html> (дата обращения: 04.05.2022).

но высокий уровень взаимодействия в рамках данной субрегиональной платформы сотрудничества, а также активность за пределами объединения. Страны – члены Совета осуществляют партнерство с некоторыми национальными и региональными парламентами, к примеру, с Польшей и Шотландией. Тем не менее стоит отметить тот факт, что неформальные встречи министров северных стран перед саммитами ЕС оказываются полезнее, чем официальные площадки коммуникации Северного совета с институтами Евросоюза, в том числе потому, что в его составе находятся страны, не являющиеся членами ЕС [Schulz, Henokl, 2020]. Это затрудняет процесс формирования четкого политического курса. Вместо принятия долгосрочных стратегических решений, касающихся взаимоотношений Скандинавии и ЕС, происходит лишь обмен информацией и последующая дискуссия с неформальными аргументами; более того, проблемы самих северных стран уходят на второй план, что тормозит углубление интеграционных процессов внутри скандинавского блока [Schulz, Henokl, 2020].

Союзы стран бывшего социалистического лагеря

Среди субрегиональных группировок, представляющих бывшие страны социалистического лагеря, прежде всего необходимо отметить *Вишеградскую*

группу (V4). Она базируется в основном на межгосударственном формате совещаний представителей на различных уровнях (от экспертов до встреч на высшем уровне). Исключением является Международный Вишеградский фонд. За 20 лет его существования было поддержано около 6 000 грантовых проектов и индивидуальных стипендий на общую сумму более 96 млн евро¹⁰, что дает основания подтвердить его жизнеспособность в содействии региональному сотрудничеству не только в рамках Вишеградской «четверки», но и в более широком плане, особенно на Западных Балканах и в странах Восточного партнерства.

После вступления в НАТО и ЕС (основные цели интеграции) центральный вектор сотрудничества V4 был перенаправлен на поддержание взаимных интересов: укрепление идентичности центральноевропейского региона и содействие странам, стремящимся в ЕС, а затем на участие в программе Евросоюза «Восточное партнерство», то есть на активную внешнюю политику за пределы «четверки».

С 2014 г. Вишеградская группа пережила подъем активизации военного сотрудничества из-за кризиса вокруг Украины. Важным шагом в развитии стало создание в рамках ЕС специальной боевой группы (около 3 000 человек), которая могла действовать также под эгидой НАТО¹¹. Из-за отсутствия оперативного опыта применения боевых групп в Евросоюзе трудно оценить

10 Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the International Visegrad Fund (IVF) // International Visegrad Fund. – 2020. – June 9. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/declaration-of-the-200609> (дата обращения: 10.12.2021).

11 Former Soviet satellites sign joint military pact // Agence France-Presse. – 2014. – March 18. – URL: <https://www.defencetalk.com/former-soviet-satellites-sign-joint-military-pact-59053/> (дата обращения: 10.12.2021);

Grupa Wyszehradzka zwiększa zdolności NATO i UE // Ministerstwo Obrony Narodowej. – 2019. – June 10. – URL: <https://www.gov.pl/web/obrona-narodowa/grupa-wyszehradzka-zwieksza-zdolnosci-nato-i-ue> (дата обращения: 10.12.2021);

Long Term Vision of the Visegrad Countries on Deepening their Defence Cooperation // Visegrad Group. – 2014. – March 14. – URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=253> (дата обращения: 10.12.2021);

V4 EU Battlegroup will be reinforced by Croatia in 2019 // Ministry of Defense of the Slovak Republic. – 2018. – November 11. – URL: <https://www.mod.gov.sk/43154-en/bojovu-skupinu-eu-krajin-v4-posilni-v-roku-2019-aj-chorvatsko/> (дата обращения: 10.12.2021).

уровень их эффективности и оперативной совместимости (в том числе Вишеградской боевой группы). Однако любой опыт, полученный в результате такого взаимодействия, призван как раз облегчить налаживание интеграционного сотрудничества в сфере безопасности и обороны.

При этом V4 отклоняет предложения о своем возможном расширении, выступая, однако, с инициативой сотрудничества в рамках Вишеградской «четверки» с участием приглашенных партнеров (V4+) [Сафонова, 2018, с. 71]. Вишеградская группа остается сплоченной, верной принципам НАТО и ЕС. Действия России после 2014 г. продолжают западными государствами характеризоваться как угрожающие безопасности¹². Несмотря на это, страны (особенно Венгрия) вынуждены балансировать между поддержкой санкций ЕС в отношении РФ и сохранением своих национальных интересов [Usiak, 2020]. Апрельские события 2021 г. вокруг отношений России и Чехии послужили дополнительным стимулом для активности Вишеградской группы, выразившей солидарность с действиями властей Чехии в отношении России, граждан которой обвинили в подрыве склада боеприпасов¹³. Однако события вокруг Украины после февраля 2022 г. выявили всё же различия в отношении общества в Венгрии, Чехии, Польше и Словакии («четверки»)

к конфликту, что не дает пока оснований говорить о становлении Вишеградской «четверки» как сильного геополитического игрока¹⁴.

Вишеградская группа за последние годы, можно утверждать, укрепила свой авторитет в евроатлантических структурах, стала так называемым «ядром центрально-европейского сотрудничества» [Usiak, 2020], сохранила вектор на укрепление своих позиций в рамках ЕС/НАТО, в частности в сфере военного сотрудничества и «мягкой силы», а также в экономическом, энергетическом и культурном сотрудничестве. V4 выдержала трудности как в период миграционного наплыва с Ближнего Востока, так и во время пандемии COVID-19, когда в странах – участниках группы был зарегистрирован один из самых низких уровней заболеваемости, что связывают с ее «социалистическим наследием» [Шишелина, 2020].

Особое субрегиональное сотрудничество сохраняется также и между странами Балтии. Балтийское сотрудничество Эстонии, Литвы и Латвии осуществляется в рамках *Балтийской ассамблеи* на парламентском уровне с 1991 г. Взаимодействие стран на межправительственном уровне происходит за счет функционирования Балтийского Совета министров как консультативно-совещательного органа, который действует в соответствии с Техническим заданием, подписанным

12 Statement of the Prime Ministers of the Visegrad Group Countries on Ukraine // Visegrad Group. – 2014. – March 4. – URL: <https://www.visegradgroup.eu/statement-of-the-prime> (дата обращения: 26.04.2022);

V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers // Visegrad Group. – 2022. – March 8. – URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=488> (дата обращения: 26.04.2022).

13 Польша созвала совещание Вишеградской группы из-за ситуации с Россией // Известия. – 2021. – 26 апреля. – URL: <https://iz.ru/1156887/2021-04-26/polsha-sozvala-soveshchanie-vishegradskoi-gruppy-iz-situacii-s-rossiei> (дата обращения: 12.05.2021);

Declaration of the Prime Ministers of the Visegrad Group on the solidarity with the Czech Republic regarding recent actions by the Russian Federation // Visegrad Group. – 2021. – April 26. – URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/declaration-of-the-prime-210426> (дата обращения: 26.04.2022).

14 Vojna a stredná Európa Orbán chcel mať z V4 silného hráča. Dnes vidíme trhliny tejto vízie // Denník Postoj. – 2022. – March 29. – URL: <https://www.postoj.sk/102557/orban-chcel-mat-z-v4-silneho-hraca-dnes-vidime-trhliny-tejto-vizie> (дата обращения: 26.04.2022).

в 1994 г. Основным форматом для сотрудничества между правительствами и парламентами является Балтийский совет, который проводится раз в год в рамках сессии Балтийской ассамблеи¹⁵.

Необходимость в существовании данной организации особенно ярко проявилась после выхода Эстонии, Латвии и Литвы из СССР, когда государства развернули полноценную подготовку к вступлению в ЕС и НАТО. Стоит отметить, что, несмотря на вступление в 2004 г. Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО и ЕС, Балтийская ассамблея также существование свое не прекратила, хоть и сохраняет совещательный характер. Страны-участницы пытаются заимствовать опыт других субрегиональных объединений (Бенилюкса, государств Северной Европы, Вишеградской «четверки»), более углубленно обращаться к затрагивающим их проблемам.

На сегодняшний день Балтийская ассамблея отстаивает интересы стран Балтии на региональном уровне, опираясь на общие экономические показатели и стратегию развития. В числе приоритетных направлений сотрудничества – региональная безопасность, в том числе Восточное партнерство и трансатлантические отношения, кибербезопасность, сотрудничество в сфере транспорта, энергетики и экономики, культуры, науки, образования

и здравоохранения¹⁶. В 2020 г. фактически главной темой сотрудничества, учитывая проблемы пандемии коронавируса, стало как раз здравоохранение (в частности, на 39-й сессии Балтийской ассамблеи 6 ноября 2020 г.). Среди конкретных проектов взаимодействия в последние годы обычно выделяется *Rail Baltica*, стратегический инфраструктурный проект, целью которого является интеграция стран Балтии в европейскую железнодорожную сеть, которая в 2026 г. должна связать Хельсинки, Таллин, Пярну, Ригу, Паневежис, Каунас, Вильнюс и Варшаву¹⁷.

Отношения с Российской Федерацией также затрагиваются в документах Балтийской ассамблеи. В основном в них звучит критика действий России из-за конфликтов на территории Грузии и Украины, поддержка территориальной независимости последних, а также в целом критика политики России по отношению к странам Восточного партнерства с точки зрения давления и дезинформации. В этом отношении уже звучит призыв к Европейскому союзу помочь этим странам повысить устойчивость «к дестабилизирующему влиянию» России, уделяя, например, приоритетное внимание поддержке независимых плюралистических СМИ в странах Восточного партнерства¹⁸. Последние события вокруг Украины послужили дополнительным стимулом для «субрегионального» согласия.

15 Baltic Cooperation // Republic of Estonia. Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://www.vm.ee/en/international-relations-estonian-diaspora/regional-cooperation/baltic-cooperation> (дата обращения: 10.12.2021).

16 Final document of the 38th Session of the Baltic Assembly // Baltic Assembly. – 2019. – November 28–29. – URL: https://www.baltasam.org/uploads/1_Fin_2019_Final.pdf (дата обращения: 10.12.2021); Final document of the digital 39th Session of the Baltic Assembly // Baltic Assembly. – 2020. – November 6. – URL: https://www.baltasam.org/1_Fin_2020_Adopted.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

17 Digital 39th Session on 6 November 2020 // Baltic Assembly. – 2020. – November 6. – URL: <https://www.baltasam.org/en/sessions-and-documents/39th-session> (дата обращения: 12.04.2021);

38th Session on 28–29 November 2019 in Riga // Baltic Assembly. – 2019. – November 28–29. – URL: <https://www.baltasam.org/en/sessions-and-documents/38th-session> (дата обращения: 12.04.2021).

18 Joint Statement of the 26th Baltic Council, 6 November 2020 // Baltic Assembly. – 2020. – November 6. – URL: https://www.baltasam.org/images/1_2020/0_Session/Joint_Statement_of_the_26_Baltic_Council.pdf (дата обращения: 10.02.2022);

Joint Statement of the 25th Baltic Council, 29 November 2019, Riga // Baltic Assembly. – 2019. – November 29. – URL: <https://www.baltasam.org/en/sessions-and-documents/38th-session> (дата обращения: 10.12.2021).

28–30 апреля 2022 г. балтийские парламентарии встретились в Литве для обсуждения актуальных вопросов безопасности региона. По заявлениям представителей Балтии, не все в Европе понимают серьезность происходящего, поэтому необходимо работать над укреплением оборонного и гражданского потенциала стран Балтийского региона и как можно больше говорить о существующей геополитической угрозе¹⁹.

В дополнение к основным направлениям сотрудничества Балтийская ассамблея вместе с правительствами стран Балтии работает над созданием стабильных и интегрированных балтийско-северных рынков, разработкой единых мер по борьбе с организованной преступностью и торговлей людьми, а также разработкой совместных мер в миграционной политике.

Документы организации главным образом определяют рамки, намерения для взаимодействия в ключевых областях как для лучшей встроенности в общеевропейский контекст (например, в области транспорта), так и для лучшей координации непосредственно трехстороннего взаимодействия, определения единства подходов и роста конкурентоспособности, учитывая ограниченность ресурсов каждого участника.

Союзы западноевропейских и восточноевропейских стран

Широкое развитие с конца XX в. получили международные структуры, объединившие в разное время как «старых», так и «новых» членов Европейского союза. Таковой структурой яв-

ляется *Центральноевропейская инициатива (ЦЕИ)* – одна из крупнейших площадок регионального сотрудничества стран Центральной и Восточной Европы. Основателями ЦЕИ стали Австрия²⁰ (вышедшая, правда, в 2018 г. из нее, поскольку планировала оптимизировать внешнеполитические усилия по европейской интеграции Юго-Восточной Европы с меньшим количеством участников), Италия, Венгрия и Югославия, заключившие договор о сотрудничестве 11 ноября 1989 г. в Будапеште. Основными целями ЦЕИ являлись преодоление разрыва между странами, образовавшегося в процессе разделения на блоки в период существования биполярной системы, а впоследствии – региональное сотрудничество для европейской интеграции. В настоящее время членами объединения являются уже 17 государств, среди которых и члены Евросоюза, и западнобалканские кандидаты, и европейские страны – партнеры по политике соседства. Сотрудничество осуществляется в ряде областей: межкультурное взаимодействие, правильное управление, экономический рост, свобода СМИ, защита окружающей среды и научное развитие. Организация функционирует в трех измерениях: правительственном, парламентском и между представителями бизнеса в экономической сфере.

Механизмы взаимодействия стран в контексте Центральнооевропейской инициативы заключаются в проведении саммитов, конференций, поощрении мобильности граждан в рамках проведения практических семинаров и тренингов. Кроме того, страны, являющиеся членами ЕС, оказывают

19 Baltic parliamentarians discuss addressing security challenges in the Baltic region // Baltic Assembly. – 2022. – May 2. – URL: <https://www.baltasam.org/ba-discuss-security-challenges-baltic-region> (дата обращения: 04.05.2022).

20 Zentraleuropäische Initiative feiert ihr 20jähriges Jubiläum // Bundesministerium für auswärtige Angelegenheiten. – <https://www.bmeia.gv.at/ministerium/presse/aktuelles/2009/zentraleuropaeische-initiative-feiert-ihr-20jaehriges-jubilaeum/> (дата обращения: 10.12.2021).

поддержку и осуществляют влияние на государства, не входящие в Евро-союз. На саммите ЦЕИ 2018 г. в Загребе обсуждалась концепция углубления регионального сотрудничества, что стало особенно актуально для государств Центральной и Восточной Европы в условиях миграционного кризиса и экономического упадка²¹.

Впоследствии Исполнительным секретариатом ЦЕИ в сотрудничестве со странами-членами был разработан План действий на 2021–2023 гг. как гибкий и динамичный инструмент для двустороннего сотрудничества. Этот документ предлагает стратегические рамки и ориентированную на соответствующие цели дорожную карту, адаптированную к потребностям государств-членов, продвигая при этом миссию организации по поддержке европейской интеграции и содействию устойчивому развитию региона (в том числе в связке с Повесткой дня ООН до 2030 г. и ее 17 целями в области устойчивого развития). В этом отношении было предложено достичь двух первоочередных целей²²: 1) стимулирования «зеленого роста» через решение задач, которые будут обеспечивать устойчивое и ресурсоэффективное экономическое развитие за счет модернизации транспортных сетей, энергетики, применения цифровых технологий, развития инноваций и предпринимательства; 2) построения справедливого общества, где прежде всего сокращаются неравенство и ускоряется прогресс. На этой траектории предполагается решать задачи путем продвижения подотчетности институтов, улучшения сферы управления, здравоохранения, поддержки межкультурного сотрудни-

чества, защиты свободы СМИ, поощрения взаимодействия между учеными, дипломатами и политиками.

В целом Центральноевропейскую инициативу как «старейшую» из действующих в центральноевропейском регионе можно отнести к субрегиональным группам, где формально еще прослеживается миссия подготовки к вступлению в ЕС части стран-участниц (Западных Балкан), ибо в формате других структур (Вишеградская группа, «Веймарский треугольник» и т. п.) страны-кандидаты уже вступили в Евро-союз и НАТО. Развитие качественного и функционального проектно-ориентированного сотрудничества должно способствовать в этом плане более быстрому принятию стандартов ЕС и создает предпосылки для ускорения интеграции стран-кандидатов. Что касается других восточноевропейских стран (из программы «Восточное партнерство»), то их миссия предполагается во включении в общее экономическое пространство с ЕС, что также требует определенных реформ в различных секторах, прозрачности принятия решений и уважения демократических ценностей.

Характеризуя ЦЕИ, следует отметить, что она, в отличие от многих других региональных инициатив, имеет собственные средства для финансирования или совместного финансирования проектов сотрудничества. Помимо регулярных ежегодных взносов государств-членов, деятельность ЦЕИ финансируется из специального фонда при Европейском банке реконструкции и развития (ЕБРР), а также имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Всё это повышает

21 CEI Summit successfully held in Zagreb // Official website of the Central European Initiative. – 2018. – December 5. – URL: <https://www.cei.int/news/8336/cei-summit-successfully-held-in-zagreb> (дата обращения: 10.12.2021).

22 CEI Plan of Action 2021-2023 // Central European Initiative. – 2020. – December. – URL: <https://www.cei.int/node/9006> (дата обращения: 12.04.2021).

возможности деятельности организации в международном взаимодействии и повышает ее общий престиж. На данный момент страны ЦЕИ работают над программой европейского территориального сотрудничества, которая призвана обеспечить более тесное взаимодействие между государствами-партнерами и способствовать вступлению в ряды европейской интеграции Западных Балкан²³. Отметим также, что в связи с текущей ситуацией на Украине представительство Республики Беларусь в ЦЕИ было приостановлено²⁴.

Примечательным политическим форматом взаимодействия стран Европейского союза является *«Веймарский треугольник»* – формат трехстороннего сотрудничества Франции, ФРГ и Польши, созданный в 1991 г. и имевший идейной целью закрепить примирение ФРГ и Польши по типу франко-германского, а в конкретном выражении быстрее подготовить последнюю к членству в Европейском союзе, а затем и в НАТО. Встречи проходят на разных уровнях: глав государств и правительств, министров иностранных дел, обороны, руководителей других министерств, на уровне начальников штабов и т. д. [Толкачев, Семенов, 2011].

Развитие европейской интеграции и организации Североатлантического договора в начале XXI в., с одной стороны, нивелировало необходимость подобного формата субрегионального сотрудничества. С другой стороны, прослеживаются определенные успехи: в сфере

науки и культуры произошло создание совместного учебного модуля для молодых немецких, французских и польских дипломатов (последнее заседание состоялось 29–30 января 2018 г. в Варшаве). В рамках «Веймарского треугольника» налажено межрегиональное, региональное и муниципальное сотрудничество с многочисленными побратимами городов, средних школ и университетов. В области общей внешней политики и политики безопасности ЕС инициативы трех стран постепенно привели к созданию 23 января 2012 г. Центра операций и планирования Европейского союза для Африканского Рога, а в 2018 г. – к организации структурированного сотрудничества в области обороны, в котором участвуют большинство государств – членов ЕС²⁵.

Активизация отношений Франции, Германии и Польши в рамках «Веймарского треугольника» отмечается и в последние годы. Во французском городе Ланс 21 января 2020 г. состоялась встреча на уровне государственных секретарей, отвечающих за европейские вопросы²⁶. Представители трех стран выразили общность взглядов по некоторым вопросам современных международных отношений и направлений развития европейской политики. Страны поддержали перспективу вступления в ЕС стран Западных Балкан, обозначив таким образом свою приверженность расширению ЕС и считая, что укрепление зоны экономической стабильности и процветания в Европе

23 CEI takes part in Webinar on European territorial cooperation: challenges and opportunities in post-pandemic era // Central European Initiative. – 2022. – April 5. – URL: <https://www.cei.int/news/9267/cei-takes-part-in-webinar-on-european-territorial-cooperation-challenges-and-opportunities-in-post> (дата обращения: 12.04.2022).

24 Joint Statement on the Russian War on Ukraine // Central European Initiative. – 2022. – April 7. – URL: <https://www.cei.int/news/9273/joint-statement-on-the-russian-war-on-ukraine> (дата обращения: 12.04.2022).

25 Triangle de Weimar. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères // France Diplomatie. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/allemande/triangle-de-weimar/> (дата обращения: 10.12.2021).

26 Déclaration conjointe des ministres chargés des affaires européennes du Triangle de Weimar (France, Allemagne et Pologne) – Amélie de Montchalin, Michael Roth et Konrad Szymański – (Lans, 21.01.2021) // France Diplomatie. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/allemande/triangle-de-weimar/article/declaration-conjointe-des-ministres-chargees-des-affaires-europeennes-du> (дата обращения: 10.12.2021).

и за ее пределами лежит в основе интересов Евросоюза.

Скорее всего, данная встреча свидетельствовала о желании сосредоточить все возможные инструменты сплочения в рамках ЕС на фоне Брекзита, а также продвижения линии Франции и ФРГ как локомотивов общеевропейской политики, в том числе путем привлечения крупнейшего восточноевропейского государства к будущим инициативам в рамках ЕС. Кроме того, дополнительно следует ожидать дальнейшую поддержку развития политики соседства.

15 октября 2020 г. министры иностранных дел Жан-Ив Ле Дриан, Хайко Маас и Збигнев Рау сделали в Париже достаточно объемное совместное заявление, касавшееся почти всех актуальных международных проблем, по которым три страны выступают совместно²⁷. Так, были отмечены случаи применения насилия со стороны белорусских властей по отношению к протестующим, ситуация с территориальной целостностью Украины, армяно-азербайджанский конфликт, ситуация с Навальным в России, отношения с Китаем и Турцией, события в Кыргызстане после парламентских выборов, в Ливии и т. д. Принятое заявление должно было, таким образом, еще раз подчеркнуть общие ценности, лежащие в основе внешней политики стран «Веймарского треугольника», а также решимость каждого из его участников отстаивать свои позиции.

В марте 2022 г. представители «Веймарского треугольника» обсудили ситуацию на Украине. На заседании впол-

не ожидаемо было заявлено, что текущие события являются «самой серьезной угрозой евроатлантической безопасности за десятки лет»²⁸ и что участники встречи предполагают принятие быстрых и решительных мер по отношению к России.

Относительно недавно по времени появился еще один формат взаимодействия стран ЦВЕ – «формат Аустерлица», или *Славковское взаимодействие*. 29 января 2015 г. в чешском городе Славков (бывший Аустерлиц) руководители правительств Чехии, Словакии и Австрии подписали декларацию, направленную прежде всего на усиление экономического взаимодействия трех стран, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры. Среди приоритетных сфер также были выделены социальная политика, отношения с государствами на Западных Балканах и странами Восточного партнерства. Периодичность встреч на высоком уровне была определена ежегодной, а рабочий режим должен осуществляться на министерском уровне²⁹.

При всей схожести с Вишеградом необходимо сказать, что еще в ходе подготовки к первой встрече правительство Чехии заявило о новом механизме взаимодействия со Словакией и Австрией как о дополнении к сотрудничеству в рамках Вишеградской «четверки», а не как об альтернативе ей, поскольку он будет касаться сугубо трансграничного измерения и не претендует на представительство Центральной Европы за пределами региона [Русакова, 2018, с. 39].

27 Déclaration conjointe des ministres des Affaires étrangères du Triangle de Weimar (France, Allemagne et Pologne) – Jean-Yves Le Drian, Heiko Maas, Zbigniew Rau (Paris, 15 octobre 2020) // France Diplomatie. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/Allemagne/triangle-de-weimar/article/declaration-conjointe-des-ministres-des-affaires-etrangeres-du-triangle-de-252719> (дата обращения: 10.12.2021).

28 Франция, Германия и Польша считают события на Украине угрозой евроатлантической безопасности // Интерфакс. – 2022. – 1 марта. – URL: <https://www.interfax.ru/world/825583> (дата обращения: 04.05.2022).

29 Austerlitz Declaration // Vláda ČR. – 2015. – URL: <https://www.vlada.cz/assets/media-centrum/aktualne/Austerlitz-Declaration.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

Тем не менее Славковский формат может потенциально служить предметом противоречий в отношениях Чехии, Словакии, Польши и Венгрии из-за риска переориентации внешнеполитических усилий. На трехсторонней встрече национальных координаторов (генерального секретаря Министерства по европейским и иностранным делам Австрии Питера Лаунски-Тиффентала, государственного секретаря Словакии Франтишека Ружички и заместителя министра иностранных дел Чехии Алеша Хмеларжа) в Братиславе 12 февраля 2020 г. был принят план работы на 2020 г., в котором ожидалось конкретные мероприятия в области железнодорожного транспорта, энергетической безопасности, искусственного интеллекта, европейских дел, международного права, сотрудничества в целях развития и поддержки евроинтеграционных усилий стран Западных Балкан³⁰. Кроме того, было решено, что Словакия, Чехия и Австрия будут активно сотрудничать в сфере дипломатического образования, в борьбе с дезинформацией, а также начнут совместную инициативу трех стран по реализации проекта устойчивого развития грузинского региона Арагви.

Особенностью данной встречи было и то, что состоялся также расширенный формат с участием Андрея Метелько-Згомбича, государственного секретаря Министерства иностранных дел и европейских дел Хорватии, и Добрана Божича, государственного секретаря Министерства иностранных дел Словении. На переговорах были обсуждены актуальные вопросы повестки дня ЕС (включая обязательства по климату),

а также другие темы, представляющие общий интерес.

Пандемийный 2020 год расставил свои приоритеты, и одной из актуальнейших тем стала, конечно, борьба с последствиями распространения коронавируса, несмотря на присутствие прежней тематики в повестке дня. На встрече в таком формате 9 марта 2021 г. главы внешнеполитических ведомств Словакии, Чехии и Австрии (Иван Корчок, Томаш Петржишек, Александр Шалленберг) при участии Аугусто Сантуш Силвы, министра иностранных дел Португалии, председательствующей в Совете ЕС, поддержали приоритеты расширения ЕС, отношений ЕС с восточными соседями и урегулирование продолжающейся пандемии³¹. Примечательно, что в контексте регионального сотрудничества по борьбе с пандемией министры высказались о необходимости продолжить диалог в рамках славковского формата, расширенного другими партнерами (в так называемом формате S3+), то есть в принципе допустили преобразование данного формата в более представительный.

Министр иностранных дел Александр Шалленберг встретился со своим чешским коллегой Якубом Кульганеком, министром иностранных дел Словакии Иваном Корчком и губернатором Нижней Австрии на конференции в Пойсдорфе (Нижняя Австрия) в рамках формата Славков/Аустерлиц, объединяющего Чешскую Республику, Словакию и Австрию. Конференция характеризовалась «цифровым гуманизмом» и ознаменовала конец председательства Австрии в группе.

30 Štátny tajomník F. Ružička rokoval s partnermi Slavkovského formátu, Chorvátskom a Slovinskom. Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí Slovenskej republiky // Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí SR – 2021. – February 12. – URL: <https://www.tasr.sk/tasr-clanok/TASR:20200212TBA03619> (дата обращения: 10.12.2021).

31 Minister I. Korčok: Slovensko, Rakúsko a Česko pokračujú v intenzívnej spolupráci v Slavkovskom formáte // Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí SR – 2021. – March 9. – URL: <https://europskenoviny.sk/2021/03/09/i-korcok-slovensko-rakusko-a-cesko-pokracuju-v-intenzivnej-spolupraci-v-slavkovskom-formate/> (дата обращения: 10.12.2021).

На конференции министров иностранных дел (Чехию представлял уже Якуб Кулганек) в австрийском Пойсдорфе в июне 2021 г. была подписана «Декларация о цифровом гуманизме», в которой говорится о возможностях цифровизации при соблюдении прав человека и осуждается неправомерное использование цифровых технологий для дезинформации. Примечательно, что на мероприятии для усиления внимания к теме были заслушаны на нескольких дискуссионных мероприятиях видеообращения от представителей отрасли цифровых технологий: президента *Microsoft* Бредфорда Смита и генерального директора *Salesforce* Марка Бениоффа³².

Не обошла Славковский формат и тема украинского конфликта. 1 апреля 2022 г. главы внешнеполитических ведомств трех стран (Чехию опять представлял новый министр Ян Липавский) посетили Молдову, чтобы обсудить ситуацию в регионе, проблему беженцев в Молдове, поддержку, которую можно оказать (возможность их переселения в другие страны и т. п.), а также перспективы Молдовы в области европейской интеграции³³.

Таким образом, данный формат взаимодействия не ослабевает, привлекает дополнительных участников и впоследствии может стать весьма значимой структурой, ориентированной на подсистему стран Центральной и Восточной Европы в рамках Европейского союза как с точки зрения при-

мера практики многосторонних проектов, так и в контексте становления источника продвижения евроинтеграционных планов.

Выводы

Структуризацию межгосударственных объединений по представленным трем группам можно определить не только по «политико-географическому» принципу, обозначенному выше, но и по их роли в европейских интеграционных процессах. Если объединения «западного лагеря» можно считать позиционирующимися как некоторые образцы поведения для других на основе долгого позитивного взаимодействия, относительно высокого уровня жизни и т. п., то структуры стран бывшего соцлагеря больше позиционируются как именно отстаивающие свои региональные интересы, выступая от лица группы стран среди всех членов ЕС, что предполагает лучший результат, чем это делала бы каждая из стран в отдельности. Кроме того, совместные усилия по преодолению общих проблем также должны повысить эффективность их действий, а также вес этих государств в более масштабном союзе. Структуры же, объединяющие западно- и восточноевропейские страны, можно рассматривать как канал привлечения дополнительной помощи со стороны более развитых стран, подтягивания уровня

32 Österreichs Vorsitz im Slavkov-/Austerlitz-Format endet mit der Unterzeichnung der «Poysdorf Declaration on Digital Humanism» // Bundesministerium für europäische und internationale Angelegenheiten. – 2021. – 30 Juni. – URL: <https://www.bmeia.gv.at/ministerium/presse/aktuelles/2021/06/oesterreichs-vorsitz-im-slavkov-austerlitz-format-endet-mit-der-unterzeichnung-der-poysdorf-declaration-on-digital-humanism/> (дата обращения: 04.05.2022).

33 Ausdruck der zentraleuropäischen Solidarität: Außenminister Schallenberg reist im Slavkov-Format nach Moldau // Bundesministerium für europäische und internationale Angelegenheiten – 2022. – 1 April. – URL: <https://www.bmeia.gv.at/ministerium/presse/aktuelles/2022/04/ausdruck-der-zentraleuropaeischen-solidaritaet-aussenminister-schallenberg-reist-im-slavkov-format-nach-moldau/> (дата обращения: 04.05.2022);

Главы МИД Австрии, Чехии и Словакии: В вопросе присоединения к ЕС нет коротких путей / Primele Știri. – URL: <https://ru.primeleștiri.md/ru/glavy-mid-avstrij-čehii-i-slovakii-v-voprose-prisoedineniya-k-es-net-korotkih-putej---121741.html> (дата обращения: 04.05.2022).

менее развитых стран, то есть как важнейший канал передачи экономического опыта. Более развитые страны в них имеют возможность расширить ресурсную базу, создать некие проекты привилегированного партнерства и т. п., что также увеличивает их вес и влияние в более общем объединении.

В европейском регионе, таким образом, постепенно появляется всё больше субрегиональных объединений, играющих особую роль в политической, экономической, культурной и других сферах в рамках более крупных структур и стремящихся отстаивать свои интересы на наднациональном уровне. Многостороннее сотрудничество в рамках отдельных регионов и международных организаций приобретает особое звучание и становится важной особенностью в современных межгосударственных отношениях в целом.

Роль субрегиональных групп, объединяющих некоторых членов Европейского союза (и НАТО), также не уменьшается, несмотря на то, что страны-кандидаты уже стали полноправными членами, и растет в некоторых региональных процессах, даже с учетом разного уровня институционализации (от Славковского сотрудничества до Бенилюкса).

Руководство стран, участвующих в данных форматах взаимодействия, скорее всего, будет сохранять их, чтобы активизировать те или иные вопросы и проблемы в случае необходимости. Однако в данном случае обострится вопрос о дальнейшем углублении интеграционных процессов внутри ЕС, поскольку каждое субрегиональное объединение стремится защитить в первую очередь собственные интересы, которые могут противоречить интересам других групп, стимулируя некие процессы локализации в Евросоюзе, препятствующие выработке еди-

ной линии поведения, общей политики и т. п. [Grøn, Wivel, 2011; Khan, 2018].

Большое влияние на процессы интеграции оказали дискуссии и особые мнения по некоторым вопросам внутреннего развития ЕС, когда страны ЕС столкнулись с рядом непростых ситуаций. Примером тому может служить формирование нового блока – Новой Ганзейской лиги, возникшей в конце 2017 г., – своеобразной реакции ряда стран на финансовую реформу Евросоюза и Брекзит. Ее участниками стали страны Северной Европы, Балтии, а также Нидерланды и Ирландия [Schulz, Henokl, 2020]. Новая Ганзейская лига представляет собой набирающую определенное влияние субрегиональную группу, отстаивающую свои интересы в Европе. Страны-члены занимают позицию консерваторов в фискальной политике, выступая против различных распределений в еврозоне и резких изменений в европейской интеграции при поддержке Германии [Khan, 2018]. Еще одним примером неформальной коалиции выступила «Бережливая четверка»: Дания, Швеция, Австрия и Нидерланды объединились для совместного продвижения в оппозиции европейским реформам по бюджету. Эксперты и представители Евросоюза отмечают высокую степень влияния данных неформальных союзов на политику ЕС [Schoeller, 2020].

Это позволяет подтвердить вывод, что на первый план, исходя из активности действий, вполне вероятно, будут выходить как раз не оформленные (либо практически не оформленные) в некие привычные организационно-институциональные рамки структуры, а объединения по более-менее специализированным интересам или даже выходящие за пределы нынешних участников ЕС – НАТО наподобие «Инициативы Триморья» [Шишелина, 2021] или «Люблинского треугольника»

[Русакова, 2020]. Следует ожидать, таким образом, что подобные коалиции будут набирать силу в процессе углубления противоречий между наднациональными институтами ЕС и отдельными государствами-членами, особенно небольшими странами [см., например, Schulz, Henokl, 2020; Grøn, Wivel, 2011]. Эти «центробежные» тенденции, соответственно, могут иметь долгосрочные последствия для Европейского союза в целом в плане выработки общей политики в той или иной сфере.

Список литературы

Ашмарина А.А. Политика стран Северной Европы и развитие интеграционных процессов в ЕС // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сборник статей. – 2021. – Выпуск 5. – С. 50–54.

Русакова М.Ю. Славковское сотрудничество // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 6. – С. 36–41. – DOI: 10.15211/vestnikieran620183641.

Русакова М.Ю. Польша и новые тенденции в центральноевропейском региональном строительстве. Современная Европа. – 2021. – № 1. – С. 52–61. – DOI: 10.15211/soveurope120215261.

Сафонова Е.А. Вишеградская группа: этапы становления и развития // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 53. – С. 69–73. – DOI: 10.17223/19988613/53/14.

Толкачев В.В., Семенов О.Ю. «Веймарский треугольник» в международных отношениях в Европе: итоги и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5 (1). – С. 260–263.

Шишелина Л.Н. Вишеградская группа на фоне вызовов 2020 года // Совре-

менная Европа. – 2020. – № 5. – С. 89–98. – DOI: 10.15211/soveurope520208998.

Шишелина Л.Н. Триморье: постпандемическое пробуждение // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 4. – С. 24–29. – DOI: 10.15211/vestnikieran420212429.

Cottey A. Sub-regional Cooperation in Europe: An Assessment // Bruges Regional Integration & Global Governance Papers. – 2009. – № 3. – 24 p. – URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/brigg_3-2009_andrew_cottey.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

Grøn C., Wivel A. Maximizing Influence in the European Union after the Lisbon Treaty: From Small State Policy to Smart State Strategy // Journal of European Integration. – 2011. – Vol. 33, N 5. – P. 1–17. – DOI: 10.1080/07036337.2010.546846.

Khan M. New 'Hanseatic' states stick together in EU big league // Financial Times. – 2018. – 27.11. – URL: <https://www.ft.com/content/f0ee3348-f187-11e8-9623-d7f9881e729f> (дата обращения: 10.12.2021).

Schoeller M. Preventing the eurozone budget: issue replacement and small state influence in EMU // Journal of European public policy. – 2020. – Vol. 28, N 11. – P. 1727–1747. – DOI: 10.1080/13501763.2020.1795226.

Schulz D., Henokl T. New Alliances in Post-Brexit Europe: Does the New Hanseatic League Revive Nordic Political Cooperation? // Politics and governance. – 2020. – Vol. 8, N 4. – P. 78–88. – DOI: 10.17645/pag.v8i4.3359.

Usiak J. Visegrad Group as institution for Central European cooperation: Ups and downs of small international organizations // Revista UNISCI (UNISCI Journal). – 2020. – N 54. – P. 9–28. – DOI: 10.31439/UNISCI-95.

Problems of the Old World

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.10

On the Typologization of Sub-regional Forms of Cooperation in the European Union and the Role in International Processes in the Region

Vitaliy V. TOLKACHEV

Candidate of Sciences (History), Associate Professor at World diplomacy and international law chair, Institute of international relations and world history Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Gagarina Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950
E-mail: tolkachev_v@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6308-0202

Aleksandra A. ASHMARINA

PhD student at the Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Gagarina Avenue, 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950
E-mail: al.west@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4065-5047

CITATION: Tolkachev V.V., Ashmarina A.A. (2022). On the Typologization of Sub-regional Forms of Cooperation in the European Union and the Role in International Processes in the Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 166–182 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.10

Received: 10.02.2022.

Revised: 05.05.2022.

ABSTRACT. Subregional cooperation of the countries of the European Union acquires special significance in the context of the formation of a new European reality. The emergence of new threats to security, difficulties in the internal processes of the EU stimulate individual states of the united Europe to group themselves into small associations to protect their own interests, which may not be a priority for Brussels. The article examines some of the sub-

regional groups that exist within the EU: Benelux, the Nordic Council, the Visegrad Group, the Baltic Assembly, the Central European Initiative, the Weimar Triangle and the Slavkov interaction (Austerlitz format). The authors attempted to typologize subregional associations according to the principle of membership of Western European or Eastern European countries, including states of the former socialist camp. Such an ordering of the aggregate and a compa-

rative analysis of subregional groups made it possible to study the degree of influence of this or that association on the processes in the European Union, as well as to trace new trends in integration processes. In the course of the study, the authors made a conclusion about the growing role of sub-regional groupings in the European space. At the same time, an increase in the number of small groups of states may indicate the intensification of localization processes in the EU policy, which will undoubtedly create difficulties for the development of integration processes and the implementation of a common European policy, which is advocated by Brussels and the leading states of the European Union.

KEYWORDS: sub-regionalism, sub-regional groupings, integration, European Union, integration policy, typologization.

References

- Ashmarina A.A. (2021). Policy of the Nordic countries and the development of integration processes in the EU. *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki: Sbornik statej*, no. 5, pp. 50–54 (in Russian).
- Cottey A. (2009). Sub-regional Cooperation in Europe: An Assessment. *Bruges Regional Integration & Global Governance Papers*, no. 3, 24 p. Available at: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/brigg_3-2009_andrew_cottey.pdf, accessed 12.03.2021.
- Grøn C., Wivel A. (2011). Maximizing Influence in the European Union after the Lisbon Treaty: From Small State Policy to Smart State Strategy. *Journal of European Integration*, vol. 33, no. 5, pp. 1–17. DOI: 10.1080/07036337.2010.546846.
- Khan M. (2018). New 'Hanseatic' states stick together in EU big league. *Financial Times*, 27.11.2018. Available at: <https://www.ft.com/content/f0ee3348-f187-11e8-9623-d7f9881e729f>, accessed 10.12.2021.
- Rusakova M.Yu. (2018). Slavkov Cooperation. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 6, pp. 36–41 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran620183641.
- Rusakova M.Yu. (2021). Poland and New Trends in Central European Regional Configuration. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 52–61 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope120215261.
- Safonova E.A. (2018). The Visegrad Group: stages of formation and development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 53, pp. 69–73 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/53/14.
- Schoeller M. (2020). Preventing the eurozone budget: issue replacement and small state influence in EMU. *Journal of European public policy*, vol. 28, no. 11, pp. 1727–1747. DOI: 10.1080/13501763.2020.1795226.
- Schulz D., Henokl T. (2020). New Alliances in Post-Brexit Europe: Does the New Hanseatic League Revive Nordic Political Cooperation? *Politics and governance*, vol. 8, no. 4, pp. 78–88. DOI: 10.17645/pag.v8i4.3359.
- Shishelina L.N. (2020). Visegrad Group in Light of Challenges 2020. *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 89–98 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope520208998.
- Shishelina L.N. (2021). Trimorie: post-pandemicheskoe probuzhdenie. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 4, pp. 24–29 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran420212429.
- Tolkachev V.V., Semenov O.Yu. (2011). "Weimar triangle" and international relations in Europe: achievements and prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 5, pp. 260–263 (in Russian).
- Usiak J. (2020). Visegrad Group as institution for Central European cooperation: Ups and downs of small international organizations. *Revista UNISCI*, no. 54, pp. 9–28. DOI: 10.31439/UNISCI-95.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11

Социальная дифференциация в «новых» центрах иммиграции (на примере расселения иммигрантов)

Дарья Павловна ШАТИЛО

кандидат географических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: shatilo@inion.ru
ORCID: 0000-0003-2575-0927

ЦИТИРОВАНИЕ: Шатило Д.П. Социальная дифференциация в «новых» центрах иммиграции (на примере расселения иммигрантов) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 183–215.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11

Статья поступила в редакцию 03.12.2021.
Исправленный текст представлен 08.06.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФН № 19-18-00251, реализуемому в МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются особенности социальной дифференциации внутригородских территорий на примере расселения иммигрантов (и/или иностранцев) в городах, которые можно назвать новыми центрами иммиграции. Такие города, как Мадрид, Берлин, Рим, Лиссабон и Москва, в силу разных причин, раскрытых в статье, стали сталкиваться с увеличением потоков иммигрантов в последние тридцать лет. Эти города и есть объекты исследования, а его основная цель – найти особенности расселения иммигрантов и посмотреть, как это влияет на социальную дифференциацию. Выяснилось, что Мадрид и Рим объединены относительно новым увеличением числа иммигрантов за последние 30 лет. В Берлине ситуация ос-

ложняется долгой историей деления города на Западный и Восточный Берлин, что даже после воссоединения Германии сказывается на социальной дифференциации города. Мадрид и Рим с 1990-х гг. были лидерами по приросту миграции. Однако на приток иммигрантов в Мадрид больше повлияли геополитические события, поэтому с 2008 г. наблюдается снижение роста иммиграции. С 2016 г. приток иммигрантов в Мадрид снова растет. Для Лиссабона характерно раздельное расселение трудовых иммигрантов из бывших колониальных стран и более богатых иммигрантов из Европейского союза. В целом Лиссабон, Мадрид и Рим похожи чертами постиндустриального города, характерными для городов южной Европы. В Москве из-за отсутствия

детальной статистики сложно уверенно говорить об особенностях расселения иммигрантов. В Москве пока нет этнических гетто, потому что миграционная история не так уж и длинна. Пожалуй, основную социальную напряженность создают внутренние мигранты, уровень урбанизации и социально-этнические и культурные характеристики которых кардинально отличаются от московских.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальная дифференциация, социальное расслоение, европейские столицы, расселение иммигрантов, территориальная дифференциация цен на жилье, Мадрид, Берлин, Рим, Лиссабон, Москва.*

Введение

Социальная дифференциация, или неоднородность, свойственна всем территориям, вне зависимости от их размера – странам, городам, районам и даже кварталам. В настоящей статье социальная дифференциация будет рассмотрена через призму расселения иммигрантов в выбранных европейских столицах.

Начиная с середины XX в. распад колониальных империй и приток многочисленных иммигрантов повлиял на миграционные потоки по всей Европе, но в большей степени задействовал Лондон и Париж. Их условно можно назвать «старыми центрами» притяжения иммигрантов. В остальных столицах, выбранных в настоящей статье как *объекты исследования* – Мадрид, Берлин, Рим, Лиссабон и Москва, – миграционные волны XX в. не имели такой массовости, а то и начались значитель-

но позднее, что позволяет их выделить в группу «новых центров» иммиграции.

В качестве *целей* исследования можно назвать: 1) определение общего и уникального в выбранных городах и 2) выявление особенностей социальной дифференциации внутри изучаемых столиц на примере расселения иммигрантов¹. В соответствии с этим автором решались следующие *задачи*: изучение темы в зарубежных и отечественных источниках, установление причин привлечения иммигрантов, определение влияния расселения иммигрантов на социальную дифференциацию, исследование стоимости жилья, создание наглядного иллюстрационного материала по расселению иммигрантов и распределению цен на жилую недвижимость.

Социальная дифференциация – давнее и устойчивое явление, которое изучается по-разному. Для изучения социального неравенства на социально-экономическом уровне применяются расчетные методы и математические модели. Однако территориальный и картографический методы применены крайне редко. Социальная и этническая дифференциация (расслоение, стратификация) – различия между группами населения, выделенными на территории по соответствующим признакам [Шатило, 2018; Шатило, 2021a]. Для целей настоящего исследования нюансы разницы в понятийном аппарате непринципиальны, поэтому эти термины могут быть использованы как синонимы.

Информация об этнической, миграционной, социальной и экономической ситуации рассматривалась в работах отечественных географов [Капралов, 2008; Мкртчян, 2009; Мкртчян, Фло-

¹ Напомним, что под «иммигрантами» понимаются прибывшие из одной страны в другую на постоянное или относительно длительное временное пребывание. Внутренняя миграция населения (в пределах одной страны) в настоящей статье не рассматривается.

ринская, 2016; Зайончковская, 2012; Савоскул, 2015; Зубаревич, 2019; Трейвиш, 2017; Слука, 2009, Вендина, Панин, Тикуннов, 2019] и многих зарубежных исследователей. Часто ученые фокусируются на данных по городам в целом, без изучения внутригородской территориальной структуры. Интересны работы О.И. Вендиной по Москве, потому что именно здесь наблюдаются серьезные недостатки порайонных данных о числе и доле иммигрантов. Историческое влияние на внутригородское расселение иммигрантов в крупных агломерациях Европы рассмотрено в исследованиях А.В. Капралова [Капралов, 2008]. Зарубежные коллеги уделяют внимание и религиозному влиянию, считая его сильнее этнического, но не всегда [например, Poulsen, 2011; Peach, 2002]. Вопросы сегрегации в городах рассмотрены в работах по Мадриду, Риму и другим городам [Poulsen, 2011; Fujita, 2012; Grzegorzczak, 2014; Lelo, Monni, Tomassi, 2021]. Особый интерес представляет работа Ф. Кемпера [Kemper, 1998], в которой он исследовал этническую составляющую на фоне реконструкции жилья спустя восемь лет после падения Берлинской стены. Однако с тех пор многое изменилось, а количество иммигрантов постоянно растет.

Рынок жилья и исследование городской среды представлены в работах А.Г. Махровой [Махрова, 2014], А.А. Попова [Попов, 2007], В.Р. Битюковой [Битюкова, Махрова, Соколова, 2006; Transformation of..., 2016] и др.

В работе были использованы исторический, математический, картографический и сравнительный методы исследования. Важно отметить, что сравнение абсолютных показателей в настоящем исследовании – заведомо проигрышная затея, так как каждая страна отличается своими принципами и правилами приема и учета иммигрантов. Поэтому имеет смысл рассматри-

вать долю иммигрантов или иностранцев, распределение стоимости жилой недвижимости (как что-то, что можно условно считать сопоставимым), но главный упор сделать именно на социальную дифференциацию внутригородских территорий столиц через иммиграционную и этническую составляющую.

Часто в национальных статистиках нет информации о детях и внуках иммигрантов. Такие данные в общих чертах есть в немецкой статистике. В других статистических источниках это уже граждане принимающей страны. Если бы такие материалы были, работа получилась бы более полная. Кстати, информация об этническом происхождении (в том числе о детях и внуках иммигрантов) дается для Лондона, но Лондон не исследуется, так как исторически относится к более «старым» центрам по иммиграционным потокам.

Отправной точкой может служить следующая гипотеза: иммигранты расселяются в дешевых районах, а их концентрация, в свою очередь, снижает стоимость жилой недвижимости и негативно влияет на социальные показатели района. Число и доля иммигрантов сопоставлялись со стоимостью жилой недвижимости, данные о которой собирались автором по особому алгоритму для большей унификации материала (поскольку сравниваются сразу несколько городов из разных государств, а из-за особенностей национальных статистик большинство сведений приходится приводить к одному знаменателю; даже сведения о доходах населения разнятся). Изучались трехкомнатные квартиры (или апартаменты) – по европейским стандартам такое жилище считается квартирой с двумя спальнями, площадь в среднем от 70 до 90 кв. м. В авторской базе данных уже более 500 тыс. объектов «стандартизированного жилья».

Итак, прежде чем рассматривать социальную дифференциацию, следует пояснить, почему же выбранные города исторически можно отнести к «новым центрам» иммиграции. Все выбранные города сближает специфика миграционной истории, для них важна многогранность и сложность сочетания как этнического и миграционного разнообразия населения, так и структуры территориальных различий, которые находят отражение в социально-этнических процессах внутри города. Все выбранные города так или иначе роднит то, что они сравнительно недавно (примерно последние 30 лет) стали сталкиваться с особо острыми и массовыми притоками иммигрантов. С начала 1990-х гг. Мадрид и Рим (и отчасти Лиссабон²) объединяет рост числа иммигрантов. Длительная история разделения Берлина на Западный и Восточный с последующим падением Берлинской стены в 1989 г. повлияла на то, что до сих пор сильна разница в развитии города. Это сказывается и на процессах социальной дифференциации, что позволяет и Берлин квалифицировать как город со сравнительно «молодыми» миграционными процессами. После распада СССР и изменения социально-экономических и политических условий Москва также стала привлекать иммигрантов, поэтому и ее можно назвать «новой».

Таким образом, исследовались иммиграционные процессы, напрямую влияющие на нынешнее состояние социальной дифференциации – то есть степень влияния весьма масштабная, последствия видны до сих пор. Выбор городов для изучения основывается на этапах иммиграции второй полови-

ны XX в., а процессы дифференциации исследуются за период с 1990-х гг. по наше время (примерно тридцать лет).

Изученность вопроса в зарубежной и отечественной литературе

Некоторые исследователи считают, что социальная дифференциация в европейских городах не такая сильная, в отличие от городов США [Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016; Bailey, van Gent, Musterd, 2017]. Всё же расслоение постоянно усиливается, особенно в крупных городах, таких как Лондон и Париж [Шатило, 2018; Шатило, 2021a; Шатило, 2021b]. Общая социально-пространственная структура (или планировка) городов оказывает огромное влияние на функционирование городской среды. Территориальная дифференциация европейских столиц куда более обширна, чем просто различия между «богатыми и бедными центрами и перифериями», тем более в динамике.

В изученной литературе неравенство измеряется по-разному: уровень неравномерности, дифференциации, концентрации, сегрегации, изоляции, кластеризации, централизации [Pickvance, 1994; Galster, Killen, 1995; Peach, 2009]. Чаще всего ученые выделяют этническую сегрегацию и пространственную концентрацию [Uslaner, 2012; Van der Meer, Tolsma, 2014].

Концентрация и сегрегация могут объясняться несколькими аспектами: этнокультурными, территориальными (выбором района проживания) и особенностями поведения [Шатило, 2018; Шатило, 2021b]. При этом

2 Для того, чтобы территории городов были максимально сопоставимы, имеет смысл рассматривать Лиссабон не в административной границе, население которого составило в 2021 г. 545 тыс. чел., сконцентрированных на площади 100 кв. км, а так называемый Большой Лиссабон – то есть агломерацию с населением 2,8 млн чел. (по данным Евростата). Этот столичный регион более подходит для сравнения с остальными изучаемыми городами.

важна и культурная дистанция. Здесь есть четкий элемент «выбора». Кроме того, важны социальная и миграционная политика, а также сам образ миграции³.

Объединение Германии и падение Берлинской стены в 1989 г. послужили основными факторами резко увеличившегося потока иммигрантов в **Берлин**, особенно из его восточной части в западную [Schulz, 1993]. Сперва их сегрегация по жилью во всём Берлине снижалась, причем в Восточном – сильнее, чем в Западном. Районы старой застройки Восточного Берлина привлекали иммигрантов, соответственно, из бывших соцстран. Однако туда также прибывали выходцы из США и стран ЕС, которых привлекала старая застройка и эстетика этих районов [Kemper, 1998].

Сама иммиграция в **Мадриде** не нова [Socio-Economic Segregation..., 2015; Tshitshi, 2012; Residential..., 2012], но ее влияние на городскую среду быстро усилилось с 1990-х годов, добавляя проблем с социально-территориальной дифференциацией города. Преобладают мигранты из романоязычных стран. Исследователи сегрегации в Мадриде выделяют три ее формы [Residential..., 2012; Barómetro de inmigración..., 2016]: социально-экономическую с большой ролью занятости; этническую, когда значимы национальность и культура; а также семейную, зависящую от демографических параметров.

Для **Рима**, по мнению исследователей, характерна центр-периферийная модель дифференциации городского пространства [La popolazione di Roma, 2010; Causi, Guerrieri, 2018; Popolazione Straniera, 2019; Lelo, Monni, Tomassi, 2017; Lelo, Monni, Tomassi, 2021].

Исследователи говорят о том, что в **Лиссабоне** деколонизация, экономические кризисы, а также присоединение к Европейскому союзу оказали фундаментальное влияние на демографические и миграционные процессы [Fonseca, 2004; City Migration Profile, 2017; Paola, De Capitani, 2022].

Социальная дифференциация внутригородских территорий **Москвы** редко бывала предметом исследований [Барбаиш, 1986; Шатило, 2021a]. Вместе с тем часто изучались отдельные аспекты территориального неравенства – цены на недвижимость, социальный и этнический состав, имущественное расслоение, экологическая ситуация, городская среда и др. [Трущенко, 1995; Вендина, 2009; Махрова, Голубчиков, 2012; Битюкова, Угарова, 2013; Шатило, 2018]. Для Москвы характерна центр-периферийная модель распределения цен на жилье и гипертрофированная значимость престижности центра [Трущенко, 1995; Шатило, 2018, Шатило, 2021b]. Именно здесь сконцентрированы многочисленные объекты федерального значения и историческая, более дорогая, застройка.

В целом встречаются интересные научные публикации про расселение иммигрантов, однако материалов про их влияние на территориальную дифференциацию недостаточно. Картографические материалы можно отыскать довольно редко, как и сравнения территориального расселения иммигрантов и социальной дифференциации в городах Европы. Поэтому настоящее исследование будет полезным для закрытия этих «пробелов». Следует отметить и разнородности статистики и правил приема иностранных мигрантов, что влияет на результаты исследования, но диф-

3 Пространственная сегрегация и концентрация могут иметь и положительные аспекты: благодаря культурной и физической близости представителей одной группы, их контакты могут привести к сохранению традиций. Качественные социальные связи могут помогать людям с пользой поддерживать друг друга.

ференциация городского пространства всё же видна на представленных авторских картографических материалах.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Интересно посмотреть, как расселение иммигрантов формирует территориальную дифференциацию в городах.

Мадрид

Как фокус притяжения иностранных мигрантов Мадрид стал фигурировать сравнительно недавно, однако иммиграция быстро стала набирать обороты. За 2000 г. приток мигрантов увеличился в 2 раза, к 2003 г. удвоение повторилось. Если в 1998 г. доля иностранцев составила около 3%, то в 2006 г. иностранцы, по данным официальной переписи, составили уже 13% в населении агломерации Мадрида и 16,5% в населении самой столицы, а в 2009 г. – 17,4%. В 2008 г. число иммигрантов в Мадриде впервые превысило 1 млн чел.

Можно выделить три причины такого миграционного бума. Во-первых, Испания проходила период экономического подъема в 1980–1990-х годах; одновременно с этим происходили социальные сдвиги: увеличение доходов населения и спроса на услуги, эмансипация женщин, улучшение системы социальной защиты населения (включая заботу о детях и людях старшего возраста). Во-вторых, дефицит рабочей силы в некоторых отраслях экономики (например, рабочих рук не хватало в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве) при их росте на общем фоне демографического спада и оттока испанцев в третичный сектор. В-третьих, ужесточение правил въезда мигрантов в США повлекло переориентацию их потоков из Латинской Америки на Испанию, с которой у многих стран есть договоры об упрощенном въезде [Шатило, 2018; Шатило, 2021a].

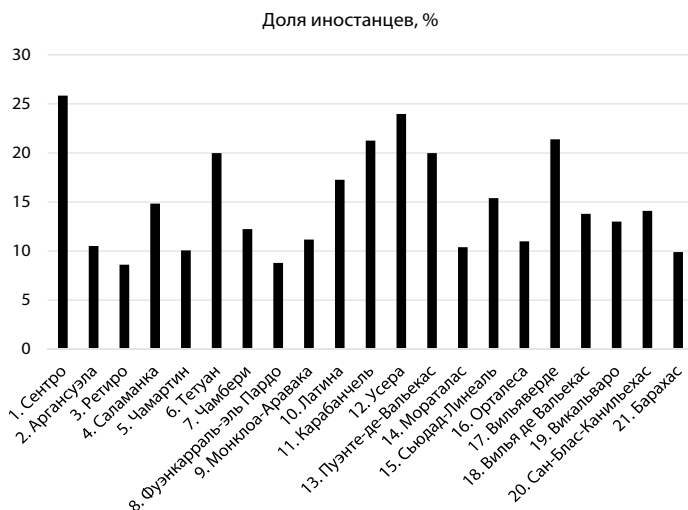
Убыль числа иммигрантов началась с 2012 г., и вместе с тем мигранты уезжали не только из Мадрида, но и вообще из Испании, где столичная агломерация и не была основным центром их притяжения. Каталонию отличает наибольшее абсолютное число иммигрантов, выше их доля и в Валенсии. При этом весь столичный регион имеет свой характер иммиграции: рост числа иммигрантов был достаточно резким, при этом большую часть составляли нелегалы. Стоит отметить и своеобразный национальный состав приезжих: еще в 2006 г. половину составляли выходцы из Латинской Америки (для сравнения: в Каталонии – 35%, в Андалусии и Валенсии – 25–30%). Кроме того, в Мадриде большинство иммигрантов составляют женщины.

С 2012 г., после продолжительного падения показателей, число иммигрантов вновь растет: в 2020 г. их доля составила 15,5%. По приросту среди иностранцев лидируют выходцы из Венесуэлы (более 30%), Китая (6,1%), Италии (1,6%). Высокие показатели миграции из Венесуэлы объясняются не только культурной и языковой близостью, но и нестабильной политической обстановкой в этой стране. Миграция из Китая – это в принципе общемировой тренд. Итальянцами могут быть записаны люди, имеющие двойное гражданство (например, Аргентины и Италии).

Для Мадрида характерна концентрация на юге районов с более дешевым жильем, которые в большей степени заселены иммигрантами (рисунок 1). В северных выбранных городах, как правило, видна разница между востоком и западом, так как исторически восточные районы были в основном пролетарскими; в Мадриде же традиционно южные районы были более бедными и трущобными (в последние лет десять осуществляется немало программ реконструкции и реновации южных частей города)

(рисунки 2). Выходцы из более развитых стран (из США и стран Западной Европы) предпочитают селиться в более дорогих районах, вблизи вузов, посольств и т. п. (рисунки 3).

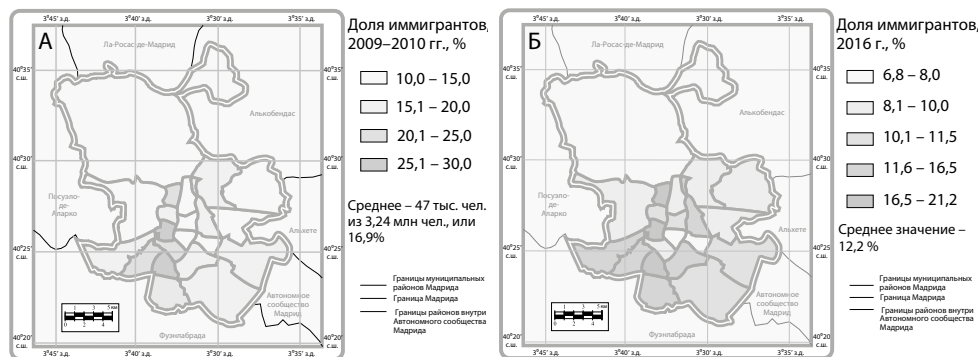
Рисунки 4 показывает, что стоимость жилья в более дорогих районах продолжает расти, в то время как отмечено некоторое снижение цен в более дешевых, а серия карт ниже демонстрирует

Рисунки 1. Расселение иностранцев по районам Мадрида, 2021 г.

Figure 1. Resettlement of foreigners in Madrid districts, 2021

Источник: составлено автором по данным веб-сайта городского совета Мадрида – URL: <http://www.agenciaparaempleo-demadrid.es/portales/munimadrid/es/Inicio/EI-Ayuntamiento?vgnxtfmt=default&vgnxtchannel=ce069e242ab26010VgnVCM-100000dc0ca8c0RCRD> (дата обращения: 03.12.2021).

Рисунки 2. Размещение иммигрантов по муниципальным районам Мадрида:

А – в 2009–2010 гг.; Б – в 2017 г.

Figure 2. Placement of immigrants by municipal areas of Madrid: A – in 2009–2010;

Б – in 2017

Источник: составлено автором по данным INE (Instituto Nacional de Estadística). – URL: <https://www.ine.es> (дата обращения: 01.05.2022).

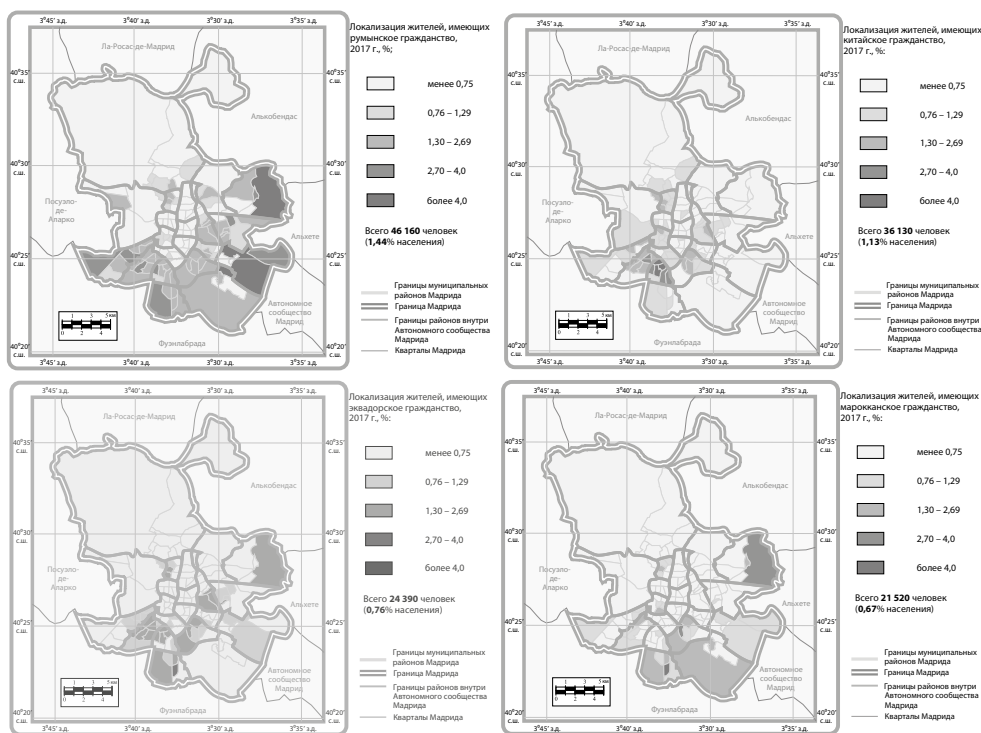

Рисунок 3. Расселение крупных групп иммигрантов по районам Мадрида, 2017 г.

Figure 3. Settlement of largest immigrants' groups by Madrid districts, 2017

Источник: составлено автором по данным INE (Instituto Nacional de Estadística). – URL: <https://www.ine.es> (дата обращения: 01.05.2022).

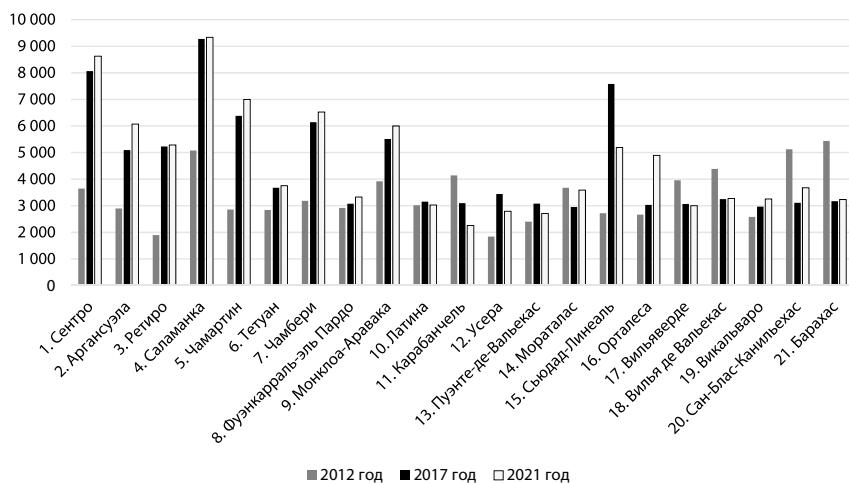

Рисунок 4. Динамика цен на жилье по районам Мадрида, 2012–2021 гг.

Figure 4. Housing prices dynamics by Madrid districts, 2012–2021

Источник: составлено автором по данным риелторских сайтов.

рует увеличение социально-экономических диспропорций (рисунок 5).

Лиссабон

Не только столица, но и вся Португалия в целом на протяжении многих веков была страной преимущественно эмиграции; начиная со второй половины XX в. она стала страной иммиграции (причем не только благодаря распаду колониальных империй). Строительный бум в начале 1990-х гг. повлиял на несколько крупных волн иммиграции из Бразилии и стран Восточной Европы, что позволяет говорить о Лиссабоне как о городе новой иммиграции, где рост числа прибывших происходил в последние 30 лет [Immigrants in Lisbon, 2002; City Migration Profile, 2017]. Большинство иммигрантов остаются в столице. Финансово-экономический спад привел к оттоку населения из страны, однако в последние несколько лет рост иностранного населения в Лиссабоне идет вразрез с общей тенденцией сокращения численности населения стране в целом.

Миграционную политику Лиссабона отличает обилие мер по сокращению социальной изоляции иммигрантов (особое внимание уделено цыганам, а также другим лицам с этнической и культурной самобытностью). Лиссабон занимает центральное и ключевое положение в стране, поэтому в нем оседает наибольшее число иммигрантов. Если в 2011 г. наблюдался отток населения из Лиссабона, то в 2016 г. город стал привлекать иммигрантов (сальдо миграции составило 1 199 чел.), а общая доля иммигрантов увеличилась до 10,9%. Иммигранты представляют собой немалую социально-культурную составляющую Лиссабона, но по-прежнему остаются одним из наиболее уязвимых слоев населения, страдающих от бедности и социальной депривации, а также объектом расовой и этниче-

ской дискриминации. В период с 2008 по 2016 г. в Лиссабоне сохранялся рост численности постоянного иностранного населения (в отличие от столичного региона). В 2016 г. 199 тыс. иностранцев проживали в столичном регионе, из них четверть – непосредственно в городе Лиссабон.

С 2010 г. наблюдается сокращение числа иммигрантов из Бразилии и стран Восточной Европы на фоне роста выходящих из азиатских стран (особенно из Китая, Непала и Бангладеш, а также более статусных приезжих из Европейского союза и США). Основной причиной роста иммиграции можно назвать политику стимулирования иностранных инвестиций и снижение налогов для иностранных резидентов. Несмотря на то, что Бразильская община по-прежнему самая многочисленная среди других групп иммигрантов, она сильно сократилась в последнее время (рисунок 6).

Кроме того, изменение правил въезда и получения вида на жительство с 2012 г. привело к значительному притоку трудовых иммигрантов из таких стран, как Китай, Франция, Бразилия, Италия, Испания, Германия и Нидерланды, которые приобретают объекты недвижимости в Лиссабоне. Начиная с 2011 г. из-за минимизации сдерживающих законодательных мер по регулированию аренды и продажи жилья стали разрабатываться стратегии по привлечению более состоятельных иммигрантов, способных купить или снять жилье.

Лиссабон отличает большая доля приезжих именно в центральных исторических районах города, большинство из которых характеризует наличие весьма дорогого для Лиссабона жилья (хотя в целом можно сказать, что в центральных районах – средняя доля иммигрантов и средние цены на жилую недвижимость). Однако по-прежнему

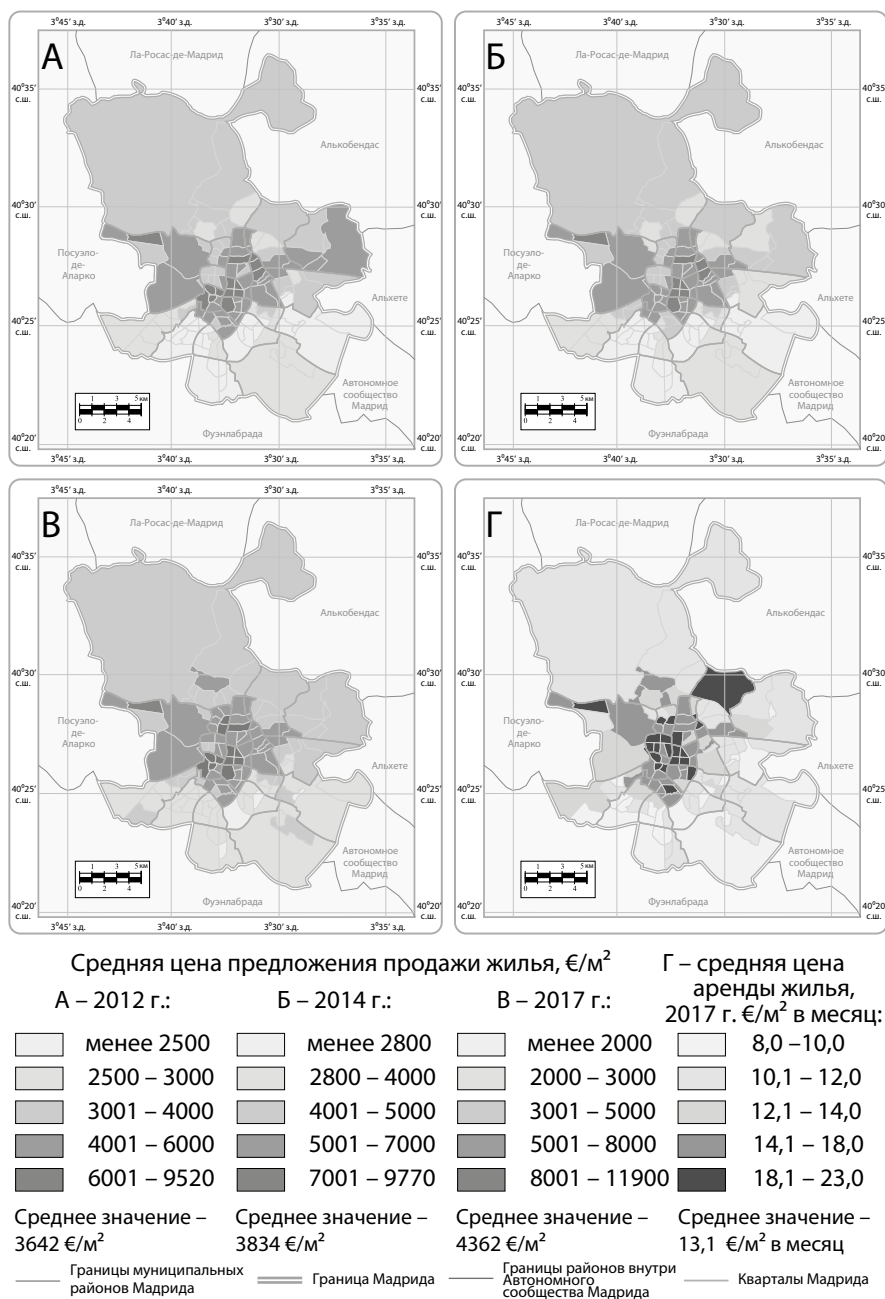

Рисунок 5. Средняя цена жилья для продажи (Мадрид): А – 2012 г., Б – 2014 г., В – 2017 г.; Г – средняя цена аренды жилья в 2017 г.

Figure 5. The average price of housing for sale (Madrid): А – 2012, В – 2014, С – 2017; D – the average price of rental housing in 2017

Источник: составлено автором по данным риелторских сайтов.

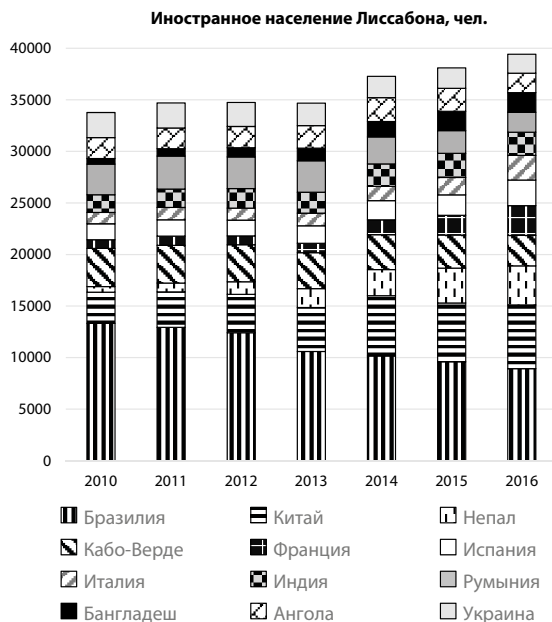

Рисунок 6. Иностранное население Лиссабона, обладающее статусом легальных резидентов по стране происхождения, 2010–2016 гг.*

Figure 6. Lisbon foreign population with the legal residents status by country of origin, 2010–2016

* Показаны только те группы резидентов, которые насчитывают более 500 чел.

Источник: Assembleia Municipal de Lisboa, 2021. – URL: <https://www.am-lisboa.pt/> (дата обращения: 30.11.2021).

в городе много старого и ветхого жилья небольшой площади, которое привлекает менее состоятельных горожан (не только иммигрантов). Стоимость жилья дополнительно выросла из-за событий, связанных с пандемией COVID-19. Однако в окраинных районах наблюдалось небольшое сокращение цен типовых квартир в 2021 г. Также вырос спрос на краткосрочную и долгосрочную аренду жилья, что повлекло рост стоимости аренды (рисунок 7). В результате большого разнообразия иммигрантов во многих центральных районах преобладают коммерческие объекты этнического характера, в особенности из азиатских стран, таких как Китай, Индия, Бангладеш, которые концентрируют им-

мигрантское население в этих зонах (рисунок 8).

Было выявлено, что наибольшая доля иммигрантов приходится в основном на районы исторического центра и его окрестностей, а также юго-западной части города, выходящей к берегу реки Тежу (например, район Санта-Мария-Майор и др.). Кроме того, в городе наблюдается практически полное совпадение распределения стоимости продажи и аренды жилья (рисунок 7).

Рим

Рим можно назвать городом «новой иммиграции», так как с масштабным притоком иммигрантов столица столкнулась в 1990–2000 гг., как и Ма-

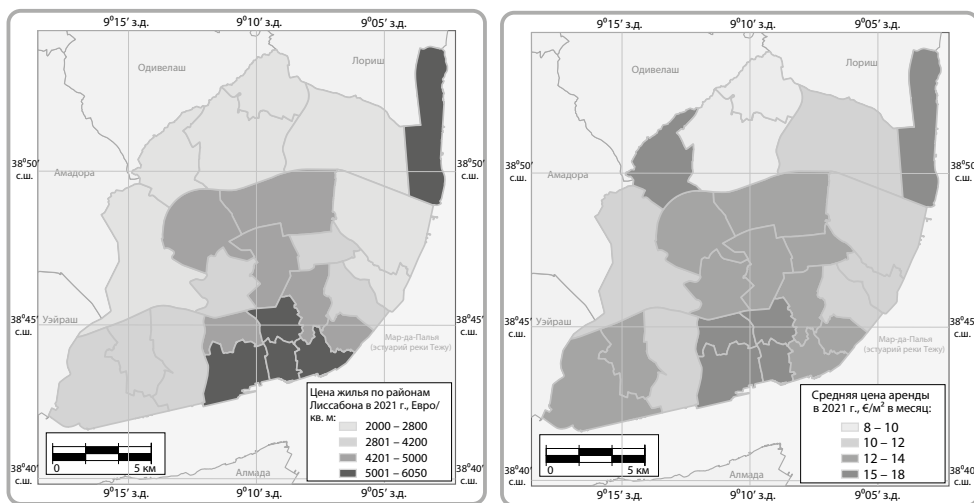

Рисунок 7. Дифференциация цен на жилье (продажа и аренда) по районам Лиссабона, 2021 г.

Figure 7. Housing prices differentiation of sales and rentals by Lisbon districts, 2021

Источник: составлено автором по материалам сайтов риелторских компаний.

дрид [Капралов, 2009; Atlante, 2016; Lelo, Monni, Tomassi, 2017]. Численность иммигрантов в Риме к 2006 г. возросла почти в 2 раза – до 250 тыс. чел. (почти 10% населения), а к 2018 г. число иностранных жителей составило уже 385,6 тыс. чел. (13,5% населения города) (рисунок 9) [Statistiche..., 2021]. Однако с 2019 г. наблюдается плавный спад иностранного населения; падение в 2020 и 2021 г. можно связать с последствиями пандемии COVID-19.

В целом Рим – яркий пример наиболее стихийной иммиграции, так как Италия не была готова к такому количеству иммигрантов в 1990-х гг., а отсутствие четкой миграционной политики и упрощенный пограничный контроль способствовали увеличению нелегальной иммиграции.

В Италии существует понятие «иммигрант» и «иностранец». К иностранцам относят тех, кто не является гражданином Италии, но проживает в ней. Однако зачастую приезжие могут отно-

ситься как к иностранцам, так и к иммигрантам. Иммигрантами считают тех, кто рожден за рубежом, без учета граждан Италии. Кроме того, есть и некоторое число детей, рожденных в Италии, но не имеющих итальянского гражданства. В текущем исследовании предложено иммигрантами считать категорию «иностранцы», так как по ним публикуется вся статистическая информация.

Следует отметить, что Рим не основной центр притяжения иммигрантов (в отличие от, например, Лондона, Парижа, Лиссабона и Москвы). Большая часть иммигрантов направляется в такие регионы Италии, как Ломбардия и Тоскана. Кроме того, состав иммигрантов и причины их притяжения отличаются. На севере Италии, где проживает большая часть иммигрантов, трудовые иммигранты заняты в промышленности и сельском хозяйстве. В Риме же иммигранты заняты в сфере услуг, торговле, туризме. С 1997 г.

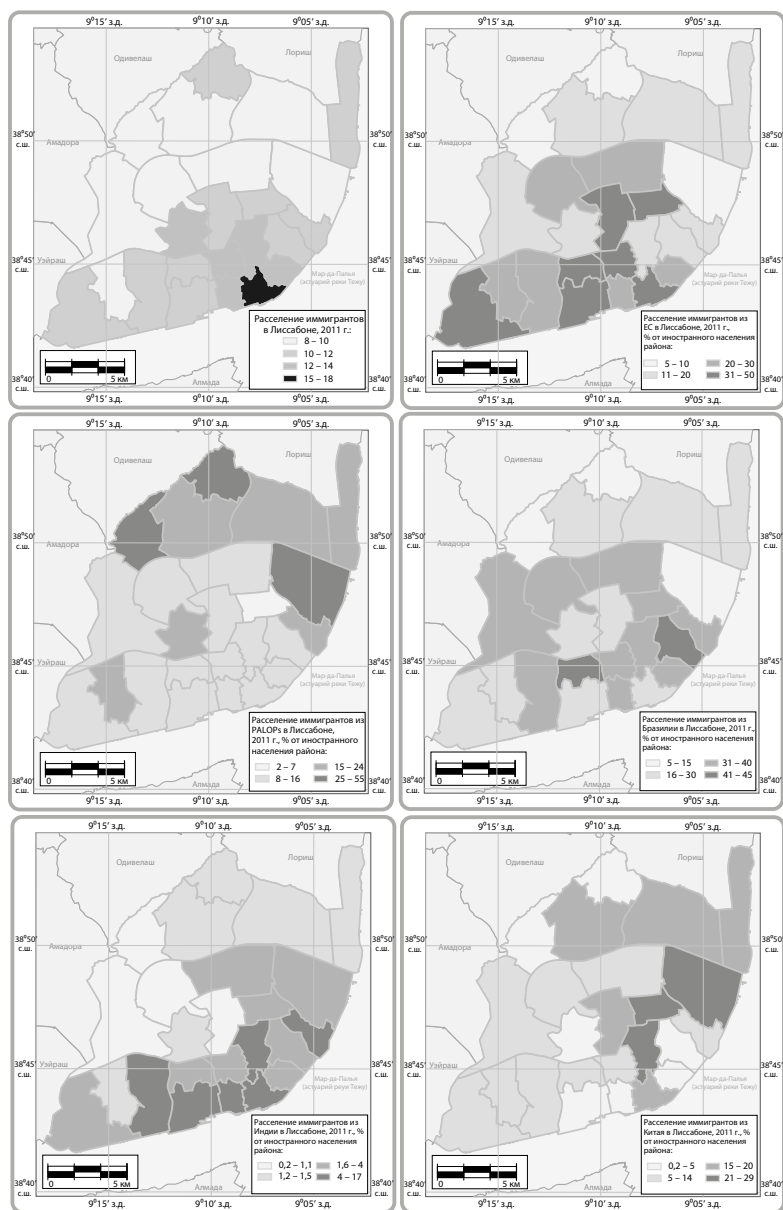

Рисунок 8. Локализация иммигрантов и отдельных групп по районам Лиссабона, 2011 г.*

Figure 8. Localization of immigrants and different immigrants groups by Lisbon districts, 2011

* Страны PALOP (португальский – Países Africanos de Língua Oficial Portuguesa) – португоязычные страны Африки.

Источник: составлено автором по материалам национальной переписи населения. Стоит отметить нехватку актуальных порайонных количественных данных для Лиссабона.

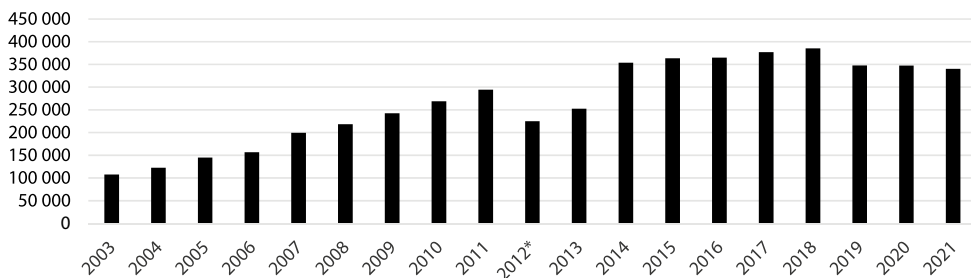

Рисунок 9. Изменение численности иностранцев в Риме, 2004–2019 гг.

Figure 9. Change in the number of foreigners in Rome, 2004–2019

Источник: Guida ai Comuni, alle Province ed alle Regioni d'Italia – URL: <https://www.tuttitalia.it/> (дата обращения: 20.01.2021).

Данные на 1 января 2021 г.

(*) после переписи населения.

в Риме сложился определенный этнический состав, однако численность этнических групп варьирует. Рим отличается половозрастная структура: здесь высока доля женщин (67%) и граждан трудоспособного возраста.

Крупнейшие группы иммигрантов в Риме, которые в совокупности составляют примерно 60% от всех иммигрантов в городе [Statistiche, 2019], таковы:

- Румыния – 185 тыс. чел.;
- Филиппины – 44 тыс. чел.;
- Бангладеш – 35 тыс. чел.;
- Китай – 23 тыс. чел.;
- Украина – 20 тыс. чел.;
- Польша – 18 тыс. чел.;
- Перу – 15 тыс. чел.

Итак, по официальным картографическим и статистическим ресурсам, в Риме насчитывается шесть крупных общин: румынская, филиппинская, бангладешская, китайская, украинская и перуанская. Расселение этнических групп более разнообразное, чем в целом расселение иммигрантов (рисунок 10).

Представители *румынской* общины проживают в основном в периферий-

ных районах. Исключение – центральный район Трастевере, что объясняется наличием резиденций организаций «Каритас» – национальных католических благотворительных организаций. *Филиппинцы и перуанцы*, как правило, концентрируются в более дорогих кварталах в семьях работодателей или неподалеку от богатых резиденций в центральных и северных районах города, где они выполняют домашнюю работу или иные бытовые задачи. Среди них велика доля женщин, занятых в этих сферах деятельности. Выходцы из *Бангладеш* и *Китая* предпочитают жить вблизи мест приложения труда и зон деловой активности, особенно в центральных и восточных районах Рима. Не наблюдается особых зон концентрации представителей *Украины*, за исключением того, что их мало на севере города⁴. Румыны, поляки и украинцы имеют больший спектр занятости – от туризма, торговли и небольших предприятий малого бизнеса до домашних работ (рисунок 11).

В престижных районах, помимо тех, кто проживает в богатых семьях, сконцентрированы выходцы из более раз-

⁴ Карты неравенства: #mapparoma – Mappe della disuguaglianza – URL: <https://www.mapparoma.info> (дата обращения: 01.12.2021).

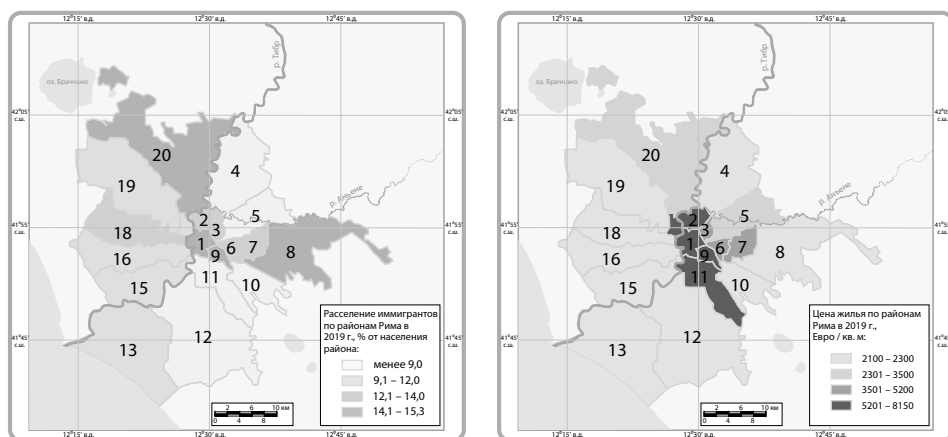

Рисунок 10. Дифференциация расселения иммигрантов и стоимости жилья по районам Рима, 2019 г.

Figure 10. Differentiation of immigrant settlement and housing costs by districts of Rome, 2019

Источник: составлено автором по данным официальной статистики и сайтов риелторских компаний.

витых стран: Франции, США, Германии, Великобритании и Испании. Преимущественно они расселены в историческом центре, где много памятников и уникальных мест.

Выходцы из азиатских стран селятся более компактно; они из-за своих традиций и особенностей предпочитают избегать занятости в сфере личных услуг и работают в сфере туризма, торговли и ресторанном бизнесе. При этом многие прибыли в Рим через родственную миграцию, когда к уже приехавшим иммигрантам приезжают семьи, родственники и земляки. Как правило, они плохо владеют итальянским языком, а на интеграцию им требуется много времени.

Берлин

Многие ученые и экономисты называют Берлин «самым не немецким городом Германии». Действительно, из-за истории разделения города социально-экономические и этнические процессы протекают в нем не так, как в других немецких городах.

Кроме того, мигранты из разных стран обеспечивали рост населения города и оставили свои «следы». Во второй половине XX в. ФРГ притягивала «временную» рабочую силу для поддержки более быстрых темпов возрождения немецкой экономики. Многочисленных выходцев из стран Южной Европы, Турции и Туниса рекрутировали согласно двусторонним соглашениям 1955–1968 гг. С конца 1980-х годов в страну хлынул новый поток политических мигрантов и беженцев из Восточной Европы и Ближнего Востока [Шатило, 2021]. Поэтому в Берлине живут до 35 тыс. палестинцев (прочие рассредоточены по стране). За период 1988–1993 гг. свыше 1,4 млн чел. с Балканского полуострова, из Польши, СССР и других стран прибыли в Германию. По оценкам, в стране осели даже без подачи ходатайства о политическом убежище 350 тыс. чел. только из зон конфликтов в Боснии и Герцеговине [Jaczewska, Grzegorzczuk, 2016].

Иммигрантские общины в Западном Берлине 1960–1970-х гг. создава-

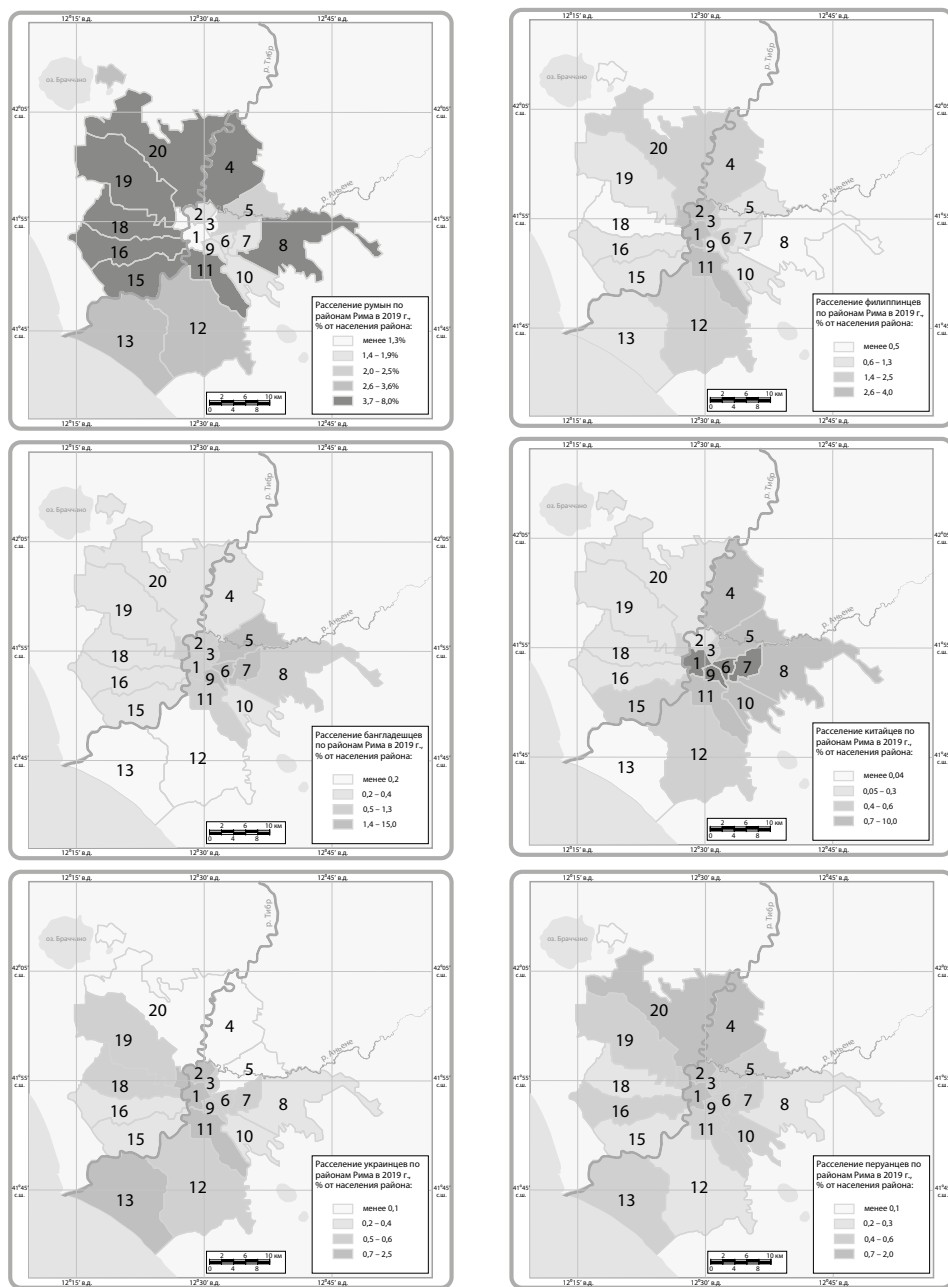

Рисунок 11. Локализация отдельных групп иммигрантов в Риме, имеющих разное происхождение, 2019 г.

Figure 11. Immigrants particular groups localization with different backgrounds in Rome, 2019

Источник: составлено автором по официальным статистическим данным.

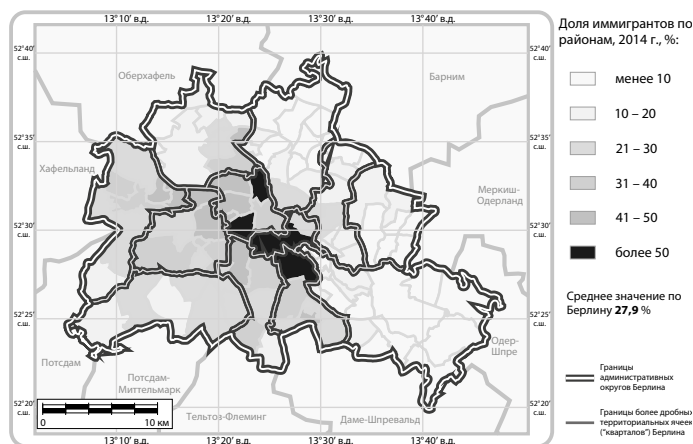

Рисунок 12. Доля иммигрантов в Берлине в 2014 г.
Figure 12. Share of immigrants in Berlin in 2014

Источник: составлено по данным национальных статистик.

лись благодаря трудовой миграции. После возведения Берлинской стены Западный Берлин стали заселять иммигранты из Южной Кореи и стран Средиземноморья. Небольшие потоки иммигрантов наблюдались в Восточном Берлине, потому что туда вербовались рабочие из стран социалистического лагеря (Вьетнам, Куба и Польша). В 2005 г. в уже давно объединенном Берлине находились 451 тыс. иностранцев без немецких паспортов из 185 государств: 119 тыс. турок, 36 тыс. поляков и т. д. В 2014 г. их стало 550 тыс., в 2016 г. – 675 тыс.⁵

На социальную и этническую дифференциацию городских территорий, а также расселение иммигрантов Берлина важное влияние оказала история разделения города. Это наглядно демонстрирует преобладание иммигрантов в центральных и «околоцентральных» районах города (рисунок 12). Более дешевое жилье было расположе-

но возле Берлинской стены, поэтому мигранты стремились занять именно эти области, что наблюдается и через тридцать лет после объединения города. В 2010 г. по доле всех иммигрантов (как получивших немецкое гражданство, так и не получивших) лидировали центральные районы: их доля занимала 15–30%. Кроме того, в зоне «зеленого кольца» Берлина на восточных окраинах города их доля крайне низка (2,4%), а минимум отмечен в квартале Бланкенфельде к северу от центра; максимальная доля иммигрантов наблюдалась в самом центре (район Гезундбруннен) и составила 35,8%. Да и в принципе во всех центральных районах доля мигрантов выше 30%. Далее расклад менялся слабо, но росли их доли в населении района. Например, в центральном районе Митте доля лиц с миграционным прошлым достигла 50%. В западном округе Шпандау размещены многочисленные промышленные объ-

5 Statistik Berlin-Brandenburg. – URL: <http://www.statistik-berlin-brandenburg.de/> (дата обращения: 01.12.2021).

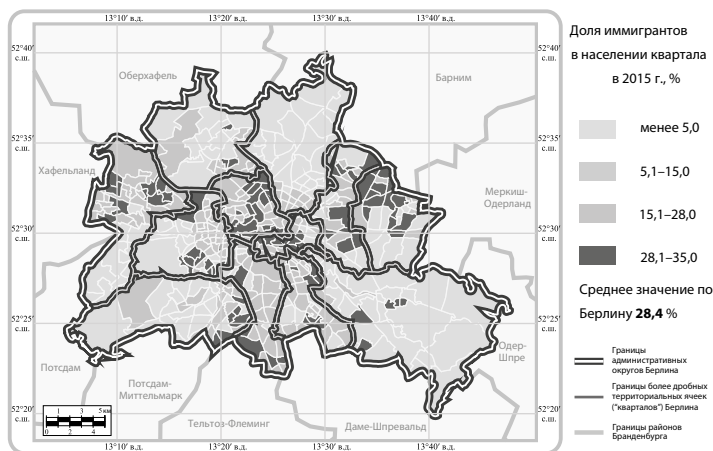

Рисунок 13. Доля мигрантов в составе населения по дробным планировочным кварталам Берлина, 2015 г.

Figure 13. The share of immigrants in the population by planning Berlin quarters, 2015

Источник: составлено автором по Statistik Berlin-Brandenburg. – URL: <http://www.statistik-berlin-brandenburg.de/> (дата обращения: 01.12.2021).

екты: заводы *Siemens*, *Osram*, *BMW*, – которые привлекали немало иммигрантов. В целом фантом Берлинской стены больше всего виден по расселению именно иммигрантов: в западной части города доля иммигрантов втрое выше, чем в восточной.

Немецкие статистические источники позволяют уточнить информацию о берлинских «этнических ареалах»: они явно сосредоточены в центре. Например, в районе Кройцберг, у бывшей Берлинской стены, почти треть всего населения района (160 тыс. чел.) составляют мигранты из Турции и их потомки, из них более 60% получили немецкие паспорта. В зоне социального многоэтажного жилья восточного района Марцан-Хеллерсдорф сконцентрированы русскоязычные иммигранты (около 30%). Выходцы из СССР заселили также и Шарлоттенбург, и Вильмерсдорф в Западном Берлине на тор-

говой оси Курфюрстендамм. Разноплеменная богема (писатели, артисты) предпочитает Митте и Пренцлауэр-Берг (рисунок 13).

После объединения города доля иммигрантов в Восточном Берлине выросла, но мало, в отличие от Западного, где она возросла до 30%. Общая доля жителей иностранного происхождения в Берлине – 24,3% (следующий город Германии по их доле – Франкфурт-на-Майне, где она составила 18%). Турецкая община – самая крупная, 177 тыс. чел., 60% из которых подданные Турции, 40% – Германии. Вторая община – поляки, численность которых достигла 93 тыс. чел. (10,8% всех мигрантов). Далее следуют выходцы из постсоветских стран и бывшей Югославии.

По материалам Статистического бюро Берлин-Бранденбург, в 2014 г. среди берлинских детей до 18 лет почти 45% имели миграционные корни⁶.

6 Statistik Berlin-Brandenburg. – URL: <http://www.statistik-berlin-brandenburg.de/> (дата обращения: 01.12.2021).

Часто именно они составляют большинство в детских садах и школах. В некоторых кварталах Нойкёльна и Веддинга три четверти детей растут в семьях приезжих.

По состоянию на конец 2020 г. в Берлине на законных основаниях было зарегистрировано около 790 тыс. иностранных граждан из более чем 190 стран. Доля иностранных граждан, легально зарегистрированных в качестве жителей Берлина, составила 21%.

Итак, особенность расселения иммигрантов в Берлине состоит в их унаследованной от прошлого локализации. По расселению мигрантов из разных стран заметно было влияние Берлинской стены. Иммигранты из соцстран (включая СССР, Вьетнам) заселяют восточную часть Берлина (а, например, поляки и выходцы из стран бывшей Югославии – реже), и тем не менее они постепенно стали селиться и в западной части. Выходцы из Турции, Палестины и тем более иммигранты из развитых

стран селятся в западной части города. Причины заключаются даже не столько в прошлом разделении города или в распределении стоимости жилья, сколько в политике, проводимой в Берлине (и не только). Например, этнических немцев из России и Казахстана расселяли по особой государственной программе в разных районах, то есть целенаправленно предотвращая сегрегацию [Шатило, 2018; Шатило, 2021а].

Исследование стоимости жилья показало, что дифференциация по кварталам Берлина больше, чем по районам, но не всегда. Так, на дробной карте тоже видны контрастные районы округа Штеглиц-Целендорф, восток которого занят дешевыми многоэтажными комплексами, а на остальной территории есть зоны дорогих вилл (рисунок 14).

Цена аренды, несмотря на законодательные ограничения ставок, варьируется сильнее цен продажи, а зоны похожи (рисунок 15). Следует отметить, что для Берлина аренда характернее.

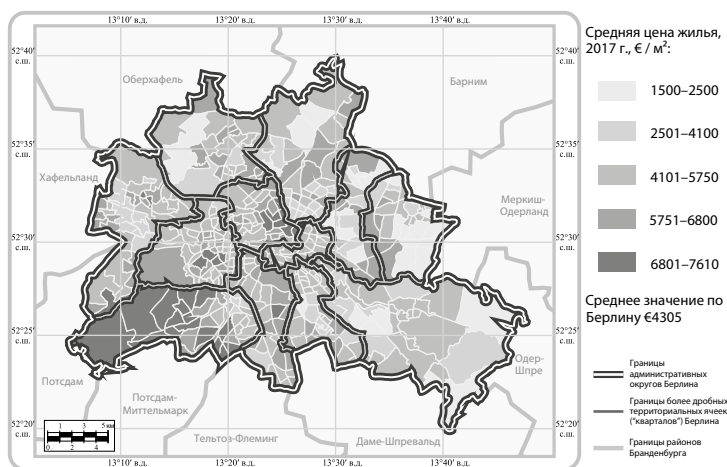

Рисунок 14. Средняя цена предложения жилья для продажи по дробным планировочным кварталам Берлина, 2017 г.

Figure 14. Average housing prices for sale by planning Berlin quarters, 2015

Источник: составлено автором по данным риелторских сайтов.

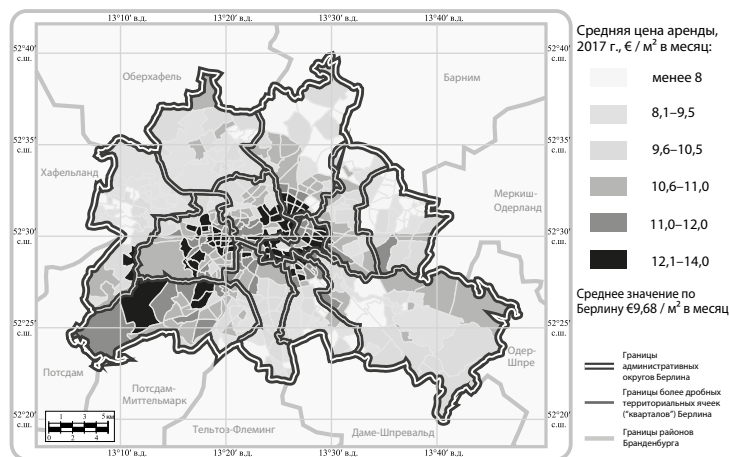

Рисунок 15. Средняя цена аренды жилья по дробным планировочным кварталам Берлина, 2017 г.

Figure 15. Average housing prices for rent by planning Berlin quarters, 2015

Источник: составлено автором по данным риелторских сайтов.

Москва

Москву можно также отнести к городам «новой» иммиграции, потому что после распада СССР вектор международной миграции в столицу стал расти значительно быстрее. Однако в Москве больше всего иммигрантов из стран СНГ.

Не только на расселение иммигрантов, но и на все социально-экономические и градостроительные аспекты в Москве повлияла история. Здесь восточную часть отличает бывшее наличие промышленных объектов (построенных с учетом влияния розы ветров); в западной части города длительное время были деревни, в XX в. разместили некоторые заводы и так называемые почтовые ящики⁷, но их не так много, как в восточной части. Например, социальная дифференциация и распределение более дорогого жилья в западных и юго-западных районах, где селится интеллигенция, может быть объяснена

тем, что эти районы практически одновременно застраивались кирпичными домами вдоль Ленинского проспекта и проспекта Вернадского. Это послужило началом развития двух новых линий, которые соединили центр и аэропорты (а проспекты у геоурбанистов стали называться «вылетными магистралями»). Внуково стало новым государственным аэропортом, и по этим проспектам туда ездили генеральные секретари, космонавты и другие значимые люди. МГУ и Воробьевы горы разместили там, потому что было много свободного места. Как только построили университет и многочисленные научно-исследовательские институты вдоль Ленинского проспекта и по ул. Вавилова, началось строительство жилья для ученых и преподавательского состава, стали размещаться лаборатории и другие научные здания. Другая вылетная магистраль – Ленинградский проспект – застраивалась тоже своеобразно, это на-

7 «Ящики», или «почтовые ящики», – это наименование научно-исследовательских институтов и других организаций и предприятий военно-промышленного комплекса, которое было принято в СССР для переписки по почте.

правление на Санкт-Петербург. Ленинградский проспект соединил несколько опорных точек: Петровский путевой дворец, пустырь (на Ходынском поле), аэропорт и многочисленные «ящики». Из общей картины «выбивался» чуголотейный завод имени П.Л. Войкова (на одноименной станции метро), но его закрыли. Далее район застраивался в соответствии с этими объектами, что влияет на социальную дифференциацию до сих пор.

В последнее время в Москве постоянно находилось около полутора миллиона иностранных граждан (согласно средней оценке). Они, как правило, легально въезжали на территорию, но у большинства из них были сложности с получением разрешения на работу, поэтому работали они нелегально. По новым миграционным правилам, без разрешения трудовой деятельностью заниматься нельзя (с 2015 г. введены патенты на работу). Совершенствование системы государственного контроля в вопросе использования мигрантского труда работодателями привело к значительному сокращению нелегальной иммиграции.

В целом население Москвы растет за счет приезжих в последние 30 лет: в столицу едут не только международные мигранты, но и многочисленные представители других регионов Российской Федерации. Кроме того, наблюдается естественная убыль населения: социально-экономические процессы влияют на рождаемость, и они ведут к снижению естественного прироста [Женщины-мигранты..., 2011; Шатило, 2018; Шатило, 2021b].

Переход к рыночной экономике изменил и отрасли советского столичного комплекса, продемонстрировав несостоятельность бизнеса и повседнев-

ных услуг. Так и не восстановившаяся после кризиса 2008 г. экономическая сфера города значительно меняется, по ней также сильно «ударили» кризисы 2014–2015 гг. и последствия пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Рынок недвижимости стал более значимым, а моноцентричность страны и гипертрофированная роль Москвы проявились еще ярче.

Высокая цена жилья способствует уменьшению мобильности населения, а качество самого жилья до сих пор подвержено влиянию советского прошлого. Поэтому в Москве этнические «гетто» не образуются [Вендина, 2009; Мкртчян, Карачурина, 2013, Шатило, 2018].

Данные последней переписи, проведенной в 2021 г., еще не обработаны (на момент создания статьи), а потому для Москвы остро стоит вопрос достоверных актуальных порайонных данных о доле иммигрантов. Согласно переписи 2010 г., гражданство указали 11,2 млн чел., в том числе 128,2 тыс. иностранных граждан⁸. Для такого крупнейшего города, как Москва, эта цифра, по мнению автора статьи, занижена минимум в 10 раз. Один из недостатков отечественной статистики – отсутствие информации о стране происхождения. Статистические отчеты содержат данные о национальной принадлежности и гражданстве, но этих сведений недостаточно для оценки количества иммигрантов на той или иной территории в Москве. Так, например, русские могут быть мигрантами из стран СНГ, а украинцы и армяне могут быть рожденными в Москве или вообще «коренными москвичами».

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., среди лиц, указавших иностранное гражданство, преоблада-

8 Данные с сайта Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).

ют выходцы из Украины, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении, Киргизии, Белоруссии, Китая, Грузии (рисунок 16). Наиболее привлекательными для иммигрантов (по той же статистике) были Южный, Западный, Северо-Восточный, Юго-Западный округа (рисунок 17).

Доля иностранных граждан выше всего в ЦАО, ЮАО и ЗАО: 1,5–1,9% против 1% по городу. Очевидно, что такой крупный территориальный раз-

рез не дает возможность провести глубокий анализ расселения иммигрантов или хотя бы иностранцев (мало данных). Можно отметить исследования О.И. Вендиной, которые показывают, что иностранцев больше на окраинах города, особенно на востоке и юго-востоке. В центральной и западной части (кроме района Солнцево) иммигрантов мало [Вендина, 2009; Вендина, Паин, 2018; Вендина, Панин, Тикунов, 2019].

Рисунок 16. Доля иностранных граждан в Москве, указавших страну гражданства, 2010 г.*

Figure 16. The share of foreign citizens in Moscow who indicated their country of citizenship, 2010

* Показаны только более 500 человек, указавших иностранное гражданство.

Источник: Составлено автором по данным переписи 2010 г. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).

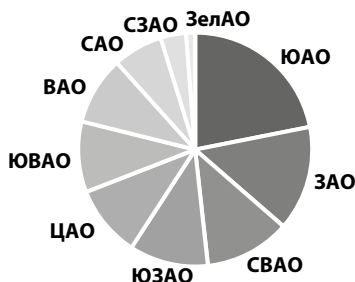

Рисунок 17. Распределение лиц, указавших иностранное гражданство, по округам Москвы

Figure 17. Distribution of persons who indicated foreign citizenship by Moscow districts

Источник: данные переписи 2010 г. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2021).

Самые высокие цены на жилье – в центре, где много элитных построек. Центр и запад из-за розы ветров и меньшей индустриальности издав-

на привлекали верхние слои общества. Центро-периферийный градиент создал четкие зоны (рисунки 18, 19).

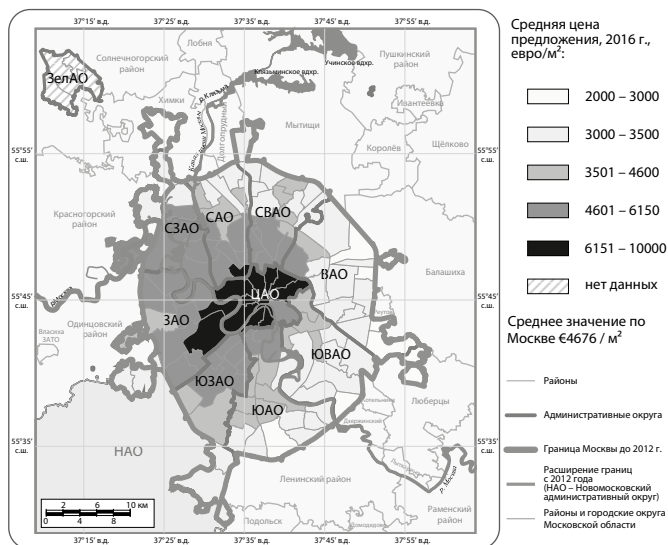

Рисунок 18. Цены жилья в Москве, 2016 г.

Figure 18. Housing prices in Moscow, 2016

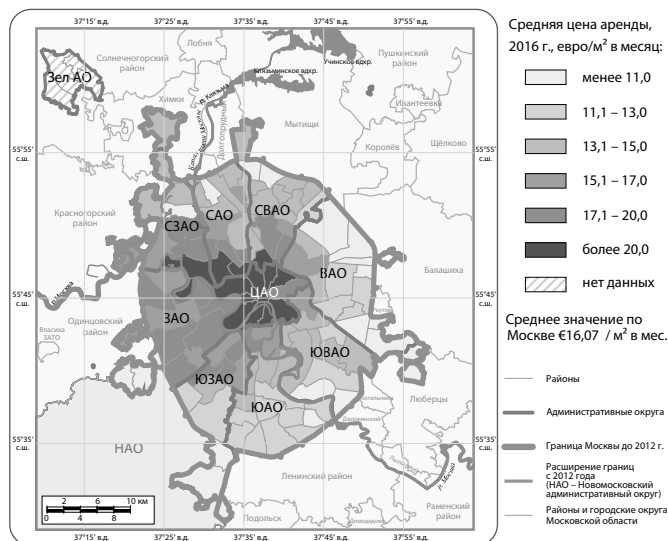

Рисунок 19. Цены аренды в Москве, 2016 г.

Figure 19. Rental prices in Moscow, 2016

Источник: составлено на основе анализа риелторских сайтов и [Шатило, 2018].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная дифференциация имеет исторические корни. Города вначале приспосабливались к орогидрографическим особенностям: они возникали на возвышенностях и ближе к водным объектам, по мере своего развития города теряли зависимость от объектов рельефа. На современном же этапе развития территориальные и физико-географические аспекты прежде всего влияют на размещение жилья (и его стоимости) и инфраструктурных объектов.

В целом в южных рассмотренных городах (Мадрид и Лиссабон) климатические факторы почти никак не влияли на дифференциацию территории (в том числе в части стоимости жилья). В Риме физико-географические факторы больше влияли на градостроительство еще со времен основания города, что и поныне сказывается на неоднородности территории. Исторически сложилось, что холмы осваивались знатью (там было прохладнее), а в низинах располагались либо форумы, либо общественные места, соответственно это влияет на территориальную дифференциацию сейчас. Например, размещение аэропорта и исторических зданий влияет на ценовую дифференциацию жилья и, соответственно, социальное расслоение.

Город Лиссабон развивался вокруг порта, однако сейчас центр привлекателен в том числе для состоятельных иммигрантов, а вся центральная часть отличается неоднородностью территории.

В Берлине дифференциация сложнее из-за длительного разделения города. Центральные районы отличаются высокая концентрация иммигрантов, зон дешевого жилья и низких доходов. Кроме того, до сих пор значимо влияние бывшей стены: выходцы из СССР

и других соцстран селятся в восточной части города (вьетнамцы, поляки), но они постепенно проникают и на запад. Западную часть города населяют выходцы из Турции, Палестины и более развитых стран. Однако на расселение иммигрантов влияла и городская политика, когда, например, репатриантов и этнических немцев из России и Казахстана размещали в разных районах, – таким образом намеренно пытались селить их рассредоточено.

Три столицы стран Южной Европы – Мадрид, Рим и Лиссабон – последние 30 лет лидировали по миграционному приросту как столицы своих государств, однако Мадрид и Рим – всё же не центры притяжения иммигрантов (как столицы полицентричных государств). На Мадрид и Лиссабон сильнее повлияли геополитические события (финансово-экономический кризис 2008 г.). В них наблюдалось некоторое сокращение миграционного прироста. В Лиссабоне и в Мадриде лишь с 2016 г. заметен небольшой положительный миграционный баланс.

Для Лиссабона характерно различное расселение трудовых иммигрантов из стран – бывших колоний и более богатых иммигрантов из Европейского союза. В целом для Лиссабона, Мадрида и Рима свойственны черты постиндустриального города, характерные для городов Южной Европы.

Замечено, что к Мадриду в целом и к определенным группам иммигрантов (например, из Восточной Европы, Китая) применима концентрическая модель Э. Берджесса [Tshitshi, 2012; Residential..., 2012; Шатило, 2018]. Отток состоятельных граждан из центра в новые «богатые» районы присущ скорее молодым, чем старшим по возрасту людям: они чаще остаются в центре, где доступнее социальная инфраструктура, а жилье дешевле [Шатило, 2018].

Недостаточные и отчасти не совсем достоверные и устаревшие данные по Москве кардинально влияют на ее анализ. В городе, как считают некоторые эксперты (например, О.И. Вендина, Н.В. Мкртчян, М.С. Савоскул и др.), не образуются этнические гетто как раз из-за того, что иммиграция не такая длительная и массовая [Шатило, 2018; Шатило, 2021b]. Вероятно, что на социальную напряженность могут влиять внутренние мигранты из регионов с уровнем урбанизации ниже среднероссийского, отличные от Москвы традиции, социальные, этнические и культурные особенности. Начальная гипотеза подтвердилась для Москвы, однако районы с дешевым жильем притягивают не только иммигрантов, но и малообеспеченных горожан.

Промзоны (восток Москвы) важны не столько потому, что там уцелели заводы, сколько из-за давнего бренда, экологической ситуации (западный перенос), массивов московских пятиэтажек и их аналогов. Унаследованные факторы действуют уже без индустрии, и такое действие заметнее при генерализации, чем в локальном масштабе [Попов, Шатило, Саульская, 2016]. Это необычно: чем дробнее деление, тем территориальное расслоение более заметно. Однако в Москве она очевиднее при делении всего на две части: восток и запад. Дробная сетка чаще выявляет мозаичность показателей (если рядом хотя бы скромный сквер, он повысит цену). Но ни в одной из пяти столиц эти эффекты не сказываются на средних ценах по крупным ячейкам АТД [Шатило, 2018].

Дорогое жилье тяготеет к центральным и северным зеленым территориям, что не уникально, как и дешевизна восточных районов, отчасти связанная с характерным для Европы западным переносом: воздух наветренных

секторов крупных городов обычно чище. В Москве эффект усилен направлением речного стока, в Берлине – разделом города, а в Мадриде ослаблен практически отсутствием промышленных зон, в Риме и Лиссабоне – исторически, но тоже заметен.

Важный, но открытый вопрос, на который пока нет ответа из-за многогранности самих процессов: как влияет этническая дифференциация на социальную? Это сложный и взаимосвязанный процесс: они могут друг друга либо усиливать, либо ослаблять. Мозаичность расселения иммигрантов и распределения стоимости жилой недвижимости в целом сглаживает социальную и этническую напряженность. В Берлине долгое время было наоборот. Для исследования важна именно связь социально-территориальной дифференциации и миграционно-этнической. К сожалению, не для всех городов есть данные о социальном составе иммигрантов и этническом происхождении горожан с разными доходами, безработных по районам городов и т. д. Однако сама связь есть, в том числе территориальная, что видно на представленных картографических материалах. Для Москвы также характерен исторический фактор: например, там, где были расположены общежития для трудившихся на заводах рабочих, ситуация с мигрантами не меняется и сейчас. К примеру, на Автозаводской давно реновированы территории ЗИЛа, нет уже рабочих, но много среднеазиатских иммигрантов. Район Люблино, по некоторым источникам, отличается большое число китайцев, которые трудятся на торговых предприятиях и живут где-то неподалеку. То есть наблюдается постепенная смена социальной дифференциации на этносоциальную и миграционную, и это видно не только в Москве, но и в других исследуемых городах.

Выводы

Мозаичное расселение различных групп иммигрантов в «новых центрах» – практически единственное крупное сходство всех выбранных городов. Оно не связано с распределением цен на жилье. Зависимость может сокращаться по мере увеличения числа и разнообразия иммигрантов. Можно также отметить и масштаб миграции.

Лиссабон и Москву объединяет ключевая роль столицы. Мадрид, Рим и Берлин объединяет другое: хоть эти столицы и концентрируют большинство иммигрантов, однако в Испании, Италии и Германии есть другие города, которые также притягивают крупные миграционные потоки. Кроме того, во всех южных столицах нет почти традиционного деления на «восток и запад», как в более северной Москве (кстати, и в Берлине).

Характер и этапы иммиграции в Мадриде и Риме близки: резкий приток в 1990-е гг., большое число прибывших нелегалов. Эти города сближает и система расселения отдельных групп иммигрантов, которые заняты в семьях работодателей, поэтому проживают либо в дорогих районах, либо рядом с ними (например, филиппинцы и перуанцы в Риме, испаноязычные иммигранты в Мадриде). Другие группы иммигрантов расселены рядом с местами приложения труда. Более обеспеченные группы иммигрантов, например из западноевропейских стран и США, выбирают жить в более богатых и престижных районах, вблизи посольств, вузов и бизнес-центров (в Лиссабоне похожая ситуация с более обеспеченными мигрантами).

В Лиссабоне, как и в Мадриде, реализуются программы по снижению социальной изоляции и становлению города как открытого межкультурного центра.

Несмотря на общие черты, отличий всё-таки больше. Можно отметить, что исходная гипотеза подтвердилась лишь для Москвы, хотя есть и некое соответствие в других городах: не только иммигранты населяют районы с дешевой недвижимостью, но и малообеспеченные горожане, а для Берлина гипотеза оказалось не совсем верной. Берлин – уникальный пример влияния истории на социальную дифференциацию. Всё еще заметен контраст по расселению отдельных групп иммигрантов между западом и востоком. Возле промышленных объектов и в периферии восточной части города жили выходцы из Польши, стран бывшей Югославии и Вьетнама. Самую крупную диаспору образуют выходцы из Турции, которые традиционно проживали в районах старой и более дешевой застройки возле Берлинской стены в Западном Берлине. В настоящее время миграционная политика направлена на поддержание более равномерного расселения иммигрантов по городу. Стоимость жилья здесь не сильно влияет на расселение иммигрантов. Кроме того, из-за традиций и некоторых экономических соображений берлинцы чаще всего предпочитают аренду жилья, чем покупку.

Мадрид – это особый случай, хотя и не уникальный для мировой полупериферии. Миграционный бум, обилие нелегалов, владеющих языком страны прибытия, определенно роднят Мадрид с Москвой.

Для пространственного распределения иммигрантов в Лиссабоне характерно их расселение на окраинах и в центре города.

Модель расселения иммигрантов для Рима прежде всего связана с большей равномерностью, чем в других городах. Главным фактором их притяжения послужило наличие работы (в том числе нелегальной). Дополнительно

на выбор проживания влиял и доход, который определял возможность снять жилье. Однако полиэтнический центр города выделяется большим разнообразием выбора мест приложения труда в сферах, связанных с туризмом. В центре размещены историческая застройка и объекты культурного наследия. По мере удаления от центра возникают контрастные неравенства, которые связаны с расселением иммигрантов, размещением социального жилья, зон концентрации населения низкого социального статуса. Более обеспеченные иммигранты селятся в центре и северных районах.

Таким образом, каждый город имеет свои отличительные черты. В Берлине до сих пор наблюдается влияние бывшего раздела города, в Мадриде много близких по культуре выходцев из Латинской Америки, в Лиссабоне иммигранты селятся в историческом центре и районах, выходящих к реке Тежу, где средние цены на жилье, для Рима характерна большая равномерность территориальной структуры иммигрантов (по сравнению с другими городами). А в Москве близость иммигрантов к «местным» жителям со временем слабеет. Всё это влияет на различия в стратегиях адаптации иммигрантов и формирование социальной дифференциации внутригородских территорий.

Список литературы

- Барбаш Н. Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. Москва : ИГАН СССР, 1986. – 182 с.
- Битюкова В.Р., Махрова А.Г., Соколова Е.П. Экологическая ситуация как фактор дифференциации цен на жилье в г. Москве // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2006. – № 6. – С. 34–41.
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2019. – № 6. – С. 115–122.
- Вендина О.И. Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. – Москва : Три квадрата, 2009. – С. 45–148.
- Вендина О.И., Паин Э.А. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. – Москва : Сектор, 2018. – 184 с.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф. / Под общ. ред. Е.В. Тюрюканова. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 119 с.
- Зайончковская Ж.А. Миграция как фактор экономического развития // Люди и карты: географические аспекты исследования населения: сборник статей / сост. П.М. Полян, П.П. Турун. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2018. – С. 73–83.
- Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145.
- Капралов А.В. Социально-экономические проблемы расселения иммигрантов в Парижской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2008. – № 6. – С. 54–59.
- Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2014. – № 4. – С. 10–16.
- Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. – 2009. – № 11. – С. 149–164. URL: <http://spero.socpol.ru/>

docs/N11_2009_08.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг.: ключевые факторы различий // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2013. – С. 95–114.

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. – 2016. – № 4. – С. 103–123. – DOI: 10.32609/0042-8736-2016-4-103a123.

Попов А.А. Территориальная дифференциация качества городской среды в Москве // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2007. – № 4. – С. 29–36.

Попов А.А., Шатило Д.П., Саульская Т.Д. Промышленные зоны г. Москвы как фактор экологической ситуации и дифференциации цен на жилье // Экология и промышленность России. – 2016. – № 2. – С. 32–38.

Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. – Смоленск : Ойкумена, 2009. – 317 с.

Трейвиш А.И. Схемы осредненных регионов России: попытка моделирования «снизу» // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2017. – № 6. – С. 5–18.

Трущенко О. Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. – Москва : Socio-Logos, 1995. – 112 с.

Шатило Д.П. Мигранты в европейских столицах: социально-этническая дифференциация: монография / Д.П. Шатило. – Москва : Директ-Медиа, 2022. – 256 с.

Шатило Д.П. Роль рынка жилой недвижимости в этносоциальной дифференциации европейских столиц: Лондона, Парижа, Мадрида, Берлина и Москвы // Известия Российской академии

наук. Серия географическая. – 2015. – № 1. – С. 48–63.

Шатило Д.П. Расселение иммигрантов как важный фактор социального расслоения в крупных европейских столицах // Человек в мегаполисе: Опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А. Ревича, О.В. Кузнецовой. – Москва : Ленанд, 2018. – С. 469–486.

Шатило Д.П. Трансформация социального пространства глобальных городов : аналит. обзор / Москва : ИНИОН РАН. – 78 с. – DOI: 10.31249/citispac/2021.00.00.

Шатило Д.П. Пространственная этносоциальная структура населения Лондона, Парижа, Мадрида, Берлина и Москвы // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2021. – № 2. – С. 54–66.

Atlante Delle Disuguaglianze A Roma. – Roma : Camera di Commercio Roma, 2016. – 105 p.

Bailey N., van Gent W., Musterd S. Remaking Urban Segregation: Processes of Income. Sorting and Neighbourhood Change // Population Space and Place. – 2017. – Vol. 23, N 3. P. 1–16. – DOI: 10.1002/psp.2013.

Barómetro de inmigración de la comunidad de Madrid. – Madrid : Comunidad de Madrid, 2016. – 37 p.

Causi M., Guerrieri G. Il patrimonio immobiliare abitativo a Roma: evoluzione, divari fra centro e periferie, sperequazione tributaria // Roma moderna e contemporanea. – 2018. – Vol. XXV, issue 1–2. – P. 147–174.

City Migration Profile: Lisbon. – S. l. : The European Union, Mediterranean City-to-City Migration Project (MC2CM), 2017. – 95 p.

Fonseca M. L. Immigration and spatial change: The Lisbon experience // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2002. – Vol. 30, N 6. – P. 1065–1086. – DOI: 10.1080/1369183042000286250.

Galster G., Killen S. The geography of metropolitan opportunity: A reconnaissance and conceptual framework // *Housing Policy Debate*. – 1995. – Vol. 6, N 1. – P. 7–43.

Grzegorzczuk A. The Paris suburbs – blessed or cursed? // *Suburbanization Versus Peripheral Sustainability of Rural-Urban Areas Fringes, Urban Development and Infrastructure Series* / Ed. by M. Czerny, G. Hoyos Castillo. – New York : Nova Publishers, 2014. – P. 89–102.

Immigrants In Lisbon: Routes of integration. – Lisboa : Universidade De Lisboa, Centro De Estudos Geográficos, 2002. – 135 p.

Jaczewska B., Grzegorzczuk A. Residential segregation of metropolitan areas of Warsaw, Berlin and Paris // *Geographia Polonica*. – 2016. – Vol. 89, issue 2. – P. 141–168.

Kemper F.J. Restructuring of Housing and Ethnic Segregation: Recent Developments in Berlin // *Urban Studies*. – 1998. – Vol. 35, N 10. – P. 1765–1789.

La popolazione di Roma. – Roma : Commissione Di Piano, 2010. – 24 p.

Lelo K., Monni S., Tomassi F. Le sette Rome: La capitale delle disuguaglianze raccontata in 29 mappe. – S. l. : Donzelli Editore, 2021. – 136 p.

Lelo K, Monni S., Tomassi F. Roma, tra centro e periferie: come incidono le dinamiche urbanistiche sulle disuguaglianze socio-economiche // *Roma moderna e contemporane*. – 2017. –Vol. XXV, issue 1–2. – P. 131–146.

Paola R., De Capitani E. Digital Innovation and Migrants' Integration: Notes on EU Institutional and Legal Perspectives and Criticalities // *Social Sciences*. – 2022. – Vol. 11, N 144. – 12 p. – DOI: 10.3390/socsci11040144.

Peach C. Social geography: new religions and ethnoburbs – contrasts with cultural geography // *Progress in Human Geography*. – 2002. – Vol. 26, N 2. – P. 252–260.

Peach C. Slippery segregation: discovering or manufacturing ghettos? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2009. – Vol. 35, N 9. – P. 1381–1395. – DOI: 10.1080/13691830903125885.

Pickvance C. Housing privatisation and home protest in the transition from state socialism : a comparative study of Budapest and Moscow // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 1994. – Vol. 18, N 3. – P. 433–451.

Plano Municipal para a Integração de Migrantes de Lisboa 2018–2020. – Lisboa : Câmara Municipal de Lisboa, 2020. – 121 p.

Popolazione Straniera / Città metropolitana di Roma Capitale, Ufficio metropolitano di Statistica. – Roma Capitale : Ufficio di Statistica, 2019. – 18 p.

Poulsen M. Using local statistics and neighbourhood classifications to portray ethnic residential segregation: A London example // *Environment and Planning B: Planning and Design*. – 2011. – Vol. 38, N 4. – P. 636–658. – DOI: 10.1068/b36094.

Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity / Ed. by T. Maloutas and K. Fujita. – London, New York : Routledge, 2012. – 346 p.

Schulz M. Transformation des Berliner Wohnungsmarktes // *Mitteilungen Österreichische Geographische Gesellschaft*. – 1993. – N 135. – P. 63–86.

Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West / Ed. by T. Tamaru, S. Marcinczak, M. Van Ham, S. Musterd. – London : Routledge, 2015. – 414 p.

Transformation of environmental problems in Moscow: sociological dimension / Bityukova V., Savoskul M., Kirillov P., Koldobskaya N. // *Geography, Environment, Sustainability*. – 2016. – N 4. – P. 74–87.

Tshitshi K. Migraciones y convivencia urbana. Un estudio comparativo so-

bre los conflictos sociales y la segregación residencial en 6 ciudades europeas. – Comunidad de Madrid, Cuaderno N 8, 2012. – 162 p.

Uslaner E. Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion. –

New York : Cambridge University Press, 2012. – 284 p.

Van der Meer T., Tolsma J. Ethnic diversity and its effects on social cohesion // Annual Review of Sociology. – 2014. – Vol. 40, N 1. – P. 459–478.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11

Social Differentiation in the “New” Immigration Centers (on the Immigrants Settlement Pattern Example)

Daria P. SHATILO

PhD in Geographic Science, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN),

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID: 0000-0003-2575-0927

CITATION: Shatilo D.P. (2022). Social Differentiation in the “New” Immigration Centers (on the Immigrants Settlement Pattern Example). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 183–215 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.11

Received: 03.12.2021.

Revised: 08.06.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the study financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00251) and realized at the MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

ABSTRACT. *The article reveals the features of the intra-urban areas social differentiation on the example of immigrants' (and / or foreigners) settlement pattern in cities that can be called “new” immigration centers. The cities such as Madrid, Berlin, Rome, Lisbon and Moscow, for various reasons shown in the article, have begun to face an increase in immigrant flows over the past thirty years. These cities are the research objects, and its main goal is to find the features of the immigrants' settlement and reveal how it affects social differentiation. It*

turned out that Madrid and Rome are united by a relatively new increase in the number of immigrants over the past 30 years. In Berlin, the situation is complicated by its long history of dividing the city into West Berlin and East Berlin, which, even after German reunification, affects the city's social differentiation. Madrid and Rome have been the leaders in the growth of migration since the 1990s. However, the influx of immigrants to Madrid has been influenced by geopolitical events, so there has been a decline in immigration growth since 2008.

Since 2016, the influx of immigrants to Madrid has been on the rise again. Lisbon is characterized by a separate settlement of labor immigrants from former colonial countries and wealthier immigrants from the European Union. In general, Lisbon, Madrid and Rome are similar in the post-industrial city features, that is the southern Europe cities' characteristics. In Moscow, due to the statistics lack, it is difficult to consider the peculiarities of the immigrants settlement pattern. There are no ethnic ghettos in Moscow yet, because the migration history is not so long. Perhaps the main social tension is made by internal migrants, whose urbanization level and socio-ethnic and cultural characteristics are fundamentally different from those in Moscow.

KEYWORDS: social differentiation, social stratification, European capitals, resettlement of immigrants, housing prices territorial differentiation, Madrid, Berlin, Rome, Lisbon, Moscow.

References

Atlante Delle Disuguaglianze A Roma (2016). Roma: Camera di Commercio Roma, 105 pp.

Bailey N., van Gent W., Musterd S. (2017). Remaking Urban Segregation: Processes of Income. Sorting and Neighbourhood Change. *Population Space and Place*, vol. 23, no. 3, pp. 1–16. DOI: 10.1002/psp.2013.

Barbash N. (1986). *Methodology for studying the territorial differentiation of the urban environment*. Moscow : IGAN USSR, 182 pp. (in Russian).

Barómetro de inmigración de la comunidad de Madrid (2016). Madrid : Comunidad de Madrid, 37 pp.

Bitukova V., Makhrova A., Sokolova Ye. (2006). The ecological situation as a factor in the differentiation of housing

prices in Moscow. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no. 6, pp. 34–41 (in Russian).

Causi M., Guerrieri G. (2018). Il patrimonio immobiliare abitativo a Roma: evoluzione, divari fra centro e periferie, sperequazione tributaria. *Roma moderna e contemporanea*, vol. XXV, issue 1–2, pp. 147–174.

City Migration Profile: Lisbon (2017). S. l. : The European Union, Mediterranean City-to-City Migration Project (MC2CM), 95 pp.

Fonseca M.L. (2002). Immigration and spatial change: The Lisbon experience. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 30, no. 6, pp. 1065–1086. DOI: 10.1080/1369183042000286250.

Galster G., Killen S. (1995). The geography of metropolitan opportunity: A reconnaissance and conceptual framework. *Housing Policy Debate*, vol. 6, no. 1, pp. 7–43.

Grzegorzczak A. (2014). The Paris suburbs – blessed or cursed? In: Czerny M., Hoyos Castillo G. (eds.) *Suburbanization Versus Peripheral Sustainability of Rural-Urban Areas Fringes*, Urban Development and Infrastructure Series, New York : Nova Publishers, 2014, pp. 89–102.

Immigrants In Lisbon: Routes of integration (2002). Lisboa : Universidade De Lisboa, Centro De Estudos Geográficos, 135 pp.

Jaczevska B., Grzegorzczak A. (2016). Residential segregation of metropolitan areas of Warsaw, Berlin and Paris. *Geographia Polonica*, vol. 89, issue 2, pp. 141–168.

Kapralov A. (2008). Socio-economic problems of immigrants' settlements pattern Paris agglomeration. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no. 6, pp. 54–59 (in Russian).

Kemper F.J. (1998). Restructuring of Housing and Ethnic Segregation: Recent Developments in Berlin, *Urban Studies*, vol. 35, no. 10, pp. 1765–1789.

La popolazione di Roma (2010). Roma : Commissione Di Piano, 24 pp.

Lelo K., Monni S., Tomassi F. (2021). *Le sette Rome: La capitale delle disuguaglianze raccontata in 29 mappe*. S. l. : Donzelli Editore, 136 pp.

Lelo, K, Monni, S., Tomassi, F. (2017). Roma, tra centro e periferie: come incidono le dinamiche urbanistiche sulle disuguaglianze socio-economiche. *Roma moderna e contemporanea*, vol. XXV, issue 1–2, pp. 131–146.

Makhrova A. (2008). Features of the stadial development of the Moscow metropolitan area. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no. 4, pp. 10–16 (in Russian).

Mkrtchyan N. (2009). Migration mobility in Russia: assessments and problems of analysis. *SPERO*, no. 11, pp. 149–164 (in Russian). Available at: http://spero.socpol.ru/docs/N11_2009_08.pdf, accessed 10.06.2018.

Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B. (2013). Migration and natural movement of the population of cities and administrative regions of Russia in 1990–2010: key factors of differences. *Scientific works: Institute of Economic Forecasting RAS*, vol. 11, pp. 95–114 (in Russian).

Mkrtchyan N., Florinskaya Yu. (2016). Socio-economic effects of labor migration from small cities of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 103–123 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2016-4-103a123.

Paola R., De Capitani E. (2022). Digital Innovation and Migrants' Integration: Notes on EU Institutional and Legal Perspectives and Criticalities. *Social Sciences*, vol. 11, no. 144, 12 pp. DOI: 10.3390/socsci11040144.

Peach C. (2002). Social geography: new religions and ethnoburbs – contrasts with cultural geography. *Progress in Human Geography*, vol. 26, no. 2, pp. 252–260.

Peach C. (2009). Slippery segregation: discovering or manufacturing ghettos? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 35, no. 9, pp. 1381–1395. DOI: 10.1080/13691830903125885.

Pickvance C. (1994). Housing privatisation and home protest in the transition from state socialism : a comparative study of Budapest and Moscow. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 18, no. 3, pp. 433–451.

Plano Municipal para a Integração de Migrantes de Lisboa 2018–2020 (2020). Lisboa : Câmara Municipal de Lisboa, 121 pp.

Popolazione Straniera (2019). Città metropolitana di Roma Capitale, Ufficio metropolitano di Statistica, Roma Capitale : Ufficio di Statistica, 18 pp.

Popov A. (2007). Territorial differentiation of the quality of the urban environment in Moscow. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no. 4, pp. 29–36 (in Russian).

Popov A., Saulskaya T., Shatilo D. (2016). The Industrial Zones as a Factor of Ecological Situation and Housing Prices Variation in Moscow. *Ecology and Industry of Russia*, vol. 20, no. 2, pp. 32–38 (in Russian). DOI: 10.18412/1816-0395-2016-2-32-38.

Poulsen M. (2011). Using local statistics and neighbourhood classifications to portray ethnic residential segregation: A London example. *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 38, no. 4, pp. 636–658. DOI: 10.1068/b36094.

Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity (2012). Ed. by T. Maloutas and K. Fujita. London, New York : Routledge, 346 pp.

Shatilo D.P. Migrants in European capitals: socio-ethnic differentiation: monograph / D.P. Shatilo. – Moscow: Direct-Media, 2022. – 256 pp.

Shatilo D.P. (2015). Role of the residential real estate market in the ethnosocial differentiation of European capitals: London, Paris, Madrid, Berlin, and Mos-

cow. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, pp. 48–63 (in Russian).

Shatilo D.P. (2018). Resettlement of immigrants as an important factor of social stratification in large European capitals. In: Revich B.A., Kuznetsova O.V. (eds). *Human in megalopolis: a cross-disciplinary study*. Moscow : Lenand, pp. 469–486 (in Russian).

Shatilo D.P. (2021a). *Social space transformation in global cities: Analytical review*. Moscow: INION RAN, 78 pp. (in Russian). DOI: 10.31249/citispace/2021.00.00.

Shatilo D.P. (2021b). Ethno-social spatial structure of the population in London, Paris, Madrid, Berlin, and Moscow. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, no. 2, pp. 54–66 (in Russian).

Schulz M. (1993). Transformation des Berliner Wohnungsmarktes. *Mitteilungen Österreichische Geographische Gesellschaft*, no. 135, pp. 63–86.

Sluka N. (2009). *Geo-demographic phenomena of global cities*. Smolensk : Oykumena. 317 pp. (in Russian).

Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West (2015) / Ed. by Tammaru T., Marcinczak S., Van Ham M., Musterd S.. London : Routledge, 414 pp.

Transformation of environmental problems in Moscow: sociological dimension (2016) / Bityukova V., Savoskul M., Kirillov P., Koldobskaya N. *Geography, Environment, Sustainability*, no. 4, pp. 74–87.

Treyvish A. (2017). Schemes of the averaged regions of Russia: an attempt to model "from below". *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 6, pp. 5–18 (in Russian).

Truschenko O. (1995). *The prestige of the center: Urban social segregation in Moscow*. Moscow : Socio-Logos, 112 pp. (in Russian).

Tshitshi K. (2012). *Migraciones y convivencia urbana. Un estudio comparativo sobre los conflictos sociales y la segregación residencial en 6 ciudades europeas*. Comunidad de Madrid, Cuaderno N 8, 162 pp.

Uslaner E. (2012). *Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion*. New York : Cambridge University Press, 284 pp.

Van der Meer T., Tolsma J. (2014). Ethnic diversity and its effects on social cohesion. *Annual Review of Sociology*, vol. 40, no. 1, pp. 459–478.

Vendina O., Panin A., Tikunov V. (2019). Social space of Moscow: features and structure. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no. 6, pp. 115–122 (in Russian).

Vendina O. (2009). Cultural diversity and side effects of ethnocultural policy in Moscow. In: *Immigrants in Moscow*. Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya. Moscow : Three Tri kvadrata, pp. 45–148 (in Russian).

Vendina O., Pain E. (2018). *Multicultural city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities*. Moscow : Sector, 184 pp. (In Russian).

Zayonchkovskaya Zh. (2012). Migration as a factor in economic development. In: Polyan P.M., Turun P.P. (eds.) *People and maps: geographical aspects of population research: collection of articles*. Stavropol : SSU Publishing House, pp. 73–83 (in Russian).

Zhenshchiny-migranty... (2011) / Zayonchkovskaya Zh.A., Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Poletaev D.V., Florinskaya Yu.F. *Women migrants from the CIS countries to Russia*. Moscow : MAKSPress, 119 pp. (in Russian).

Zubarevich N. (2019). Spatial Development Strategy: Priorities and Tools. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 135–145 (in Russian).

Панорама Африки и Ближнего Востока

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Влияние формирующегося глобального мирового порядка на безопасность на Ближнем Востоке

Данила Сергеевич КРЫЛОВ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

ЦИТИРОВАНИЕ: Крылов Д.С. Влияние формирующегося глобального мирового порядка на безопасность на Ближнем Востоке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 216–230.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Статья поступила в редакцию 14.05.2022.
Исправленный текст представлен 11.07.2022.

АННОТАЦИЯ. Современная система международных отношений находится в стадии динамичной трансформации. Изменения, которые происходят в ней, затрагивают не только глобальный уровень, но и взаимодействие между государствами на региональном уровне. В рамках данного исследования было проанализировано влияние мирового порядка на процессы в области безопасности, которая является одной из многих сфер сотрудничества и противостояния держав-центров как регионального, так и глобального масштаба. Проведенный анализ показал высокий уровень конфликтогенности региона Ближнего Востока, длительные и разносторонние противоречия между ключевыми кросс-региональными державами (Египтом, Израилем, Ираном, Турцией и Саудовской Аравией), а также необходимость построения в регио-

не системы безопасности, которая могла бы впоследствии быть интегрирована в мировую архитектуру. В результате сделан вывод, что формируемая Россией на Ближнем Востоке инклюзивная архитектура безопасности, с учетом сохранения возможностей равногo диалога заинтересованных сторон, может стать действенной структурой поддержания мира и стабильности на региональном уровне, а также фундаментом нового миропорядка, в том числе в контексте глобальной архитектуры мировой безопасности, в которую будут вовлечены державы-центры мирового масштаба.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальный миропорядок, система международных отношений, полицентричность, международные отношения, безопасность, Ближний Восток, Россия.

Понятие «порядок» широко используется в исследованиях международных отношений, хотя часто оно отождествляется с международной реальностью. Любая дискуссия о порядке в международных отношениях (МО) начинается с концептуализации, предложенной отцами-основателями английской школы МО, прежде всего Хедли Буллом. В работе «Анархическое общество» Х. Булл определяет порядок как «модель деятельности, которая поддерживает элементарные или основные цели общества государств или международного общества» [Bull, 1977, р. 8]. Данное определение включает в себя два составных элемента. Во-первых, это «международное общество», которое определяется как группа государств, осознающих свои общие интересы и ценности, признающих, что они связаны общими нормами, регулируемыми их отношения [Bull, 1977, р. 13]. Во-вторых, концептуализируются общие интересы, которые включают в себя [Bull, 1977, р. 18–21]:

- сохранение международного сообщества;
- недопущение «устранения» любого из участников системы;
- защиту независимости и суверенитета государств-акторов;
- поддержание мира между всеми участниками системы;
- соблюдение принципа *pacta sunt servanda* (с лат. – «договоры должны соблюдаться»);
- сохранение собственности.

С этой точки зрения порядок не заменяет анархию, которая обычно определяется в международных отношениях через отсутствие какой-либо «верховой» власти, способной навязывать свою волю всем звеньям системы. Таким образом, в рамках реалистической теории государства сами обеспечивают собственную безопасность и безопасность системы, в которой они суще-

ствуют, в том числе используя правила, устанавливаемые мировым порядком.

С момента возникновения английской школы было предложено несколько альтернативных определений порядка, большинство из которых бросали вызов концепции Х. Булла о целях, которых стремится достичь любой порядок. Так, например, Дж. Пэрента и Э. Эриксона [Parent, Erikson, 2009] определяют порядок как модель деятельности, которая ограничивает частоту и интенсивность насилия между единицами (актерами) в рамках существующей международной системы, тем самым ограничивая цель любого международного порядка измерением безопасности и, в более узком смысле, снижением уровня враждебности. Д. Армстронг [Armstrong, 1993] в свою очередь сосредоточил исследования на регулярности и преемственности системы правил, практик и предположений, которые принимаются членами любого общества как законные и влияют на то, как происходят изменения в данном обществе. Таким образом, это определение обосновывает идею о том, что любой порядок в конечном счете направлен на установление допустимых пределов потенциальных изменений в том, как единицы системы относятся друг к другу и как они могут быть воплощены в реальность. Для М. Алагатта [Alagappa, 2003, р. 39] порядком считается «формальное или неформальное соглашение, которое поддерживает подчиненное определенным правилам взаимодействие между суверенными государствами в их стремлении к индивидуальному и коллективному целям». Таким образом, концепция порядка расширяется и не закрепляется в виде целей любого международного порядка. К. Ройс-Смит выдвигает тезис, что международное общество состоит из набора международных институтов, разделенных иерархически

на три разных уровня: «конституционная структура», ее «фундаментальные институты» и «международные режимы» [Reus-Smit, 1997]. Таким образом, К. Ройс-Смит сосредотачивается на моделях (паттернах) деятельности, составляющих любой порядок, иерархизирует их, не предполагая, что за этой конструкцией стоит какая-либо цель. Несомненно, существуют иные трактовки и подходы к понятию и структуре порядка, однако в рамках данного исследования представляются достаточными вышеописанные концепты.

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что формирующийся мировой порядок будет включать в себя правила существования среды, в которой государства-элементы системы будут объединены общими интересами. Если исходить из тезисов политического реализма (государство – основной актор международных отношений), то одной из ключевых сфер соприкосновения целей государств будет обеспечение безопасности. Установленные правила окажут влияние на происходящие глобальные и региональные процессы, в том числе в свете построения нового баланса сил. Целью взаимодействия акторов будут как намерение каждого из них достичь своих национальных интересов, так и стремление реализовать коллективные интересы. В этом случае вопрос поддержания безопасности становится актуальным как на мировом уровне, так и в отдельных регионах.

На современном этапе пространство Ближнего Востока занимает одно из ключевых мест в системе современных международных отношений и мировой экономики. Вместе с тем этот регион традиционно отличается высоким уровнем конфликтности. На Ближнем Востоке существует множество очагов напряженности, зон нестабильности и вооруженных столкновений. При этом

процессы, происходящие в ближневосточной подсистеме, затрагивают интересы как региональной, так и кросс-региональной и международной безопасности. Общую ситуацию усугубляют давние внутрорегиональные противоречия между отдельными странами, в том числе идеологического характера, а также исторические основы межгосударственных отношений, этнические и конфессиональные споры, глобальная и региональная гонка вооружений и военных технологий, а также активное вовлечение мировых держав, столкновения их сил и интересов в регионе.

В рамках данного исследования под термином «Ближний Восток» понимается не столько географическое, сколько политическое пространство, включающее в себя страны Аравийского полуострова (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), Арабского Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Сирия), Израиль, а также государства, которые находятся на границах региона (Египет на западе, Турция на севере и Иран на востоке), поскольку они играют ведущую роль во всех региональных процессах. Поэтому относящийся обычно к Среднему Востоку Иран в рамках данной работы относится к государствам Ближнего Востока.

Ближний Восток не однороден как политически и экономически, так и идейно-ценностно. Это арена противостояния интересов мировых держав и зона борьбы за влияние и лидерство между региональными и кросс-региональными государствами. При этом процессы, происходящие в геополитическом, геоэкономическом и геочивилизационном пространствах Ближнего Востока, оказывают влияние не только на региональный баланс сил, но и на смежные регионы Северной Африки, Средней Азии, Южного Кавказа и Южной Европы, а также (в отдельных

аспектах, например в энергетическом) на всю глобальную систему международных отношений.

Следует отметить, что, несмотря на совпадение в определенной степени географических границ и территорий пространства Ближнего Востока и американского геополитического концепта «Большой Ближний Восток» (ББВ)¹, в рамках данной работы последнему не будет уделено внимания по двум основным причинам. Во-первых, концепт ББВ не отвечает интересам Российской Федерации, поскольку был сформулирован Фондом Карнеги за международный мир (США) в рамках задачи, поставленной администрацией США в 2004 г. Во-вторых, проект «Большой Ближний Восток» пытается объединить различающиеся геополитические регионы Северной Африки, Восточной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии (а также к ББВ иногда относят Южный Кавказ и Среднюю Азию). Это ведет к определенному упрощению и обобщению региональных процессов, а также осложняет оценку различных политических векторов государств-лидеров (в том числе уменьшая ее уровень и значимость), поскольку, например, в рамках данного исследования (обращающегося к понятию пространства Ближнего Востока) Саудовская Аравия, Турция и Иран проводят кросс-региональную внешнюю политику, распространяя свое влияние на смежные регионы (например, на Северную Африку, Среднюю Азию, Южный Кавказ). В то же время аналогичная политика того же набора государств становится региональной (то есть понижается на одну «ступень»), если рассматривать всё исходя из концепта Большого Ближнего Востока.

Исходя из последнего тезиса, автор исследования не считает целесообразным включение региона Южного Кавказа в пространство Ближнего Востока, поскольку исследования, учитывающие политические, географические, экономические, цивилизационные, идейно-ценностные отличия регионов, являются крайне актуальными и необходимыми в рамках трансформации мирового порядка, который Россия стремится привести к полицентричному формату. А обобщения, включающие в регион Ближнего Востока иные пространства, качественно отличающиеся по своим процессам от ближневосточных, будут осложнять как оценивание внутрирегиональной ситуации, так и характеристику центров силы будущего полицентричного мира.

Распад биполярной системы международных отношений, последовавший после окончания холодной войны, привел к росту внутривосточных конфликтов на Ближнем Востоке и их интернационализации [Савичева, 2014, с. 16], усугубленных сложными межгосударственными отношениями и отсутствием эффективных региональных или кросс-региональных архитектур безопасности, которые включали бы в себя государства региона и имели бы потенциал для снижения интенсивности или даже урегулирования конфликтов.

Кроме того, нестабильная политическая обстановка внутри отдельных стран и в целом в регионе приводит к росту объемов закупок вооружения, военных технологий и техники. Из этого следует увеличение значимости государств-экспортеров оружия, а также важности сотрудничества в сфере военно-промышленного комплекса (ВПК).

1 Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира // Центр стратегических оценок и прогнозов. – 2018. – 16 ноября. – URL: <http://csf.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/bolshoj-blizhnij-vostok-kak-novyy-fenomen-geopoliticheskoy-realnosti-sovremennogo-mira-8719> (дата обращения: 05.05.2022).

Это ведет к превращению региона в гигантскую геополитическую «пороховую бочку», в которой сосредоточены и активно наращиваются значительные запасы различного вооружения, военной техники и технологий. Таким образом, большинство региональных процессов подстегиваются и усугубляются вооруженными конфликтами, происходящими между странами ближневосточной подсистемы международных отношений.

Ситуация в сфере безопасности на Ближнем Востоке крайне зависима как от внутренних, так и от внешних составляющих, в том числе от структуры и формата функционирования глобальной системы международных отношений, которая претерпевает трансформацию в настоящее время. Мюнхенская речь В. Путина (2007 г.), воссоединение Крыма с Россией (2014 г.), военная операция в Сирии (с 2015 г.) и специальная военная операция по защите ДНР и ЛНР (с 2022 г.) – каждое из этих событий влияло на глобальный миропорядок, всё больше сдвигая его от американоцентричной модели, которая существовала в конце 1990-х – начале 2000-х годов, в сторону полицентричного мира. Кризис модели гегемонии США связан, с одной стороны, с изменением баланса сил (с точки зрения политического реализма), а с другой – с неспособностью Вашингтона поддерживать международные режимы, обеспечивающие соблюдение «правил игры», которые необходимы для развития процессов глобализации (с точки зрения политического либерализма). Как итог, США оказались бессильны единолично поддерживать глобальную стабильность [Казанцев, Сергеев, 2020, с. 48].

При этом реальный и активный сдвиг в сторону выстраивания фундамента нового миропорядка, иной системы международных отношений начался в период кризиса первой поло-

вины 2022 г. Вероятнее всего, трансформация из концепции в конкретную устойчивую архитектуру займет несколько лет. И на протяжении всего этого времени мир будут сотрясать конфликты, возникать и затухать очаги напряженности, споры за интересы, ресурсы и баланс сил.

«Центричность» мира крайне важна с точки зрения баланса сил, количества и уровня интенсивности конфликтов. Столкновения интересов акторов центров силы приводят к динамичному изменению зоны противостояния и расширению очагов напряженности в регионе. История не позволяет утверждать, что существует определенный уровень «центричности», который позволял бы свести к нулю конфликтный потенциал региона, поскольку в различных регионах (в том числе на Ближнем Востоке) происходили конфликты как в биполярном мире холодной войны, так и в однополярном мире с гегемонией США в период постбиполярного мира (после окончания холодной войны), а также во время мира, возникшего после «постбиполярного» – в условной полицентричной модели международных отношений, трансформация которой происходит на современном этапе.

Трансформация мира продолжает идеологическое соревнование, которое активно происходило во второй половине XX в., но теперь в формате не столько тотальных идеологий и противостояния двух миров – центров систем, сколько конфронтация политических моделей и идеологем, которые будут развивать мир [Аватков, 2020, с. 41]. Кроме того, отход от явного противостояния идеологических систем вместе с ростом взаимодействия стран третьего мира (включая государства Ближнего Востока) с Китаем по линии Юг – Юг [Кузнецов, 2019] приводят как к переносу и смещению сил и интере-

сов на глобальный Восток, так и к росту числа зон напряженности и повышению важности поддержания безопасности в региональных подсистемах.

Регион Ближнего Востока также может быть охарактеризован с точки зрения региональной гетерополярности (разнополярности). Концепция гетерополярности, используемая Дэрилом Коуплендом [Copeland, 2013] и Джеймсом Дер Дерианом [Der Derian, 2009], помимо признания диффузного характера власти и ее распределения внутри системы, обходит проблему ограничения обсуждения структуры рассмотрением только состояния, единиц измерения. Это позволяет включить в пространство анализа как изучение системы распределения властей, так и негосударственные субъекты (в дополнение к концептуализации их как простых инструментов государственных единиц). В соответствии с этим подходом на Ближнем Востоке подвергается сомнению факт влияния негосударственных субъектов на структуру подсистемы с целью определить новые центры силы, которые необходимы для понимания работы региональной политики [Middle East..., 2016, p. 38]. Исходя из этого, далее на региональном уровне основное внимание будет уделено государственным акторам, в особенности тем, которые занимают центральные позиции в регионе, вовлекая иные страны в орбиту своего влияния. При этом на глобальном уровне они сами будут интегрироваться в ту или иную систему влияния мировых держав. Таким образом, кросс-региональные государства, расположенные в центре структуры «мировые державы – кросс-региональные государства – страны региона», представляют особый интерес в контексте выстраивания правил нового глобального порядка, поскольку они одновременно имеют статус центральных с точки зрения регио-

на (подсистемы) и периферийных с точки зрения глобальной системы.

Проводя краткий исторический обзор изменения структуры кросс-региональных государств-лидеров, которые являются полюсами – центрами силы и способны оказывать и/или оказывают влияние не только на процессы в регионе Ближнего Востока, но и в смежных зонах (Северной Африке, Восточном Средиземноморье, Среднем Востоке и др.) начиная с периода, предшествовавшего распаду глобальной биполярной системы, и заканчивая современным этапом, следует подчеркнуть, что в 1980-х годах в регионе господствовала бесцентровая фрагментарная полицентричность. Первоначально в течение десятилетия наблюдался упадок панарабизма и рост тенденций консолидации государства и панисламизма. В то время за региональное лидерство боролись пять полюсов силы: Египет, Сирия, Саудовская Аравия, Ирак и недавно образованная Исламская Республика Иран. В целом были образованы два блока, в один из которых вошли так называемые умеренно прозападные страны (Ирак, Египет, Саудовская Аравия и другие страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Северный Йемен и Иордания), а в другой – Иран и так называемый Фронт стойкости и противостояния, в который входили Алжир, Ливия, Сирия и Южный Йемен. Данное «широкое» разделение сосуществовало одновременно с внутриблоковыми движениями, направленными на пересмотр и изменение баланса сил в регионе перед лицом ревизионистских усилий Израиля, Ирана и Ирака [Middle East..., 2016, p. 38].

Новый период изменения структуры кросс-региональных лидеров начался с войны в Персидском заливе, связанной в ответ на вторжение Ирака

в Кувейт в 1990 г. Основными центрами силы были Саудовская Аравия, Египет, Сирия, Иран, Израиль и Турция. Все эти страны ощущали вызов Саддама Хусейна со стороны Ирака, однако они не были намерены формулировать между собой полноценные механизмы альянса или военно-политического блока. Проникновение США в ближневосточную региональную подсистему было связано в первую очередь с окончанием холодной войны и распадом глобальной биполярной системы, что было охарактеризовано как «момент американской гегемонии» в регионе.

Впоследствии вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г. привело к фактическому исчезновению Ирака с политической карты мира как целостного суверенного государства, в прошлом являвшегося одним из традиционных кросс-региональных центров силы в ближневосточной подсистеме. Это совпало с «возвращением» Ирана и Турции в региональную политику на рубеже XXI в. Кристина Кауш (в 2014 г. – руководитель ближневосточной программы *FRIDE*, Мадрид) охарактеризовала региональную систему, возникшую после «арабской весны» 2011 г., как «конкурентную многополярность», в которой «вместо формирования сплоченных блоков и вступления в долгосрочные союзы ряд региональных и внешних игроков разного размера и политического веса, вероятно, будут конкурировать в меняющихся, перекрывающихся союзах» [Kausch, 2014, p. 11].

Данная структура ближневосточной подсистемы продолжила трансформироваться на фоне кризисов в Сирии и Ираке (с 2011 г.), Йемене (с 2014 г.), военной операции России в Сирии (с 2015 г.) и военной операции коалиционных сил арабских государств под руководством Саудовской Аравии в Йемене (с 2015 г.), а также других ма-

лых и крупных событий и действий различных стран. В результате за период с 2003 г. по май 2022 г. в регионе сформировались и укрепили свое влияние пять кросс-региональных держав: Египет, Израиль, Иран, Саудовская Аравия (КСА) и Турция [Buzan, Wæver, 2003]. Они образуют своего рода геополитический «пятиугольник» – сложную по своей структуре, характеру связей и особенностям среды подсистему международных отношений. Кроме того, ситуация усугубляется внешним влиянием и участием в региональных конфликтах мировых держав: России, США, Китая, – а также Европы (как в рамках ЕС + Великобритания, так и отдельных стран, преимущественно Франции и Великобритании).

При этом, в отличие от многих других регионов мира, конфликты на Ближнем Востоке по своей структуре состоят из двусторонних напряженностей, которые в совокупности формируют многосторонние и многовекторные зоны напряженности. Это происходит в том числе из-за специфики отношений между государствами региона, которые предпочитают заключать соглашения и договоренности преимущественно на двусторонней основе (например, Кэмп-Дэвидские соглашения между Израилем и Египтом [Bani Salameh, Bani Salameh, Al-Shra'h, 2012]), с возможным привлечением третьих сторон в качестве преимущественно модераторов, а также с низкой эффективностью региональных межгосударственных объединений, особенно в сфере урегулирования существующих и/или потенциальных конфликтов.

Каждое из пяти кросс-региональных держав имеет конфликты с каждым другим актором. История их противостояния длится не одно десятилетие и охватывает различные сферы отношений: военную (вооруженная конфронтация или военно-техническое противо-

стояние, например Израиль – Иран), политическую (в том числе дипломатического характера, например Саудовская Аравия – Израиль), идейно-ценностную (в том числе идеологического или религиозного характера, например Саудовская Аравия – Иран, Саудовская Аравия – Турция), а также экономическую (Египет – Турция). В разные периоды эскалации сферы взаимодействия могут менять свой уровень значимости и критичности, однако зоны напряженности в целом остаются без глубинных изменений на протяжении последних нескольких десятилетий.

Так, например, позиции и подходы Саудовской Аравии и Турции диаметрально различаются в отношении группировки «Братья-мусульмане»*, которая после поражения в Египте в 2013 г. нашла поддержку в том числе у президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, в то время как Эр-Рияд официально признал данную организацию террористической². Другим камнем преткновения между двумя государствами является вопрос сотрудничества Турции с Катаром, на территории которого Анкара разместила свою военную базу, поскольку, несмотря на закончившийся дипломатический кризис, Доха и Эр-Рияд на протяжении многих лет являются региональными соперниками [Кузнецов, 2017]. В контексте отношений в треугольнике Сирия – Россия – Саудовская Аравия особое внимание обращает на себя намерение Эр-Рияда наладить сотрудничество с официальным правительством Сирии [Щегловин, 2019].

Говоря об Израиле, необходимо отметить, что данное государство находится в центре столкновений интересов большинства ближневосточных ак-

торов. Идейно-ценностная и политическая стороны продолжающегося более 70 лет арабо-израильского конфликта регулярно создают подъемы напряженности в регионе, которые не способствуют мирному урегулированию. Россия считает возможным решение палестино-израильского конфликта только на основе резолюций Совета Безопасности ООН № 242, 338, 1397 и 1515, Арабской мирной инициативы 2002 г. и «дорожной карты» 2003 г. Приверженность этим документам позволяет Москве поддерживать отношения со многими государствами Ближнего Востока, но осложняет сотрудничество с Израилем. Помимо арабо-израильского конфликта, существует длительное идеологическое противостояние Тель-Авива и Анкары вокруг статуса и контроля над Иерусалимом и мечетью Аль-Акса. Противостояние Ирана и Израиля усугубляется, с одной стороны, активно ведущейся пропагандистской, информационно-психологической борьбой, а с другой – антииранской линией Израиля, которая выражается как в политических заявлениях, так и в конкретных шагах против Тегерана (диверсии на ядерных объектах, ликвидация иранских физиков-ядерщиков, противостояние проиранской группировке «Хизбалла» в Ливане, воздушные удары по военным объектам Ирана на территории Сирии и пр.) [Сажин, 2020].

На сирийском треке наблюдается столкновение интересов Турции и Ирана, несмотря на то что Анкара и Тегеран, наряду с Москвой, являются странами – гарантами Астанинских соглашений. Ситуация усугублена противостоянием Турции и США, поскольку Вашингтон поддерживал и продолжа-

2 Abueish T. Muslim Brotherhood is a terrorist group: Saudi Arabia's Council of Senior Scholars // Al Arabiya English. – 2020. – November 11. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2020/11/11/Muslim-Brotherhood-is-a-terrorist-group-Saudi-Arabia-s-Council-of-Senior-Scholars> (дата обращения: 05.05.2022).

ет поддерживать курдские силы, с которыми Анкара ведет непримиримую борьбу. Также Анкара активно поддерживала многочисленные сирийские исламистские группировки, которые разделяли в том числе идеи «Братьев-мусульман»* [Долгов, 2021, с. 155].

Вышеуказанные процессы усугубляются также отсутствием сформированной и эффективно функционирующей в регионе системы безопасности. Речь идет не только о кросс-региональных архитектурах (Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), но также о глобальных, поскольку ни институты ООН (включая Совет Безопасности ООН и миротворческие миссии) в период биполярности, ни страны – члены НАТО в период после распада СССР, ни иные структуры не оказались способны обеспечить достаточный уровень безопасности и отсутствия конфликтов в регионе. В настоящее время Россия при поддержке Ирана и Турции стремится выстроить на Ближнем Востоке инклюзивную архитектуру безопасности, которая, тем не менее, ограничена исключительно сирийской зоной напряженности, поскольку выход на региональный уровень требует вовлечения иных кросс-региональных акторов, скованных противоречиями, существующими на протяжении десятилетий [Крылов, 2021].

Что касается внешних игроков, то значительный интерес представляет развитие отношений Москвы (и Пекина) с государствами Ближнего Востока с учетом глобального геополитического, геоэкономического, цивилизационного и информационного противостояния между Россией и коллективным Западом. События «арабской весны» и череда последовавших за ней политических изменений и вооруженных кон-

фликтов в регионе временно ослабили правящие режимы (Египет, Сирия) или даже привели к краху региональные державы (Ливия), спровоцировали региональные конфликты (Йемен, Сирия, Ливия) и подъем так называемого Исламского государства*, которое вернуло угрозу терроризма в повестку дня в сфере международной безопасности. Эти события вместе с ослабевающим влиянием США (в том числе в связи с попытками региональных государств последовательно диверсифицировать двусторонние отношения в критически важных областях политики, экономики и военно-промышленного комплекса) породили в регионе спрос на альтернативные партнерские отношения. В подобных условиях военно-политические возможности способствовали быстрому и активному возвращению России в регион Ближнего Востока после периода снижения уровня отношений после распада СССР. Москва стала привлекательным партнером для многих государств региона, начала активно восстанавливать свое политическое и военное присутствие в регионе, в том числе под знаменем борьбы с международным терроризмом. Кроме того, искусная энергетическая дипломатия Москвы на Ближнем Востоке в определенный момент привела мировые цены на нефть к уровню, который отвечает интересам России. Это позволило Москве вернуться к бездефицитному бюджету и помогло стабилизировать финансы, а также улучшить макроэкономические перспективы государства [Popescu, Secieru, 2018, p. 4–7].

Геополитические вызовы со стороны России в отношении влияния стран ЕС и США постоянно ощущаются во всем ближневосточном регионе. Так, в зоне Персидского залива и монархий Аравийского полуострова, которые являются основными региональными союзниками США, страны

активно взаимодействуют с Москвой (а также с Пекином) с целью диверсификации сил и средств в области безопасности. После десятилетий закупок оружия в США и Европе многие страны Персидского залива были привлечены прагматичным подходом России, который контрастировал с западным дискурсом политических реформ. Хотя монархии Персидского залива не одобряли поддержку Кремлем политики Башара Асада в Сирии, военная операция России в этой арабской республике, тем не менее, доказала, что Москва является устойчивым и непоколебимым союзником, в отличие от переменчивой позиции и непоследовательной реакции стран Запада на перемены в регионе³.

Подводя итог, следует отметить, что формирующийся в настоящее время новый глобальный мировой порядок в будущем будет оказывать значительное влияние на региональные процессы на Ближнем Востоке, особенно учитывая высокую конфликтогенность, а также глубокие и давние противоречия между ключевыми кросс-региональными государствами, которые одновременно являются центрами построения любых систем в регионе. Например, к началу второй половины 2022 г. стало очевидным влияние специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины, не только на региональные и кросс-региональные, но также и на глобальные процессы, которые, в свою очередь, опосредованно воздействуют на изменения баланса сил и системы отношений в различных регионах мира (включая Ближний Восток), в которых имеет

место конфликт интересов России и стран Западного мира.

Россия всегда стремилась не столько подчинить других акторов своим целям и политической воле, сколько начать диалог и поставить стороны в зависимость друг от друга. Создать замкнутую систему, инклюзивную архитектуру безопасности [Аватков, 2018], которая базировалась бы более чем на двух основах и позволила вести заинтересованным сторонам диалог на равных с целью нахождения компромиссных решений. Теоретически данная структура в рамках полицентричного мира может существовать как на региональном, так и на глобальном уровнях. При этом внимание необходимо в том числе уделить количеству «участников-центров» складывающейся системы.

Говоря о региональном уровне безопасности на Ближнем Востоке, если подобная архитектура будет включать в себя всего одного участника (*unipolarity*), то, поскольку исторически государства региона имеют сложности с коллективным взаимодействием и привержены ведению независимой и минимальным образом согласуемой с другими политики, которая имеет в том числе и явную конфронтационную направленность, система не будет стабильной. Кроме того, стремление одних более сильных государств (мировых или региональных) доминировать и устанавливать гегемонию в регионе приведет лишь к новому расколу и очередному витку напряженности и эскалации конфликтов.

Биполярная система архитектуры приведет к классическому дуцентричному противостоянию, которое может идти в регионе как по линии «шииты – сунниты», «Саудовская Аравия – Иран», так и по любой другой. В ус-

3 Gardner F. Russia in the Middle East: Return of the Bear // BBC News. – 2013. – November 14. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-24944325> (дата обращения: 05.05.2022).

ловиях множества вооруженных конфликтов превосходство любой стороны в одной из зон напряженности будет нивелироваться отсутствием явно выраженных центров, захват которых привел бы к окончанию войны. А уничтожение любого государства, независимо от уровня его влияния, вызовет коллапс системы безопасности в регионе.

Третий вариант: полицентричная архитектура безопасности и построения мира на глобальном или региональном уровне видится наиболее реалистичной в вопросе реализации и существования. Если интегрировать в подобную систему акторов, которые готовы к диалогу и компромиссу, хотя и могут решать вопросы региональной безопасности, то подобный комплекс связей поможет если не решить, то минимизировать последствия конфликтных столкновений сторон. Ключевой вопрос – территориальные и ресурсные претензии каждой стороны по идеологическим, историческим, геополитическим, экономическим или любым иным причинам. В настоящее время России в рамках проведения внешнеполитической стратегии по построению полицентричного мира удалось создать трехкомпонентную систему, включающую, кроме нее, Иран и Турцию.

В свете глобальных изменений, сложнопрогнозируемых событий и асимметричных действий сторон крайне затруднительно говорить об абсолютности тех или иных структур, решений и позиций. Полицентричная архитектура безопасности и решения вопросов в регионе Ближнего Востока только формируется. Тем не менее ее опыт и практические результаты впоследствии могут использоваться на более высоком уровне. В таком случае система, включающая в себя государства-центры на уровне региона и которой на фоне глобальных трансформаций надлежит обеспечивать мир и стабильность в регионе

Ближнего Востока, потенциально в будущем (при достаточной воле и усилиях заинтересованных сторон) может стать фундаментом нового миропорядка, основой построения глобальной архитектуры мировой безопасности, в которую будут вовлечены державы – центры мирового масштаба.

* Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Список литературы

Аватков В.А. Идеинный фактор и тюркский элемент в политике России сквозь призму трансформации мирового порядка // Россия и современный мир. – 2020. – № 3 (108). – С. 38–49. – DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.

Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 2018. – 6 апреля. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 05.05.2022).

Долгов Б.В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 147–160. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8.

Казанцев А.А., Сергеев В.М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Том 13, № 2. – С. 40–69. – DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69.

Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

Кузнецов А.А. Катар – КСА: разрастание конфликта // Институт Ближнего Востока. – 2017. – 13 июня. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=35577> (дата обращения: 05.05.2022).

Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 14–21. – URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/viewFile/10779/10230> (дата обращения: 05.05.2022).

Сажин В. Иран: итоги 2020 и перспективы // Международная жизнь. – 2020. – 29 декабря. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28604> (дата обращения: 05.05.2022).

Щегловин Ю.Б. О процессе восстановления отношений Сирии с арабскими государствами // Институт Ближнего Востока. – 2019. – 6 января. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=52090> (дата обращения: 05.05.2022).

Alagappa M. The Study of International Order: An Analytical Framework // Asian Security Order: Instrumental and Normative Featuresю – Stanford : Stanford University Press, 2003. – P. 33–69.

Armstrong D. Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 328 p.

Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts // The Arab Journal For Arts. – 2012. – Vol. 9, N 2A. – P. 41–66. – URL: <https://aauja.yu.edu.jo/IMAGES/DOCS/V9N2A/V9N2AR11.PDF> (дата обращения: 05.05.2022).

Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. – New York : Columbia University Press, 1977. – 356 p.

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

Copeland D. Diplomacy, Globalization and Heteropolarity: The Challenge of Adaptation // CDEAI Policy Papers. – August, 2013. – 15p. – URL: http://www.cgai.ca/diplomacy_globalization_and_heteropolarity (дата обращения: 05.05.2022).

Der Derian J. Virtuous War. Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network. – 2nd ed. – London : Routledge, 2009. – 368 p. – DOI: 10.4324/9780203881538.

Kausch K. Competitive Multipolarity in the Middle East // IAI Working Papers. – September, 2014. – N 14/10. – URL: <http://www.iai.it/en/node/2358> (дата обращения: 05.05.2022).

Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping geopolitical shifts, regional order and domestic transformations / Soler i Lecha E. [et al.] (eds.). // MENARA, Methodology and concept papers. – 2016. – November, N 1. – 114 p. – URL: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

Parent J.M., Erikson E. Anarchy, Hierarchy and Order // Cambridge Review of International Affairs. – March, 2009. – Vol. 22, N 1. – P. 129–145.

Popescu N., Secieru S. Russia's return to the Middle East Building sandcastles? // European Union Institute for Security Studies, Chaillot Papers. – July, 2018. – N 146. – 121 p. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_146.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

Reus-Smit C. The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institutions // International Organization. – 1997. – Vol. 51, N 4 (Autumn). – P. 555–589.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Impact of Emerging International Order on Security in Middle East

Danila S. KRYLOV

Research Fellow Department of Middle and Post-Soviet East,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1982-4678

CITATION: Krylov D.S. (2022). Impact of Emerging International Order on Security in Middle East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 216–230 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.12

Received: 14.05.2022.

Revised: 11.07.2022.

ABSTRACT. *The modern system of international relations is currently in a stage of dynamic transformation. The changes that are taking place in it affect not only the global level, but also the interaction between states at the regional level. In the article the influence of the world order on the processes in the field of security, which is one of the many areas of cooperation and confrontation between the center powers, both regional and global, is being analyzed. The analysis has shown a high level of conflict potential in the Middle East region, long-term and versatile contradictions among the key cross-regional powers (Egypt, Israel, Iran, Turkey and Saudi Arabia), as well as the need to build a security system in the region that could later be integrated into the world architecture. As a result, it is concluded that the inclusive security architecture being formed by Russia in the Middle East, taking into account the preservation of opportunities for equal dialogue of interested parties, could become*

an effective structure for maintaining peace and stability at the regional level, as well as the basis for a new world order, in the context of the global security architecture, in which the center powers of the world scale will be involved.

KEYWORDS: *global order, system of international relations, multipolarity, international relations, security, Middle East, Russia.*

References

- Alagappa M. (2003). *The Study of International Order: An Analytical Framework*. Asian Security Order: Instrumental and Normative Features, Stanford : Stanford University Press, pp. 33–69.
- Armstrong D. (1993). *Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 328 pp.

- Avatkov V.A. (2018). *Syria's New System for the Future: A Triangular Approach*. Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai», April 6 (in Russian). Available at: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/>, accessed 05.05.2022.
- Avatkov V.A. (2020). The ideological factor and the Turkic element in Russia's policy through the prism of transformation of the world order. *Russia and the contemporary world*, no. 3 (108), pp. 38–49 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2020.03.03.
- Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. (2012). The Camp David Accords: Lessons and Facts. *The Arab Journal For Arts*. vol. 9, no. 2A. pp. 41–66. URL: <https://aauja.yu.edu.jo/IMAGES/DOCS/V9N2A/V9N2AR11.PDF>, accessed 05.05.2022.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York : Columbia University Press, 356 pp.
- Buzan B., Wæver O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 564 pp.
- Copeland D. (2013). *Diplomacy, Globalization and Heteropolarity: The Challenge of Adaptation*. CDEAI Policy Papers, August, 15 pp. Available at: http://www.cgai.ca/diplomacy_globalization_and_heteropolarity, accessed 05.05.2022.
- Der Derian J. (2009). *Virtuous War. Mapping the Military-Industrial-Media-Entertainment Network*. 2nd ed., London : Routledge, 368 pp. DOI: 10.4324/9780203881538.
- Dolgov B.V. (2021). Russia and Turkey in regional and geopolitical space, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, vol. 14, no. 3, pp. 147–160 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8.
- Kasantzev A.A., Sergeev V.M. (2020). The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 13, no. 2, pp. 40–69 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69.
- Kausch K. (2014). Competitive Multipolarity in the Middle East. *IAI Working Papers*, September, no. 14/10. Available at: <http://www.iai.it/en/node/2358>, accessed 05.05.2022.
- Krylov D.S. (2021). Inclusive Security Architecture in Middle East: Features of Functioning and Prospects for Expansion. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 1–14 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.
- Kuznetsov A.A. (2017). *Qatar-Saudi Arabia: escalation of conflict*. Institut Blizhnego Vostoka. June 13 (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=35577>, accessed 05.05.2022.
- Kuznetsov A.V. (2019). Concepts of South-South Economic Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 3, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.
- Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping geopolitical shifts, regional order and domestic transformations (2016). Soler i Lecha E. [et al.] (eds.). *MENARA, Methodology and concept papers*, November, no. 1, 114 p. Available at: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf, accessed 05.05.2022.
- Parent J.M., Erikson E. (2009). Anarchy, Hierarchy and Order. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 22, no. 1, pp. 129–145.
- Popescu N., Secieru S. (2018). Russia's return to the Middle East Building sandcastles? *European Union Institute for Security Studies, Chaillot Papers*, July, no. 146, 121 pp. Available at: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_146.pdf, accessed 05.05.2022.
- Reus-Smit C. (1997). The Constitutional Structure of International Society and the Nature of Fundamental Institu-

tions. *International Organization*, vol. 51, no. 4 (Autumn), pp. 555–589.

Savicheva E. (2014). On the geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends. *Peoples' Friendship University of Russia: International relations*, no. 3, pp. 14–21 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-geopoliticheskoy-situatsii-na-blizhnem-vostoke-vzaimodeystvie-regionalnyh-i-globalnyh-tendentsiy>, accessed 05.05.2022.

Sazhin V. (2020). Iran: results of 2020 and prospects, *Mezhdunarodnaya zhizn'*. December 29 (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/28604>, accessed 05.05.2022.

Shcheglov Yu.B. (2019). *On process of restoring relations between Syria and Arab states*. Institut Blizhnego Vostoka. January 6 (in Russian). Available at: <http://www.iimes.ru/?p=52090>, accessed 05.05.2022.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.13

Клан Деби и роль армии в политической жизни Республики Чад

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВАкандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая
Центром изучения стран Тропической АфрикиФедеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки
РАН, ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьянович КОСТЕЛЯНЕЦкандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий
Центром социологических и политологических исследованийФедеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки
РАН, ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001;старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва,

Российская Федерация, 101000

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Клан Деби и роль армии
в политической жизни Республики Чад // Контурь глобальных трансформаций:
политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 231–249.

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.13

Статья поступила в редакцию 30.01.2022.

Исправленный текст представлен 27.03.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 21-18-00123
«Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических
интересов России».

АННОТАЦИЯ. В течение более чем 30 лет (1990–2021) Республика Чад возглавлялась Идрисом Деби – одним из наиболее ярких африканских политических лидеров, пришедшим к власти во главе вооруженной антиправительственной группировки и установившим жестко авторитарный, по сути военный режим управления с опорой на силовые структуры, но с элементами электоральной демократии, выра-

жавшейся в регулярном проведении президентских и парламентских выборов. Как и в других африканских странах (Демократическая Республика Конго, Либерия, Республика Южный Судан, Сьерра-Леоне и т. д.), где главами государства и правительства, министрами и парламентариями становились бывшие повстанцы – «военные бароны», в Чаде в годы правления И. Деби сложилась обстановка перманентной

политической нестабильности на фоне постоянного расширения полномочий силовых структур.

До конца 2000-х годов Чад рассматривался как репрессивное государство со слаборазвитой экономикой, полностью зависевшее от внешней финансовой помощи и военно-политической поддержки западных держав. Его армия, большая часть солдат и офицеров которой рекрутировалась из недавних повстанцев, была расколота на постоянно враждовавшие фракции и отличалась отсутствием профессионализма. Ситуация начала меняться в 2010-е годы благодаря росту доходов от экспорта нефти, позволившему, в частности, провести реформу вооруженных сил. В результате армия Чада превратилась в мощную военную силу прежде всего в зоне Сахары – Сахеля, в центральноафриканском регионе и в районе озера Чад, где страна сыграла важную роль в ослаблении исламистской группировки «Боко Харам».

В статье рассматривается военно-политическая ситуация в Чаде в годы президентства Идриса Деби и – после его кончины в апреле 2021 г. – сына бывшего главы государства Махамата Деби. Авторы отмечают преемственность двух режимов, во-первых, в милитаризации общественно-политической жизни, во-вторых, в методах разрешения коллизии «власть – оппозиция».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, Чад, Идрис Деби, Махамат Деби, политические режимы, вооруженные группировки, армия.

После обретения 11 августа 1960 г. политической независимости Республика Чад находилась в состоянии перманентного военно-политического кризиса – между окончанием одно-

го конфликта и началом другого. Политическая нестабильность препятствовала экономическому развитию и представляла собой «благодатную почву» для возникновения вооруженных группировок и регулярного проведения гражданской оппозицией протестных демонстраций, на подавление которых направлялись подразделения сухопутной армии, национальной (президентской) гвардии и других силовых структур.

В течение более чем 30 лет (1990–2021) страна возглавлялась Идрисом Деби Итно, пришедшим к власти во главе вооруженной антиправительственной группировки и установившим жестко авторитарный, по сути военный режим управления с элементами электоральной демократии, выражавшейся в регулярном проведении президентских и парламентских выборов. Как и в других африканских странах (Демократическая Республика Конго, Либерия, Республика Южный Судан, Сьерра-Леоне и т. д.), где главами государства и правительства, министрами и парламентариями становились бывшие повстанцы – «военные бароны» (см., например, [Денисова, Костелянец, 2020]), в Чаде в годы правления И. Деби сложилась ситуация, характеризовавшаяся перманентными вооруженными конфликтами.

Военно-политической истории Чада, деятельности Деби или отдельным их аспектам посвящено не так много – если учесть значимость страны, в настоящее время располагающей одной из самых крупных армий на Африканском континенте, – работ российских авторов [Виноградова, Сагоян, 2017; Филиппов, 2016а; Филиппов, 2016b; Костелянец, 2015; Денисова, 2016], поэтому представляется правомерным напомнить некоторые факты.

Первый президент (1960–1975) независимого Чада Франсуа Томбалбай

был смещен в результате государственного переворота; к власти пришли военные во главе с генералом Ф. Маллумом. Страна оказалась расколотой на две воюющие части: Юг, подконтрольный правительству в Нджамене, и Север, контролировавшийся Фронтом национального освобождения Чада (ФРОЛИНА). В августе 1978 г. между правительством и оппозицией в лице Фронта был достигнут некоторый компромисс, в результате которого сформировано коалиционное правительство во главе с лидером группировки «Вооруженные силы Севера» (ФАН) Хиссеном Хабре; должность президента занял Ф. Маллум. Однако двоевластие было недолгим: в 1979 г. началась гражданская война и было образовано коалиционное Переходное правительство национального единства (ППНЕ), включавшее как южан, так и северян. Президентом (1979–1982) был «назначен» один из лидеров ФРОЛИНА, северянин Гукуни Уэддей, вице-президентом – южанин, полковник Абделькадар Камуте; Х. Хабре получил пост министра обороны [Виноградова, Сагоян, 2017, с. 51].

Создание ППНЕ не привело к политической стабилизации. 1980-е годы прошли под знаком противостояния сил Уэддея и Хабре и завершились захватом последним власти в июне 1982 г. [Страны Тропической Африки..., 2021, с. 241–242]. Уровень репрессивности его режима был чрезвычайно высоким (недаром в мае 2016 г. решением Специального африканского трибунала он был приговорен к пожизненному заключению за преступления против человечности).

В июне 1983 г. Уэддей во главе отряда, собранного из представителей северной народности тубу, при поддержке ливийцев начал наступление с северо-востока страны. В ответ Париж развернул операцию «Мантa» (август

1983 г. – ноябрь 1984 г.), которая стала самым крупным французским военным вмешательством за рубежом после окончания в 1962 г. войны в Алжире. В 1986 г. началась операция «Эпервье», также нацеленная на «сдерживание Ливии» и, соответственно, на сохранение тогдашнего чадского режима. Впрочем, хотя французы стремились удержать Чад в исключительной сфере своего влияния, Хабре также активно поддерживался Соединенными Штатами [Abakar, 2006].

Между тем в 1987 г. чадская армия разгромила ливийский экспедиционный корпус и освободила богатую ураном полосу Аузу на северной границе Чада. Хотя большую помощь «армии пикапов» оказали французы и американцы, эта победа стала предметом национальной гордости, правда, постоянные расколы в правительстве и ВС продолжали подпитывать насилие. 1 апреля 1989 г. Идрис Деби (в то время советник президента по безопасности и обороне, загава из клана бидеят), Ибрагим Махамат Итно (министр внутренних дел с июля 1986 г., сводный брат И. Деби) и Хассан Джамус (главнокомандующий чадской армией с 1985 г., двоюродный брат И. Деби) попытались свергнуть Хабре. Переворот не удался, и из руководителей мятежа лишь Деби остался в живых и перебрался через Ливию в суданский регион Дарфур [Daly, 2007, р. 217–218], где в марте 1990 г. создал повстанческую группировку Патриотическое движение спасения (ПДС), в состав которой преимущественно вошли чадские и дарфурские загава. Осенью того же года Деби начал свой триумфальный поход на Нджамену: низкооплачиваемая и раздробленная армия Хабре не могла оказать серьезного сопротивления ПДС, поддержанному Францией, Суданом и Ливией, несмотря на заметные расхождения в интересах этих стран.

Французы оказали Деби поддержку не без некоторых колебаний, однако из Дарфура в Нджамену его сопровождал полковник Генерального директората внешней службы безопасности, то есть французской разведки, Поль Фонбон, который до 1994 г. играл важную роль в качестве советника Деби [Мамлук, 2017].

К 1 декабря 1990 г., когда войска ПДС входили в чадскую столицу, Хабре уже бежал в Камерун [Костелянец, 2015, с. 81]; 2 декабря Деби фактически стал главой государства. Однако новые власти не смогли стабилизировать внутривосточную обстановку: в стране вновь начались вооруженные конфликты, продолжавшиеся в течение всего периода правления И. Деби.

Надо сказать, что если в 1980-е годы чадские конфликты представляли собой борьбу за власть и влияние между отдельными военно-политическими фракциями, то в 1990-е годы «антиправительственная» деятельность в Чаде обрела иной характер: за редким исключением главной целью лидеров и бойцов вооруженных группировок стало не свержение режима, а вынуждение правительства вступать с мятежниками в переговоры, в ходе которых полковые командиры могли выторговать для себя высокую и хорошо оплачиваемую должность в госаппарате или армии. Военно-политическая история независимого Чада до самой смерти И. Деби представляла собой непрерывную борьбу между властями и вооруженной оппозицией, по большей части не ставившей перед собой идейно-политических целей, но дестабилизировавшей режим и вынуждавшей правительство идти на различные уступки [Африка..., 2020, с. 149].

Именно из недавних комбатантов – неграмотных крестьян и городских безработных, сначала участвовавших в составе той или иной вооруженной груп-

пировки не столько в боевых действиях, сколько в актах насилия над мирным населением, а затем интегрированных в регулярную армию, – в первые два десятилетия правления И. Деби в основном комплектовались чадские вооруженные силы (ВС), чем отчасти можно объяснить низкий профессиональный уровень значительной массы солдат и офицеров, частые дезертирства, неуважение к командной иерархии, готовность в любой момент «поменять сторону» и т. д. (лишь в 2010-е годы ситуация несколько изменилась, о чем будет сказано ниже.)

Отсутствие армейской дисциплины и склонность военных к насилию предопределили состояние перманентной внутривосточной нестабильности.

Политические катаклизмы в годы правления И. Деби

Консолидация власти И. Деби происходила почти исключительно посредством насильственного подавления оппозиции, хотя его режим был менее жестоким, нежели правление Хабре, после победы над которым Деби столкнулся и с вооруженным сопротивлением сторонников свергнутого президента, и с разногласиями в рядах союзников-загава, боровшихся между собой за власть, что создавало напряжение, временами выливавшееся в открытую конфронтацию. Однако серьезные противоречия наблюдались и внутри ближайшего окружения Деби. Главные его проблемы были связаны с подъемом во всех частях страны повстанческих движений: на юге – Национального комитета спасения ради мира и демократии и Вооруженных сил за федеральную республику, действовавших в граничащих с Центральноафриканской Республикой районах нефтедобычи при поддержке президента

ЦАР Анж-Феликса Патассе; на севере – группировки «Движение за демократию и справедливость в Чаде», возглавлявшейся Юсуфом Тогоими (в то время министром обороны в кабинете Деби) и поддерживавшейся Муаммаром Каддафи; на западе, в районе озера Чад, – Движения за демократию и развитие, организовавшего в 1991 г. восстание, в котором объединились бывшие соратники Хабре [*Burr, Collins*, 2006, р. 256]. Постоянно возникали новые и раскалывались старые фракции.

Репрессивная природа чадского режима и безнаказанность действий ополчений загава (соплеменников президента), республиканской гвардии, элитных корпусов и рядовых солдат создавали условия для роста по всей стране преступности: грабежей, убийств, захвата земель и угона скота. Правительство столкнулось с необходимостью нейтрализации вооруженной оппозиции и установления контроля над ситуацией в центре.

В 1993 г. по настоянию Парижа была проведена Национальная конференция, принявшая Хартию переходного периода, определившую направления политического реформирования. Первые президентские выборы на многопартийной основе состоялись летом 1996 г. и наделили Деби уже не временной, а законной властью. Позже он одерживал победы в 2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 гг., причем результаты голосования 2001 г. оказались столь противоречивыми, что Деби пришлось дать обещание больше в выборах не участвовать. Однако в 2005 г. был проведен референдум, который избиратели в основном бойкотировали, как, впрочем, и президентские выборы 2006 г., и в Конституцию 1996 г. были внесены поправки, продлевавшие срок пол-

номочий главы государства. Однако политическая база президента заметно сузилась; социальное недовольство стало более острым, так как население, рассчитывавшее получить свою долю от начавшейся в 2003 г. добычи нефти, вскоре столкнулось с несправедливостью распределения доходов от экспорта «черного золота».

Важным фактором нестабильности в 2000-е годы стало «погружение» режима Деби в конфликт в суданском регионе Дарфур, где к концу 1990-х годов проживало около 10% населения Чада (подробнее см. [*Костелянец*, 2014]). После прихода в 1990 г. к власти Деби договорился с правительством Омара аль-Башира в Хартуме о том, что обе страны будут воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга. Когда в 2003 г. Дарфурский конфликт вошел в наиболее активную фазу, чадский президент действительно отстранился от решения этой проблемы вооруженным путем, выступив в 2003–2004 гг. посредником при подписании соглашений по прекращению огня в Абеше и Нджамене. Позже, под давлением соплеменников-загава, пригрозивших ему смещением, он изменил курс и начал поддерживать дарфурское повстанческое Движение за справедливость и равенство, в котором доминировали представители этой этнической группы¹.

Победа Деби в 1990 г. стала поворотным пунктом для появления новых тенденций в политике загава: многие суданцы-загава стали солдатами и офицерами чадской армии. Впрочем, когда по указанию Парижа Деби пришлось сократить вооруженные силы, из них были изгнаны прежде всего арабоязычающие загава, которые вернулись в Дарфур, где они смогли

1 Making Sense of Chad // Pambuzuka News (Nairobi). – 2008. – February 5. – URL: <https://www.pambazuka.org/governance/making-sense-chad> (дата обращения: 11.01.2022).

в полной мере использовать свои военные навыки.

В середине 2000-х годов политическая ситуация в Чаде резко обострилась. Все силовые структуры контролировались узкой группой соплеменников президента; 80% высокопоставленных чиновников и более 20% военачальников принадлежали к клану Деби бидеят. Наиболее крупные предприятия промышленности, транспорта и сферы обслуживания находились под контролем загава-бидеят. Их безнаказанность становилась правилом, наказание – исключением. В тот период начальником штаба армии был кузен Деби – Махамат Салех Кайя; Абакар Юсуф Махамат Итно (племянник президента) командовал республиканской гвардией; Махамат Салех Ибрагим (другой племянник Деби) отвечал за гвардию кочевников; Аббас Махамат Толли (еще один племянник) был министром финансов, сводный брат Деби – Даусса Деби, бывший посол в Ливии, – советником президента по безопасности и разведке. Правда, этот список не свидетельствовал о высоком уровне солидарности представителей одного клана, между которыми возникали постоянные разногласия в результате соперничества за доступ к государственным ресурсам и привилегиям [Burr, Collins, 2006, p. 261–265].

Надо сказать, что чадские войны зачастую были конфликтами между родственниками – представителями одного клана, причем тесное знакомство облегчало ведение переговоров, но, по сути, не приводило к разрешению кризиса. Международные посредники удивлялись тому, какие крепкие узы объединяли лидеров соперничавших фракций: «Они обнимались, обменивались семейными новостями, вместе проводили время вне официальных сессий, вспоминали старые битвы, общих знакомых, при этом оскорбляя

друг друга во время переговоров» [Buijtenhuijs, 1987, p. 351].

Мирные соглашения при И. Деби обычно сводились к простому торгу между правительством и повстанцами, которые к тому же могли оказаться недавними союзниками. Помимо вопроса о прекращении огня обсуждения обычно касались политических или военных назначений, на которые могли претендовать повстанцы. При этом выявлялось число комбатантов, находившихся в распоряжении полевого командира: чем больше бойцов было у него под ружьем, тем выгоднее становилось для правительства заключить с ним соглашение, так как интеграция в регулярную армию значительной группы мятежников, во-первых, снижала потенциальную угрозу очередного восстания, во-вторых, пополняла армию новыми бойцами, имевшими опыт боевых действий. Поэтому полевые командиры, как правило, завышали численность своих соратников, а определить, сколько их было на самом деле, не представлялось возможным.

Многочисленные мирные соглашения привели к появлению чрезвычайно раздутого класса старших офицеров. Кроме того, недавние повстанцы назначались министрами, специальными советниками, региональными губернаторами, префектами и супрефектами. Однако их кооптация зачастую бывала недолгой: легкая смена лояльностей не вызывала доверия ни у президента, вынужденного постоянно контролировать «новообращенных», ни у других офицеров, поэтому разногласия в армии, доходившие до столкновений между различными фракциями, были постоянными. К тому же, осознавая, что своим продвижением они обязаны только Деби, который мог устранить их так же легко, как и повысить, бывшие мятежники не выпускали оружие из рук независимо от занимае-

мой должности. Будучи временщиками (срок их службы редко длился более полутора-двух лет), как государственные чиновники, так и высокопоставленные офицеры, получившие возможность законного или незаконного обогащения путем хищений и различного рода махинаций, пытались как можно скорее и эффективней использовать свое положение, прежде чем вернуться в буш², что лишний раз свидетельствовало о том, что борьба с «репрессивным», «неэффективным» режимом не была главным мотивом повстанческой деятельности.

Рядовые бойцы повстанческих движений после расформирований либо возвращались к сельскохозяйственной работе, либо нанимались на службу в полицию, жандармерию, таможню и т. д. Их прошлое не становилось препятствием для дальнейшей деятельности – напротив, умение обращаться с оружием ценилось едва ли не больше, чем грамотность. Однако военный опыт накладывал свой отпечаток на их дальнейшую службу в любой сфере: сказывалась привычка к насилию [Debos, 2016, p. 120].

С одной стороны, интеграция в регулярную армию большого числа бывших повстанцев, нередко сражавшихся друг против друга в ходе различных конфликтов, продолжавшиеся дезертирства (в том числе и из миротворческих контингентов) и глубокие расколы по этническим линиям не позволяли И. Деби использовать армию как единую, сплоченную силу в операциях против внутренних и внешних врагов; отчасти именно этим объясняется участие в международных миротворче-

ских миссиях лишь элитных подразделений чадской президентской гвардии. С другой – оснащение армии современным оружием, военная подготовка, обеспечивавшаяся французскими, американскими и другими инструкторами, масштабная военно-техническая и финансовая помощь Запада в рамках различных соглашений и совместного участия в военных миссиях способствовали постепенному (к концу 2010-х годов) превращению чадских вооруженных сил в крупную военную силу.

«Армия комбатантов»

С момента прихода Деби к власти реструктуризация армии считалась приоритетным направлением деятельности его правительства. В начале 1990-х годов началось реформирование вооруженных сил, имевшее двоякую цель: сократить расходы на солдатское жалование и превратить армию в дисциплинированную организацию. С июля 1992 г. по февраль 1997 г. от армейской службы были освобождены 27 тыс. человек – чуть более половины общей численности личного состава³. С количественной точки зрения программа была успешной, однако в ходе ее реализации коррупция затронула все уровни: некоторые демобилизованные получали двойные и тройные компенсации, а вскоре вновь возвращались в армию, просто назвавшись другим именем.

С точки зрения качества реформа потерпела сокрушительное поражение. Многие демобилизованные солдаты присоединялись к повстанческим

2 Ex-rebel Mahamat Nour Abdelkerim joins Idriss Deby's team // Africa Intelligence. – 2019. – September 25. – URL: https://www.africaintelligence.com/central-and-west-africa_politics/2019/09/25/ex-re-bel-mahamat-nour-abdelkerim-joins-idriss-deby-s-team,108374221-art (дата обращения: 10.01.2022).

3 Tchad. Document de stratégie pour la réduction de la pauvreté // Fonds monétaire international. – 2010. – July. – URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/chad_prsp2008.pdf (дата обращения: 10.12.2021).

число которых (отчасти в связи с реформой) в 1990-е годы заметно выросло. Другие обратились к разбоям «на большой дороге» или стали наемниками в различных вооруженных группировках за пределами Чада. Например, Франсуа Бозизе рекрутировал большое количество чадцев, когда готовил восстание, в результате которого в 2003 г. был свергнут президент ЦАР А.-Ф. Патассе [Berman, Lombard, 2008, p. XXII].

Процесс «профессионализации» оказался неудачным и в других аспектах: за исключением хорошо оплачивавшихся солдат и офицеров элитного корпуса, которых Деби позже отправлял в горячие точки, «обычные» военнослужащие не проходили переподготовку и в промежутках между столкновениями с мятежниками бездельничали в буквальном смысле слова. Неподчинение достигло такого уровня, что солдаты могли безнаказанно игнорировать службу, а в 2005 г. 15% сотрудников Генерального штаба сухопутных войск, получивших назначение в г. Мусоро, в 300 км к северо-востоку от столицы, отказались покидать Нджамену [Debos, 2016, p. 152]. В армии были широко распространены коррупция, хищения, «торговля» постами и рангами и поборы на пограничных и таможенных пунктах.

Надо сказать, что африканские армии в целом отличаются низким уровнем профессионализма. Главным свидетельством его отсутствия или недостатка у вооруженных сил является сохранение в странах континента – в большей или меньшей степени – политической нестабильности, проявляющейся в войнах и конфликтах, военных переворотах и мятежах, социальных протестах и пограничных спорах. Подобные явления характеризуют ситуацию, сложившуюся в большинстве африканских стран, несмотря

на многочисленные заявления их лидеров о необходимости профессионализации армии и укрепления военно-гражданских отношений, а также на масштабную внешнюю помощь африканскому сектору безопасности.

Между тем цена отсутствия сильных профессиональных армий и, соответственно, надлежащего уровня безопасности во многих государствах весьма высока и выражается, в частности, в росте угрозы терроризма и трансграничной преступности, контрабанды и коррупции, в замедлении экономического роста, хронической бедности, сужении потока иностранных инвестиций и т. д.

Что касается чадской армии, то проблемой оставалось и отсутствие списков личного состава. Лишь в 2011 г. была организована «перепись» вооруженных сил, по итогам которой из армии были «уволены» 14 тыс. «мнимых солдат», а затем еще 5 тыс. «реальных», однако многие были восстановлены в ВС в 2013 г., когда начались военные кампании в зоне Сахеля [Marchal, 2016].

Численность ВС колебалась из-за постоянных дезертирств, а также произвольного набора новобранцев командирами отдаленных гарнизонов. В 1991 г. в вооруженных силах насчитывалось 47 тыс. солдат [Marchal, 2016]. В 2005 г. цифры колебались от 24,5 до 27,5 тыс.: 12,5 тыс. в сухопутных войсках; 350 – в ВВС, 6 тыс. – в Национальной жандармерии; 7 тыс. – в Республиканской гвардии. Постепенно армия увеличивалась в связи с обострением военно-политического кризиса и планами участия в миротворческих миссиях; в 2020 г. общая численность солдат ВС достигала 33 250 [The Military Balance, 2021, p. 469].

На самом деле чадские ВС представляют собой две армии: Вооруженные силы Чада (ВСЧ, сухопутные войска) и Президентскую гвардию (ПГ); послед-

няя лучше финансируется, оснащается и обучается, чем ВСЧ. Именно из ПГ составлялись войска, в 2013 г. направленные в Мали. В отличие от ПГ, представленной в основном загава и в меньшей степени горан и арабами, ВСЧ набираются среди всех этнических групп, но также контролируются близкими родственниками Деби (загава). Неравенство в положении военнослужащих ВСЧ и ПГ вызывало недовольство солдат и офицеров с первых дней правления Деби.

В начале 1990-х годов группа из 43 солдат-южан составила меморандум о проблемах армии, в котором указывалось, что профессиональные солдаты не получали столь быстрого продвижения, как бывшие повстанцы в составе ПГ. Ситуация не изменилась и в 2000-е годы, когда военные выражали недовольство не только различиями в оплате и статусе, но и фактическим отказом от традиционных военных «ценностей»: профессионализма, дисциплины и уважения к воинской иерархии. В целом они выступали против сохранения ВС в их современном состоянии «армии комбатантов».

Политизация этнической принадлежности оказывала заметное влияние на организацию армии и повседневную практику военных. Еще колониальные власти нередко непропорционально рекрутировали в ВС представителей определенных этнических групп для контроля над другими, возможно, более крупными племенными сообществами, способными создавать угрозу администрации. Эти тенденции сохранились и в постколониальный период, когда военные лидеры получили сильные стимулы для сопротивления демократизации, а контроль над армией начал рассматриваться как средство обретения власти и богатства.

Бывшие повстанцы, по своему этническому происхождению близкие

лидерам режима, получали множество различных привилегий, при этом занимая «синекурные» должности. С начала 1990-х годов загава пользовались возможностью быстрых продвижений, которые нельзя было объяснить ни их воинскими навыками, ни формальной подготовкой. Некоторые вскоре после начала службы обрели более высокие звания, чем их наставники из других этнических групп.

Вооруженные силы многих стран континента характеризуются фракционностью и расколами по различным линиям: этническим, региональным, возрастным и т. д. Однако в чадской армии эти разделения достигли необычайных высот. Регулярные силы раздроблены не только по этнорегиональному принципу, но и по клановым, семейным и другим параметрам, меняющим конфигурацию в соответствии с политическим контекстом [Debos, 2016, p. 141].

Армия играет важную роль в социально-экономической жизни: солдаты и офицеры могут заниматься предпринимательской деятельностью. Кроме того, в войсках широко распространены коррупция, хищения, перенаправление выделенных средств на другие цели и т. д. В 2010-е годы состав офицерского корпуса стал более политическим, хотя на ключевых постах в основном оставались лица, связанные с президентом узами личной унии и послушания. Однако среди командиров оказалось много выпускников военных учебных заведений Франции и других стран Запада, под влиянием и при финансовой поддержке которых началась «профессионализация» чадских ВС.

Деби, утверждавший, что безопасность является неперемennым условием социально-экономического развития, после начатой в 2003 г. масштабной добычи нефти резко увеличил импорт оружия, в 2004–2008 гг. в пять раз

превышавший объем 1999–2003 гг. [Wezeman, 2009]. Одновременно выросли и военные расходы, которые в 2010 г. составляли 590 млн долл. Однако позже, в 2018 г., в связи с падением цен на нефть сократились до 216 млн долл.⁴ Между тем были приобретены военные самолеты, боевые вертолеты, танки и ракетные установки. Крупнейшим поставщиком оружия была Украина, за ней следовали Бельгия, Болгария, Китай, Франция, Израиль, Ливия, Россия и Сингапур [Wezeman, 2009]. На рубеже 2000–2010-х годов чадская армия оказалась среди наиболее оснащенных на континенте.

Участие в миротворческих миссиях

Кроме доходов от экспорта нефти крупными источниками финансирования ВС стали бюджеты французских антитеррористических операций: «Сервал» (проводившейся в Мали с 2013 г.) и ее преемницы «Бархан» (операция французских вооруженных сил в Мали, Чаде, Буркина-Фасо, Мавритании и Нигере, получившая это название в 2014 г.).

В 2013 г. чадский воинский контингент сыграл решающую роль в ходе французской операции в Мали; авторитет, завоеванный ВС Чада в сражениях с вооруженными группировками в зоне Сахеля, в 2014 г. позволил Нджамене стать одним из инициаторов создания антитеррористической миссии *G5 Sahel* при участии (кроме Чада) Мавритании, Мали, Нигера и Буркина-Фасо. В том же

году И. Деби договорился с президентом Франции Франсуа Олландом о размещении в Нджамене штаб-квартиры операции «Бархан», в которой предполагалось участие 3,5 тыс. солдат и офицеров⁵. Создавая базу миссии в столице Чада, Франция признавала эту страну своим главным союзником в зоне Сахеля.

В 2010-е годы заметно расширилось присутствие США в зоне Сахары – Сахеля. В Чаде это выразилось, в частности, в создании новой военной базы неподалеку от Нджамены. Впрочем, Соединённые Штаты Америки и раньше использовали чадскую столицу в качестве центра для своих воздушных операций, хотя многие годы утверждали, что имеют лишь одну базу в Африке – лагерь «Лемонье» в Джибути⁶. С 2009 по 2013 г. США предоставили Чаду примерно 13 млн долл. из средств, выделенных на программу «Транссахарская контртеррористическая инициатива», запущенную в 2005 г. и в 2007 г. переименованную в «партнерство» [Nickels, Shorey, 2015]. Постепенно Чад занял центральное место в стратегии США в Сахеле в рамках программы Командования ВС США в Африке (АФРИКОМ).

В 2015 г. в составе Многонациональных объединенных сил специального назначения (МОСН), в которые также входят контингенты Бенина, Камеруна, Нигера и Нигерии, чадские ВС успешно действовали в операциях против террористической группировки «Боко Харам» в районе озера Чад, предоставив МОСН 3 тыс. бойцов (первоначально в ней числилось 8 700 сол-

4 Chad Military Expenditure // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/chad/military-expenditure> (дата обращения: 14.01.2022).

5 Chad plans military deployment to Mali-Burkina Faso-Niger tri-border area // The Defense Post. – 2020. – January 20. – URL: <https://thedefensepost.com/2020/01/20/chad-plans-military-deployment-mali-burkina-faso-niger-tri-border-france-sweden> (дата обращения: 19.12.2021).

6 Why Is the US Military So Interested in Chad? // The Nation. – 2014. – November 20. – URL: <https://www.thenation.com/archive/why-us-military-so-interested-chad> (дата обращения: 14.12.2021).

дат, полицейских и вспомогательных работников) [Assanvo, Abatan, Sawado-go, 2016, p. 9].

В начале 2016 г. чадцы составили первый контингент Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА), отправив в нее 1 500 солдат⁷. Западные партнеры ценят эту «пустынную армию» за «эффективность» и «надежность», то есть за те качества, которые зачастую успешно маскируют недисциплинированность и жестокость, свойственные чадским солдатам – бывшим комбатантам. Эффективность чадцев в Мали побудила Запад «забыть» об их поведении в ЦАР в 2014 г., когда за бессмысленное убийство 30 безоружных граждан контингент, предоставленный Нджаменой Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА), был выведен из операции. К тому же сообщалось о финансовой и военной поддержке, оказывавшейся режимом Деби одной из сторон в конфликте, – центральноафриканской повстанческой группировке «Селека» (подробнее см. [Денисова, Костелянец, 2019]).

Очевидный беспорядок, царящий в вооруженных силах страны, нередко объясняется независимым характером, которым традиционно славятся сахельские и сахарские воины, а также повстанческим прошлым солдат регулярной армии, не отказывающихся от своей насильственной практики после обретения другого статуса [Debos, 2016, p. 132]. Между тем позитивный боевой опыт ВС Чада в наибольшей степени проявился во время столкновений с боевиками «Боко Харам». После

нападения террористов 23 марта 2020 г. на позиции чадской армии около деревни Бомба в районе озера Чад, в результате которого погибли 98 чадских солдат и около 50 человек (в том числе мирных жителей) получили ранения, с 31 марта по 9 апреля была проведена «молниеносная» операция «Гнев Бомба», в планировании и реализации которой президент Деби принял личное участие. Деби провел в полевом лагере 17 дней, чтобы собственноручно отдавать приказы. ВС Чада уничтожили несколько сотен террористов, их базы на озерных островах и 50 моторных лодок, принадлежавших «Боко Харам». При этом погибли 52 чадских солдата, 196 были ранены⁸. В ходе этой операции Чад продемонстрировал, что его военный потенциал намного превосходит возможности других стран Сахеля.

Однако уже 9 апреля 2020 г. Деби пообещал, что операция «Гнев Бомба» была последней зарубежной миссией ВС Чада и что теперь они сосредоточатся на борьбе с терроризмом и другими преступлениями – незаконным оборотом наркотиков и оружия, торговлей людьми, распространившимися в стране в последние годы. Однако Деби уточнил, что участие, хотя и в меньшем объеме, в миссиях *G5 Sahel* и МОССН сохранится. Чадский лидер опасался, что после эпидемии *COVID-19* Франция как главный спонсор *G5 Sahel* не сможет финансировать антитеррористические операции в полном объеме, а Чад на фоне падения цен на нефть окажется неспособным содержать свои контингенты за рубежом⁹. К тому же в стране росло недовольство гибелью чадцев в ходе проведения военных операций

7 Chad: extremist violence and recession in the wake of the pandemic // Aspenia Online. – 2020. – May 4. – URL: <https://aspenia-online.it/chad-extremist-violence-and-recession-in-the-wake-of-the-pandemic> (дата обращения: 10.01.2022).

8 Chad's indispensable military leadership // Atalayar. – 2020. – April 24. – URL: <https://atalayar.com/en/content/chads-indispensable-military-leadership> (дата обращения: 10.12.2021).

9 Chad: extremist violence and recession in the wake of the pandemic // Aspenia Online. – 2020. – May 4. – URL: <https://aspenia-online.it/chad-extremist-violence-and-recession-in-the-wake-of-the-pandemic> (дата обращения: 10.01.2022).

за пределами страны, и Деби нужно было сконцентрировать армию в Чаде с целью стабилизации внутривнутриполитической обстановки перед электоральной кампанией 2021 г.

Приход к власти М. Деби

11 апреля 2021 г. И. Деби в шестой раз одержал победу на президентских выборах, набрав почти 80% голосов. Отменив запланированную победную речь, он решил вместо этого посетить зону дислокации войск регулярной армии, сражавшихся с повстанцами группировки «Фронт за перемены и согласие в Чаде» (ФПССЧ), база которой расположена в горах Тибести на границе с Ливией. 19 апреля президент был смертельно ранен во время столкновения в деревне Меле в центральном районе Канем; 20 апреля было объявлено о его кончине¹⁰.

В соответствии с Конституцией Чада в случае смерти главы государства временно исполняющим его обязанности назначается спикер Национального собрания, который должен в течение 90 дней подготовить проведение президентских выборов. Однако власть захватила группа военных во главе с сыном И. Деби – Махаматом Идрисом Деби Итно. Хунта приостановила деятельность правительства и распустила парламент¹¹, то есть фактически осуществила государственный переворот.

Смерть И. Деби создала атмосферу неопределенности и недовольства.

Сразу после объявления о создании Переходного военного совета (ПВС) из 15 военнослужащих во главе с М. Деби начались демонстрации протеста против прихода к власти военных. Силы безопасности использовали против участников акций огнестрельное оружие, в результате десятки человек были ранены, несколько – убиты¹². Однако, опасаясь нарастания антиправительственных настроений, уже в конце апреля лидер хунты проявил гибкость и ввел в состав кабинета ряд оппозиционных гражданских политиков.

Приход к власти 37-летнего Махамата не удивил чадцев: именно этого из пяти официальных сыновей покойный президент прочил в свои преемники. Кадровый военный, прошедший офицерскую подготовку в Нджамене, а затем в военной школе Экс-ан-Прованса, по возвращении из Франции Махамат работал в Главном управлении службы безопасности государственных учреждений; с 2006 г. участвовал в боевых операциях, сражаясь с вооруженными антиправительственными группировками; быстро продвигался по службе: в 2010 г. (в 26 лет) стал генералом. В январе 2013 г. был назначен заместителем командира, а в феврале – командующим чадского контингента в Мали¹³.

М. Деби пообещал управлять страной в течение 18 месяцев, однако хунта опубликовала так называемую Хартию переходного периода, допускавшую продление переходного срока еще на один такой же срок и предоставляв-

10 Chad: prospects after the 2021 election // House of Commons Library. – 2021. – May 13. – URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9219/CBP-9219.pdf> (дата обращения: 13.12.2021).

11 Chad's 'Political Transition' Is a Smokescreen for Military Rule // World Political Review. – 2021. – October 12. – URL: <https://sahel-research.africa.ufl.edu/files/Chad%E2%80%99s-%E2%80%99Political-Transition%E2%80%99Is-a-Smokescreen-for-Military-Rule.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

12 Chad: Post-Déby Crackdown, Abuses. Investigate, End Excessive Force Against Protesters // Human Rights Watch. – 2021. – June 24. – URL: <https://www.hrw.org/news/2021/06/24/chad-post-deby-crackdown-abuses> (дата обращения: 10.12.2021).

13 Chad's new leader - Mahamat Idriss Déby Itno // BBC News. – 2021. – April 21. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-56836109> (дата обращения: 12.12.2021).

шую ПВС абсолютные властные полномочия. Следует отметить, что сложившаяся в Чаде ситуация контрастирует с положениями Конституции, в которой обозначен минимальный возраст кандидата в президенты (40 лет), но Махамат может либо расширить переходный период, либо просто проигнорировать Основной закон.

Преимственность двух режимов проявилась, в частности, в отношении главы государства к гражданской оппозиции: в августе 2021 г. М. Деби назначил временный парламент, в состав которого вошли 93 представителя политических партий, бизнес-сообщества, профсоюзов и армии (треть мест заняли женщины). Однако его инклюзивная, на первый взгляд, природа, позволившая хунте утверждать, что чадское общество представлено в полном объеме, отвлекает внимание от того обстоятельства, что Махамат лично выбрал каждого члена законодательного органа, поощрив лояльных ему лиц и умиротворив потенциальных конкурентов. Хотя некоторые оппозиционные политики, согласившиеся на кооптацию их в Национальное собрание, таким образом выразили свою поддержку ПВС, большая часть гражданского общества, «уставшая» от клана Деби, безусловно, постарается использовать ситуацию «хаоса и уныния»¹⁴ для разрушения «чадской монархии». Так, общественное движение *Wakit Tama* («Время пришло») в течение всего первого года пребывания Махамата у власти выражало недовольство (посредством организации антиправительственных демонстраций) военным режимом, указы-

вая на отсутствие у него легитимности. Но, как и во времена И. Деби, временное правительство больше полагается на службы безопасности, нежели на возможность договориться с гражданской оппозицией мирными средствами¹⁵.

Международные партнеры (ЕС, США, Великобритания) Чада, хотя и выступили с осуждением репрессий, в целом поддержали новое руководство: во-первых, Запад озабочен нестабильностью в зоне Сахеля, богатой урановыми месторождениями, активно эксплуатируемыми прежде всего Францией; во-вторых, Махамат, заинтересованный во внешней финансовой помощи, уже пообещал, что Чад останется главным игроком на сахаро-сахельском контртеррористическом фронте¹⁶. В июне 2021 г. он побывал с государственным визитом в Париже, где заручился дальнейшей поддержкой Э. Макрона, кстати, присутствовавшего на похоронах И. Деби и находившегося во время церемонии рядом с Махаматом.

Между тем И. Деби оставил Чад в сложной военно-политической ситуации. На севере страны, кроме ФПСЧ, действует еще несколько вооруженных группировок, периодически вступающих в столкновения с подразделениями правительственной армии; на западе чадские войска проводят контртеррористические операции против боевиков исламистской организации «Боко Харам», действующей в районе озера Чад (подробнее см. [Денисова, Костелянец 2021]); на востоке находится неспокойный суданский регион Дарфур – традиционное место формирования

14 Tchad: la manifestation de Wakit Tama dispersée par les forces de l'ordre // RFI. – 2021. – October 2. – URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20211002-tchad-la-manifestation-de-wakit-tama-dispers%C3%A9e-par-les-forces-de-l-ordre> (дата обращения: 12.12.2021).

15 Wakit Tama continues to protest, military authorities continue to restrict the right to protest // Civicus. – 2021. – December 15. – URL: <https://monitor.civicus.org/updates/2021/12/15/chad-Wakit-Tama-continues-to-protest-military-authorities-continue-restrict-right-to-protest> (дата обращения: 22.12.2021).

16 Joint statement with the European Union in Chad // U.S. Embassy in Chad. – 2021. – October 5. – URL: <https://td.usembassy.gov/joint-statement-with-the-european-union-in-chad-3> (дата обращения: 21.12.2021).

вооруженных фракций, выступающих против правительства в Нджамене; на юге перманентный характер обрели пограничные столкновения с бойцами различных центральноафриканских группировок, причем чадские солдаты, ополченцы, наемники, миротворцы, а также члены нынешней хунты активно участвовали во всех конфликтах на соседних территориях. Нет никаких оснований предполагать, что ситуация изменится в ближайшем будущем, то есть, судя по всему, чадцы по-прежнему будут создавать нестабильность в одних частях региона и успешно сражаться с террористами в других.

В известном смысле Махамат уже проявил больше непримиримости в отношениях с вооруженной оппозицией, нежели это было свойственно его отцу, который в ряде случаев склонялся к диалогу и к интеграции боевиков повстанческих движений в ВС. Так, М. Деби отказался от переговоров не только с выступившими с «мирными инициативами», но ответственными за гибель его отца лидерами ФПСЧ, но и с двоюродным братом Тиманом Эрдами, возглавляющим Союз сил сопротивления – группировку, базирующуюся в Ливии¹⁷.

М. Деби имеет репутацию умелого и рассудительного военачальника и пользуется уважением солдат. Однако возникает вопрос: достаточно ли у него политического опыта, чтобы решать одновременно и военные, и социально-экономические задачи? Ведь более 40% населения проживает за чертой бедности; темпы роста ВВП в 2020 г. имели отрицательное значение (–0,9%)¹⁸,

хотя и до пандемии они были среди самых низких в Африке – 1,5% в 2018 г. и 2,9% в 2019 г.¹⁹; лишь 9% 17-миллионного населения имеет доступ к электроэнергии (в сельских районах – 1%). При этом доля бюджетных средств, выделяемых на армию, выросла с 1,8% в 2016 г. до 2,9% в 2020 г., в то время как соответствующий показатель для сферы образования за тот же период достиг лишь 2,4%²⁰.

Заключение

Благодаря успешному участию чадских солдат и офицеров в международных миротворческих миссиях страна обрела статус одной из самых мощных – наряду с Алжиром, Нигерией и Суданом – военных держав региона Сахары – Сахеля. В 2010-е годы заметно возросла ценность Чада в глазах его западных партнеров: президент Идрис Деби рассматривался Евросоюзом, прежде всего Францией, как надежный союзник в борьбе с терроризмом на Африканском континенте.

И хотя чадская армия завоевала себе репутацию непревзойденной на сахельских театрах войны, она ни в коей мере не может служить «символом национального единства», так как переживает всё возрастающую внутреннюю напряженность, которая может привести к ее дальнейшей фракционности, ослаблению командной иерархии и, в конечном итоге, к росту региональной нестабильности.

Коррупция, растущее неравенство и подавление инакомыслия отличали

17 Chad: Implications of President Déby's Death and Transition // Congressional Research Service. – 2021. – April 26. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11817> (дата обращения: 22.12.2021).

18 Чад // Take-profit.org. – 2022. – URL: <https://take-profit.org/statistics/countries/chad> (дата обращения: 22.01.2022).

19 Чад - Темпы роста ВВП (r/r) // Trading Economics. – 2022. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/chad/gdp-growth-annual> (дата обращения: 22.01.2022).

20 Chad // The World Factbook. – 2022. – URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/chad> (дата обращения: 21.01.2022).

режим И. Деби в течение всего его многолетнего правления. После смерти лидера-долгожителя, не желая придерживаться конституционных принципов передачи власти, военные во главе с Махаматом Деби организовали государственный переворот и, столкнувшись с повсеместным недовольством и мобилизацией оппозиции, чтобы сохранить в своих руках бразды правления, использовали репрессии и манипулирование, продемонстрировав таким образом преемственность в политике двух режимов.

Африканские реалии свидетельствуют о том, что приход к власти военных, как правило, не ведет к политической стабилизации и к улучшению социально-экономического положения населения. Представляется, что не следует ожидать каких-либо позитивных сдвигов в этих направлениях и от нынешней чадской хунты. Но что не вызывает сомнений – это дальнейшее повышение роли армии в политической жизни Республики Чад.

Список литературы

Африка: политическое развитие и армия. – Москва : ИАФР РАН, 2020. – 380 с.

Виноградова Н.В., Сагоян Л.Ю. Республика Чад. Справочно-монографическое издание. – Москва : ИАФР РАН, 2017. – 192 с.

Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. – Москва : ИАФР РАН, 2016. – 596 с.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. ЦАР: динамика конфликта // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 6. – С. 24–31. – DOI: 10.31857/S032150750005161-9.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Трансформация африканских повстанческих лидеров: из «полевых командиров» в «большую политику» (на приме-

ре Сьерра-Леоне) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Том 13, № 3. – С. 214–231. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12.

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 214–230. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12.

Костелянец С.В. Дарфур: история конфликта. – Москва : ИАФР РАН, 2014. – 388 с.

Костелянец С.В. Конфликт в суданском регионе Дарфур: региональный аспект // Восток (ORIENS). – 2015. – № 1. – С. 76–86. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23022083> (дата обращения: 16.01.2022).

Мамлук Ф.М.М. Ливия и Африка. От чадского конфликта до «арабской весны» // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 8. – С. 38–43.

Страны Тропической Африки: 60 лет политического и экономического развития. – Москва : ИАФР РАН, 2021. – 388 с.

Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. – Москва : Горячая линия – Телеком, 2016а. – 376 с.

Филиппов В.Р. Чад: война всех против всех // Международные конфликты. – 2016b. – № 1. – С. 92–106. – DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.16829.

Abakar M.H. Chronique d'une enquête criminelle nationale: le cas du régime de Hissein Habré, 1982–1990. – Paris : Editions L'Harmattan, 2006. – 184 p.

Assanvo W., Abatan J.E.A., Sawadogo W.A. Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram // West Africa Report. – 2016. – Vol. 19. – P. 1–16. – URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).

Berman E.G., Lombard L.N. *La République Centrafricaine et les armes légères une poudrière régionale*. – Genève : Institut universitaire de hautes études internationales, 2008. – Xxiv + 159 p.

Buijtenhuijs R. *Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad, 1977–1984: la révolution introuvable*. – Leiden, Paris : Afrika-Studiecentrum and Karthala, 1987. – 479 p.

Burr J.M., Collins R.O. *Darfur: The Long Road to Disaster*. – Princeton (NJ) : Markus Wiener Publishers, 2006. – 340 p.

Daly M.W. *Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide*. – New York : Cambridge University Press, 2007. – 336 p.

Debos M. *Living by the Gun in Chad: Combatants, Impunity and State Formation*. – London : Zed Books Ltd., 2016. – 239 p.

Marchal R. *An emerging military power in central Africa? Chad under Idriss Déby* // *Sociétés politiques comparées*, – 2016. – Vol. 40. – P. 2–20. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/80776554.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

Nickels B., Shorey M. *Chad: a precarious counterterrorism partner* // *CTC Sentinel*. – 2015. – Vol. 40, N 4, – P. 7–10. – URL: <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2015/04/CTCSentinel-Vol8Issue44.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

The Military Balance. – Abingdon : Taylor & Francis, 2020. – 536 p.

Wezeman P.D. *Arms flows to the conflict in Chad*. – Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2009. – URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/misc/SIPRIBP0908.pdf> (дата обращения: 11.12.2021).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.13

The Deby Clan and the Role of the Army in Chadian Politics

Tatyana S. DENISOVA

PhD in History, Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Spiridonovka Street,
30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD in Political Science, Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological
and Political Science Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Spiridonovka Street,
30/1, Moscow, Russian Federation, 123001;

Senior Researcher

HSE University, Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2022). The Deby Clan and the Role of the Army in Chadian Politics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 231–249 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.13

Received: 30.01.2022.

Revised: 27.03.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation, grant no. 21-18-00123 “Analysis and modeling of African development in the context of Russia’s foreign policy interests”.

ABSTRACT. For more than 30 years (1990–2021), Chad was ruled by Idriss Deby, one of the most prominent African leaders, who came to power at the head of an armed insurgent group and established a rigidly authoritarian, de facto military regime, but with the elements of electoral democracy expressed in the holding of presidential and parliamentary elections. As in other African countries (Democratic Republic of the Congo, Liberia, South Sudan, Sierra Leone, etc.), where former rebels became heads of states and governments, ministers and parliamen-

tarians, in Chad under I. Deby there was an atmosphere of permanent political instability amid the constant expansion of powers of law enforcement agencies.

Until the late 2000s, Chad was essentially a repressive state with an underdeveloped economy, entirely dependent on financial assistance and military-political support of the West. Its army was split into competing factions and was characterized by a lack of professionalism. The situation began to change in the 2010s owing to an increase in oil revenues, which allowed

to implement a reform of the armed forces. As a result, Chad's army became a powerful military force in Central Africa, the Sahara-Sahel zone, and the Lake Chad basin, where the country played an important role in weakening the Islamist group Boko Haram.

The paper examines the military-political situation in Chad during the rule of Idriss Deby and, after his death in April 2021, the rule of his son and successor Mahamat Deby. The authors establish the continuity of the two regimes in terms of, firstly, the militarization of the socio-political life and, secondly, the methods of resolving the collision between the government and the opposition.

KEY WORDS: Africa, Chad, Idriss Debi, Mahamat Debi, political regimes, armed groups, army.

References

- Abakar M.H. (2006). *Chronique d'une enquête criminelle nationale: le cas du régime de Hissein Habré, 1982–1990*, Paris : Editions L'Harmattan, 184 pp.
- Afrika... (2020). *Africa: Political Development and Army*. Moscow : Institute for African Studies, 380 pp. (in Russian).
- Assanvo W., Abatan J.E.A., Sawadogo W.A. (2016). Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram. *West Africa Report*, vol. 19, pp. 1–16. Available at: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf>, accessed 11.12.2021.
- Berman E.G., Lombard L.N. (2008). *La République Centrafricaine et les armes légères une poudrière régionale*. Genève : Institut universitaire de hautes études internationales, xxiv + 159 p.
- Buijtenhuijs R. (1987). *Le Frolinat et les guerres civiles du Tchad, 1977–1984: la révolution introuvable*. Leiden, Paris : Afrika-Studiecentrum and Karthala, 479 p.
- Burr J.M., Collins R.O. (2006). *Darfur: The Long Road to Disaster*. Princeton, New York : Markus Wiener Publishers, 340 pp.
- Daly M.W. (2007). *Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide*. New York : Cambridge University Press, 336 pp.
- Debos M. (2016). *Living by the Gun in Chad: Combatants, Impunity and State Formation*. London : Zed Books Ltd, 239 pp.
- Denisova T.S. (2016). *Tropical Africa: the Evolution of Political Leadership*. Moscow : Institute for African Studies, 596 pp. (in Russian).
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2019). The Central African Republic: Conflict Dynamics. *Asia and Africa Today*, no. 6, pp. 24–31 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750005161-9.
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2020). Warlords to Politicians: The Transformation of Rebel Leaders in Africa (on the Example of Sierra Leone). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no. 3, pp. 214–231 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-12.
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2021). The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 2, pp. 214–230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12.
- Filippov V.R. (2016a). "Françafrique": the Shadow of The Elysee Palace over the Dark Continent. Moscow : Goryachaya liniya – Telekom, 376 pp. (in Russian).
- Filippov V.R. (2016b). Chad: a war of all against all. *International conflicts*, no. 1, pp. 92–106 (in Russian). DOI: 10.7256/2305-560X.2016.1.16829.
- Kostelyanets S.V. (2014). *Darfur: A History of Conflict*. Moscow : Institute for African Studies, 388 pp. (in Russian).
- Kostelyanets S.V. (2015). The Conflict in Darfur Region: the Regional Dimen-

sion. *Vostok (ORIENS)*, no. 1, pp. 76–86 (in Russian).

Mamluk F.M.M. (2017). Libya and Africa. From Chad's Conflict to "Arab Spring". *Asia and Africa Today*, no. 8, pp. 38–43 (in Russian).

Marchal R. (2016). An emerging military power in central Africa? Chad under Idriss Déby. *Sociétés politiques comparées*, vol. 40, pp. 2–20. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/80776554.pdf>, accessed 10.12.2021.

Nickels B., Shorey M. (2015). Chad: a precarious counterterrorism partner. *CTC Sentinel*, vol. 40, no. 4, pp. 7–10. Available at: <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2015/04/CTCSentinel-Vol8Issue44.pdf>, accessed 11.12.2021.

Strany Tropicheskoi Afriki... (2021). *Countries of Tropical Africa: 60 Years of Political and Economic Development*. Moscow : Institute for African Studies, 388 pp. (in Russian).

The Military Balance (2020). Abingdon : Taylor & Francis, 536 pp.

Vinogradova N.V., Sagoyan L.Yu. (2017). *The Republic of Chad. A Handbook*. Moscow : Institute for African Studies, 192 pp. (in Russian).

Wezeman P.D. (2009). *Arms flows to the conflict in Chad*. Stockholm : Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/misc/SIPRI0908.pdf>, accessed 11.12.2021.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контурь глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 15 № 3 – 2022**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Верстка И.К. Летунова

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 25.08.2022 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,3 Уч.-изд. л. 18,6
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

ISSN 2542-0240

22003>

9 772542 024004

>